Дж. Р. Р. Толкин

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

Третья часть
«Властелина Колец»

John Ronald Reuel
Tolkien

THE RETURN OF THE KING

being the third part of
The Lord Of the Rings

George Allen & Unwin,
London 1954

Джон Рональд Руэл
Толкин

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ

третья часть
Властелина Колец

«Северо-Запад»,
Санкт-Петербург, 1992

ББК 84.4 Вл.
Т52

Перевод с английского
Н. Григорьевой, В. Грушецкого

Толкин, Дж. Р. Р.
Властелин Колец. Третья часть. Возвращение Короля.
Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. – СПб:
«Северо-Запад», 1992, 448с.

ISBN 5–8352–0031–5

ОГЛАВЛЕНИЕ

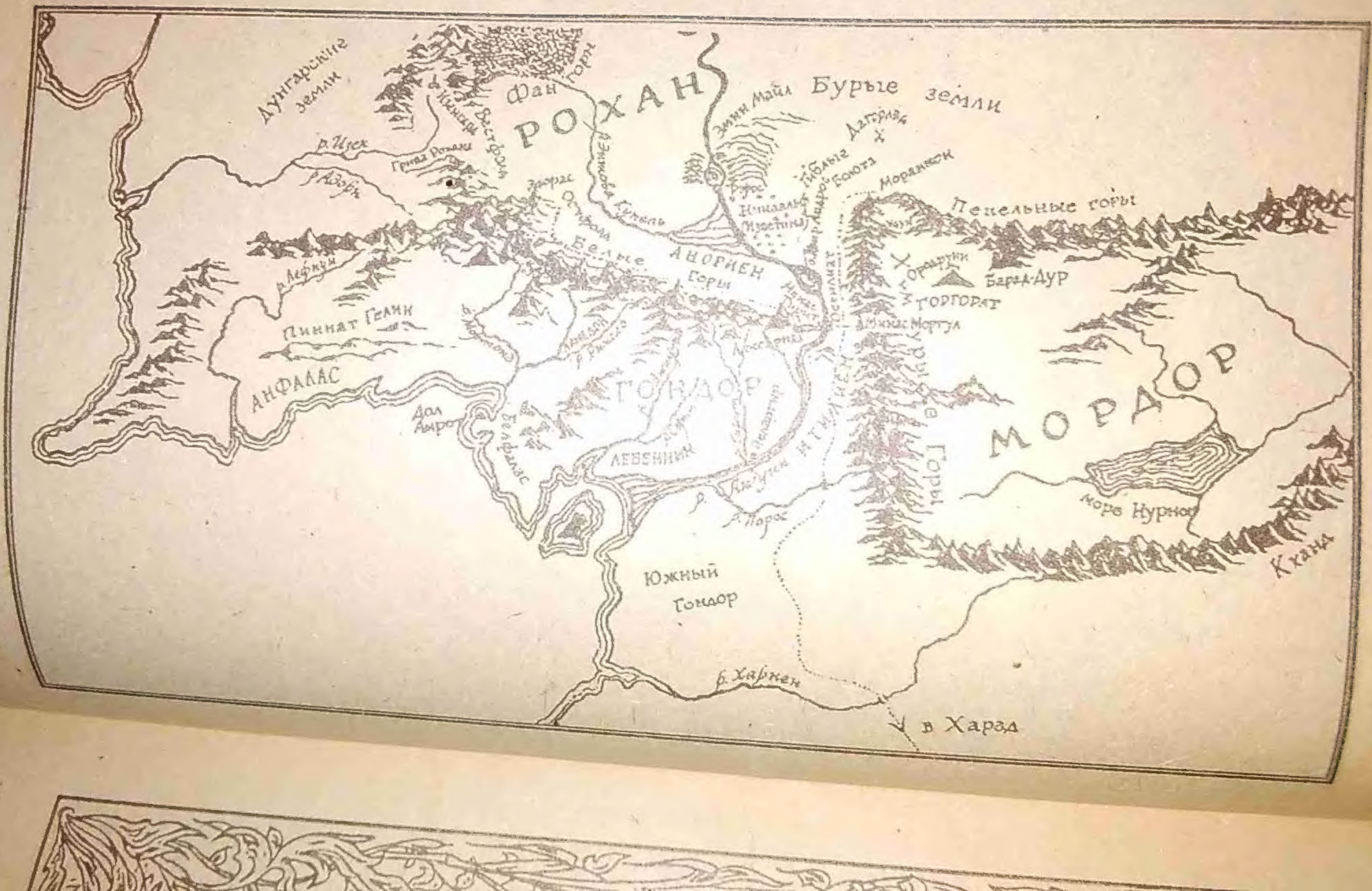
КНИГА V

КНИГА VI

ПРИЛОЖЕНИЯ

Три - эльфийским владыкам в подзвёздный предел
Семь - для гномов, царящих в подгорном просторе
Девять - смертным, чей выверен срок и удел.
И одно - Властелину на чёрном престоле
В Мордоре, где вековечная тьма:
Чтобы всех отыскать, воедино созвать
И единою чёрною волей сковать
В Мордоре, где вековечная тьма

КНИГА V



Дунгарские земли
Фан Горн
РОХАН
Бурые земли
Эмин Майл
Дагорлад
р. Изен
Вестфолд
Белые
Горы
АНОРИЕН
Пепельные горы
Барад-Дур
Горгорат
Пиннат Гелин
АНФАЛАС
Дол Амрот
Белфалас
ГОНДОР
Лебеннин
ИТИЛИЕН
МОРДОР
Горы
море Нурнон
Кханд
р. Порос
Южный Гондор
р. Харнен
в Харад

Глава I

МИНАС ТИРИТ

Пиппин выглянул из-под плаща Гэндальфа. Он никак не мог понять, во сне или наяву свистит в ушах черный ночной ветер, медленно плывет зубчатая тень гор далеко справа, во сне или наяву качается у него над головой звездное небо. Он пытался вспомнить, что с ним и где он, но мысли путались, отдельные картины сменяли друг друга.

Помнится, они мчались без остановок, летели все вперед и вперед, и там, впереди, вставал на рассвете золотистый мягкий блеск и был город, затопленный тишиной, и гулкая пустота большого дворца на холме. Они ворвались под его своды в тот самый

момент, когда вверху пронеслась огромная крылатая тень, и ужас выбелил лица людей вокруг. Пиппин вспомнил, как и его сердце сжала ледяная рука. Но рядом был Гэндальф, и ужас ушел, осталась только усталость. Пиппин спал, но сон был тревожным, в нем ходили и разговаривали незнакомые люди, что-то приказывал Гэндальф. И дальше, без перехода, снова бешеная скачка сквозь ночь. С тех пор, как он заглянул в Палантир, прошло двое, нет, трое суток. Палантир! Это было ужасно! С этим воспоминанием он проснулся окончательно. Вокруг шумел и бормотал все тот же ветер.

Яркий желтый огонь в темном небе заставил Пиппина съежиться от страха. Зачем Гэндальф везет его в к этим опасностям, там, впереди? Он протер глаза. На востоке всходила луна. Значит, они будут опять и скакать, мчаться сквозь ночь бесконечно долго.

– Где мы, Гэндальф?

– На землях Гондора. Это – Анориэн.

Пиппин притих, но тут же прижался к магу.

– Что там? Смотри! Красный огонь! Как драконий глаз. А вон еще один!

Гэндальф только крикнул коню:

– Вперед, Сполох, вперед! Спеши, друг! – и, наклонившись к Пиппину, сказал: – Смотри. Это зовут на помощь огни Гондора. Война началась. Вот огонь на Амон Дине, пламя на Эленахе, и дальше огни, Нардол, Эрелас, Мин Риммон, Каленхад и Халифириен у границ Рохана. Вперед, Сполох!

Но конь вдруг пошел рысью, потом шагом и, подняв голову, заржал. Из темноты послышалось ответное ржание, и мимо них на запад промчалось трое всадников. Пиппин едва разглядел их во тьме. Белый конь подобрался, рванулся вперед, и снова ночь зашумела вокруг ветром.

Сквозь дрему Пиппин слышал, как Гэндальф рассказывает ему о гондорских Правителях, о сигнальных огнях, быстро передающих важные вести через всю страну, о подставках на границах, где всегда ждали гонцов свежие кони.

– Давно уж не загорались северные огни, – говорил маг. – В прежние времена ими почти не пользовались... Семь Палантиров было в то время в Гондоре.

Пиппин, услышав о страшном камне, который и так не шел у него из головы, беспокойно пошевелился.

– Спи, – сказал маг, – спи и не бойся. Мы ведь с тобой едем не в Мордор, как Фродо с Сэмом, а в Минас Тирит. Там сейчас так же безопасно, как у вас в Шире. Пока, – значительно добавил он, – потому что если Кольцо вернется к Врагу, если падет Гондор, то тебя и Шир не спасет.

– Вот уж утешил, – пробормотал Пиппин, засыпая снова. Последнее, что он помнил, был блеск луны на снежных вершинах гор. Он еще успел подумать о том, где сейчас Фродо, жив ли он, добрался ли до Мордора.

Пиппин не знал, что Фродо в Итилиене смотрит на ту же луну, заходящую над Гондором незадолго до рассвета.

Пиппина разбудили голоса.

Прошел еще один день, который хоббит с магом пережидали в укрытии, и еще одна ночь пролетела в скачке. В тумане занимались холодные предрассветные сумерки. Сполох стоял, высоко вскинув голову, от его тела валил пар. Прямо перед собой Пиппин увидел нескольких рослых людей в плащах. Сзади них смутно вырисовывалась полуразрушенная стена. Там стучали молотки, скрипели колеса, скрежетало железо, в полумгле тускло светились факелы. Гэндальф спорил с людьми в плащах, и Пиппин понял, что речь шла о нем.

– Конечно, Митрандир, – говорил один из тех, что стояли рядом, – ты можешь ехать свободно. Мы знаем тебя, и тебе известны пароли для всех семи ворот. Но твоего спутника мы не знаем. Кто он? Гном с северных гор? Чужеземцам закрыт вход в Гондор. Разве что они – могучие воины, чья верность и отвага очень нужны нам сейчас.

– Я поручусь за своего спутника перед Денетором, – отвечал маг. – А что до его доблести, не суди о ней по росту, Ингольд. У него на счету битв и опасностей больше, чем у тебя, хотя ростом он невелик. Мы возвращаемся из сражения под Изенгардом. Он устал. Я не хочу его будить. Зовут его Перегрин, и человек он отважный.

– Человек? – недоверчиво переспросил Ингольд, а остальные засмеялись.

Пиппин окончательно проснулся.

– Вот еще! Человек! Я – хоббит! А отважным бываю, когда деваться уже некуда.

– Ответ достойный, – заметил Ингольд и переспросил: – Хоббит?

– Полурослик, – негромко подсказал маг, – но не тот, о котором говорит пророчество. Это его родич.

– Родич, друг и спутник, – добавил Пиппин. – И если это Минас Тирит, то отважный Боромир, спасший мне жизнь в снегах севера, из вашей [illegible]. Он [illegible] меня и пал...

– Молчи! – прервал [illegible] печальную весть первым должен [illegible]

– Мы догадывались, – [illegible]. – Странные знамения были [illegible] Правитель Минас Тирита обязательно [illegible] принесет ему вести о сыне, будь то челове[illegible]

– Или хоббит, – докончил [illegible]. – Я мало что могу рассказать, но в [illegible] расскажу все, что знаю.

– Поезжайте, – [illegible] посторонились, пропуская [illegible], и твой совет, и твоя помощь, Митрандир. Жаль, что [illegible] приходишь с дурными вестями.

– Это потому, что я пр[illegible] нуждаются в помощи, – ответил Гэнда[illegible] совет. Бросьте стену. Ее поздно чинить. [illegible] а мужество и та надежда, которую я [illegible] не только худые вести. Отложите мастерки и [illegible]

– Мы управимся до вечера, – [illegible] сказал Ингольд. – Стена тоже пригодится. С этой стороны вообще некому нападать. Там – Рохан, – он махнул рукой в степь, – там у нас друзья. Ты не слыхал, что там у них? Помогут они нам?

– Помогут. Но за вашей спиной им пришлось выдержать уже не одну битву. Это дорога, как и все остальные, отныне небезопасна. Будьте бдительны! Если бы не Гэндальф-Буревестник, вместо Всадников Рохана вы могли бы встретить с этой стороны орду врагов. А может, еще и встретите. Удачи вам! Не зевайте здесь!

Они миновали Раммас Эхор. Так люди Гондора называли внешнюю стену, выстроенную с великим трудом после потери Итилиена. Стена тянулась лиг на десять от подножия гор, опоясывая поля Пеленнора и возвращаясь к горам. Прекрасные

плодородные угодья длинными отлогими склонами спускались к долине Андуина. На северо-востоке от Великих Ворот до стены было четыре лиги; там за ней раскинулись приречные равнины. В этом месте стена была особенно высокой и крепкой. Она защищала дорогу от Бродов и Мосты Осгилиата. На юго-востоке между стеной и Городом оставалось пространство меньше лиги шириной. Там Андуин, огибая холмы Эмин Арнен в Южном Итилиене, резко забирал к западу, и стена шла по самому берегу, а ниже лежали набережные и грузовые пристани Харлонда.

По сторонам дороги тянулись богатые предместья с обширными пашнями, садами и печами для сушки хмеля, амбарами и загонами для скота. Среди зелени струились ручьи, спешившие с нагорий к Андуину. Но людей встречалось немного. Основная часть жителей селилась в семи кругах Города, или в Лоссарнахе, у подножия гор, или еще дальше к югу, в Лебеннине, орошаемом пятью быстрыми реками. Там, между горами и морем жил стойкий народ. Они называли себя гондорцами, но в жилах их текла кровь местных низкорослых и смуглых людей, чьи предки жили здесь еще до прихода королей. А дальше, на берегу огромного залива Белфалас, стоял Дол Амрот, замок князя Имрахиля. Этот рыцарь высокого рода правил гордым сероглазым народом гоннов

На восходе Гэндальф со своим спутником приблизились к Минас Тириту. Слева от них лежало море тумана, а справа вздымались вершины огромных гор, обрывавшихся неожиданно, словно во дни творения Река разбила преграду, образовав просторную долину, место множества последующих битв. Как и обещал Гэндальф, там, где кончались Белые Горы, Пиппин увидел темную громаду Миндоллуина, глубокие пурпурные тени высоких ущелий и вершину, белеющую в свете занимающегося дня. На выдвинутом вперед плече горы стоял Город, окруженный семью каменными стенами, крепкими и древними, словно вырезанными великаном из костей земли.

Пиппин вскрикнул от восторга, когда на его глазах стены крепости окрасились розовым в свете зари, а Белая Башня засверкала серебром под первыми лучами солнца. Белоснежные знамена развевались на стенах, высоко и чисто пели трубы. Железные ворота откатились перед ними. Люди вокруг закричали:

– Митрандир! Смотрите, это Митрандир! Видно, гроза близко!

– Да, она приближается, – ответил Гэндальф. – Меня принесли ее крылья. У нас дело к Денетору, покуда он еще Правитель Гондора. Что бы ни произошло дальше, стране уже не бывать прежней, – проворчал он себе под нос. – Пропустите меня!

Люди расступились, дивясь на коня и на спутника мага. Коней в Городе видели редко, но все признали в благородном животном посланца Рохана, и это наполнило надеждой многие сердца.

Сполох звонко ступал по каменным мостовым, поднимаясь из одного яруса Города в другой. Они шли ступенями к вершине горы, каждый ярус был обнесен стеной. Великие Ворота располагались в восточной части стены, следующие были на половину круга повернуты к югу, третьи – на половину круга к северу, и так попеременно и выше, к центру Города. Мостовая, ведущая к Цитадели, часто поворачивала, и каждый раз, пересекая ось Города, уходила в арочный туннель в скале, делившей надвое все круги города, кроме первого. Древние строители искусно воспользовались творением природы, оставив за Воротами часть скалы, образовавшей бастион, словно форштевень корабля, устремленный на восток. Он вздымался до самого верхнего круга Города, неся на себе могучую Цитадель, расположенную в семистах футах выше Первых Ворот. Вход в Цитадель также смотрел на восток. Он был врезан в коренную скалу и соединен Седьмыми Воротами. По освещенному туннелю идущий попадал в Верхнее Подворье, к Фонтану у подножия Белой Башни. Высота ее составляла не менее пятидесяти фатомов, а на вершине, в тысяче футов над равниной, развевалось Знамя Правителей.

Мощь Цитадели делала ее неприступной до тех пор, пока внутри оставалось хотя бы несколько воинов. Напасть на Цитадель можно было лишь со Сторожевого Холма, но отрог, на котором был выстроен пост, перегораживали крепостные валы. Здесь, между Городом и Башней, располагались усыпальницы Королей и Правителей.

Пиппин не мог опомниться от изумления и восторга при виде этого могучего, великолепного каменного города. Величием, мощью и красотой он превосходил Изенгард. Но всюду

встречал глаз и признаки упадка: двери домов были заперты, окна пусты, улицы немы.

В седьмом ярусе солнце, освещавшее в это же время дорогу Фродо на прогалинах Итилиена, озарило гладкие стены, резные колонны и большую арку ворот. Коням вход в Цитадель был запрещен, и Гэндальф спешился. Сполох с тревогой переступил копытами, но маг шепнул ему что-то, и он позволил увести себя.

Воины, охранявшие вход в Цитадель, были одеты в черное. На груди у них сияло вышитое серебром цветущее дерево под серебряным венцом и многолучевыми звездами, на головах – высокие шлемы с крыльями морской чайки по бокам. Шлемы пламенели серебром, ибо были сработаны из *мифрила* – малая часть былой славы, уцелевшая в веках.

Стражи молча пропустили Гэндальфа. За аркой был двор, вымощенный белым камнем, и фонтан, искрящийся на солнце веселыми бликами. Вокруг росла яркая зеленая трава, но рядом, склонившись над чашей фонтана, стояло мертвое, засохшее дерево, и капли воды стекали с его голых ветвей, как слезы.

Пиппин хотел было удивиться, но вспомнил, как однажды Гэндальф пел о семи звездах и белом дереве. Он открыл рот, чтобы спросить мага, но они уже вступили под своды высокого зала, и Гэндальф заговорил сам.

– Поосторожнее в словах, добрый Перегрин. Здесь не Шир, и хоббитское нахальство некстати. Теоден был добр и кроток, но совсем не таков Денетор. Он человек гордый и проницательный и гораздо более сильный и властный, чем Теоден, хотя он и не король, а только Правитель. Говорить он будет в основном с тобой. Он любил Боромира, может быть, даже слишком, но сын не был похож на отца. Денетор Безутешный наверняка попробует вытянуть из тебя то, чего не надеется узнать от меня. Не болтай лишнего, не называй даже имени Фродо, не упоминай о его задаче. Когда придет время, я сам скажу об этом. И еще, – маг помедлил, – об Арагорне тоже лучше бы помолчать... пока.

– Но почему? Разве с Колобродом что-нибудь не так? – испуганно спросил Пиппин. – Он ведь сам хотел идти в Гондор. Он же должен скоро прийти... или нет?

– Все может быть, – озабоченно ответил Гэндальф. – Но Арагорна здесь не ждут. Его приход будет неожиданностью

и для Денетора. И так, мне кажется, будет лучше. Я, во всяком случае, не собираюсь никого предупреждать о его приходе.

Они уже подошли к высокой двери из полированного металла. Гэндальф остановился.

– Сейчас не время заниматься историей Гондора, хотя лучше бы тебе ее знать. Послушай меня и сделай, как я говорю. Не очень-то мудро сообщать могучему Правителю о смерти наследника и одновременно о прибытии претендента на трон. Это ты, надеюсь, понимаешь?

– Как претендента? – ошеломленно переспросил Пиппин.

– Именно так, – ответил маг. – [illegible] ты топал столько дней, заткнув уши и не [illegible] голову, очнись хоть сейчас! – И он постучал [illegible] сейчас же распахнулась.

Они вошли в зал [illegible] опирались на огромных колоннах черного [illegible] колонн украшали изваяния неведомых животных, ветвей и листьев, по потолку шла цветная роспись по зел[illegible]. Ни гобеленов, ни занавесей, ни дерева не было в этом длинном торжественном зале. Между двумя рядами колонн застыли мраморные фигуры. Пиппин вздрогнул, заметив в [illegible] их лиц сходство с Каменными Стражами на Андуине.

В дальнем конце зала, на [illegible] возвышении стоял пустой мраморный трон, [illegible] него на стене мерцало драгоценными камнями изображение цветущего дерева.

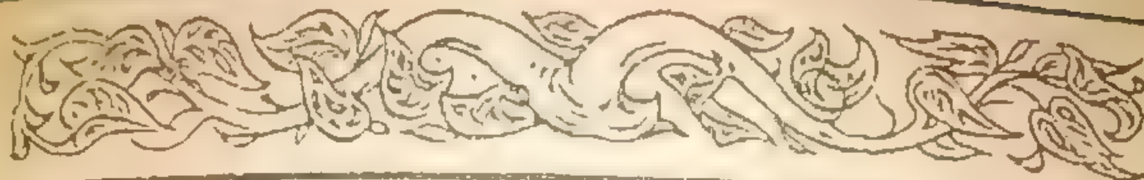
У подножия трона на широкой ступени в простом кресле из черного камня сидел старик с коротким белым жезлом в руках. Он не поднял головы на вошедших, продолжая рассматривать что-то у себя на коленях.

Гэндальф остановился в трех шагах от кресла.

– Приветствую Денетора, сына Эктелиона! – звучно сказал он. – В этот мрачный час я пришел с вестями и советом.

Старик поднял голову. Пиппин ждал в нем сходства с Боромиром, но резкие и гордые черты лица Правителя, глубокие, темные глаза напомнили ему Колоброда.

– Да, ты прав, час мрачен, – медленно произнес Денетор, – но мы привыкли видеть Митрандира именно в такие часы. – Он надолго замолчал. – Знаки предвещают близкую гибель Гондора. Горько думать о том, что впереди, но еще горше уже случившееся. Мне сказали, что с тобой придет тот, кто видел гибель моего сына. Это он?



– Да, – ответил маг. – Их было двое. Его товарищ остался с Теоденом Роханским и прибудет позже. Они оба – полурослики, но предсказание говорит не о них.

– Полурослики, – мрачно повторил Денетор. – Это они внесли смуту в наши дела, из-за них погиб мой сын. О, Боромир! – простонал он. – Как ты нужен сейчас! Почему тебе выпал этот жребий, почему не брату твоему?

– Скорбь лишает тебя справедливости, Правитель, – сурово заметил Гэндальф. – Боромир сам выбрал свой жребий и не уступил его никому. Он был сильным человеком и умел настоять на своем. Я хорошо [illegible] за долгий путь, пройденный вместе. Но скажи [illegible] в Минас Тирите известно о его гибели? Кто [illegible]

– Я получил вот это [illegible]тор. Гэндальф и Пиппин увидели на колен[illegible] половины разрубленного большого рога [illegible] серебром.

– Рог Боромира! – не удер[illegible]кнул Пиппин.

– Да, – ответил Денетор. – [illegible] им владел я, а еще раньше – каждый старший [illegible] с самых дальних времен, еще при Королях [illegible], отец Мардила, охотился на диких быков [illegible] Руна. Тринадцать дней назад я слышал звук [illegible] севера. Он никогда не зазвучит снова, но Река [illegible] обломки. – Он помолчал. Его темные глаза остановились на лице Пиппина. – Что скажет об этом полурослик[illegible]

– Тринадцать дней... – подумал вслух Пиппин. – Да, пожалуй, так оно и есть. Да, я помню: Боромир затрубил в рог, но помощь не пришла, только орки...

– Значит, ты в самом деле был там? – Глаза Денетора так и впились в Пиппина. – Ну, говори! Почему не пришла помощь? Почему ты жив, а могучий воин пал, хотя против него были только орки?

Пиппин вспыхнул.

– И для самого могучего довольно бывает одной стрелы, а Боромиру досталась туча. – Он рассказал о схватке с орками и гибели Боромира. – Я не забуду его, – закончил он. – Боромир был доблестным воином и погиб, спасая нас от прислужников Врага. Мертвый – он так же дорог мне, как был дорог живой.

Взволнованный воспоминанием, забыв страх и осторожность, молодой хоббит обнажил меч и положил его к ногам Денетора.

– Не равная это замена, повелитель, – сказал он, – но я отдаю вам свою жизнь и тем немного хочу уплатить долг отважному Боромиру.

Слабая улыбка, похожая на луч холодного солнца в зимний день, озарила лицо старика. Он наклонил голову и, отложив в сторону обломки рога, протянул руку.

– Дай мне оружие, – сказал он.

Пиппин поднял меч и протянул рукоятью вперед.

– Откуда он у тебя? – с легким удивлением проговорил Денетор. – Похоже, этот клинок выкован нашим народом на Севере в далеком прошлом?

– Он из курганов возле границ моей страны, – сказал Пиппин. – Там теперь водится только Нежить... Мне бы не хотелось сейчас говорить об этом, – помолчав, добавил он.

– Вижу, странные истории окружают тебя, – молвил Денетор. – Это лишний раз доказывает, как легко обмануться с первого взгляда в человеке или в полурослике. Я принимаю твою службу. Тебя не смутить словами, и сам ты горазд говорить, хоть и непривычна твоя речь для нас, южан. Ну, готовься к присяге!

– Положи руку на меч, – подсказал Гэндальф, – и повторяй за Правителем, если решился.

– Я готов, – сказал Пиппин и начал медленно повторять за Денетором: – «Здесь и сейчас приношу я клятву верности и служения Гондору и Правителю – Наместнику королевства. Обещаю говорить и молчать, делать и способствовать, идти и стоять непреклонно в нужде или изобилии, в мире или в войне, в жизни или в смерти – только на благо Гондора! Отныне освободить меня от клятвы может лишь мой Правитель, смерть или конец мира. Так говорю я, полурослик Перегрин, сын Паладина из Шира».

– А я, Денетор, сын Эктелиона, Правитель Гондора, Наместник Высокого Короля, слышу и принимаю твою клятву, не забуду ее и не откажусь вознаградить верность – любовью, доблесть – честью, а измену – мщением!

Пиппин получил назад свой меч и убрал его в ножны.

– Вот тебе мое первое повеление, – сказал Денетор, снова садясь в кресло. – Расскажи мне все, что сумеешь вспомнить о моем сыне. Садись и говори.

Ударив жезлом о серебряный круг возле кресла, он приказал подать гостям сиденья.

– У меня только час времени, – сказал он, обращаясь к магу, – но, может быть, вечером мы увидимся снова.

– А может, и того раньше, – ответил Гэндальф. – Не затем я мчался сюда, как ветер, за сто пятьдесят лиг из самого Изенгарда, чтобы доставить нового воина, как бы учтив и отважен он ни был. Разве тебе [illegible], Денетор, что Теоден одержал большую победу, Изенгард разрушен, а Саруман лишился своего магического жезла?

– Нет, не все равно, Митрандир. [illegible] известно об этом достаточно. – Он [illegible] взор, и Пиппин на миг почувствовал словно [illegible] напряженно натянувшуюся между ними.

Денетор был куда больше по[illegible] на великого мага, чем Гэндальф. – Правитель казался вели[illegible]еннее, могущественнее и старше. Но не зрением, а [illegible]го другим чувством Пиппин постиг, что сила Гэнда[illegible] выше, а мудрость глубже и только величие его скрыто. На самом деле маг был старше Правителя, гораздо старше. «Насколь[illegible]» – задумался Пиппин и подивился тому, что ра[illegible] не думал. Древобород говорил что [illegible] когда Пиппин не связал это с Гэндальфом. Кто [illegible] Гэндальф? Из какого отдаленного времени, откуда [illegible] он в мир и когда должен покинуть его? Но непрошенные мысли не удержались в голове, хоббит поднял глаза и увидел, что Денетор и Гэндальф все еще меряются взглядами, словно стремясь прочесть мысли друг друга. Денетор первым отвел глаза.

– Да... – неопределенно произнес он, – говорят, что Палантиров больше нет. Но Правители Гондора видят и знают больше многих.

Слуги принесли сиденья, столик, вино в серебряном кувшине, кубки, печенье. Пиппин чувствовал себя очень неуютно; ему показалось, что, говоря о Камнях, Денетор быстро и странно посмотрел на него.

– Что ж, повелеваю тебе начать рассказ, – сказал Правитель не то ласково, не то насмешливо. – Я воистину рад выслушать друга моего сына.

Они говорили ровно час, и Пиппин никогда потом не мог забыть ни пронзительного взгляда Правителя Гондора, ни его

внезапных ошеломляющих вопросов, ни внимательного, осторожного Гэндальфа рядом. Когда час кончился и Денетор снова ударил в серебряный гонг, Пиппин совсем обессилел. «Наконец-то подумал он, – теперь бы я позавтракал за троих».

– Проводите почтенного Митрандира в его покои, – распорядился Денетор. – Пусть наш новый воин живет пока вместе с ним. Имя – Перегрин, сын Паладина. Доверить пароли малого круга. Передать военачальникам, пусть ждут меня здесь в три часа. И ты, Митрандир, приходи тоже, когда тебе угодно. Тебя никто не остановит, разве что в урочные часы моего сна. Не надо сердиться на старика. К старости ум слабеет.

– Ну, нет, благородный Денетор, – ответил маг. – Разум покинет это тело только вместе с жизнью. Я ведь понял, почему ты расспрашивал того, кто знает меньше всех, когда я здесь.

– Тем лучше, – слабо усмехнулся Денетор. – Глупо отказываться от совета и помощи [illegible], но у тебя свои цели, и я их не знаю. А Правитель Гондора никогда не станет орудием в чужих руках. В нынешнем мире у Правителя лишь одна цель – благо Гондора. Дела Гондора – мои дела и больше ничьи, во всяком случае, до тех пор, пока Король не вернется.

– Пока Король не вернется? – задумчиво повторил за ним Гэндальф. – Ладно, благородный Правитель, храни страну, покуда не настанет этот невероятный миг. В этом я помогу тебе всеми силами. И вот что я скажу еще, Денетор. Я никого не стану делать своим орудием ни в Гондоре, ни в какой другой стране, будь она велика или мала. Но когда возникает угроза всему светлому, что есть в этом мире, – это мое дело. И если хоть что-нибудь переживет надвигающийся мрак и сможет цвести и приносить плоды – это будет моя победа, даже если Гондор падет. Ты носишь имя Хранителя Цитадели, но разве ты забыл, что я тоже Хранитель?

Всю дорогу из дворца Гэндальф молчал и ни разу не взглянул на Пиппина. Провожатый привел их к дому у северной стены Цитадели. Там для них была приготовлена большая, светлая комната с окнами на Реку. Тяжелые, поблескивающие золотым шитьем портьеры были раздвинуты. Из обстановки в комнате оказались лишь стол, пара стульев и скамья; в больших стенных нишах пологи скрывали альковы с солидными, пожалуй, немножко слишком широкими по-

стелями. На скамье ожидали кувшины и тазы для умывания. Пиппину пришлось взобраться на стул, чтобы посмотреть в одно из трех высоких узких окон.

– Ты не сердишься на меня? – спросил он мага, как только провожатый вышел и прикрыл за собой дверь. – Я сделал все, что мог...

– Это точно! – неожиданно расхохотался Гэндальф.

Он подошел к Пиппину, положил руку ему на плечо и выглянул в окно. Пиппин, воспользовавшись случаем, взглянул ему в лицо. Сначала он заметил лишь морщины, но, приглядевшись, понял, что маг действительно весел, дай ему волю – рассмешит все королевство.

– Конечно, ты сделал все, что мог, – повторил Гэндальф. – Надеюсь, не скоро тебя опять будут [illegible] в угол два грозных старца. И все-таки Денетор узнал больше, чем ты думаешь. От него не укрылось, что предводителем отряда после Мории был не Боромир, а кто-то более именитый родом и этот кто-то со своим прославленным мечом намеревается прийти в Минас Тирит. Люди Гондора часто обращаются к преданиям прежних дней. Вот и Правителя после отъезда Боромира не оставляли мысли о Проклятии Исилдура и [illegible] предсказании.

Денетор не похож на других, Пиппин. Какова бы ни была его родословная, в нем говорит чистая кровь нуменорцев. В нем и в Фарамире, его втором сыне, но не в первом, которого он любил больше.

Денетор прозорлив. Воля и мудрость позволяют ему читать в мыслях людей даже на расстоянии. Обмануть его трудно, а пытаться сделать это опасно. Для тебя полезно помнить об этом – ведь ты принес ему клятву. Уж не знаю, что тебя надоумило, но сделано было от души и, по-моему, тронуло Денетора и, кажется, позабавило. Я не вмешивался, ибо великодушные порывы не нуждаются в холодных советах. Во всяком случае, теперь после дежурств ты свободно можешь разгуливать по всему Минас Тириту. Но отныне ты всецело подчиняешься Правителю, и он об этом не забудет. Так что держи ухо востро!

Гэндальф помолчал и вздохнул.

– Ладно. Не стоит пытаться узнать будущее. Теперь каждое новое «завтра» будет хуже «сегодня». И от меня помощи больше не жди. Фигуры расставлены, игра идет. Я только

одной фигуры не вижу пока – Фарамира. Он теперь наследник Денетора. Кажется, его нет в Городе, а Денетор совсем не оставил мне времени. Я должен идти, Перегрин. Постараюсь узнать что-нибудь на совете у Правителя. Враг не сидит сложа руки, он вот-вот откроет свою игру. И тогда пешкам достанется не меньше, чем прочим, Перегрин, сын Паладина, воин Гондора. Точи меч!

У двери Гэндальф обернулся

– Я действительно тороплюсь, Пиппин. Не откажи в любезности, сходи, поищи Сполоха, узнай, как его устроили. Здешний народ хорошо относится к животным, но о конях, боюсь, знает маловато.

Не успела закрыться за ним дверь, как на башне колокол отбил три удара – третий час после восхода солнца, время совета.

Посидев немного в одиночестве, Пиппин вышел на улицу. Солнце стояло невысоко. Дома и башни бросали длинные, резкие тени. В синеве неба сверкал белый шлем и снежный плащ Миндоллуина. Несмотря на ранний час, на улицах было много вооруженных людей.

– Десять часов по-нашему, – сказал Пиппин себе под нос. – Самое бы время позавтракать, да на травке, да весной!.. Эх, где уж тут травка! Но все-таки интересно: вот эти воины, например, уже завтракали? А если завтракали, то когда и где собираются обедать?

В этот момент прямо к нему подошел воин в черном облачении с серебряным шитьем на груди.

– Ты – Перегрин, полурослик, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал он и протянул руку – Ты на службе у нашего Правителя, и мне велено помочь тебе освоиться здесь. Я – Берегонд, сын Баранора. Рад служить тебе. Мы никогда раньше не встречали полуросликов, а в легендах о вас почти ничего не говорится. А ведь ты еще и друг Митрандира. Это вдвойне интересно. Ты давно его знаешь?

– Ну, – протянул Пиппин, – можно сказать, всю жизнь, а потом, мы с ним долго путешествовали. Но Гэндальф – это целая книга, а я в ней и видел-то всего пару страниц. Вот Арагорн из нашего отряда знал его по-настоящему.

– Арагорн? – переспросил Берегонд. – А кто он?

Пиппин замялся.

– Человек, который шел с нами. Сейчас он, по-моему, в Рохане.

– О, ты и в Рохане был? Расскажи, а? Мы ведь только на рохирримов и надеемся. Ох! – воскликнул он. – Я забыл о своем поручении. Ведь это я должен отвечать на твои вопросы, а сам... Что ты хотел узнать прежде всего?

Пиппин заколебался.

– Э-э... если можно, у меня один вопрос насчет завтрака... Ну, о времени трапезы то есть. И где трапезная, если она есть, конечно. Или харчевня? Я [illegible] ни одной здесь не видел, пока мы ехали, и [illegible] на глоточек эля, как только доберусь [illegible]

Берегонд поглядел на него [illegible]

– Бывалого воина [illegible]. – И у нас воины, которые ходят в [illegible] о еде и питье беспокоятся. Сам-то я, [illegible] – добавил он смущенно. – Так ты ничего не ел се[illegible]дня?

– Честно говоря, [illegible] Пиппин. – Правитель угощал нас [illegible] зато целый час изводил вопросами [illegible] нелегкое!

Берегонд рассмеялся.

– У нас говорят, и [illegible] за столом может творить большие дела. А [illegible] к воздержанию не больше любого воина Цит[illegible] – крепость и Башня Стражи, а город на военном [illegible]. Трапезы по этому случаю редки.

Пиппин сник, но Берегонд утешил его, сказав, что за тяжелую работу положено усиленное питание и в кладовой можно что-нибудь раздобыть.

– Пойдем! – позвал он. – Здесь недалеко, а потом выйдем на стену, там можно закусывать и любоваться чудесным утром.

– Подожди! – вдруг покраснел Пиппин. – Разговоры про еду совсем отшибли мне память. Ведь Гэндальф, Митрандир по-вашему, попросил меня приглядеть за его Сполохом – это великий роханский конь. Сам ихний король берег его как сокровище, хоть и отдал в услужение Митрандиру. По-моему, новый хозяин любит его даже больше людей, и если Митрандира уважают в этом Городе, Сполоху тоже положен почет и всяческое внимание, уж не меньше, чем достается хоббиту

– Хоббиту? – переспросил Берегонд.

– Это мы так себя называем, – пояснил Пиппин.

– Рад слышать, – поклонился Берегонд. – Должен сказать, странный акцент не портит учтивой речи, а хоббиты – народ учтивый. Пойдем. Ты познакомишь меня с этим добрым конем. Я люблю животных, но мы редко видим их в своем каменном Городе. Мой род жил раньше в горных долинах, а до этого – в Итилиене. Заглянем в конюшню, а уж оттуда – в кладовые. Не унывай, не велика задержка!

Пиппин нашел коня хорошо устроенным и обихоженным. В шестом ярусе за стенами Цитадели, по соседству с домами гонцов Правителя, располагались стойла. Но сейчас, кроме Сполоха, там не было ни одного коня.

Когда они вошли, Сполох заржал и потянулся мордой к Пиппину.

– Доброе утро! – приветствовал его хоббит. – Гэндальф придет, как только освободится, и шлет тебе привет, а я должен приглядеть, чтобы у тебя все было в порядке и ты мог спокойно отдохнуть после трудов.

Сполох вскинул голову и стукнул копытом, но все-таки позволил Берегонду легонько погладить себя по холке.

– Хоть сейчас на скачки! – восхищенно произнес Берегонд. – По нему не скажешь, что путь был труден. Вот это сила! А где же сбруя? Богатая небось...

– Упряжи под стать не сумели найти, – объяснил Пиппин. – Он так обходится. Если согласится нести тебя, донесет и без сбруи, а нет, так ни шпоры, ни кнут, ни уздечка не помогут. До свиданья, Сполох, потерпи немного. Гэндальф мне меч точить велел. Битва скоро.

Сполох поднял голову и заржал так, что стойло затряслось. На этом они и расстались, убедившись, что овса в яслях достаточно.

– А теперь поспешим к нашей кормушке, – предложил Берегонд, и они по длинной прохладной лестнице спустились в широко освещенный коридор.

В стенах по обе стороны тянулись запертые двери, но одна была открыта.

– Вот кладовая для моего отряда Стражи, – сказал Берегонд и крикнул в дверь: – Привет тебе, Таргон! Знаю, еще не время, но со мной новый воин. Он только прибыл и принят

Правителем на службу. Ему пришлось немало проскакать, затянув пояс, а с утра еще и потрудиться. Он проголодался. Дай нам что-нибудь!

Им достались хлеб, масло, сыр и яблоки, последние из зимних запасов, сморщенные, но еще сочные и сладкие, и кожаная бутыль свежего эля, и пара д[illegible]ванных тарелок с парой кубков, и корзина [illegible] впридачу. С ней они и выбрались на солнышко.

Берегонд привел Пиппина к [illegible] [illegible]точного бастиона. Отсюда открывался прекрас[illegible] [illegible]тренний мир.

Они ели, пили, разговаривали [illegible] Гондоре и его обычаях, то о Шире и странных [illegible], [illegible] повидал Пиппин. Изумление Берегонда все [illegible] и дело бросал на хоббита восхищенные [illegible] [illegible]дя на каменной скамье, беспечно болтая [illegible] времени приподнимался на цыпочки, заглядывая через парапет.

– Не стану скрывать [illegible] – сказал наконец гондорский воин, – ты [illegible], парнишка лет десяти, и, однако, на т[illegible] опасности и чудеса, о которых вряд ли слыхали [illegible] ветераны. Я-то думал, наш Правитель из прихоти [illegible] благородного пажа, но теперь вижу, что это не [illegible], и прошу прощения за глупость!

– Прощаю! – махнул рукой Пиппин. – Ты ведь недалек от истины. По нашему счету, я чуть старше мальчишки, и до «вхождения в возраст», как говорят у нас в Шире, мне еще четыре года. Ладно, хватит обо мне. Расскажи-ка, что это за земли перед нами?

Солнце поднялось уже высоко, и туманы в долине растаяли. Крепнущий восточный ветер нес белые клочковатые облака, хлопал флагами и знаменами на Цитадели. На краю долины, лигах в пяти, виднелась Великая Река – серая, мерцающая лента, теряющаяся на юго-западе, а дальше, лигах в пятидесяти, лежало Море.

Весь Пеленнор открылся глазам Пиппина. Вдали виднелись пятнышки усадеб, хлева, амбары, но нигде – ни коровы, ни другой живности. Дороги и тропинки во множестве пересекали зеленые поля, и они не пустовали. Одни повозки въезжали в Великие Ворота, другие выезжали им навстречу. То и дело появлялись всадники. Но самой оживленной была

главная дорога, которая, сворачивая к югу, огибала отроги гор. Вдоль широкой мощеной мостовой по восточному краю тянулась полоса для верховых, там было попросторнее, а по самой мостовой ползла сплошная масса груженых повозок. Но, приглядевшись, Пиппин понял, что на дороге царит строгий порядок. Подводы двигались тремя потоками: первый – быстрые конные повозки, второй, помедленнее, составляли огромные, запряженные быками телеги, нагруженные пестрым скарбом, а по западному краю дороги шли люди, катившие перед собой ручные тележки.

– Эта дорога ведет к долинам Тумладена и Лоссарнаха, а потом, через горные деревни, в Лебеннин, – сказал Берегонд. – Беженцы. Уходят последние – старики и женщины с малыми детьми. До полудня все они должны отойти от Города не меньше, чем на лигу. Таков приказ. Печальная необходимость, – он вздохнул. – Немногие из них вновь свидятся с родными. В Городе и всегда-то было мало детей, а теперь почти совсем нет. Только ребята постарше, которые сами не захотели уехать. Они могут понадобиться здесь. Мой сын тоже остался.

Пиппин с тревогой посмотрел на восток.

– Что это там? Еще один город?

– Это руины Осгилиата. Когда-то это была наша столица. Враг сжег его, потом Врага выбили, восстановили мосты, а потом из Минас Моргула появились Черные Всадники...

– Черные Всадники? – переспросил Пиппин, и глаза его заполонил пережитый страх.

– Похоже, ты о них знаешь? – спросил Берегонд.

– Да. Только говорить не хочу так близко от... – Он запнулся, взглянув за Реку. Ему показалось, что над равниной нависла призрачная угрожающая тень. Может, это зубчатые пики гор темнели вдали, может, всего лишь стена облаков, но за ними чувствовался глубокий мрак. Хоббиту почудилось, что тень растет и сгущается, медленно, очень медленно, но все-таки поднимаясь и закрывая ясные земли.

– Близко от Мордора? – закончил за него Берегонд. – Да, это он. У нас тоже не любят произносить это название, но его тень давно нависла над нами. Иногда она слабее и дальше, иногда – гуще и ближе. Сейчас она растет, растут и наши тревоги. Меньше года назад Черные Всадники отбили переправы. Там полегло много наших лучших воинов. Боромир

в конце концов выбил врагов с западного берега, и мы пока еще удерживаем половину Осгилиата. Боюсь, ненадолго. Похоже, там скоро начнется еще одна битва, может, самая главная в грядущей войне.

– А когда, как ты думаешь? – спросил Пиппин. – Я прошлой ночью видел гонцов и сигнальные огни, Гэндальф сказал – это знак, что война началась. Он [illegible]. А сейчас все словно опять затихло.

– Просто все наготове, – [illegible] – Знаешь, бывает затишье перед бурей...

– А почему тогда огни [illegible] ночью?

– Слишком поздно [illegible], когда ты уже в осаде. Я, конечно, не [illegible] Денетор и его советники. Вести [illegible] Правитель Денетор прозорлив [illegible] высоком покое Башни, он силой мысли [illegible], временами он даже мысленно [illegible] он и состарился до времени. Сейчас [illegible] начальника, Фарамира. Он ушел за [illegible] чением.

А вчера вечером [illegible] из Лебеннина. К устью Андуина идет флот [illegible]. Они долго не решались испытать [illegible] заключили союз с Врагом и готовы [illegible] нападение отвлечет тех, на чью помощь мы [illegible] в Лебеннине и в Белфаласе, так что нам [illegible] надежда из Рохан. Хорошо, что ты принес новость об их победе.

И все же, – он помолчал, – события в Изенгарде – только предвестье; мы опутаны хитростью Врага. Потасовки у Бродов, вылазки в Итилиене и в Анориене – пустяки. Началась настоящая, давно задуманная война, и мы в ней – не самая главная цель, как до сих пор казалось гордому Гондору. На востоке, за внутренним морем, началось движение, и на севере, в Сумеречье, и на юге, в Хараде. Теперь все страны ждет испытание – устоят они или падут... под Тень.

Но все-таки, мастер Перегрин, нам выпала честь вызвать главную ненависть Темного Властелина, ибо ненависть эта идет из глубины времен. Сюда будет направлен самый тяжелый удар. Потому и Митрандир примчался сюда в такой спешке. Если падем мы, кто устоит? Скажи, благородный Перегрин, ты веришь, что мы выстоим? – неожиданно спросил Берегонд.

Пиппин не ответил. Он поглядел на огромные стены, на башни и знамена, на солнце высоко в небе, а потом – на сгущающуюся на востоке тьму и подумал о том, какие длинные руки у этой Тени, подумал об орках в лесах и горах, о предательстве Изенгарда, о птицах с недобрым взглядом, и о Черных Всадниках на тропинках Шира, и о крылатом ужасе – о назгулах. Это последняя мысль погасила надежду. И тотчас солнце на миг померкло, словно его закрыло темное крыло. Почти на пределе слуха с небесной вышины донесся крик: слабый, но леденящий сердце, жестокий и холодный. Пиппин, мгновенно побледнев, прижался к стене.

– Что это? – тревожно спросил Берегонд.

– Это гибель, – дрожа, ответил Пиппин. – Это – тень рока. Боюсь, что Минас Тирит [illegible]. И вдруг заледенел весь.

Но с высоты уже [illegible] солнце, и постепенно они успокоились.

– Рано отчаиваться [illegible] Пиппин. – Гэндальф вон тоже погиб, но вернулся [illegible] и мы устоим, хоть на одной ноге.

– Верно сказано! – Берегонд вскочил и заходил взад-вперед. – Гондор так сразу не возьмешь. Пусть стены захватят, так есть другие, есть и еще крепости и тайные тропы, что ведут в горы. Надежда и память все равно будут жить в какой-нибудь неприметной долине с зеленой травой.

– По мне, чем бы оно ни кончилось, лишь бы побыстрее, – сказал Пиппин. – Я совсем не воин и не люблю даже думать о битвах, но сидеть и ждать, когда от тебя ничего не зависит – хуже всего! Какой сегодня долгий день! Это затишье мучает меня. Невыносимо стоять и ждать. Я думаю, если бы не Гэндальф, в Рохане до сих пор все еще выжидали бы.

– Ты верно заметил, – сказал Берегонд. – Это многие чувствуют. Но подожди, вот вернется Фарамир, и все пойдет по-другому. Он храбрый, куда отважнее, чем думают многие. Просто теперь люди почему-то не верят, что вождь может одновременно и разбираться в свитках знания, и понимать в музыке, как он, а при этом быть еще и отважным, решительным воином. Но Фарамир именно таков. Не столь безрассудный, как Боромир, но и не менее решительный. Хотя, – засомневался Берегонд, – что же сделает Фарамир? У нас нет сил ударить первыми. Мы можем только ответить

ударом на удар. Но наш удар будет тяжелым! – Он воинственно стукнул мечом.

Пиппин поглядел на него: высокий, благородный, как все люди, встреченные им в этой стране, а теперь, при мысли о сражении, глаза гондорца сверкнули

«А мои руки слабее слабого, – подумал Пиппин. – Как там Гэндальф говорил? Пешка? Да еще не на своем поле!»

В полдень ударил колокол, сзывая воинов на обед.

– Пойдем к нам, – пригласил Пиппина Берегонд. – Еще неизвестно, в каком отряде ты будешь. А может, и вовсе останешься при Правителе. Но у нас в отряде тебе будут рады, а друзья еще никому не мешали.

– Спасибо, – поблагодарил Пиппин. – По правде сказать, мне пока одиноко здесь. Мой лучший друг остался в Рохане. Ни поговорить, ни посмеяться не с кем. А может, я останусь в твоем отряде? – с надеждой спросил он. – Возьми меня к себе, а?

– Я же не начальник, – рассмеялся Берегонд, – простой воин третьего отряда Цитадели. Правда, и это немало. Воинов Цитадели в Городе уважают.

– Значит, это тоже не для меня, – вздохнул Пиппин. – Зайдем сначала ко мне, и если Гэндальф еще не вернулся, я пойду с тобой... как гость.

Однако Гэндальф не возвращался, и Беренгонд повел хоббита в свой отряд. Пиппина приняли с большим почетом. Все уже знали о его длительной беседе с Денетором. В отряде ходили слухи о князе, прибывшем с далекого севера с пятитысячным войском и предложением военного союза. А некоторые говорили, что на подходе войска Рохана, и каждый из Всадников везет в седле по отважному и свирепому в бою полурослику.

Пиппин, хоть и с сожалением, опроверг эти россказни. Но от княжеского титула ему избавиться не удалось. «В самом деле, – рассуждали многие, – другу Боромира и личному гостю Правителя приличествует титул никак не меньше князя». Пиппина благодарили за приезд, а его рассказы о дальних странах и удивительных приключениях слушали так, что он едва не забыл совет Гэндальфа попридержать язык. Гэндальф хорошо знал хоббитов.

Уходя на пост, Берегонд посоветовал Пиппину найти в Нижнем ярусе его сына, Бергиля.

– Он покажет тебе Город. Сходите с ним к Большим Воротам, пока они не закрылись, – сказал он.

Берегонд ушел. Вскоре разошлись и остальные.

Денек был хорош, разве что жарче, чем обычно в марте на юге. Пиппина потянуло в сон, но возвращаться в пустую комнату не хотелось, и он решил спуститься вниз, навестить коня. Он прихватил немножко сахару, прибереженного для Сполоха, и тот принял угощение с радостью, а до этого стоял, понурив голову. Потом извилистыми улочками Пиппин двинулся вниз.

На него глазели. Встречные воины были торжественно учтивы, приветствуя его по обычаю Гондора поклоном и особым жестом. Позади он слышал возгласы: гондорцы звали других взглянуть на Князя Полуросликов, спутника Митрандира. Говорили не только на Всеобщем языке, но Пиппин быстро усвоил, что означает *Эрнил и Перианнат*, и понял, что от этого титула в Городе он уже не отделается.

Наконец он спустился переходами и мостовыми в нижний, самый широкий ярус, и там ему указали улицу Фонарщиков, о которой говорил Берегонд. На ней он отыскал старый Гостиный Двор, – огромное строение из серого выветренного камня, а за ним – еще один дом с множеством окон. По всему фасаду тянулось крыльцо с колоннами. Там играли мальчишки – первые дети, которых Пиппин увидел в Минас Тирите. Он остановился, разглядывая их. Один из мальчишек заметил его взгляд, бросил игру и выбежал на улицу. Теперь он стоял перед Пиппином, рассматривая его как диковинку.

– Привет! – сказал парнишка. – Ты откуда? Ты в Городе чужой.

– Был, – ответил Пиппин. – Говорят, я теперь воин Гондора.

– Да ладно, – неуверенно улыбнулся паренек. – Тогда мы все тут воины. А лет тебе сколько и звать как? Мне вот уже десять, и скоро во мне будет пять футов. Я выше тебя. У меня отец в Страже, он там выше всех. А твой отец кто?

– С чего начинать? – сказал Пиппин. – Мой отец возделывает землю вокруг Белых Ключей около Тукборо в Шире. Лет мне двадцать девять, тут я тебя обогнал, а вот росту

во мне всего четыре фута, и больше, пожалуй, не вырасти, разве что в ширину.

– Двадцать девять! – присвистнул его собеседник. – Так ты взрослый совсем. Как мой дядя. А спорим, я смогу тебя на уши поставить или на лопатки положить?

– Может и сможешь, – рассмеялся Пиппин, – если я разрешу. А может и наоборот оказаться. Знаешь, в моей маленькой стране есть всякие хитрые приемы. А там, сказать по правде, я считаюсь большим и сильным, и я сроду не позволял никому ставить себя на уши. Вот станешь постарше, узнаешь, что по виду да росту не всегда [illegible] судить. Ты принял меня за рохлю-чужеземца, а я – [illegible] сильный, отчаянный и свирепый!

Пиппин скорчил такую р[illegible]ьчишка невольно отступил на шаг, но тут же [illegible]

– Да нет! – расхохотался Пипп[illegible]ало ли что чужестранцы про себя наплетут! Я не б[illegible]о всяком случае, нападающему не мешало бы пр[illegible].

Мальчик гордо выпрямился.

– Я – Бергиль, сын Стража Берег[illegible]

– Так я и думал, – кивнул Пи[illegible] – Ты похож на отца. Это он послал меня, чтобы тебя р[illegible]кать.

– Что ж ты сразу не сказал! – [illegible] Бергиль и вдруг схватил хоббита за руку. – Только не говори, что он передумал и отправляет меня с женщинами! Да нет, последние повозки ушли ведь.

– Мои вести не настолько плохи, – успокоил его Пиппин. – Отец просил тебя показать мне Город и скрасить мое одиночество, вместо того, чтобы ставить на уши. А я бы взамен рассказал тебе о дальних странах.

Бергиль захлопал в ладоши и рассмеялся.

– Конечно! – вскричал он. – Пойдем! Мы все равно собирались к Воротам, поглядеть. Пойдем сейчас.

– А что там?

– До заката по Южной дороге должны подойти вожди окрестных земель. Пошли с нами, увидишь.

Бергиль оказался хорошим товарищем, и скоро они уже бродили по улицам, болтая и смеясь, не обращая внимания на удивленные взгляды. У Больших Ворот авторитет Пиппина в глазах Бергиля вырос необыкновенно. Пиппин назвал паро[ль]

а потом назвался сам. Страж почтительно приветствовал его и не только пропустил самого Пиппина, но позволил пройти и товарищу знатного чужеземца.

— Вот здорово! — восхитился Бергиль. — Мальчишкам ведь не разрешают больше выходить за Ворота без старших. Теперь мы все увидим.

Перед Воротами собралась толпа. Как только хоббит с мальчиком протолкались в первые ряды, послышались звуки труб и крики:

— Форлонг! Друг Форлонг!

— О ком они? — спросил Пиппин.

— Форлонг пришел, — объяснил Бергиль, — старый Форлонг Толстяк, правитель Лоссарнаха. Я оттуда родом. Вот он, старина Форлонг!

Во главе отряда нетерпеливо вышагивал мохнатый битюг, на нем восседал человек (про таких говорят поперек себя шире), старый, седой, [illegible] кольчуге, черном шлеме и с длинным тяжелым копьем. За ним стройными рядами шли запыленные воины в полном вооружении, с огромными боевыми топорами, суровые и коренастые. Они были смуглее гондорцев.

Среди приветственных криков слышались горькие голоса:

— Их так мало! Всего двести воинов! А мы ждали никак не меньше двух тысяч. Это из-за пиратов! Одно название осталось от мощи Лоссарнаха. Ну, да нам каждая кроха ценна!

Отряд Форлонга вошел в Город, а к Воротам уже подходили новые войска. Южные провинции шли на помощь Городу в грозный час, но слишком мало их было, меньше, чем ждали и чем требовалось в нужде. Людей из долины Рингло возглавлял сын предводителя, Дерворин. Три сотни пеших. Из верховий Мортонда, Долины Черных Корней, высокий Дуинхир с сыновьями, Дуилином и Деруфином, привел пять сотен лучников. Из Анфаласа, с дальнего взморья, пришел разношерстный народ: охотники, пастухи, крестьяне из маленьких деревушек, кое-как вооруженные, и дружина их правителя Голасгила. Из Ламедона — несколько угрюмых горцев без вожака. Шли рыбаки Этира — несколько сотен. Хирлуин Прекрасный с зеленых холмов Пиннат Гелина ехал во главе трех сотен благородных воинов в зеленом. Последним явился самый достойный из всех — Имрахиль, князь Дол Амрота,

2 Заказ 2512

родич Денетора. На позолоченных знаменах красовался знак Корабля и Серебряного Лебедя; за ним следовал отряд рыцарей в полном вооружении на серых конях и семь сотен воинов, высоких, сероглазых и темноволосых. Они шли и пели.

Вот и все. Меньше трех тысяч в общей сложности. Больше ждать было некого.

Топот, пение, боевые клич[illegible] постепенно затихали. Любопытные [illegible]. В неподвижном воздухе висела кисея пыли [illegible] Белые Горы и на Город ложились вечерни[illegible] закрытия Ворот.

Пиппин взглянул в небо. [illegible] с трудом пробивались сквозь дымн[illegible] воздух. Краски заката были багровы и угрюмы.

— Какое гневное небо! — пробормотал хоббит, забыв о своем спутнике.

— Точно. Если я не приду вовремя, гнева будет хоть отбавляй, — отозвался Бергиль. [illegible] ворота уже закрывают.

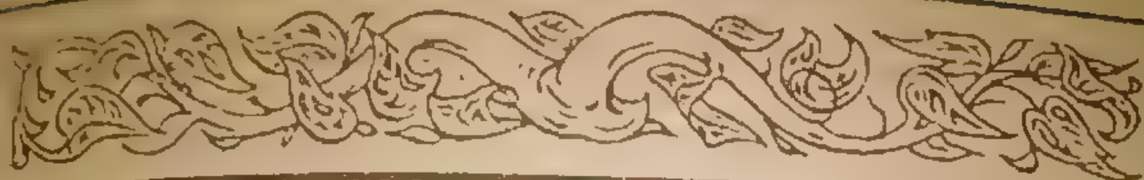
Они последними вошли в Гор[illegible] когда в окнах уже зажигались огни, а на башнях печал[illegible] колокола.

— До свиданья, — попрощался [illegible] — Увидишь отца, поблагодари его от меня [illegible] приходи завтра опять. Мне уже почти хочет[illegible] войны [illegible] бы мы тогда весело зажили! [illegible] к моим родичам — там хорошо весной! [illegible] туда еще попадем. Не победить им нашего [illegible], и отец у меня отважный! До свиданья! [illegible] приходи!

Они расстались в Нижнем Городе, и Пиппин поспешил в Цитадель. Быстро темнело. Идти было далеко, он устал и проголодался и вдобавок опоздал к ужину. Берегонд обрадовался его приходу, поделился своим пайком и стал расспрашивать о сыне, но Пиппин торопился домой. На сердце у него было неспокойно. Хотелось повидаться с Гэндальфом, который все знает и рядом с которым ничего не страшно.

Они вышли на улицу. В небе не было ни звездочки, и Город затопила темень.

— Ты найдешь дорогу? — забеспокоился Берегонд. — Нам приказано не зажигать огня в домах и на стенах. Да, чуть не забыл! Утром тебя призывает Денетор. Похоже, в тре[illegible]



отряд ты не попадешь. Ну, да как-нибудь увидимся. Прощай, друг! Доброй ночи!

В комнате, куда наконец добрался Пиппин, было темно, но на столе горел маленький светильник. Гэндальфа опять не было, и от этого тревога и грусть Пиппина только возросли. Он выглянул в окно – все равно что в чернильницу заглянул. Тогда ему пришло в голову закрыть ставни. Стало немного уютней, он лег и долго при[illegible]ивался – не идет ли Гэндальф, да так и уснул. А среди ночи проснулся и увидел мага, меряющего шагами комнату. [illegible] столе, среди свитков пергамента, горели свечи. Пиппин [illegible] бормотание, но он услышал только, как Гэндальф [illegible] вздохнув, сказал:

– Когда же вернется Фарамир?

– Ты пришел! – радостно [illegible] хоббит, поднимаясь. – Это хорошо, а то я думал, [illegible] ли ты про меня. Такой длинный день был...

– Зато ночь будет короткой, – [illegible] Гэндальф. – Я пришел подумать в тишине. Спи [illegible] спишь в постели. На рассвете мы идем к Денетору. Хотя [illegible] я говорю! Рассвета сегодня не будет. Наступил Ве[illegible]!

Глава II

ВЫБОР АРАГОРНА

Когда стих топот копыт Сполоха, уносящего Гэндальфа и Пиппина, Мерри вернулся к Арагорну. Сумку свою он потерял еще в Порт Галене, собирать было почти нечего. Леголас и Гимли ожидали только сигнала тронуться в путь.

– Нас осталось четверо, – сказал Арагорн. – Мы будем вместе, но пойдем не одни. После этого крылатого ужаса король решил выступать немедля и возвращаться к холмам под прикрытием ночи.

– А потом куда? – спросил Леголас.

– Еще не знаю. Правитель отдал приказ войскам собраться в Эдорасе

на четвертую ночь после этой. Там, я думаю, его ждут вести о войне, и Всадники Рохана двинутся к Минас Тириту. Но у меня другая дорога.

– Я с тобой, – тут же сказал Леголас.

– И я тоже, – отозвался Гимли.

– Мой путь еще темен для меня, – задумчиво ответил Арагорн. – Кажется, наступает час, к которому я готовился всю жизнь. Нам тоже нужно [illegible] в Минас Тирит, но каким путем мы придем [illegible] решил.

– А я? – подал голос [illegible] пор от меня было немного толку, но я [illegible] нибудь безделушка. Всадникам не до меня, [illegible] и обещал, что мы поговорим с ним о Шир[illegible].

– Видно, придется [illegible] Мерри, – сказал Арагорн. – Как бы ни [illegible] Теодену долго еще не сидеть в покое [illegible] надежд иссякнет этой горькой весной!

Они отправились [illegible] двадцать два Всадника, Леголас с Гимли и [illegible] с Мерри. Уже переправившись через Изен, они у[illegible] за спиной топот. Их догонял конный отряд. Теод[illegible] остановиться. Всадники развернулись и [illegible] Арагорн тотчас спрыгнул с коня и с мечом в руках [illegible] у стремени правителя. Йомер со своим оруженосцем [illegible] выдвинулись вперед. Мерри опять остался не у дел и острее прежнего ощутил свою никчемность. Держа в поводу коня Арагорна, он думал, как быть, если на них нападут.

– Будь что будет, – решил он, обнажил меч и поправил пояс.

Заходящую луну заслонило большое облако, а когда снова просветлело, все явственно услышали топот коней и различили темные фигуры, быстро приближавшиеся по тропе от Бродов. Лунный свет поблескивал на копьях. Их было, во всяком случае, не меньше, чем в королевском отряде.

До них оставалось шагов тридцать, когда Йомер властно прокричал:

– Кто вы и что вам нужно в Рохане?

Чужой отряд остановился. Наступила тишина. Один из всадников спешился и медленно двинулся вперед. Он протянул руку ладонью вверх – это был знак мира. Не доходя шагов

десяти, человек остановился. Он был высок ростом, и голос его звучал ясно.

– Рохан? Так вы сказали? Приятно слышать! Сюда и торопились мы издалека.

– Вы вступили на земли Рохана, когда пересекли Броды, – сказал Йомер. – Но здесь правит король Теоден, и воины передвигаются только с его позволения. Кто вы и почему торопитесь?

– Я – Хальбарад, Следопыт с севера, – ответил человек. – Нам нужен Арагорн, сын Арагорна. Я знаю, что он должен быть в Рохане.

– Хальбарад! – вскричал Ар[illegible]шись к предводителю отряда, крепко обнял [illegible] Хальбарад! Из всех неожиданностей это – самая при[illegible]

Мерри перевел дух [illegible]ащищая Теодена, можно было подожда[illegible] в ножны.

– Все в порядке. – Ар[illegible] отряду короля. – Это мои люди. Но ск[illegible] они пришли, лучше расскажет мой верный [illegible].

– Со мною тридцать [illegible]. Столько, сколько удалось собрать, – ответил Хальбарад. – С ними [illegible] и Элрохир, сыновья Элронда. Мы выступили, как только узнали, что тебе нужна помощь.

– Но я не просил помощи, – удивился Арагорн, – хотя в мыслях я часто обращался к вам, друзья, но вестей не посылал. Однако вы здесь, и я очень этому рад. Сейчас мы спешим, нам угрожает опасность. Правитель, – обратился он к Теодену, – позвольте им ехать с нами.

– Хорошо, – сказал Теоден, и было видно, что он доволен. – Если ваши люди хоть немного похожи на вас, благородный Арагорн, то тридцать таких витязей – это не просто тридцать человек. В путь!

Теперь они скакали вместе. Арагорн расспрашивал вновь прибывших о новостях. Элрохир сказал:

– Отец велел передать тебе: «Срок близок. Если придется спешить, вспомни о Тропах Мертвых».

– Я никогда не медлил, – ответил, помрачнев, Арагорн. – Но как же надо спешить, чтобы отважиться на этот путь!

– Об этом предстоит подумать, – отозвался Элрохир, – но не сейчас, посреди дороги.

– Да, – кивнул Арагорн и после некоторого молчания спросил: – Хальбарад, что это у тебя? Для копья велико...

– Подарок тебе от Девы из Дольна, – ответил Хальбарад. – Долго и втайне от всех трудилась она над ним и передает со словами: «Сроки истекают. Теперь или никогда. Возьми то, что принадлежит тебе. Добрый путь, Эльфинит!»

– Да, – опять сказал Арагорн, – я знаю, что это. Пусть будет у тебя.

Дальше он скакал молча, [illegible] глядя на север, где в ночном небе горели крупные звезды.

На рассвете они [illegible] Горне. После отдыха было решено собрать совет.

Гимли и Леголас с [illegible] Мерри.

– Солнце высоко, [illegible] эльф. – Вставай, лежебока, все давно на [illegible]рут!

– Три ночи назад [illegible], – сказал Гимли. – Мы с Леголасом [illegible] у него одного орка. Иди, глянь, как [illegible] пещеры тут, Мерри, диво что за пещеры! Леголас [illegible], прямо сейчас и сходим туда?

– Времени нет, – отозвался эльф. – На чудеса второпях не смотрят. Я же обещал тебе вернуться, если снова настанут мирные дни. А сейчас дело к полудню. Надо успеть поесть. Мы скоро выступаем.

Мерри неохотно поднялся, зевая во весь рот. Он не выспался. Пиппина не было, не с кем было отвести душу, и он снова почувствовал себя обузой. Чтобы как-то сменить настроение, он поинтересовался, где Арагорн.

– Он наверху, в башне, – ответил Леголас. – Всю ночь не спал, думает, – озабоченно добавил он. – С ним его родич Хальбарад. Что-то заботит нашего Колоброда.

– Удивительные они люди, эти дунаданы, – заметил Гимли. – Угрюмые. Слова лишнего не скажут. Роханские Всадники рядом с ними кажутся беспечными мальчишками.

– Но говорят учтиво, – сказал Леголас. – Жаль только – мало. А вы обратили внимание на Элладана и Элрохира? Они не так мрачно выглядят. Красота, изящество – насто-

ящие эльфийские князья. Сразу видно сыновей Элронда из Дольна.

– А почему они приехали, я так и не понял, – признался Мерри. Он уже оделся, накинул плащ, и теперь они втроем направлялись к разбитым воротам.

– Ты же слышал, их позвали на помощь, – сказал Гимли. – Они говорили: в Дольне узнали, что Арагорну нужна помощь, вот дунаданы и отправились к нему в Рохан. А как узнали – неведомо. Должно быть, от Гэндальфа.

– Нет, это – Галадриэль, – заявил Леголас. – Помните? Она ведь сообщила через Гэндальфа о Сером Отряде с севера.

– Так и есть, – важно кивнул Гимли. – Владычица Леса! Она читает в сердцах и в помыслах. Может, и нам пожелать на подмогу наших родичей, Леголас?

Эльф стоял в воротах и смотрел на северо-восток. Лицо его было встревожено.

– Им нет нужды идти [illegible], – ответил он. – Она сама пришла к ним.

Побродив некоторое время по долине, странно тихой после недавних событий, друзья вернулись в крепость. Теоден, узнав об их приходе, тут же призвал Мерри, усадил его рядом и сказал:

– Конечно, это не дворец, который я обещал вам. Но до Эдораса далеко, и мы не скоро вернемся туда. Значит, с пирами придется подождать. Сейчас есть время, вот угощение, поговорим же, а потом – в путь!

– И я с вами? – воскликнул обрадованный Мерри. Он был очень благодарен правителю за ласковые слова. – Я только мешаю всем, – удрученно добавил он, – но буду стараться сделать все, что могу.

– Я не сомневаюсь в этом, любезный Мериадок, – ответил старый правитель, – я даже велел приготовить для вас подходящую лошадку. Она хоть и невелика ростом, но на том пути, которым мы пойдем, не уступит другим коням. Путь в Эдорас лежит по горным дорогам. В Дунхарге меня ждет Йовин. Я предлагаю вам сопровождать меня в качестве личного оруженосца. Вы согласны?

Мерри только взволнованно кивнул.

Правитель, обращаясь к Йомеру, спросил:

– Найдется ли у нас подобающее вооружение?

– Конечно, больших складов здесь нет, – отвечал Йомер, – но легкий шлем можно подобрать. А вот с мечом и кольчугой вряд ли что получится.

– Меч у меня есть, – сказал Мерри, обнажая свой клинок. Повинуясь внезапному порыву, он опустился на колено и взволнованно сказал: – Великий Теоден! Прошу тебя, прими под свои знамена меч Мериадока из Шира вместе с его жизнью!

– Принимаю охотно, – ответил старый правитель, кладя руку на голову хоббита. – Встань, Мериадок, щитоносец Рохана! Пусть твоему мечу сопутствует удача!

Мерри встал и, сдерживая [illegible] в голосе, проговорил:

– Вы для меня стали отцом, правитель!

Жаль только, ненадолго, [illegible] ответил Теоден.

Их беседу прервал Йомер.

– Пора ехать, правитель. [illegible] подать сигнал к отправлению. Только где [illegible] Я не видел его за столом.

– Да, пора ехать, – [illegible] Теоден. – Найдите благородного Арагорна и [illegible] ему об отъезде. – Сопровождаемый свитой, он вышел [illegible] Мерри из крепости. Правителя уже ждал многочисленный отряд Всадников. В крепости оставался только небольшой гарнизон. Около тысячи копейщиков выступили ночью. К месту сбора в Эдорасе Теодена сопровождало еще пятьсот воинов, по большей части – жители долин и предгорий Вестфолда.

Поодаль, небольшой группой, молчаливые, хорошо вооруженные, располагались люди Хальбарада. Их оружие и одежда не были столь же богато украшены, как у Всадников. Следопыты носили простые темно-серые дорожные плащи. Только на плече у каждого тускло мерцала пряжка в виде серебряной многолучевой звезды.

Теоден сел на коня, и в это время из ворот вышли Йомер, Арагорн и Хальбарад с древком в черном чехле. За ними, неразличимо похожие, шли сыновья Элронда: высокие, темноволосые, сероглазые, в блестящих кольчугах и серебристых плащах. Следом шагали Леголас и Гимли.

Мерри, сидевший на низкорослой лошадке рядом с правителем, не мог отвести удивленного взгляда от Арагорна

За одну ночь Колоброд постарел на много лет. Он выглядел мрачным и измученным.

– Я смущен духом, благородный Теоден, – произнес он, подойдя к королю. – Странные слова слышал я и грозные опасности видел. Мои планы приходится менять. Скажите, когда вы будете в Дунхарге?

– Сейчас полдень, – ответил за правителя Йомер, – если мы выступим без промедления, то к вечеру третьего дня будем там. Сбор отрядов назначен на следующий день. Нам нужно собрать все силы, быстрее этого не сделать.

Арагорн задумался. «Через три дня войска начнут собираться... и быстрее этого не сделать...»

– Что ж, – он тряхнул головой, очевидно приняв какое-то решение. – Повелитель, – обратился он к Теодену, – я прошу позволить моему отряду выбрать свой путь. Мы не будем больше скрываться и пойдем на восток кратчайшей дорогой – Путем Мертвых.

При этих словах Теоден вздрогнул. Видно было, что они поразили и Йомера, а Мерри показалось, что Всадники, стоявшие поблизости, побледнели.

– Насколько я знаю, – медленно проговорил Теоден, – никому из смертных не удавалось воспользоваться этой «кратчайшей» дорогой...

– Ах, Арагорн, – горестно вздохнул Йомер, – я думал, что в бою мы будем биться плечом к плечу. Но если ты выбрал Путь Мертвых, значит, пришел час прощания. Едва ли мы встретимся снова под солнцем.

– Не только встретимся, благородный Йомер, – твердо ответил Следопыт, – но и будем вместе в битве, пусть хоть все силы Мордора встанут между нами. Выбор сделан, и время не ждет.

– Вы вольны в своих поступках, – печально произнес Теоден. – Может быть, такова ваша судьба – проходить там, где не пройдет никто. Разлука огорчает меня, а в предстоящей битве вы и ваш Андрил умножили бы наши силы... Но, видно, не суждено. Теперь я тем более должен спешить. Прощайте!

– Прощайте, повелитель, – ответил Арагорн. – Да приведет ваш путь к славе! Прощай, Мерри, ты остаешься в надежных руках, я не беспокоюсь за тебя больше. Гимли и Леголас

идут со мной, но мы не забудем о тебе. Не забывай и ты нас. Прощай!

Мерри едва сумел вымолвить ответное «прощай!». Ему было нестерпимо жаль расставаться с Колобродом, но слова «Путь Мертвых» угнетали его, он снова почувствовал себя маленьким и остро пожалел, что рядом нет веселого, неунывающего Пиппина. Кони под Всадниками нетерпеливо перебирали ногами, и Мерри хотелось, чтобы поход начался, лишь бы не длить тяжести прощания.

Наконец, после короткого приказа Теодена, Йомер взмахнул рукой, и отряд Всадников двинулся вперед. Вскоре они уже скрылись за поворотом. Арагорн со стены вала долго глядел им вслед. Спустившись, он подошел к Хальбараду.

– Я проводил троих очень близких друзей, Хальбарад. И меньшего из них я люблю ничуть не меньше других. Он не догадывается даже, к какой судьбе скачет, но даже если бы узнал, то не повернул бы коня.

– Насколько я успел узнать хоббитов, – отозвался Хальбарад, – они отважны и слово «долг» им знакомо. Мне не жаль сил, потраченных на охрану границ Шира, хотя хоббиты и не знают о наших трудах.

– Мы сроднились с ними, – задумчиво проговорил Арагорн, – но вот, пришлось расстаться. Пора и нам. Сначала – обед, а потом – в путь! Леголас, Гимли, нам нужно поговорить.

Однако за столом Арагорн долго молчал.

– Успокойся, – участливо сказал Леголас, – к чему печалиться? Что такое стряслось со времени нашего прибытия?

– Мне пришлось выдержать битву пострашнее недавней, – хмуро ответил Арагорн. – Я заглядывал в Камень Ортханка, друзья.

– Ты смотрел в этот проклятый камень?! – ужаснулся Гимли. – Но ведь даже Гэндальф опасался этого! И ты... ты сказал что-нибудь Врагу?

– Ты забываешь, с кем говоришь! – Глаза Арагорна сверкнули. – Что, по-твоему, я должен был сказать ему? – Затем лицо его стало мягче, и на нем еще отчетливее проступили следы усталости. – Нет, добрый Гимли, я ничего не сказал Врагу. Камень мой по праву, и я могу пользоваться им. Но если право мое бесспорно, то вот сил едва хватило. – По лицу

Следопыта прошла судорога. – Борьба была страшной, но я не только не сказал ему ничего, но и вырвал Палантир из-под его власти. Это удар для него, и сильный удар. А еще – Враг видел меня. Да, достойный Гимли, он видел меня, но не в том обличье, в котором я знаком вам... До сих пор он не знал о моем существовании, и это – второй удар. Саруман в Ортханке видел просто человека в роханских доспехах, но Саурон не забыл ни Исилдура, ни Нарсил, и вот теперь, в трудный для Врага час, он узрел потомка Исилдура, увидел Андрил и узнал этот меч. Как ни велико его могущество, но и ему знаком страх, и его вечно снедают тревоги.

– Но он очень силен, – сказал Гимли, – и теперь не замедлит с ударом.

– Кто спешит, тот рискует промахнуться, – ответил Арагорн. – Мы не будем ждать, пока он начнет, мы ударим сами. – Следопыт помолчал и сказал более спокойно: – Подчинив Камень Ортханка своей воле, я узнал немало. Я видел, что Гондору угрожает с юга новая опасность. Если не предотвратить ее, Гондор не выстоит и десяти дней.

– Значит, он падет, – скорбно произнес Гимли. – Кого послать на помощь и как она успеет?

– Послать некого, это верно. Значит, придется идти самому. А что до времени, то к побережью ведет короткий путь, и воспользоваться им не поздно. Это – Путь Мертвых.

– Путь Мертвых... – вздрогнув, повторил Гимли. – Я уже слышал сегодня эти слова и видел, что Всадникам они не по душе. Похоже, эта дорога не для простого смертного. И если ты даже пройдешь по ней, что может сделать горстка воинов против мощи Мордора?

– Смертные не пользовались этой дорогой после прихода рохирримов, – промолвил Арагорн, – она закрыта для них. Но в темный час судьбы Наследник Исилдура, если осмелится, сможет одолеть ее. Слушайте, что передает мне Элронд через сыновей: «Пусть Арагорн помнит о словах прорицателя и Пути Мертвых».

– А ты знаешь, что это за слова? – спросил Леголас.

– Да. Мальбет Прорицатель во дни Арведуи, последнего короля Форноста, сказал:

Тень покрывает великие земли
Крыльями мрака от края до края.
Тьма у могил... Содрогается замок...
Близится время подняться умершим:
Клятвопреступников час наступает.
Эреха камень опять соберет их
Вместе по звуку звенящего рога.
Кто обладатель священного рога?
Кто созовет их у Черного Камня?
Тот, чьему предку служили неверно
Люди, забытые в сумерках серых,
Тот, кто откроет забытые двери,
Тот, кто проследует Тр[illegible] М[illegible]ртвых...

– О темных вещах ты говоришь [illegible] сказал Гимли, – только эти слова для меня еще темнее.

– Если хочешь разобраться [illegible] тебя с собой, – сказал Арагорн, – ибо я выбира[illegible] этот путь, выбираю без всякой радости [illegible] что так должно. Тяжкий труд и великий страх [illegible] быть, и что-нибудь похуже сулит он, поэтому я не [illegible] вас идти со мной.

– Я пойду с тобой даже Тр[illegible] Мертвых! – пылко воскликнул Гимли.

– Я тоже, – поддержал его Леголас. – Я не боюсь мертвых.

Гимли уже овладел собой.

– Надеюсь, забытые люди не забыли, как сражаться, – проворчал он. – Иначе я не вижу, чего ради их беспокоить.

– Об этом мы узнаем, если придем к Эреху, – сказал Следопыт. – Когда-то эти люди поклялись сражаться против Саурона, и им придется сдержать обещание. На вершине Эреха стоит Черный Камень. Исилдур принес его из Нуменора. На этом камне король горцев поклялся в преданности моему предку, когда создавалось княжество Гондор. Саурон вернулся, мощь его начала расти, и тогда Исилдур напомнил горцам о данном обещании. Но Тьма уже делала свое дело, и горцы отказались выступить против Врага. Тогда и сказал Исилдур королю горцев слова, которые помнят у нас на Севере: «Ты будешь последним королем этого народа. Запад сильнее твоего Черного Владыки. Я проклинаю тебя и твой народ: да не будет вам в мире покоя, покуда не исполните своей клятв

Ибо несчетные годы будет длиться эта война, и однажды вас призовут снова». Гнев Исилдура не позволил горцам принять сторону Саурона, но и страх перед Врагом был силен. Тогда они ушли в тайные места в горах и медленно угасали в бесплодных холмах. Никто из живых больше не видел их. Но с тех пор ужас Бессонных Мертвецов лежит на холме Эреха, там, где обитало раньше это гордое племя. Этим путем я и пойду, даже если останусь один.

Леголас и Гимли молча встали. У ворот крепости их ждал отряд Хальбарада. Арагорн вскочил в седло. Хальбарад огляделся, поднял большой рог и громко протрубил. Вскоре отряд исчез в облаке пыли, поднятом копытами коней. И пока Теоден неспешно пробирался предгорьями, Серый Отряд вихрем пронесся по равнине. К полудню следующего дня они спешились в Эдорасе. После недолгого отдыха Арагорн повел своих людей к Дунхаргу.

Йовин с радостью приветствовала дунаданов и сыновей Элронда, но прибытие Арагорна вызвало у нее совсем особые чувства. За ужином он поведал ей о том, что произошло после отъезда короля Теодена, а рассказ о сражении в Хельмовой Пади заставил заблестеть глаза прекрасной воительницы. Выслушав, Йовин сказала:

– Вы устали, но сегодня я не ждала вас, вам придется отдыхать в наспех приготовленных покоях, зато завтра мы устроим вам настоящий прием.

– Нет, милая Йовин, – ответил Арагорн. – Завтра на рассвете нас уже не будет здесь. Ночлег и легкий завтрак на дорогу – вот все, что нам нужно. Мы спешим.

Йовин с трудом улыбнулась.

– Спасибо, что ты приехал издалека поразвлечь меня новостями.

– Чтобы развлечь тебя, любой приехал бы хоть с края света. Но меня привела сюда моя дорога.

– Должно быть, ты сбился с пути. Из этой долины нет дорог ни на восток, ни на юг.

– Следопыта трудно сбить с дороги, – устало улыбнулся Арагорн. – Я бродил по этим землям еще до того, как на них пал отсвет твоей красоты. Одна дорога есть. Моя. Меня ждет Путь Мертвых.

Йовин вздрогнула, побледнела и долго молча смотрела на Арагорна. Наконец она сказала:

– Но почему ты непременно должен искать смерти? Кроме нее, на этом пути ничего нет. «Мрак не пропустит никого из живых», – я слышала это много раз.

– Может быть, меня все-таки пропустит. Я должен попытаться. Других путей для меня нет.

– Но это же безумие, – проговорила она. – С тобой доблестные и отважные люди; лучше бы ты повел их в битву, а не во мрак. Я прошу тебя, дождись моего брата и отправляйся с ним, светлее будет у всех на сердце и ярче надежда.

– Это не безумие, госпожа, – отозвался Арагорн. – Я выбрал предназначенный мне путь. А те, что со мной, идут по доброй воле. Они могут остаться здесь и идти с рохирримами. А я пойду Тропами Мертвых, даже если придется идти одному.

Наступило долгое молчание. Йовин не сводила глаз с Арагорна. Мучительные минуты пережила она. Наконец гости поднялись, поблагодарив за заботу, и отправились в отведенные покои. Йовин окликнула Арагорна. Он обернулся. Ее белое платье мерцало в ночи, глаза блестели.

– Арагорн, ну зачем тебе этот страшный путь?

– Дело в том, Йовин, что на этом пути я смогу принести больше всего пользы в нашей борьбе с Врагом. Я ведь не по своей воле выбираю пути. Если бы я следовал только зову сердца, то бродил бы сейчас в прекрасных садах Дольна.

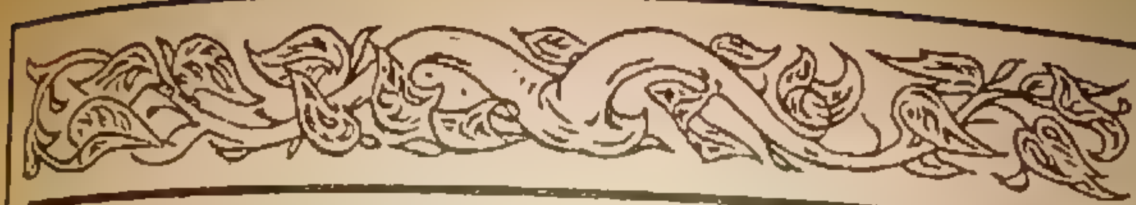
Девушка задумалась над этим ответом, потом, положив руку ему на плечо, сказала:

– Ты отважен и решителен. К таким приходит слава. Позволь мне сопровождать вас. Я не хочу больше прятаться среди холмов, меня влекут сражения и опасности.

– Долг повелевает тебе остаться с твоим народом, – ответил он.

– Слишком часто я слышу о долге! – воскликнула она. – Разве я не из рода Йорлов? Я воин, а не сиделка. Я и так долго просидела у старческих ног. Теперь король снова в седле, так разве я не могу устраивать собственную жизнь по своей воле?

– Даже собственную жизнь надо устраивать достойно, – произнес Арагорн. – А твоему попечению король вверил их



лей. Если бы его выбор пал на другого, если бы на твоем месте оказался любой военачальник, что бы ты сказала, брось он людей, доверенных ему?

– Выбор и дальше будет падать на меня, – горько сказала Йовин. – И я всегда буду оставаться, когда уходят Всадники, и присматривать за домом, когда они добывают славу, и готовить еду, и стелить постели к их возвращению...

– А если они не вернутся однажды? Тогда понадобится доблесть без славы, ибо некому будет помнить подвиги тех последних, кто станет биться у порога дома. Но и безвестный подвиг остается подвигом.

– Опять я слышу те же слова: «Ты – женщина, твой удел – дом». А когда воины с честью [illegible] битве, тебя оставляют гореть вместе с домом, потому что мужчинам он больше не нужен. Я из дома Эорла, и [illegible], а вот должна сидеть у очага, хотя не боюсь ни [illegible] смерти. Я с детства езжу верхом и владею оружием [illegible] любого другого.

Арагорн внимательно посмотрел [illegible] и осторожно спросил:

– Но что же тогда страшит [illegible]

– Клетка! – порывисто ответила [illegible] – Не хочу сидеть в клетке всю жизнь, пока старость не отнимет у меня всякую надежду совершить подвиг!

– Ты рвешься к подвигам, а меня отговариваешь от них, – с шутливым упреком заметил Следопыт.

– Я не отговариваю, – горько ответила Йовин. – Я хочу, чтобы твой меч принес победу и славу, и не только тебе. Доблесть нужна, но...

– Я тоже так думаю, – прервал ее Арагорн. – Оставайся здесь. Тебе нечего делать на юге.

– Как и твоим спутникам, – сказала она. – Они идут только потому, что не хотят расставаться с тобой, потому что они любят тебя! – С этими словами Йовин повернулась и исчезла в темноте. Арагорн с грустью смотрел ей вслед.

На рассвете, еще до восхода солнца, Серый Отряд был готов выступить. Арагорн уже вдел ногу в стремя, но в этот момент к ним подошла Йовин. На ней была одежда Всадника, на поясе – меч, в руках – кубок. По обычаю, она отпила глоток, желая им удачи в пути, и передала кубок Арагорну. Он тоже отпил и пожелал счастья ей и ее народу.

Леголас и Гимли, знавшие Йовин гордой и холодной наместницей короля, с удивлением увидели слезы на ее прекрасном лице. Она смотрела только на Арагорна.

– Ты не выполнишь мою просьбу? Не возьмешь меня с собой?

– Нет, – покачал головой Следопыт. – Без согласия правителя и твоего брата – нет. Они придут только завтра, а мне дорог каждый час. Прощай, Йовин!

Тогда неожиданно она упала на колени.

– Прошу тебя!

– Нет, – еще раз ответил он, бережно поднимая ее и целуя ей руку. Потом он вскочил в седло и не оглядывался больше. Те, кто знал его близко, видели, как тяжело у него на сердце.

Отряд скрылся. Йовин долго стояла неподвижно, глядя ему вслед, а потом нетвердо ступая, вернулась в свой шатер. В лагере никто не видел этого прощания, все еще спали, а когда проснулись и узнали, что пришельцы уехали, с облегчением говорили друг другу:

– Вот и хорошо! Ни эльфов, ни их родичей нам не надо. И без того времена смутные.

Отряд скакал в серых сумерках, потому что солнце скрывалось за гребнями Обжитой Горы, вздымавшейся впереди. Первые волны страха захлестнули их уже в тени древних скал, на подходах к Димхольту. Там, где уступы поросли деревьями с густой черной хвоей, перед ними открылась расселина; вход в нее запирал могучий одинокий утес, вздымавшийся словно перст судьбы.

– Кровь стынет в жилах, – пробормотал Гимли. В полной тишине голос его прозвучал мертво, как шорох хвои, покрывавшей здесь всю землю. Кони упирались и храпели. Пришлось спешиться и вести их в поводу мимо мрачного утеса. Миновав его, они оказались в узкой долине, противоположный конец которой перегораживала отвесная скалистая стена. Посреди нее, словно разверстая пасть, зияла Темная Дверь. Широкую арку венчали смутно видимые, глубоко высеченные в скале знаки. От них на путников волнами накатывал ужас. Отряд остановился, с трепетом взирая на страшную преграду. Один только эльф был спокоен. Призрачный мир людских страхов не пугал его.

– Это дверь зла, – промолвил Хальбарад. – Я чую за ней свою смерть. И все-таки я войду. Но лошади не пойдут, я в этом уверен.

– Мы войдем все, и лошади пойдут с нами, – твердо произнес Арагорн. – Если мы прео[illegible] тьму за этими воротами нам еще скакать и скакать. Каждый потерянный час приближает победу Врага. За мной!

Он двинулся вперед, и [illegible] этот час его сила, что и дунаданы и их кони последов[illegible] Только Эрод, конь из Рохана, отказывался идти [illegible] от невыносимого ужаса. Тогда Леголас [illegible] и спел на ухо несколько слов, мягко и [illegible] в мрачной тишине. Конь перестал [illegible] пошел вперед.

Позади остался только Гим[illegible] мелко тряслись и ноги не шли.

– Неслыхано! – воскликну[illegible] себя. – Когда это было, чтобы эльф шел в под[illegible]м не осмеливался! – С этими словами он бросил[illegible] в омут. С первым шагом на Гимли, сына Глоина, бес[illegible]но бродившего во многих глубинах мира, [illegible] обвал, кромешная пещерная тьма. Арагорн с [illegible]ом шагал впереди, последним, тоже с факелом [illegible] Элладан. Гимли отстал и теперь старался на[illegible]. Он видел перед собой только тусклый свет [illegible] а когда путники остановились, со всех сторон ему [illegible] беспрерывный гул, как будто странные [illegible] голоса нашептывали слова, звуки которых не походили ни на один известный гному язык.

Никто не спешил нападать на них, ничто не преграждало путь, однако страх гнома все возрастал. Он отчетливо понимал: обратного пути нет. Он чувствовал, как позади, на дороге возникают незримые толпы, следующие за ними во тьме.

Гном не знал, сколько времени прошло, прежде чем однообразие пути было нарушено. Широкая дорога вдруг еще больше расширилась, стены отступили, но на Гимли навалился такой ужас, что он с трудом переставлял ноги. В это время в свете факела Арагорна слева что-то тускло блеснуло. Арагорн остановился, а потом решительно свернул с дороги.

– И как это он не боится? – пробормотал гном. – Будь это любая другая пещера, Гимли первым бы посмотрел, что

это там за штука с таким золотым блеском. Но только не здесь! Пусть себе лежит, где лежит, что бы оно там ни было!

Тем не менее он подошел и увидел, что Арагорн стоит на коленях, а рядом Элладан держит оба факела. Перед ними на камнях лежали останки могучего человека. Его кольчуга и доспехи были в полной сохранности: воздух подземелья был сух, а металл вооружения вызолочен. Кольчугу охватывал золотой, отделанный гранатами пояс, богатый шлем прикрывал голову фигуры, лежащей лицом вниз. Гимли огляделся и увидел, что воин упал возле стены пещеры; прямо перед ним была запертая каменная дверь. Тут же лежал сломанный меч. Клинок был весь в зазубринах, словно им в отчаянии рубили скалу.

Арагорн долго смотрел на останки, словно силился по ним прочесть драму, разыгравшуюся здесь когда-то. Потом он встал. Те, кто стоял рядом, услышали, как он непонятно молвил про себя:

– Никогда до конца времен не придут сюда цветы *симбелина*. Девять и семь курганов покрылись ныне зеленой травой, а он все эти долгие годы лежит у запертой двери. Куда ведет она? К чему он стремился? Никто никогда не узнает. – Арагорн тряхнул головой, повернулся к шепчущей позади тишине и крикнул: – Я не затем пришел сюда! Храните и дальше ваши сокровища, упрятанные в Ненавистные Годы! Мне нужна только быстрота. Освободите нам путь и следуйте за мной! Я созываю вас к Камню Эреха!

Тишина, ответившая ему, была еще ужаснее прежнего шепота. Потом налетел порыв холодного ветра; факелы затрепетали и погасли, зажечь их снова не удалось. Дальнейший путь Гимли почти не запомнил. Проходили часы или дни – он не знал. Только ужас сжимал его сердце все сильнее и сильнее. Раз он споткнулся и дальше полз на четвереньках, как зверь, ощущая, что все меньше и меньше остается в нем от Гимли, сына Глоина, и пробуждается что-то дремучее, с чем уже невозможно совладать. Он чувствовал, что еще немного, и он бросится назад, во тьму, в страх, идущий по пятам...

И вдруг впереди забрезжил свет. Журчанье ручья встретило путников, миновавших еще одни, широкие ворота. Вокруг

высоко в небо вонзались островерхие изломанные утесы, а прямо перед ними по уступам спускалась дорога. Они находились в ущелье, таком глубоком и узком, что, несмотря на дневное время, в темно-фиолетовом небе светились маленькие колючие звезды. Потом Гимли узнал, что до заката того же самого дня, когда они вышли из Дунхарга, оставалось еще два часа; для него же это были сумерки, может быть, прошлого года, а может быть, и другого мира.

Здесь отряд снова сел на коней. Гимли со слезами облегчения занял место позади Леголаса. Они скакали до самого вечера, но, даже когда на землю спустились синие сумерки, страх все еще не отпускал их.

Леголас обернулся на скаку, [illegible]сматриваясь во что-то позади.

– Мертвые следуют за нами, – [illegible]покойно промолвил он. – Я вижу силуэты людей на конях, [illegible]дные стяги, как клочья тумана, и лес призрачны[illegible] [illegible]ртвые следуют за нами.

– Да, Мертвые скачут поза[illegible] [illegible]твердил Элладан. – Они вняли призыву.

Вдруг ущелье кончилось, [illegible] перед ними раскинулась долина. Ручей, долгое время сопро[illegible]ждавший их, сбегал вниз, холодно звеня среди камней.

– Что это за земли? – [illegible] Гимли, и Элладан ответил:

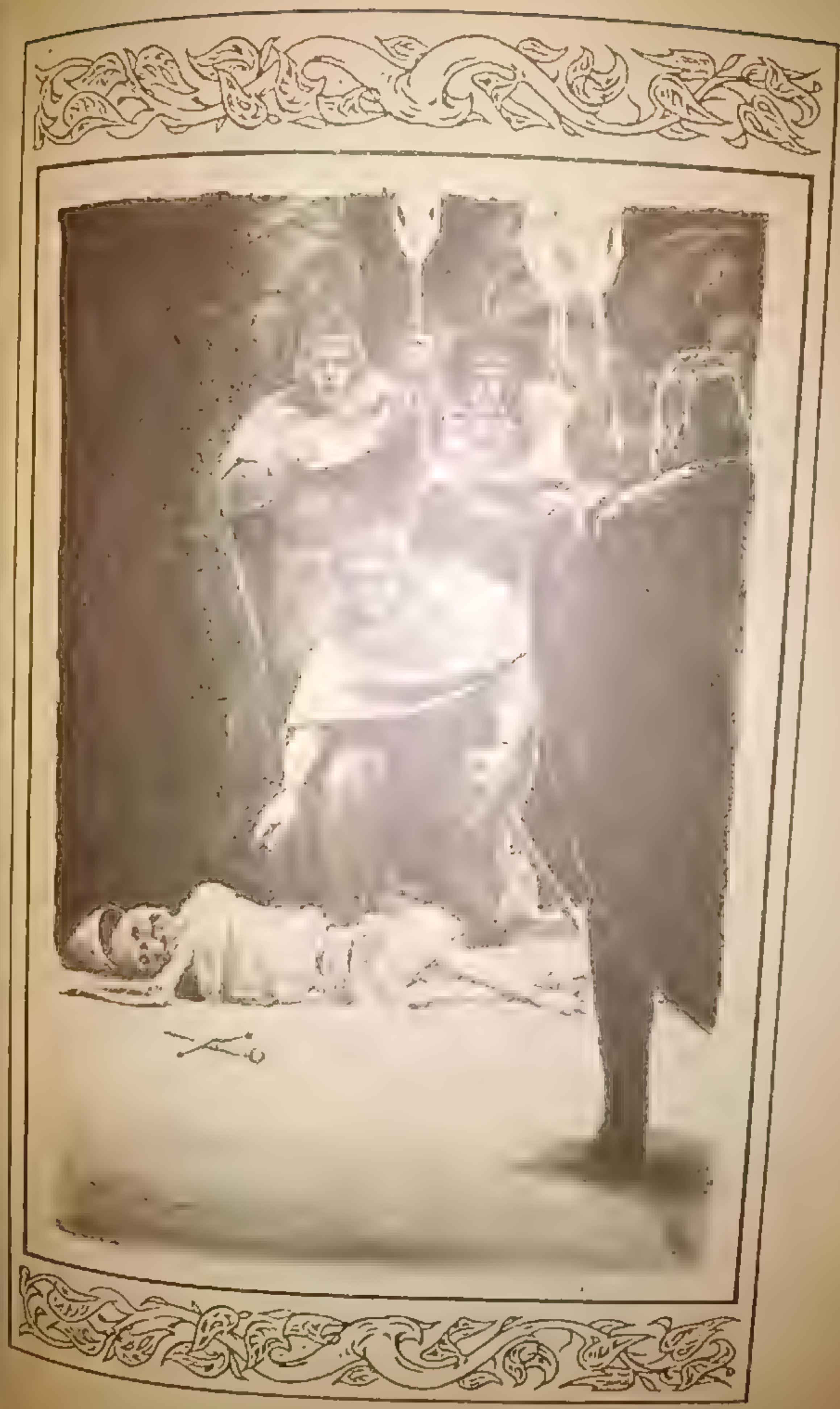
– Перед нами Мортонд, [illegible] холодная река, впадающая в Море неподалеку от Дол Амрота. Люди зовут ее Черный Корень.

Ступенчатые склоны долины Мортонда заросли травой, но в послезакатный час все вокруг казалось серым. Далеко внизу светились огни в домах людей. Плодородной и густо населенной была эта долина.

Арагорн привстал на стременах, и его голос раскатился над долиной Мортонда.

– Друзья! Забудьте усталость! Вперед! Нам нужно попасть к Камню Эреха до ночи, а путь еще долог.

Отряд промчался по горным лугам, проскакал через мост над стремниной и начал спускаться в долину. По мере их приближения паника охватила селение. Двери домов захлопывались, люди бросали работу и, крича от страха, разбегались, как лани от охотников. Раздался крик, который сразу же подхватило множество голосов: «Король Мертвых! Король Мертвых идет!»



Заполошно звонили колокола, все живое бежало перед отрядом Арагорна. Но всадники стремительно пронеслись мимо и еще до полуночи, во мраке, который был непрогляднее подгорного, достигли Холма Эреха.

Ужас, рожденный призрачным воинством, словно саван накрыл все вокруг. На вершине холма чернел большой камень, круглый, в человеческий рост высотой, наполовину вросший в землю. Странным и нездешним выглядел он. Многие верили, что когда-то он упал с неба, но те, кто не забыл предания Западного Края, говорили, что его принес и установил здесь славный Исилдур. Родиной камня был Нуменор. Как бы там ни было, но к камню подходить боялись. Люди верили, что здесь встречаются тени мертвых. Тогда над холмом можно слышать странный неумолчный шепот.

Отряд остановился на вершине холма. Элрохир передал Арагорну тяжелый, отделанный серебром рог. Арагорн громко протрубил в него и прислушался. Следопытам показалось, что где-то далеко в холмах прозвучали ответные рога, а может, это было только эхо. Тогда над холмами нависла тягостная тишина, все были уверены, что вокруг собралось огромное незримое воинство. Холодный ветер, словно дыхание призраков, подул с гор.

Арагорн спешился и, встав возле камня, вскричал:

– Клятвопреступники! Зачем вы пришли?

И в ночи послышался одинокий глухой голос, ответивший словно издалека:

– Исполнить клятву и обрести покой.

Тогда Арагорн молвил:

– Час настал. Мой путь лежит к Пеларгиру на Андуине. Когда во всех этих землях не останется ни следа слуг Саурона, я сочту старую клятву исполненной и отпущу вас с миром. Я – Элессар, потомок Исилдура и законный владыка Гондора, повелеваю – следуйте за мной!

По его знаку Хальбарад развернул знамя, до тех пор скрытое в чехле. Во мраке было не разглядеть символов, вышитых на нем, и полотнище казалось черным. Еще более полная тишина легла на холмы. Ни шороха, ни шепота, ни вздоха не было слышно в стылом воздухе. До рассвета никто из отряда не сомкнул глаз. Удушливый страх, исходивший от теней, окруживших холмы, клубился над Камнем Эреха

Холодный и бледный рассвет только еще занимался, а Арагорн уже вел отряд по пути, труднее которого не изведал никто из смертных. Дунаданы-северяне, гном Гимли и эльф Леголас преодолели эту дорогу, ведомые его стальной волей, не знающей преград.

Они миновали перешеек Тарланга, Ламедон, и вышли к Калембелу на Кириле, когда багровое солнце уже опускалось за Пиннат Гелин у них за спиной. Огромное призрачное войско неотступно шло следом, а впереди мчался крылатый страх. Долина Кирила лежала перед ними опустошенной, немногие оставшиеся в живых бежали в холмы, почуяв приближение Мертвых.

На другой день не рассвело. Отряд ушел во тьму Мордора и скрылся из глаз смертных. Войско Короля Мертвых последовало за ним.

Глава III

РОХАН СОБИРАЕТ ВОЙСКА

Отныне все дороги вели на восток, навстречу Тьме. В тот самый час, когда Пиппин, стоя перед Воротами Города, смотрел на входящие войска, король Рохана во главе большого отряда Всадников спускался с гор.

Вечерело. Длинные тени, перегоняя лошадей, бежали впереди по долине. На лесистых склонах было уже темно. После дня пути король ехал медленно. Тропа, огибая огромный скальный уступ, нырнула под своды тихо шепчущих елей. Все ниже и ниже спускался отряд в долину. Блеск водопадов приглушали сумерки.

Весь этот день воины спускались

вниз вдоль ручья; теперь вместе с ними он устремился в широкую долину, поглотил небольшой приток и, взбивая пену помчался по камням к Эдорасу. В верховьях долины, словно запирая ее, высился могучий горный пик с вершиной, укрытой вечными снегами. На восточных его склонах густо голубели тени, западные склоны пылали в огне заката.

Мерри с изумлением озирался по сторонам. Ему было интересно в незнакомой стране. Это был край без неба; в туманной дымке глаз различал только горы, каменная стена вставала за стеной, меж ними разверзались пропасти, заполненные туманом. От могучих водопадов воздух тихо звенел, шумели деревья, стучали по камням копыта. Раньше Мерри любил слушать о горах, думать о них, но теперь, когда горные хребты вздымались вокруг под самые небеса, он чувствовал себя неуютно, живо ощущая исполинскую тяжесть, гнетущую грудь Средне-земья. Слишком они были большие, глядя на них, хотелось оказаться в маленькой комнатке возле камина.

Отряд был в пути уже третий день. Шли почти без отдыха, и Мерри не на шутку устал. Когда дорога позволяла, он ехал рядом с правителем, не замечая улыбок Всадников. Пожалуй, выглядели они действительно забавно: хоббит на косматой, коренастой серой лошадке и король Рохана на могучем белом коне. Мерри рассказывал о Шире или слушал легенды о Рохане. Но чаще он следовал позади Теодена, прислушиваясь к медленной, звучной речи Всадников. Иногда слова их языка напоминали ему родной говор, но смысл ускользал. Зато песни Всадников ему очень нравились.

В этот вечер Мерри особенно остро чувствовал одиночество. В голове теснились мысли о любезном друге Пиппине, о Гимли, Леголасе, Арагорне, и вдруг резануло по сердцу воспоминание о Фродо и Сэме. «Я начал забывать о них, – упрекнул он самого себя. – А ведь все, что мы делаем, делается ради них. Представляю, каково им там одним, и на сотни лиг вокруг них ни одного друга. Живы ли они?» Он вздохнул.

– Вот и Харрог, – сказал Йомер. Мы почти на месте.

Словно через высокое окно смотрели они на огромную долину внизу. Там уже стемнело. Лишь один огонек мигал у реки.

– Это место недолго пробудет нашим пристанищем, печально промолвил Теоден. – До цели неблизко. Прошлой

ночью луна была полной, и утром я должен быть в Эдорасе. Там ждут войска.

– Государь, – понизил голос Йомер, – не пренебрегайте моим советом. Напутствуйте воинов и возвращайтесь сюда. А когда кончится война...

Теоден с улыбкой остановил его.

– Нет, сын мой. Отныне я буду называть тебя так. Твоим устам не подобает изрекать, а моим [illegible] слушать коварные речи Червослова. – Король выпрямился [illegible] обернулся, оглядывая сдвоенный ряд Всадников. – Мне [illegible] что прошли не дни, а годы, с тех пор, как я [illegible] в этот поход, но я не хочу больше опираться на посох. [illegible] война будет проиграна, чего мне ждать, хоронясь [illegible] гор? А если нас ждет победа, гибель моя не будет [illegible] чрезмерной ценой. Оставим пока этот разговор. Нынче ночью [illegible] отдыхаю в крепости Дунхарг. Хоть один мирный [illegible] остался. Вперед!

Поздним вечером они спустились [illegible] Речка Снежона текла по западному ее краю и [illegible] вывела их к броду. При появлении отряда из тени [illegible] выступили воины и приветствовали короля. Один из [illegible] протрубил в рог. Сигналу ответили другие рога, и за рекой [illegible] зажигаться огни.

Внезапно откуда-то сверху грянул [illegible] хор труб. Звонкое эхо заметалось меж каменных [illegible]

Так король Рохана вернулся с [illegible] к подножию Белых Гор. Его ожидали. Как только дозорные известили о приближении отряда, военачальники [illegible] навстречу королю. Дунхир не замедлил выложить новости, полученные от Гэндальфа.

– Правитель! – сказал он. – Три дня назад, на рассвете, Среброгрив вихрем примчался в Эдорас, и Гэндальф обрадовал наши сердца вестью о победе. Он передал ваш приказ насчет сбора войскам. А потом... появилась крылатая тень!

– Так она и здесь побывала? – спросил Теоден и в ответ на недоуменный взгляд пояснил: – Мы видели ее еще до отъезда Гэндальфа.

– Может быть, это и та же, – ответил Дунхир, – а может, другая, но она пролетела утром над самой крышей дворца, и, как хотите, правитель, но мы не могли пошевелиться от ужаса. Вот тогда Гэндальф и посоветовал нам не собираться на открытом месте, а встретить вас здесь, в ущелье, в тени

гор. И он велел не зажигать огней, кроме самых необходимых. Старец распоряжался от твоего имени, мы все исполнили, как он требовал.

– Хорошо, – коротко одобрил Теоден. – Я направляюсь в крепость и через час жду всех военачальников на совет.

Дорога теперь вела точно на восток, к устью долины. Впереди Мерри с трудом различал горные кряжи и рассеченную пополам речной долиной вершину Стылого Рога. Теперь им попадалось все больше людей. Они толпились вдоль дороги, приветствуя короля и Всадников. Ряды шатров, коновязи, острова копий, по обычаю поотрядно вонзенных в землю, сложенные рядом щиты – близкое дыхание войны неузнаваемо изменило эту землю. С вершин тянуло холодным ветром, но на равнине незаметно было ни одного огня. Взад-вперед расхаживали закутанные в теплые плащи часовые.

Мерри гадал, сколько здесь Всадников. В темноте было не разобрать, но в любом случае численность войск превышала несколько тысяч. Пока он глазел по сторонам, отряд приблизился к восточному краю долины, и тропа круто пошла вверх. Мерри присвистнул. Такого он, пожалуй, еще не видел. Уже не тропа, а настоящая дорога – творение древних каменотесов – причудливым зигзагом взбиралась по крутому склону утеса. По ней могли подняться и кони, и повозки, но для врага все эти повороты и острые углы становились непреодолимым препятствием. На каждом повороте торчали изваяния огромных неуклюжих людей, сидевших на корточках, скрестив ноги и сложив на толстых животах короткие ручки. Время стерло их лица, оставив лишь дыры глазниц, печально взирающих на проходящих. Всадники не обращали на идолов внимания, а Мерри разглядывал скорбные силуэты статуй с любопытством и почти с жалостью.

Когда отряд поднялся над долиной на несколько сот футов, хоббит оглянулся и различил далеко внизу цепочку Всадников, пересекающих брод и растекающихся по приготовленным для них бивакам. Только король со свитой поднимался в крепость. Наконец, дорога, нырнув в проем, вышла на плато, поросшее травой и вереском, высоко над ущельем Снежицы. Между Стылым Рогом на юге и зубастым хребтом Йерензага на севере вставала стена Обжитой Горы. Посреди плато тянулся двойной ряд огромных каменных глыб. Этот

коридор уводил к черному Димхольту, к страшному каменному столбу и разверстой пасти Запретной Двери.

Таким был Дунхарг, древняя крепость, строителей которой не помнили уже ни песни, ни легенды. Зачем возвели они эту твердыню, тайный храм или усыпальницу – никто не знал. Было это в Темные Годы, когда ни один парус не показывался у западного побережья, а дунаданский Гондор еще не начинал строиться. Неведомые зодчие исчезли, оставив после себя только странных придорожных идолов.

Камни на плато выветрились и почернели, одни наклонились, другие и вовсе упали, треснули или рассыпались. Теперь они напоминали челюсть дряхлого старика. Мерри призадумался: зачем они здесь, и вздрогнул, надеясь, что король не поведет отряд этим мрачным коридором. Потом он разглядел по обе стороны дороги шатры и палатки, лепившиеся к самому краю плато. Справа [illegible] просторнее, их было больше, слева виднелся [illegible] лагерь с высоким шатром в центре. От шатра навстречу [illegible] поскакал всадник. Мерри ужасно удивился, разглядев [illegible] женщину редкой красоты; длинные волосы ее [illegible] убраны в косы, а одежду дополняла кольчуга и меч на поясе.

– Приветствую повелитель! – звонко крикнула она еще издали. – Сердце радуется вашему возвращению.

– И я рад тебе, Йовин, – отвечал король. – Все ли в порядке здесь?

– Все хорошо, повелитель! – Ответ был бодрым, но Мерри показалось, что голос женщины дрогнул, он даже решил было, что она недавно плакала, хоть в это с трудом верилось. – Все хорошо. Поначалу пришлось нелегко. Людей сорвали с места. Ворчали многие, но обошлось без злых дел. От войны успел отвыкнуть твой народ, повелитель. Но сейчас все улажено, устроено. Я ждала вас именно сегодня.

– Значит, Арагорн здесь? – спросил Йомер.

– Нет. – Йовин повернулась и долгим взглядом окинула горы на юго-востоке. – Он прибыл вчера ночью, но на рассвете уже уехал.

– Ты опечалена, дочь моя? – участливо произнес Теоден. – Что случилось? Скажи, он говорил тебе, куда направляется?

– Да, – ответила Йовин. – Он ушел в тень, из которой не возвращаются. Его нет больше. Тропы Мертвых поглотили его.

– Наши дороги разошлись, – с горечью сказал Йомер, – и наши надежды гаснут.

Правитель и сопровождающие его удалились в приготовленные шатры. Оказалось, что для Мерри рядом с шатром Теодена тоже поставлена палатка. Там он и сидел один, наблюдая за суетой в лагере и раздумывая о том, что слышал.

– Тропы Мертвых… – бормотал он. – Что бы это могло быть? Все друзья разбрелись кто куда. Гэндальф с Пипином сражаются на востоке, Фродо с Сэмом – в Мордоре, а теперь вот и Колоброда с Гимли и Леголасом понесло на эту самую Тропу Мертвых. Видно, скоро и моя очередь.. – Но додумать ему не дали, потому что труба позвала на обед; тут же пришел посланный и пригласил Мерри к столу правителя. Теоден встретил его ласково, и вместо того, чтобы, как подобало оруженосцу, прислуживать за столом, Мерри был усажен на особое место. Слева от короля он увидел за столом Йомера, Йовин и Дунхира.

Трапеза проходила в молчании, и Мерри не сразу собрался с духом, чтобы задать мучивший его вопрос.

– Повелитель, – произнес он наконец, справившись со смущением, – здесь говорили о Тропах Мертвых. Что это за путь? И куда ушел Колоброд, ну то есть князь Арагорн?

Король лишь вздохнул. Вместо него ответил Йомер:

– Оттого и тяжесть у нас на сердце, что мы не знаем, где теперь Арагорн. Тропы Мертвых… – Он помолчал. – Ты и сам прошел по ним несколько шагов. Нет, я не о дурных предзнаменованиях! Дорога, по которой мы пришли, ведет через Димхольт к Двери. А что за ней – не знает никто из живущих.

– Не знают, не помнят или не хотят помнить, – проговорил Теоден, – но есть одна древняя легенда… Ее долго передавали от отца к сыну в роду Йорлов. В легенде говорится, что за Дверью начинается тайная тропа,. она идет под горами… куда? О том не помнят уже. С тех пор, как Балдор, сын Брего, вошел в Дверь и навеки пропал для мира живых, никто не отважился последовать за ним. Однажды на пиру в только что построенном Золотом Дворце Балдор, осушив до дна рог, дал опрометчивую клятву… и трон Эдораса, который он должен был унаследовать, так и остался пуст.

Люди говорят, что Мертвые Темных Лет стерегут этот путь, и живым не войти в их тайные залы. Временами их тени видят по эту сторону Двери на каменной дороге. Тогда в Харроге запирают дома и дрожат от страха. Но Мертвые показываются редко, только перед большими бедами.

– В Харроге говорят, – тихо добавила Йовин, – что в последнее новолуние целая призрачная армия маршем прошла по дороге и исчезла в горе. Они спешили, словно войска на место сбора.

– А зачем же все-таки Арагорн пошел туда? – так и не понял Мерри.

– Ты, его друг, не знаешь, – покачал головой Йомер, – не знаем и мы. Арагорн из тех, кто сам выбирает пути, а нынешний его выбор неведом для живых.

– Он сильно изменился с тех пор, как я впервые увидела его в королевском дворце, – сказала Йовин. – Он стал непреклоннее... Может быть, его призвали Мертвые... тогда он обречен.

– Может, он и призван, – откликнулся Теоден. – Сердцем чувствую, что не увижусь с ним больше. Но он – благородный человек высокой судьбы. Я вижу, дочь моя, ты беспокоишься о нашем госте, но вспомни предание и утешься. Когда Йорлинги пришли с севера и поднялись по Снежице, подыскивая места для укреплений, Брего с сыном Балдором взобрались по Лестнице и вышли к Двери. На пороге сидел старик по виду старше самого времени. Наверное, некогда был он высок и знатен, а теперь иссох, как древний камень. Сначала они и приняли его за камень, но, когда попытались войти, словно из-под земли донесся до них его голос, на западном наречии произнесший: «Здесь нет пути».

Они остановились, разглядывая его, и поняли, что он еще живой, но их не видит. «Здесь нет пути, – снова повторил старец. – Это путь Мертвых, и Мертвые хранят его до срока. Для живых путь закрыт». «А когда настанет срок?» – спросил Балдор, но ответа так и не получил. Ибо старик умер в тот же миг и упал ничком. Так наш народ и не узнал ничего больше о древних жителях гор. Быть может, настал срок и Арагорну удастся пройти.

– Но как узнать человеку, пришел час или нет, не войдя в Дверь? – сказал Йомер. – Окажись я один против всех пол-

чищ Мордора, и то я не выбрал бы этот путь. Жаль потерять столь отважного воина в такой нужный час! Мало разве зла на земле, чтобы искать его еще и под землей? До войны рукой подать...

Он умолк. Снаружи послышался шум, кто-то выкликал имя Теодена. В шатер вошел начальник караула и доложил:

– Правитель, прибыл гонец из Гондора и просит принять его немедленно.

– Пусть войдет, – распорядился Теоден.

Гонец вошел, и Мерри чуть не вскрикнул от неожиданности – так этот гонец был похож на Боромира. Поверх серебряной кольчуги у воина был накинут зеленый плащ, на шлеме поблескивала серебряная звездочка. Преклонив колено, он протянул Теодену стрелу с черным оперением и красным наконечником.

– Приветствую повелителя рохирримов и друга Гондора, – сказал посланец. – Я – Хиргон, гонец Денетора. Правитель шлет тебе этот знак войны. Гондор в великой опасности. Часто помогали нам рохирримы, но сейчас Денетор призывает тебя отдать ему все и как можно быстрее. Иначе Гондор падет.

– Красная Стрела! – воскликнул Теоден, и рука его дрогнула. – На моей памяти она не появлялась в Рохане. Какой же помощи ждет от меня могучий Денетор?

– Вам о том лучше знать, повелитель, – ответил Хиргон. – Минас Тирит может быть окружен. Может, у вас и хватит сил прорвать осаду, но Правитель Денетор просил передать, что, на его взгляд, войска рохирримов принесут больше пользы внутри, чем снаружи.

– Но он же знает, что наш народ привык сражаться верхом и на равнине! А потом, нам нужно время, чтобы собрать Всадников. К тому же Правителю Минас Тирита известно наше положение. Мы уже ведем войну, как видишь, и твои вести нас не застали врасплох. С нами был Гэндальф Серый, по его совету мы начали готовиться к битве на востоке.

– Мне неизвестны мысли благородного Денетора, – ответил воин, – но он просит вспомнить прежнюю дружбу и старые клятвы. Война идет на нас отовсюду. Положение отчаянное. По нашим сведениям, многие восточные короли перешли на службу Мордору. Война везде. С юга движутся харадримы, наши побережья в огне, оттуда нечего ждать

помощи. У стен Города решается судьба нашего времени. Денетор просит тебя торопиться, правитель. Если мы не остановим врага под Городом, Рохан тоже не устоит. Заклинаю тебя внять просьбе Денетора.

– Мрачные вести, – промолвил Теоден, – хоть и не совсем неожиданные. Передай Денетору: мы придем к нему на помощь. Но мы понесли большие потери в битве с изменником Саруманом, и теперь, после твоих вестей, нам надо подумать о защите своих владений на севере и на востоке. Сил Темного Властелина вполне хватит, чтобы осадить Город и одновременно ударить через Реку на Врага Королей.

Но мы не будем больше обмениваться благоразумными советами. Мы придем. Сбор войск назначен на завтра. Мы выступим, как только будем готовы. Десять тысяч копий под моей рукой, но четыре придется оставить в Эдорасе. Шесть тысяч приведу я. Передай Денетору, что в этот грозный час сам король Рохана идет в Гондор, хоть и не надеется вернуться назад. Но путь неблизок. Раньше чем через неделю вам не услышать боевой призыв Всадников.

– Неделя! – горестно воскликнул Хиргон. – Через неделю вы можете найти одни разрушенные стены, если не подоспеет неожиданная помощь. Разве что спугнете орков и не дадите южакам пировать в Белой Башне.

– Если не останется ничего другого, сделаем хотя бы это, – сдержанно отозвался Теоден. – У нас за спиной сражение и долгий путь, мы нуждаемся в отдыхе. Нет пользы в усталых воинах. Отдохни и ты. Завтра увидишь сбор войск, и твой обратный путь будет не так уж мрачен. Утро вечера мудренее.

С этими словами король поднялся.

– Всем отдыхать! – приказал он. – И ты, добрый Мериадок, свободен сегодня, но завтра с восходом солнца будь наготове.

– Я буду готов, – ответил Мерри, – даже если вы позовете меня на Тропы Мертвых.

– Надеюсь, этого не случится, – слабо улыбнулся король. – Но теперь и простые дороги могут оказаться путями мертвых. Впрочем, о твоих дорогах мы подумаем завтра. Доброй ночи.

Мерри засыпал в своей палатке с радостной мыслью, что он тоже нужен, что его не оставят здесь одного. Ему показалось, что не успел он закрыть глаза, а его уже будят

– Но еще же совсем темно, – возмутился он, – солнце же не взошло еще!

– И не взойдет, – сурово ответил будивший его Всадник. – Время не терпит, подымайся скорее. А солнце... может быть, не взойдет никогда.

Мерри поспешно оделся и вышел. Мир потемнел. Сам воздух казался бурым, а все вокруг – тусклым и бесформенным. В темном небе не разглядеть было облаков, только далеко на закате, куда не дотянулись еще цепкие лапы мрака, пробивался слабый свет. Небо нависло тяжелым сводом, угрюмым и однообразным. Люди вокруг тревожно переговаривались. Многие выглядели испуганными.

В шатре Теодена Мерри застал еще одного гонца из Гондора и узнал, что накануне, на восходе солнца, от границ Мордора поднялась Тьма, она накрыла уже всю землю от Хмурых Гор до полей Рохана и продолжает сгущаться. Война началась.

Король долго молчал.

– Вот она и пришла, наконец, – медленно проговорил он, – величайшая из битв нашего времени. Теперь нам незачем больше скрываться. Мы выступим открыто и как можно быстрее. Мы не будем ждать тех, кто замешкался. Хватит ли запасов в Минас Тирите? – обратился он к гонцу. – Если нужна скорость, мы выступим налегке.

– Запасов хватает, – ответил Хиргон. – Не берите лишнего. Скачите быстрее!

– Тогда зови герольдов, Йомер, – сказал Теоден. – Пусть войска строятся.

Йомер вышел, и сейчас же затрубили трубы. В неподвижно-мрачном воздухе звуки были хриплыми и дребезжащими.

Правитель положил руку на плечо Мерри.

– Ну вот, добрый Мериадок, я иду в бой. Ты свободен от своих обязанностей, но не от моего дружеского расположения. Мне бы хотелось, чтобы, оставшись здесь, ты служил Йовин. Она будет замещать меня.

– Повелитель, – дрожащим голосом, со слезами на глазах проговорил Мерри, – я хочу только одного: быть рядом с вами. Все мои друзья отправились на войну, а я должен остаться в стороне?

– Но наши кони слишком велики для тебя. Тебе не справиться с ними.

– Тогда привяжите меня к седлу, но не оставляйте здесь! – взмолился Мерри. – А если нельзя ехать верхом, позвольте бежать за вами. Пусть я сотру ноги до колен, но не отстану.

Теоден улыбнулся.

– Ну, зачем же так! Лучше я возьму тебя к себе на седло. Хорошо, – решил он, – будешь сопровождать меня в Эдорас. Войска выступят оттуда.

Мерри отошел, сильно опечаленный, но тут его крепко взяли под руку, и он увидел Йовин.

– Идем со мной, доблестный Мериадок, – сказала она без улыбки. – Арагорн просил меня подобрать тебе подобающее вооружение.

Она привела его в шатер свиты Теодена. Там оружейник вручил Мерри шлем, круглый щит с белым конем на зеленом поле и другое необходимое снаряжение по росту.

– Ни кольчуги, ни панциря для тебя не нашлось, – сказала Йовин, – а сейчас ковать их уже поздно. Но вот тебе от меня кожаная куртка и пояс для твоего меча. Пусть они принесут тебе удачу. Прощай, добрый Мериадок, может быть, еще свидимся.

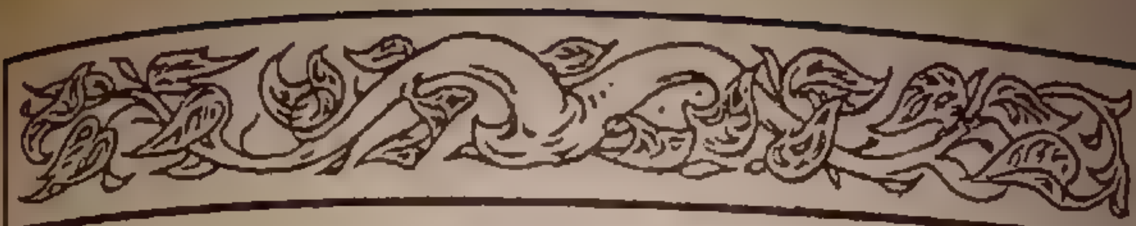
Мерри в ответ молча низко поклонился ей.

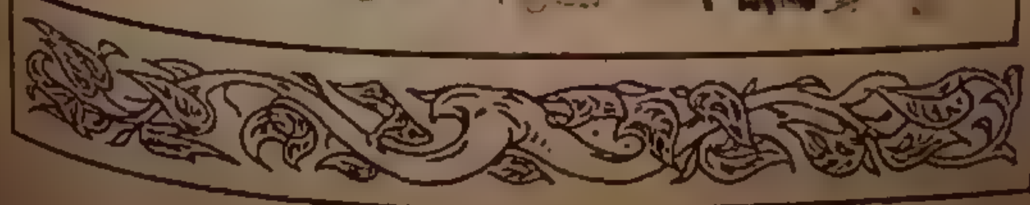
Так в сгущающемся мраке король Рохана готовился выступить по восточной дороге. С тяжелым сердцем отправлялись Всадники в бой, но это были суровые люди, верные своему королю. Никто не роптал, даже в лагере, где размещались женщины, старики и дети, не заметно было ни слез, ни жалоб. Рок навис над страной, но рохирримы принимали судьбу молча.

Быстро пролетели два часа. Король, высокий и величавый, на белом коне, который, казалось, мерцал в полумраке, объезжал строй. Люди дивились и радовались, видя его исполненным решимости.

На широких полях вдоль берега реки выстроились Всадники в полном вооружении и легкие лучники. Прозвучал единственный рог. Король поднял руку, и войска двинулись.

Во главе шли двенадцать военачальников, все ветераны, покрытые славой. Король распрощался с Йовин еще в крепости и теперь думал лишь о предстоящем пути. Справа ехал Йомер, позади – Мерри на своей лошадке, за ним следовали гондорские гонцы, а еще дальше – снова двенадцать королевских рыцарей. Они проехали вдоль длинного ряда людей, ожидавших своей





с суровыми, неподвижными лицами. Эскорт миновал левый фланг строя, и вдруг Мерри поймал взгляд одного из Всадников: «Молодой воин, – подумал хоббит, возвращая взгляд, – помоложе и погибче остальных». Он уловил блеск ясных серых глаз и вздрогнул – так смотрят те, кто оставил надежду и ищет лишь смерти.

Вниз по дороге вдоль Снежицы спускались они. Женщины, стоя в темных проемах дверей, провожали воинов печальными возгласами. Так, без песен, без музыки, без звуков рогов начался великий поход на восток, о котором и много поколений спустя пели в Рохане

Из Дунхарга утром неласкового дня
Сын Тенгеля выехал с верною свитой
И в Эдорас прибыл. Златые чертоги,
Сиявшие некогда пламенем и светом,
Наполнены были тяжелою мглой,
Высокие рощи — одеты туманом.
Недолгим и тягостным было прощанье
С местами святыми и верным народом,
Со всеми, кто помнил счастливые годы,
Царившие до наступления тьмы.
Отринув сомненья, навстречу судьбе
Король поспешил, верный данным обетам.
Путь Йорлингов длился пять дней и ночей,
Их видели Фолд, и Фириен, и Фенмарх:
И к Мундбургу вышли шесть тысяч бойцов
Могучему граду властителей Моря.
Он был осажден многотысячным войском,
И черный огонь вздымался, неистов,
Вкруг стен крепостных. И в великом сраженье
Всех смерть приняла. Уходили во мрак
И всадник, и конь. И в тени угасали
Удары копыт... Так поведали песни.

В полдень они были в Эдорасе. Тьма по-прежнему окутывала все кругом стылым саваном. Казалось, что наступил поздний вечер. Теоден отдавал приказания вновь прибывшим отрядам, а потом, отпустив военачальников, ласково, но твердо простился с Мерри.

– Твоей лошадке не выдержать этого пути, – сказал правитель. – На полях Гондора нам предстоит такая битва, в которой падут многие могучие воины. Для тебя там не найдется ничего, кроме гибели.

– Кто может это знать? – пылко возразил Мерри. – Я ваш оруженосец, и мое место рядом с вами. Я не хочу, чтобы обо мне потом говорили как о ненужной вещи, от которой всем хочется избавиться.

– А я хочу спасти тебя, – грустно ответил Теоден. – Не забывай, ты обещал повиноваться мне. Если бы битва шла у стен Эдораса, я не сомневаюсь, что о твоих подвигах сложили бы песни. Но до Гондора сто двадцать лиг. Никто из Всадников не может взять тебя с собой Это мой приказ, Мериадок, и больше мы не будем говорить об этом.

Донельзя огорченный, Мерри смотрел, как строились войска. Почувствовав рядом чье-то присутствие, хоббит обернулся и увидел молодого Всадника.

– «Для твердой воли нет преград», – шепнул Всадник. – так говорят у нас в Рохане. Мне кажется, ты хотел бы быть вместе с правителем в этом походе?

– Да, очень хотел, – ответил Мерри, – но...

– Так можешь ехать со мной, – неожиданно сказал воин и подмигнул ошеломленному хоббиту. – Сядешь впереди, я прикрою тебя плащом, в этом сумраке никто не заметит. – И добавил с затаенной скорбью: – Нельзя отказывать тому, кто так стремится помочь. Но – никому ни слова! Идем, пора собираться.

– Очень благодарен вам! – радостно ответил Мерри. – Но я не знаю даже вашего имени.

– Разве? – усмехнулся Всадник. – Зови меня Дернхельм.

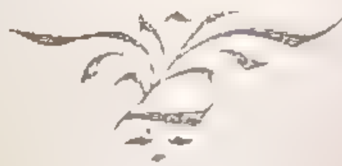
Вот так и случилось, что, когда войска Рохана выступили, Мерри сидел в седле впереди Дернхельма, а серый конь даже не замечал этого, потому что молодой воин, хотя и был силен и ловок, но все-таки и ростом и статью уступал другим Всадникам.

Они двинулись навстречу сумраку. Первый ночлег устроили они в ивовых зарослях, где Снежица впадает в Энтову Купель, в двенадцати лигах от Эдораса. А наутро – снова вперед, через Фолд и через Финмарх, где по правую руку Священные

Дубравы взбирались по отрогам к рубежам Гондора, а п… левую руку лежали туманы над болотами в устье Энтово… Купели. Они скакали, а навстречу неслась молва о войне на севере. Растерянные, испуганные люди говорили о врага… напавших на восточные границы, об орочьих ордах, бесчи…ствующих в степях Рохана.

– Вперед! – командовал Йомер. – Теперь поздно повора…вать. Топи Энтовой Купели прикроют нас слева. Надо спеши… Вперед!

Король Теоден покинул пределы Рохана. Перед его войск… лежал долгий путь. Сигнальные Холмы вставали по сторон… один за другим: Каленхад, Мин Риммон, Эрелас, Нардол. Н… не было огней на их вершинах. Серые, молчащие зем… простирались вокруг, все темнее становилось под небом и слабее грела сердце надежда.



Глава IV

ОСАДА ГОРОДА

Гэндальф разбудил Пиппина. За окнами по-прежнему было темно, в комнате горели свечи. Духота стояла, как перед грозой.

— Который час? — спросил Пиппин, зевая.

— Начало третьего, — ответил маг. — Одевайся, тебя призывает Правитель. Надеюсь, ты не забыл, что служишь ему?

— А он даст нам позавтракать?

— Нет. Завтрак готов, — Гэндальф кивнул на стол, — и до обеда больше ничего не будет. В Городе экономят провизию.

Пиппин угрюмо разглядывал небольшую краюху хлеба, очень маленькую

(на его взгляд) порцию масла и чашку молока.

– И зачем ты меня привез сюда? – проворчал он.

– Чтобы помешать тебе делать глупости, – в тон ему ответил маг. – Если тебе здесь не по нраву, то кроме себя винить некого.

Пиппин насупился и замолчал.

Когда Гэндальф снова привел его в зал со статуями и колоннами, Денетор сидел на том же самом месте. «Как старый, терпеливый паук, – подумалось Пиппину, – он что, так со вчера и сидит тут?» Правитель предложил Гэндальфу сесть, не обращая внимания на стоящего Пиппина, но потом живо обернулся к хоббиту.

– Ну что, добрый мой Перегрин, надеюсь, ты провел вчерашний день с пользой и приятством. Вот только угощение могло показаться тебе скудноватым. Но – война. – Он слегка развел руками.

Пиппин покраснел. Ему показалось, что Правителю известны не только его слова, но и мысли.

– Что же ты намереваешься делать у меня на службе? – спросил Денетор.

– Я думаю, что повелитель укажет мои обязанности.

– Укажу. Когда узнаю, что ты можешь. А для этого лучше всего оставить тебя при себе. Будешь выполнять мои поручения, беседовать со мной, когда будет время. Петь умеешь?

– Умею, – обрадованно кивнул Пиппин. – Пою я хорошо. – Он немного смутился. – Так у нас говорили. Но наши песни не очень-то годятся для дворцовых покоев, да и для тяжелых времен тоже. Самое страшное, о чем поют в Шире, – это ветер или дождь, а так все больше о смешном, о пирушках, например.... – Тут он совсем смешался и умолк.

– Так почему бы не спеть об этом в моем дворце? – усмехнулся Денетор. – Над Гондором давно сгущается мрак, наоборот, приятно было бы услышать, что есть еще не затемненные земли. Мы бы почувствовали тогда, что труды наши не пропадают даром.

Однако Пиппина эти слова не разуверили. Как-то не мог он представить себе незатейливые песенки Шира, звучащие в этом великолепном зале. Но Денетор уже обратился к Гэндальфу. Они заговорили о Рохане, о намерениях Теодена, об Йомере, племяннике правителя. Пиппин только дивился

как много известно Денетору о тамошних делах, к тому же из разговора он понял, что Правитель много лет не покидал пределов Гондора. Он уж решил было, что о нем забыли, но тут Денетор обратился и к нему.

– Отправляйся в арсенал, – сказал он, – там приготовлена для тебя одежда и вооружение. Прими подобающий вид и возвращайся.

В арсенале Цитадели Пиппин облачился во все черное с серебром. Теперь на нем была черная кольчуга, черный же шлем с крыльями по бокам и серебряной звездочкой в налобье. Кольчугу спереди прикрывал шитый серебром нагрудник с изображением цветущего дерева. Длинный широкий плащ дополнял одеяние. Прежнюю его одежду убрали, позволили оставить только серый лориенский плащ, но с условием не носить его на службе. Новый наряд был роскошен, но Пиппин стеснялся его. К тому же ему так надоел постоянный сумрак, что настроение совсем испортилось.

Сумрак сгущался. С востока, из Страны Мрака, ветер пригнал тяжелую тучу. Она словно придавила Город. Воздух на улицах был душным и неподвижным, как вода в болоте. Вся долина Андуина замерла в ожидании бури.

Пиппин освободился только к вечеру. Желудок повлек его на поиски обеда. По счастью, в столовой он встретил Берегонда, только что вернувшегося с Пеленнорских полей. Они вместе поели и отправились на стены, туда, где проводили время вчера.

Был час заката, но солнце не могло пробить плотный заслон туч. Только в последний миг над Морем сверкнул его прощальный луч. Именно в этот миг Фродо стоял на Перекрестке над поверженной головой каменного Короля. Но на полях Пеленнора не было никакого проблеска. Холодными и темными оставались они.

Пиппину казалось, что вчерашний и сегодняшний день разделяют годы. Вчера он был еще простым беспечным хоббитом, на котором перенесенные опасности не оставили заметного следа, а сегодня... Сегодня он – воин в Городе, который готовится к жестокой битве. Он носит пышную, мрачную одежду; в другое время это была бы восхитительная игра, но теперь все было всерьез. Он, Пиппин, на службе у настоящего, гордого

и могущественного правителя, и опасность, нависшая над Городом, – самая настоящая. Кольчуга, шлем, плащ, – все казалось тяжелым, все угнетало. Он длинно вздохнул.

– Что, устал сегодня? – участливо спросил Берегонд.

– Устал, – согласился Пиппин. – Устанешь, когда ждешь и больше ничего. Я несколько часов простоял у дверей, пока у Денетора шел военный совет. Конечно, я понимаю, это высокая честь, да только что от нее пользы натощак.. По правде сказать, и от еды в этом мраке пользы тоже не чувствуешь. И не туман, и не облака, сам воздух какой-то бурый. У вас так всегда при восточном ветре?

– Нет, – ответил Берегонд. – Это ведь не простой сумрак, это – чары Врага. Этот мрак, он смущает ум и сердце. Хорошо бы Фарамир возвращался побыстрее. Его долго нет, все в Городе обеспокоены.

– Да. Вот и Гэндальф тоже, – заметил Пиппин. – Он сегодня ушел с совета очень недовольный. Похоже, ждет дурных вестей...

Вдруг оба они, и Берегонд, и Пиппин, разом задохнулись. Давешний ужас сковал их члены. Пиппин медленно, как во сне, согнулся, зажимая уши ладонями. Берегонд, как раз решивший взглянуть на равнину через бойницу, застыл с широко раскрытыми глазами. С неба налетел знакомый уже леденящий вопль. Только теперь он был намного сильнее, и слышалась в нем такая злоба, что сердце готово было разорваться от страха.

Берегонд с трудом пошевелил губами. Только со второго раза ему удалось выговорить:

– Смотри! Смотри же, там, внизу, на равнине, видишь?

Пиппин без всякой охоты взглянул.

Внизу лежал туманный Пеленнор. Хотя и неясно, но равнина была видна отсюда почти до самого Андуина. На полпути от берега к Городу что-то происходило. Огромные страшные тени, намного больше орла, но по виду напоминавшие коршунов, реяли там в воздухе. Полет их был быстр и грозен. Иногда они приближались к стенам на расстояние выстрела, взмывали вверх и камнем падали к земле.

Пиппин в ужасе прошептал:

– Черные Всадники! – И тут же закричал: – Назгулы в воздухе! Смотри, Берегонд, они охотятся на что-то! Посмотри

ведь это люди там, на равнине, люди на лошадях! Назгулы бросаются на них. Их там... пятеро, нет, четверо... Это ужасно! – воскликнул он в отчаянии и закричал: – Гэндальф! Гэндальф, помоги!

Из поднебесья хлестнул еще один вопль, а сквозь него, едва слышно, донесся звук рога, оборвавшийся на высокой протяжной ноте.

– Фарамир! – вскричал Берегонд. – Это его рог! Отважное сердце! Но как же он пробьется к Воротам? А вдруг у этих тварей есть что-нибудь еще кроме страха? Гляди! Держатся. Пробиваются к Воротам. Нет! Лошади понесли. Вот, седоков сбросили, только один еще в седле. Он пытается собрать своих! Да, это Фарамир. Он умеет приказывать и коням, и людям. Смотри! Эта тварь летит прямо на него! Да что же никто не поможет им! – С этими словами воин сбежал со стены и бросился к Воротам.

Спрятавшийся было под каким-то выступом Пиппин устыдился и выглянул снова.

По равнине, навстречу четверым воинам, спешащим к Городу, быстро мчалась серебряная звезда. Вокруг нее разливалось слабое сияние. Она словно распарывала тьму, и та раздергивалась в стороны на ее пути.

– Гэндальф! – засмеялся и заплакал Пиппин. – Гэндальф! Ну конечно, где самое пекло, там и он. Вперед! – воскликнул он, словно на скачках размахивая руками. – Вперед!

Мрачные тени, реявшие в воздухе, тоже заметили мага. Одна из них рванулась к нему с высоты, но от поднятой руки Гэндальфа ей навстречу сверкнул ослепительно-белый тонкий луч. Тень отпрянула с жалобным криком. Это заставило остальных приостановиться в полете, а потом они все вместе, рванулись на восток и исчезли в нависших тучах. Над Пеленнорской равниной чуть посветлело.

Оба всадника, маг и спасенный им, стоя рядом, поджидали пеших воинов. Навстречу им из Ворот выбежала целая толпа. Вместе с ней они вошли в Город. Пиппин заторопился к Цитадели, проталкиваясь среди тех, кто, как и он, наблюдали со стен за происходившим.

Скоро впереди послышались крики. Там повторяли имена Фарамира и Митрандира. Замелькали факелы, и, в окружении многих людей, появились два всадника. Гэндальф больше не

излучал серебряный свет. На лице его залегли суровые тени, а белая одежда помутнела, словно опаленная жаром. Его спутник в зеленом плаще с трудом держался в седле. Слуги приняли коней, всадники спешились и пошли к воротам Цитадели. Маг шагал твердо и слегка поддерживал Фарамира, пошатывавшегося на ходу от боли и усталости. Пиппин, протиснувшись вперед, заглянул в лицо гондорцу и отшатнулся. Было похоже, что пережитый ужас навсегда наложил печать на эти гордые и прекрасные черты. В первый момент Пиппина поразило его сходство с братом, но, вглядевшись хоббит вздрогнул – ему показалось, что перед ним Арагорн. То же величие, отблеск древней и мудрой расы, но не столь явный и высокий, как у Арагорна, озарял это лицо. Пиппин вспомнил, с какой преданностью говорил о своем начальнике Берегонд; Фарамир был прирожденный вождь, за которым любой пошел бы в огонь и в воду.

Пиппин закричал вместе с остальными:

– Фарамир! – И Фарамир, уловив среди других голосов незнакомый по тембру, отыскал его глазами. На лице воина отразилось огромное изумление. Он шагнул к Пиппину и спросил:

– Откуда вы? Полурослик – воин Цитадели?

Гэндальф слегка потянул его за рукав:

– Он приехал со мной. Не будем терять времени, нас ждут. А ты, любезный Перегрин, следуй за нами.

Через несколько минут они входили в покои Правителя. Слуги поставили три кресла вокруг жаровни с углями, принесли вино. Пиппин, стоя за креслом Денетора, забыл об усталости, жадно слушая рассказ Фарамира. Гэндальф поначалу, казалось, задремал. Его не интересовали ни передвижения войск Врага, за которыми следил отряд Фарамира, ни стычка с харадримами, ни другие мелочи пограничной войны. Все это не имело значения в сравнении с событиями важнейшими.

– А теперь я должен рассказать кое-что странное, – сказал Фарамир, и неожиданно посмотрел в глаза Пиппину. – Этот полурослик – не первый, которого я встречаю.

Гэндальф резко выпрямился, от его сонливости не осталось и следа. Длинные пальцы крепко оплели подлокотники кресла. Он не проронил ни звука, но бросил на Пиппина такой взгляд, что у того застрял в горле готовый сорваться возглас.

Денетор же, напротив, не проявил к словам сына никакого интереса и задумчиво кивнул, словно знал обо всем наперед.

В полной тишине, изредка поглядывая на Гэндальфа и Пиппина, Фарамир рассказывал о встрече с Фродо и Сэмом в Хеннет Аннун. А Пиппин, холодея от страха, смотрел на руки мага, вцепившегося в резное дерево кресла. Они мелко дрожали. Гэндальф, Гэндальф Белый был встревожен, испуган даже!

Между тем Фарамир ровным голосом продолжал говорить о том, как он простился с путниками, и об их решении идти к Кирит Унголу. Тут Гэндальф не выдержал и вскочил.

– Кирит Унгол? – переспросил он. – Так это долина Моргула... Время, Фарамир, время! Когда ты расстался с ними? Когда они должны достичь этой проклятой долины?

– Я простился с ними два дня назад, – слегка удивленный, ответил Фарамир. – Оттуда по прямой до Моргулдуина лиг пятнадцать, значит, к крепости им не попасть раньше сегодняшнего дня. Я понимаю, чего ты боишься, Митрандир. Но темнота не связана с этими событиями. Мрак пришел позавчера, и уже прошлой ночью весь Итилиен был затемнен. Видно, Враг давно задумал наслать на нас Тьму, и час для этого был назначен задолго перед тем, как я расстался с ними.

Гэндальф, совершенно забывшись, широким шагом расхаживал взад и вперед.

– Позавчера утром, – бормотал он. – Три дня пути... Где ты с ними расстался?

– Отсюда до того места лиг двадцать пять по прямой, – прикинул Фарамир. – Но я еще заходил на остров Кеир Андрос. Наши кони оставались на том берегу. Когда пришел Мрак, я с тремя всадниками поскакал галопом к Городу, а остальных послал усилить охрану бродов в Осгилиате. – Он взглянул на отца. – Я правильно поступил?

– Ты спрашиваешь?! – неожиданно вскричал Денетор, сверкая глазами. – Зачем спрашивать? Ты командовал отрядом, а спрашиваешь меня? Тогда почему ты не спросил моего мнения о других твоих делах? Мои советы для тебя – ничто. Я же видел, как ты смотрел на Митрандира! Вот кто давно завладел твоим сердцем, вот от кого ты ждешь одобрения или нареканий своим поступкам! Да, я стар, но из ума еще не выжил.

Слух и зрение еще не подводят меня, так что ты напрасно старался умолчать кое о чем. Мне ведомо и это. О, как не хватает мне Боромира сейчас!

– Но если тебе не нравятся мои действия, отец, – сдержанно отвечал Фарамир, – я хотел бы услышать, что в них не так? И почему ты не сказал мне, чего хочешь, перед моим уходом в разведку?

– Разве это что-нибудь изменило бы? – Денетор почти кричал. – Я знаю тебя, знаю, что ты всегда хотел быть благородным и великодушным, как древние короли. Но что хорошо для мира, не всегда годится для войны. А на войне за доброту можно поплатиться жизнью!

– Да будет так! – вскинув голову, твердо ответил Фарамир

– Я знаю, – продолжал Денетор, – что ради своей совести ты пойдешь на смерть. Но речь не только о тебе, речь идет о жизни твоего отца и твоего народа. Ты должен думать о нем теперь, когда нет твоего брата.

– Значит, ты хотел бы видеть его на моем месте?

– Да, хотел бы. Он был бы верен мне, а не своему учителю-магу. Он не забыл бы о нуждах своего народа и его Правителя. И уж если судьба дала бы ему в руки могучий дар, он привез бы его мне.

Фарамир нахмурился.

– Отец, именно ты тогда убедил совет послать в Имладрис не меня, а брата. Он отправился в путь с поручением Правителя Гондора.

– Я не забыл, – скорбно произнес Денетор, – и от этой ошибки чаша моя еще горше. Если бы Оно попало ко мне! – воскликнул он, почти не владея собой.

– Полно, Правитель, – сказал Гэндальф. – Боромир умер, и умер доблестно, да почиет он в мире! Но не обольщайся, он не привез бы тебе того, о чем ты сетуешь. Он оставил бы Его себе, и по возвращении ты не узнал бы собственного сына.

Лицо Денетора стало холодным.

– Так, значит, Боромир оказался не слишком покорен твоей воле? – вкрадчиво спросил он. – Так вот, он принес бы Его мне! Ты мудр, Митрандир, но твоя мудрость – еще не все. И я говорю тебе: есть решение, свободное от глупой суеты и ухищрений чародеев.

– В чем же оно состоит? – осведомился Гэндальф.

– В том, чтобы избегать крайностей. Если нельзя Им воспользоваться, то уж вовсе глупо отправлять такое бесценное сокровище в лапы Врага, да еще поручать Его неразумному полурослику, как это сделал ты и вот этот мой сын. Это не мудрость, это безумие!

Гэндальф был само смирение. И голос его прозвучал почтительно и удрученно:

– Как же поступил бы на нашем месте могучий и мудрый Денетор?

– Не впадал бы в крайности! – резко ответил Правитель. – Я никогда не поставил бы судьбы народов в зависимость от Этой Вещи. Нет. Я сохранил бы Его, надежно укрыв от любых глаз. И воспользовался бы Им только в самом крайнем случае для полной и окончательной победы, после которой уже неважно, что будет дальше.

– Но кроме Гондора есть другие люди, другие страны, другие времена, – осторожно заметил Гэндальф.

– Если Гондор падет, – отчеканил Денетор, – ничего другого не будет! Лежи Оно сейчас в подземельях Цитадели, мы не тряслись бы от страха в этом Мраке. Если ты думаешь, что это искушение не по мне, значит, плохо меня знаешь!

Гэндальф опять был самим собой: спокойным, насмешливым и уверенным.

– Нет, Денетор, я не доверяю тебе. А после твоих слов – и подавно. Если бы доверял, Оно давно бы хранилось в Гондоре и множества забот удалось бы избежать. Нет, Правитель, я не доверяю и себе, поэтому мне пришлось отказаться от Него даже как от подарка. Твоей силы еще хватает, чтобы владеть собой, но будь Оно здесь, будь Оно даже погребено под всей толщей Белых Гор, – Оно подчинило бы тебя, выжгло бы твой разум, и тогда... тогда будущее наше было бы еще страшнее, чем сейчас.

Глаза Денетора пылали гневом, когда встретились со взглядом мага. Пиппин снова ощутил напряжение двух могучих воль. Казалось, что воздух между ними потрескивает и из него сыплются искры. Пиппин затрясся в ожидании громового удара, но Денетор, как и в первый раз, отвел глаза и взял себя в руки.

Если бы, если бы... – проворчал он. – Слова! Что в них толку! Оно ушло во Мрак, и мы можем только ждать, и теперь уже недолго. А пока все враги одного Врага должны быть вместе. Надежда и твердость еще нужны нам, хотя бы для того, чтобы умереть достойно, когда надежды больше не будет. – Он повернулся к Фарамиру и как ни в чем не бывало спросил: – Что ты думаешь об обороне Осгилиата?

– Она слаба, – отвечал Фарамир. – Я послал туда отряд из Итилиена.

– Этого мало, – резко сказал Денетор. – Первый удар придется именно туда, и там нужен талантливый военачальник.

– Как и во всех других местах, – отозвался Фарамир и встал. Если бы он не ухватился за спинку кресла, то упал бы.

– Разреши мне удалиться, отец.

– Да, я вижу, ты устал. Скакал долго и быстро, как я слышал, да еще злые тени с неба....

– Не будем говорить об этом, – сказал Фарамир.

– Хорошо, не будем, – согласился Денетор. – Иди, отдыхай, пока можно. Но завтра тебе понадобится вся твоя сила.

Гэндальф и Пиппин с факелом в руке шли домой. Только когда за ними закрылись двери комнаты, Пиппин спросил:

– Как ты думаешь, надежда еще есть? Я про Фродо, ну, и про остальных тоже...

Гэндальф ласково погладил его по голове.

– Особенно большой надежды и раньше не было, разве только на чудо... А теперь еще Кирит Унгол. – Маг замолчал и, подойдя к окну, долго вглядывался в темноту. – Хотел бы я знать, почему именно туда? Откровенно говоря, Пиппин, когда я услышал про Кирит Унгол, сердце у меня упало. Но все-таки в том, что рассказал Фарамир, кроется какая-то надежда. Особенно, если Враг начал войну, когда Фродо был еще в пути. Теперь Око Врага будет шарить где угодно, но не в своих владениях, там ему нечего высматривать. Я даже отсюда чувствую, как он спешит. Ему пришлось начать раньше, чем он предполагал. Что-то поторопило его. Но что? – Он надолго задумался, а потом сказал с усмешкой: – Может быть, это было твое любопытство, несмышленыш. Смотри, пять дней назад был низложен Саруман, и нам достался его камень. Да, – возразил он сам себе, – но мы же не можем использовать Палантир...

Вдруг Гэндальф резко выпрямился и вскинул голову.

– Ах, вот оно что! Как же я сразу не подумал! Арагорн! Его срок приближается. Силы и твердости ему не занимать. Смел, решителен, может рискнуть, если надо. Да, конечно!

Пиппин во все глаза, ничего не понимая, смотрел, как необычайно оживленный Гэндальф шагает из угла в угол. А маг между тем продолжал:

– Арагорн смотрел в Палантир и показал себя Врагу. Он сделал это не случайно, ему нужно было... – Маг посмотрел на Пиппина, словно очнувшись. – Ладно, он устало махнул рукой, – мы узнаем обо всем от Всадников Рохана. Если они не опоздают, – добавил он. – Тяжелые дни нам предстоят. Давай спать, Пиппин, пока можно.

– Но... – начал было Пиппин.

Глаза мага под густыми бровями сверкнули.

– Что «но»? – спросил он – Хватит на сегодня. Давай, спрашивай, но только один вопрос.

– Я про Горлума, – сказал Пиппин – Почему они вместе, почему он ведет их? И почему и Фарамиру и тебе так не нравится место, куда он их ведет?

– Наверное не знаю, – покачал головой маг, – но я был уверен, что Фродо и Горлуму предстоит встретиться, чем бы их встреча ни кончилась. О крепости Кирит Унгол ты лучше молчи. Страшна не крепость, страшно предательство. А эта жалкая тварь словно создана для него. Правда, иногда бывает, что зло творит добро, само того не желая. Будь что будет. Доброй ночи, малыш!

Утро было хмурым и темным. Оживление, связанное с прибытием Фарамира, покинуло людей, и лица снова стали тревожными и подавленными.

Крылатых теней больше не видели, но из поднебесья снова и снова доносился их вой. Слышавшие его застывали в ужасе, а те, кто был послабее духом, тряслись и плакали.

Фарамир снова уходил. «Уже отдохнуть не дадут, – перешептывались люди. – Правитель слишком суров с сыном, тому достается теперь за двоих». Люди все чаще поглядывали на север – не покажутся ли Всадники Рохана.

Фарамир действительно уходил не по своей воле. Но Правитель Города еще и глава совета. В этот день у него не было настроения внимать остальным. Совет собрался ранним

утром. Речь на нем шла об угрозе с юга. Сил для встречного боя не было. Оставалось ждать прихода Всадников, а пока их нет, еще раз проверить оборону стен.

– Но мы не должны оставлять внешние оборонительные линии, – сказал Денетор. – Раммас недешево обошелся нам, было бы только справедливо, чтобы и Враг дорого заплатил за переправу через Реку. На севере, у Кеир Андроса, болота там ему не пройти, южнее, в Лебеннине Андуин слишком широк, потребуется целый флот лодок. Если Враг решится переходить Реку, то только у Осгилиата. Так бывало и раньше, когда броды защищал Боромир.

Фарамир, глядя прямо в глаза отцу, ответил:

– Раньше – да. Но при таких огромных силах Враг может позволить себе потерять у переправы целое войско, а для нас недопустима даже потеря небольшого отряда.. Если он все-таки перейдет Реку, защитникам Осгилиата уже не пробиться к Городу.

– Обороняя Осгилиат, надо удерживать и Кеир Андрос, – поддержал Фарамира Имрахиль. – Нельзя оставить без прикрытия левый фланг обороны. Рохирримы ведь могут и не прийти. А Фарамир доложил, что к Черным Воротам стягиваются огромные силы. Враг может ударить одновременно в разных местах.

– Войны без риска не бывает, – проворчал Денетор. – На Кеир Андросе хватит небольшого гарнизона. Но я не отдам без боя ни Пеленнор, ни Осгилиат, если только найдется кто-то, способный выполнить мою волю.

Фарамир встал.

– Боромира нет, отец. Если таков твой приказ, то вместо него пойду я.

– Да, это приказ, – подчеркнуто сухо ответил Денетор.

– Прощайте, – произнес Фарамир. – Если мне суждено вернуться, думайте обо мне лучше, отец.

– Это зависит от того, как ты вернешься, – резко сказал Денетор.

Последним, перед самым отъездом, с Фарамиром говорил Гэндальф.

– Береги себя, – посоветовал маг напоследок. – Ты еще будешь нужен здесь, и не только как воин. А отец тебя любит, это я тебе говорю. И он еще вспомнит об этом. Ну, прощай!

Так и получилось, что Фарамир ушел с небольшим отрядом. Воины со стен тщетно пытались разглядеть, что происходит в развалинах Осгилиата. Другие, в ожидании Всадников Теодена, не отрывали взгляда от севера. Придут ли? Вспомнят ли старый союз?

– Придут! – успокаивал Гэндальф. – Придут обязательно, разве что немного запоздают. Теоден получил Красную Стрелу дня два назад, а путь от Эдораса неблизкий.

Уже под вечер со стороны Андуина примчался гонец. Нерадостные вести привез он. Из Минас Моргула выступило большое войско, оно приближается к Осгилиату. К нему примкнули отряды харадримов.

– Ведет войско Король-Призрак, – в глазах гонца бился страх. – Ужас переправился через Реку раньше, чем его войска.

Этими словами закончился для Пиппина третий день пребывания в Городе. Мало кто спал в Минас Тирите в эту ночь. Надежда оставляла сердца. Люди понимали, что даже Фарамиру не удастся долго удерживать броды.

Следующий день начался хуже, чем кончился предыдущий. Гонцы сообщили, что войска Врага перешли Реку и Фарамир отступает к стенам Пеленнора перед силами, вдесятеро превосходящими его отряд.

– Враги идут по пятам, – сказал вестник, – они дорого заплатили за переправу, но все же меньше, чем мы надеялись. У них были готовы плоты и лодки, и они шли, как туча. Но страшнее всего – Король-Призрак. При его приближении мало кто устоит. Даже собственные воины стонут под его рукой, но, выполняя приказ, готовы загрызть друг друга.

– Значит, пришло мое время, – сказал Гэндальф и тут же ускакал на восток. Пиппин всю ночь простоял на стене, кутаясь в плащ и не сводя глаз с темного горизонта.

Колокола едва начали вызванивать утро (хотя тьма оставалась такой же непроглядной), когда со стороны Пеленнора послышался глухой рокот и стали видны багровые вспышки. Тревожный сигнал трубы призвал воинов Города к оружию.

– Стена взята! – кричали где-то. – Они идут!

С горстью всадников появился Гэндальф. Он сопровождал целую вереницу повозок с ранеными. Маг сразу же поднялся

к Денетору в верхнюю комнату Белой Башни. С Правителем был только Пиппин. Денетор всматривался сквозь тусклые окна то на север, то на юг, то на восток, как будто пытаясь проникнуть взором сквозь роковую тьму, окутавшую его Город. Но, конечно, основное внимание Правителя было обращено на север; глаза не помогали, и он напрягал слух, словно благодаря какому-нибудь древнему искусству мог расслышать топот копыт на дальних равнинах.

– Фарамир вернулся? – вместо приветствия спросил Денетор.

– Нет, – ответил маг, – но он жив. Во всяком случае, был жив, когда мы расстались. Он сдерживает людей, чтобы отступление не превратилось в бегство. Это не просто, потому что пришел тот, кого я боялся.

– Враг? – вскричал Пиппин, забывший от страха свое место.

Денетор громко рассмеялся.

– Нет еще, добрый Перегрин. Враг появится только в миг последней победы. До тех пор он воюет руками других. Так делают все великие правители, если они мудры. Вот и я сижу в своей башне, думаю, наблюдаю и не щажу даже своих сыновей, хотя сила еще не покинула Правителя Гондора.

Он выпрямился, откинув черный плащ – под ним была кольчуга, опоясанная длинным мечом в черных с серебром ножнах.

– Долгие годы не снимаю я боевой одежды даже во сне, – промолвил он. – Нельзя позволять телу разнеживаться.

– Однако самый грозный вождь из тех, что служат Черной Крепости, уже взял ваши дальние укрепления, – сказал Гэндальф, внимательно глядя на Денетора. – Это бывший король Ангмара, великий чародей, ныне – предводитель назгулов и меч ужаса в руке Саурона.

– Вот достойный противник для тебя, Митрандир, – слабо усмехнулся Денетор. – Я давно знал, кто ведет войска. И это все, что ты принес оттуда? – насмешливо спросил он.

Пиппину стало страшно. Он никогда не видел Гэндальфа в гневе, и ему казалось, что момент для этого настал. Но он ошибся. Голос мага звучал так же ровно.

– Еще не время испытывать нашу силу, – говорил Гэндальф. – Если правдиво старинное предсказание, то этот вождь найдет гибель не от руки воина. Даже мудрейший из Мудрых не знает, что его ждет. Впрочем, этот верховный назгул пока

не рвется вперед. Видно, и он владеет мудростью, о которой ты только что говорил. А теперь к делу. Я прибыл с ранеными, которых еще можно исцелить. Стены Пеленнора разбиты, к ним подходят полчища Мордора. Но я прибыл не за тем. В полях скоро грянет битва. Я хотел предложить тебе использовать всадников У Врага нет конницы, значит, можно надеяться хоть на короткий успех.

– У нас тоже не так много конных, – недовольно отозвался Денетор. – Рохирримы были бы сейчас очень кстати.

– Сначала появятся другие, – сказал Гэндальф. – Пал Кеир Андрос, беженцы оттуда стекаются к Городу. Из Мораннона вышло еще одно войско, оно переходит сейчас Реку на северо-востоке.

– Говорят, Митрандир, что тебе приятно приносить дурные вести. Но для меня и это – не новость. Я знаю то, что знаю. Идем вниз, посмотрим, что можно сделать для обороны Города.

Время шло. Дозорные со стен видели отступающие отряды. Маленькие группки усталых, зачастую раненых людей отступали в беспорядке; кое-кто просто бежал, словно спасаясь от преследования. Далеко на востоке появились огоньки, теперь они медленно расползались по равнине. Горели дома и амбары. Потом из разных мест ручейки красного пламени потекли сквозь мрак, направляясь к широкой дороге, ведущей от Ворот Города к Осгилиату.

– Враг идет, – глухо переговаривались люди, – стена пала. Вон они, лезут через бреши! И, похоже, с факелами. Где же наши-то?

По времени был вечер, но в тусклом сумраке даже зоркие воины Цитадели не могли разглядеть, как обстоят дела на равнине. Пожарищ становилось все больше. Ручейки факелов сливались в реки. Между ними и Городом остался лишь один отряд. Он тоже отступал, но при этом сохранял порядок, воины держали строй и, кажется, даже не очень торопились. Дозорные затаили дыхание.

– Это, должно быть, Фарамир, – говорили они. – Он может приказывать и людям, и коням. Он еще пытается...

До Ворот оставалось не больше двух фарлонгов, когда отступавших нагнал арьергард, сдерживавший врага. Всего несколько всадников! Вот они снова развернулись, встречая преследователей. Перед ними волновалось настоящее огненное

море! Ряд за рядом шли орки с факелами, оглушительно орали дикие южане, размахивавшие красными знаменами. Враги вот-вот могли отрезать и окружить отступавших гондорцев, и в довершение ко всему, с темного неба с душераздирающими воплями обрушились крылатые назгулы.

Организованное отступление сменилось паническим бегством. Люди бросали оружие, крича от страха. Но в этот момент со стен Цитадели запела труба, и вылетевший из Ворот отряд всадников с громким кличем атаковал врагов. Со стен им ответил другой клич, а потом – радостные крики. В бой вступили рыцари Дол Амрота, предводительствуемые Имрахилем. Но впереди всех стремительно летел белый сияющий всадник. Луч ослепительного света порой вырывался из его воздетой руки.

Назгулы с воплями, похожими на обиженное карканье взмыли вверх и улетели. Их предводитель не спешил вступать в открытый бой. Захваченное врасплох войско Моргула не выдержало натиска и обратилось в бегство. Преследователи стали преследуемыми. Рыцари рубили и кололи с ожесточением, и скоро поле покрылось трупами орков и людей, а факелы шипели и гасли в крови.

Но Денетор не позволил им зайти далеко. Хоть враг и был отброшен, но с востока подходили новые полчища. Снова запела труба. Всадники Дол Амрота остановились и перестроились, прикрывая отступавшие отряды. Так, в боевом порядке, они и вошли в Город. Люди приветствовали их, но крики сами собой стихли, когда все увидели, что от отряда Фарамира осталась едва одна треть. Самого его не было видно.

Вслед за всадниками ехал Имрахиль. Он прижимал к груди безжизненное тело своего родича Фарамира, сына Денетора, подобранного на поле боя.

– Фарамир! Фарамир! – горестно восклицали люди, но он не отвечал, и его несли все выше по извилистой дороге, в Цитадель к отцу. В тот миг, когда назгул отвернул в сторону перед Белым Всадником, случайное копье сразило Фарамира, сдерживавшего неистовых харадримов. Только удар рыцарей Дол Амрота спас его от мечей, готовых изрубить славного воина.

Имрахиль принес Фарамира в Белую Башню и положил к ногам Денетора.

– Ваш сын вернулся, Правитель, – негромко сказал он, – вернулся, покрыв себя славой.

Денетор встал и долго всматривался в бледное лицо, обрамленное мягкими кудрями. Потом он приказал устроить ложе здесь же и уложить на него Фарамира, а сам поднялся в верхнюю комнату Башни. Многие видели, что в эту ночь в окнах ее долго мелькали бледные огни, потом погасли. Когда Денетор спустился и сел у изголовья ложа, лицо его было столь же мертвенно бледным, как у раненого.

– Рохирримов все нет, – сказал он, – и теперь уже, наверное, не будет. Если они и придут, нам это вряд ли поможет. Их опередит другое войско. Говорят, оно уже переправляется через реку возле Андроса. Там тьма мордорских орков и бессчетные рати людей. Таких мы еще не видели. Они коренастые, бородатые, как гномы, и с топорами. Наверное, это восточные дикари. Они захватили северную дорогу и вошли в Анориен. Теперь рохирримам не пройти.

Ворота были закрыты. Всю ночь караульные на стенах слушали гул вражеских толп, бурлящих снаружи, видели горящие поля и деревни. В темноте не понять было, сколько врагов перешло Реку, но поутру, когда мрак немного посерел, подтвердились самые худшие опасения. Равнина была черна от марширующих отрядов, и повсюду, как поганые грибы, выростали черные и багровые шатры.

Орки, словно муравьи, суетливо рыли щели, огромным кольцом окружая Город на расстоянии полета стрелы. Готовые щели немедленно заполнялись текучим огнем – питался он не иначе, как вражьими колдовскими кознями. Воины на стенах могли только бессильно наблюдать за этими зловещими приготовлениями. Как только отрывалась очередная щель, возле нее устанавливали катапульту. Защитники ничем не могли помешать этой работе. Поначалу в Минас Тирите орочью суету не принимали всерьез. Стены Города вздымались на огромную высоту. Их возводили в давние времена, до того, как угасло древнее мастерство нуменорцев. Со стороны равнины стены были неуязвимы ни для железа, ни для огня. Казалось, они будут стоять, пока цела земля, держащая их.

– Да нет, – успокаивали себя люди, – даже Неназываемому не войти в Город, пока мы живы, – и тут же спрашивали себя: – а сколько мы еще продержимся? Ведь у него есть оружие, перед которым от начала мира пало много крепостей.

Это оружие – голод. Дороги перекрыты. Рохан не сможет нам помочь.

Но катапульты и не пытались сокрушить непобедимые стены. План нападения на Город разрабатывал не какой-нибудь орк или дикарь с востока. Над ним потрудился мощный и злобный разум. С громкими воплями, под протяжный скрип блоков, орки стали посылать снаряды непривычно высоко в небо. Снаряды падали в нижних ярусах Города. Многие взрывались, и из них во все стороны летел огонь. Начались пожары.

Но не огонь был самым страшным. Следом из катапульт полетели головы воинов, павших у Осгилиата и у стен Пеленнора. Все они были заклеймены нечистым знаком Ока, многие изуродованы, лица искажены предсмертными муками. Город наполнился плачем. Люди проклинали гнусных врагов, тщетно сжимая кулаки.

Но осаждавшие были глухи к проклятьям, они не знали даже Всеобщего языка, обходясь своим грубым, не то лающим, не то каркающим наречием.

А у Темного Властелина было и еще более страшное, а главное, более действенное оружие, чем голод – отчаяние. Над осажденной крепостью снова закружились назгулы. Их вопли заставляли самых отважных падать наземь. Если же кому удавалось устоять, то руки их не держали оружие, мысли путались, и желали они только бегства и смерти.

Весь этот страшный день Фарамир лежал в тех покоях Белой Башни, куда его принесли. Он весь горел, бредил, и видно было, что жить ему осталось недолго. Денетор молча сидел рядом и смотрел на сына, словно никакой осады не было и Городу не угрожала смертельная опасность.

Даже в плену у орков Пиппину не приходилось так круто. Правитель не отпускал его, и Пиппин, подавляя страх, видел, как час за часом менялось, старея, лицо Денетора. Что-то сломило его гордую волю, и Пиппин не мог сказать, что терзает Правителя сильнее: скорбь или раскаяние.

Когда на глазах Денетора выступили слезы, Пиппин не выдержал.

– Не плачьте, повелитель, – прошептал он, запинаясь. – Может быть, он еще поднимется. Надо посоветоваться с Гэндальфом.

– Я не хочу больше слышать о колдунах, – мрачно ответил Денетор. – Наша безумная надежда обманула нас, она попала к Врагу и умножила его силу. Ему ведомы наши помыслы; что бы мы ни предпринимали, все оборачивается против нас. Посмотри, вот я послал сына без слов прощания, без напутствия навстречу гибели, и вот он передо мной. С ним угасает мой род. Как бы ни закончилась война, кровь Денетора иссякла, и это конец всему.

В это время из-за дверей послышались голоса, звавшие Правителя. Денетор встал и громко сказал:

– Оставьте меня. Я должен быть здесь, рядом с сыном. Может, перед смертью он скажет что-нибудь. Пусть обороной руководит кто-нибудь другой. Хотя бы этот Серый Безумец с его безумной надеждой. Я останусь здесь.

Так во главе защитников Города встал Гэндальф. Там, где он появлялся, к людям возвращалась надежда, страх перед крылатыми тенями исчезал. Его видели и у Цитадели, и у Ворот, и на стенах. Его повсюду сопровождал Имрахиль в сверкающей кольчуге. Глядя на рыцарей Дол Амрота, люди говорили: «Да, старые истории похожи на правду; в жилах этого народа течет эльфийская кровь, ведь здесь жили когда-то родичи Нимродели». И кто-нибудь принимался напевать строфы из баллады о Нимродели или из другой песни Исчезнувших Лет.

Но едва проходили рыцари, как тени снова смыкались над людьми, сердца холодели и доблесть Гондора обращалась в прах. Город медленно тонул во тьме подступающего ночного отчаяния. Пожары теперь бесновались, никем не сдерживаемые, в первом круге уже никто не тушил огонь. Кое-где воины на внешней стене оказались отрезанными от подкреплений. Немногие на постах остались верны присяге, большинство укрылось за вторыми воротами.

Захватив равнину, Враг быстро навел мосты через Реку, весь день по ним переправлялись войска, а в середине ночи начался штурм. Орды нападающих миновали заполненные огнем щели по специально оставленным перемычкам и быстро двинулись вперед, не обращая внимания на стрелы со стен. Для знаменитых гондорских лучников вполне доставало света, да и в целях недостатка не ощущалось. Но стрелков явно

не хватало, чтобы нанести врагу серьезный урон. И тогда, решив, что доблесть защитников Города уже сломлена, по незримому знаку вперед медленно двинулись огромные осадные башни, спешно построенные в Осгилиате.

К дверям Правителя снова пришли гонцы. Они были так настойчивы, что Пиппину пришлось впустить их. Денетор молча повернулся к ним.

Один из воинов выступил вперед и сказал:

– Мы ждем ваших приказаний, Правитель. Нижний ярус Города в огне. Люди покидают стены, не все хотят повиноваться Митрандиру.

– Каких приказаний вы ждете от меня? – медленно проговорил Денетор. – Не все ли равно, где сгореть? Возвращайтесь в свой костер, а у меня впереди – свой. У Денетора и его сына не будет могил, их заменит огонь. Так было до того, как с Запада пришел первый корабль, так будет и теперь, когда Запад гибнет. Возвращайтесь в костер!

Воины вышли без поклона и нахмурившись.

Денетор отпустил руку Фарамира, встал и долго смотрел на сына. Пиппин с трудом разобрал его слова:

– Он горит! Он уже горит! Рушится дом его души!

Потом он подошел к хоббиту и, положив руку на плечо, взглянул в глаза.

– Прощай! – произнес он размеренно. – Прощай, Перегрин, сын Паладина. Недолго служил ты мне, сегодня твоя служба кончилась. Ступай и умри как хочешь. Можешь идти к своему неразумному приятелю, это он привел тебя к гибели. Пришли сюда моих слуг. Прощай!

Пиппин склонил колено.

– А я не прощаюсь с вами, повелитель! – дерзко сказал он, потом вскочил на ноги и посмотрел прямо в глаза Денетору. – Вы правы, мне нужно повидать Гэндальфа. Напрасно вы считаете его неразумным. Разума ему хватит на весь этот Город и еще останется. И пока он не потерял надежды, я тоже не буду думать о смерти. Хоть вы и освобождаете меня от службы, я-то не хочу быть свободным от своей клятвы. Если врагам суждено ворваться в Цитадель, я надеюсь быть рядом с вами до конца и доблестью заслужить оружие, полученное из ваших рук.

В начале его слов в глазах Денетора мелькнуло легкое удивление, но тут же погасло и сменилось усталым равнодушием.

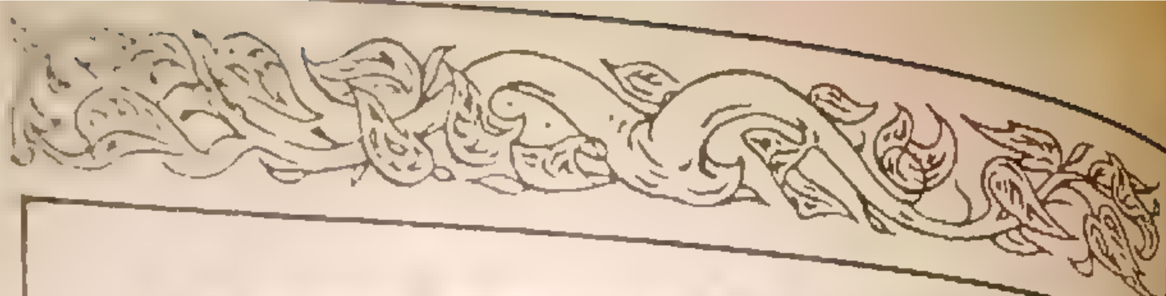
– Поступай как хочешь, Перегрин, – тихо ответил он. – Моя жизнь окончена. Иди теперь и позови слуг. – Он слабо махнул рукой и снова сел у ложа Фарамира.

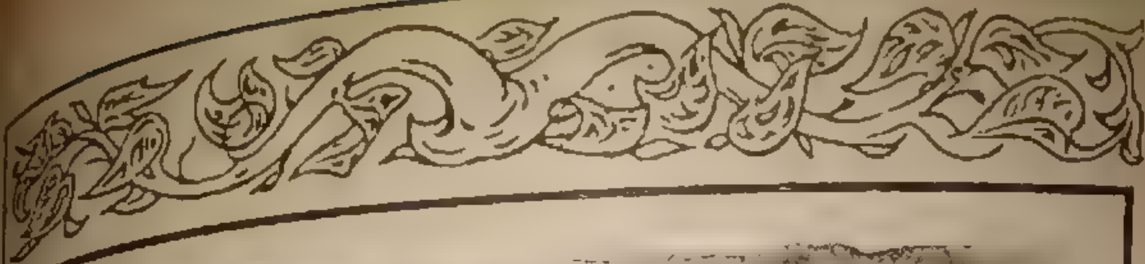
В покои вошли шестеро рослых слуг. Денетор удивил их, кротким голосом попросив укрыть Фарамира и поднять его вместе с ложем. Они безмолвно повиновались и, стараясь как можно меньше беспокоить метавшегося в бреду больного, осторожно понесли его. Тяжко опираясь на посох, сильно сутулясь, вышел за ними Денетор. Последним пристроился Пиппин.

Медленно, как на похоронах, они покинули Белую Башню и окунулись во мрак, озаряемый багровыми отсветами пожаров; медленно пересекли двор и постояли перед засохшим деревом. Тихо было здесь. Едва доносились со стен звуки сражения, да печально капала вода с засохших ветвей в темное озерко. Скорбная процессия миновала ворота Цитадели и, провожаемая изумленными и испуганными взглядами часовых, повернула на запад. В стене шестого яруса темнела запертая дверь. Ее открывали только во время погребений. Никто, кроме Правителя и служителей Дома Мертвых, не пользовался ей. От двери неширокая дорога вела к усыпальницам Королей и Правителей Гондора. От Города скорбное место отделялось ущельем.

Из маленького домика у дороги навстречу им выбежал напуганный служитель с фонарем. Денетор приказал отпереть дверь, и она бесшумно распахнулась. Теперь процессия поднималась по дороге между древних стен. В мечущемся свете фонаря из мрака выступали ряды колонн. Медленные шаги слуг гулко отдавались под сводами. Улица-туннель, где стены сплошь покрывали барельефы давно умерших людей, привела к Дому Предков, и здесь слуги опустили свой груз.

Пиппин с беспокойством осматривал просторный сводчатый зал. Слабый свет фонаря не достигал стен, освещая лишь ряды невысоких мраморных постаментов. На каждом из них покоилась фигура со сложенными на груди руками. Ближайший ко входу постамент был пуст. На него по знаку Правителя слуги опустили Фарамира. Денетор лег рядом с сыном. Слуги





накрыли их одним покрывалом и склонили головы, как перед смертным ложем.

– Здесь мы будем ждать, – тихо прошелестел голос Правителя. – Бальзамирования не будет. Вот мой последний приказ: принесите побольше сухих дров и сложите вокруг. Это все. Прощайте.

Пиппин не мог больше выносить этого ужасного зрелища и выбежал из обители смерти.

– Бедный Фарамир! – твердил он. – Его лечить нужно, а не оплакивать. Бедный Фарамир! – внезапно он остановился и хлопнул себя по лбу. – Нечего причитать! – прикрикнул он сам на себя. – Надо найти Гэндальфа.

Пиппин обернулся к слугам, закрывавшим двери.

– Слушайте, – торопливо сказал он, – не спешите выполнять приказы Правителя. Он не в себе. Пока Фарамир жив, не делайте ничего. Подождите Гэндальфа.

– Разве в Минас Тирите приказывает не Правитель Денетор, а Серый Волшебник? – угрюмо спросил старший из слуг.

– Или Серый Волшебник, или никто! – отрезал Пиппин и помчался в Город, назад, вверх по извилистой дороге, мимо изумленного привратника, через дверь и дальше, к воротам Цитадели.

– Куда спешишь, любезный Перегрин? – окликнул его страж, и Пиппин скорее по голосу узнал Берегонда.

– Митрандира ищу, – ответил хоббит.

– Раз Правитель послал, дело спешное, – уважительно произнес Берегонд, – но ты все-таки скажи мне быстренько: что происходит? Я недавно заступил, а мне говорят: Правитель отправился к Запертой Двери, а перед ним несли Фарамира.

– Несли, – подтвердил Пиппин, – к Дому Предков.

Берегонд низко опустил голову, скрывая слезы.

– Говорили, что он умирает, – пробормотал воин, – а он уже умер...

– Да нет, – с досадой воскликнул Пиппин, – он жив и его можно спасти. Но ваш Правитель пал раньше своего города. Он лишился рассудка, понимаешь? – И хоббит вкратце рассказал о странных словах и поступках Денетора. – Вот мне и нужен Гэндальф. Как найти его?

– Он там, на стенах. Ищи его в самой гуще.

– Ладно. Я сейчас побегу за ним, но прошу тебя, Берегонд, останови Правителя, если можешь. Иначе он убьет Фарамира.

– Но я не могу покинуть пост без приказа, – растерялся Берегонд.

Пиппин чуть не плюнул с досады.

– Выбирай: или приказ, или жизнь Фарамира! Я же сказал: Правитель сошел с ума! Я ухожу, мне некогда. Если смогу, вернусь. – И он побежал к Воротам. Встречные, увидев его плащ воина Цитадели, окликали его, чтобы расспросить о здоровье Фарамира, но он, не отвечая, пробегал мимо. Вот уже стали видны языки пламени, пылавшего за Воротами. Но Пиппина поразила тишина. Все словно замерло. В этой тишине вдруг послышался ужасный вопль, и вслед за ним – тяжелый глухой удар. От страха и неожиданности у Пиппина подкосились ноги, но он все же обогнул последний угол и тут остановился, как вкопанный. Перед ним лежала привратная площадь. Гэндальф был здесь, но вместо того, чтобы окликнуть его, Пиппин молча отступил и притаился в тени.

Штурм Города продолжался. Гремели барабаны. Из темноты появлялась орда за ордой. Все больше врагов скапливалось под стенами. Огромные звери, словно движущиеся дома в красном неровном свете, – мумаки из Харада – волокли среди огненных рвов осадные башни и стенобитные орудия. Но тот, кто направлял их, похоже, не очень интересовался успехом сражения или счетом потерь. Первый натиск должен был испытать крепость обороны в разных местах и растянуть защитников по стенам. Главный удар предназначался Воротам. Окованные сталью, охраняемые неприступными башнями и бастионами, они казались незыблемыми, и все же именно здесь находилось слабейшее место.

Вот барабаны загрохотали громче. Взметнулись языки огня во рвах. Из темноты выползло диковинное устройство. Мощными цепями к нему был подвешен огромный таран, размером со стофутовое дерево. Долго ковался он в кузницах Мордора. Передний торец из вороненой стали в форме головы скалящегося волка был заговорен рушительными чарами. В память о Молоте Преисподней стародавних времен, таран назывался Гронд. Его волокло целое стадо мумаков, вокруг сновали орки, а позади шагали горные тролли.

4 Заказ 2512

Но к Воротам подойти было непросто. Их обороняли рыцари Дол Амрота и лучшие воины Города. Там воздух свистел от стрел и копий, осадные башни рушились или внезапно вспыхивали, землю покрывали обломки вперемешку с трупами дикарей и орков. А неслышимые приказы гнали к Воротам все новые и новые орды.

Гронд полз вперед. Огонь не брал его. То один, то другой из мумаков, обезумев от боли, причиняемой стрелами, начинал метаться, давя суетившихся вокруг орков, но на место затоптанных тут же вставали другие.

Гронд полз вперед. Дико гремели барабаны, и вот на поле боя показалась новая ужасная фигура: высокий всадник в черном, с капюшоном, надвинутым на лицо. Медленно ехал он прямо по трупам, не обращая внимания на стрелы. Вот он остановился, и над головой его тускло блеснул длинный меч. Волна ужаса накрыла и нападавших, и защитников. Руки людей безвольно опустились. На миг все стихло. Снова грохнули барабаны. Гронд рывком двинулся. Огромные руки троллей качнули его, и на Ворота обрушился первый удар. Казалось, содрогнулся весь Город, но железо и сталь выдержали.

Черный Предводитель привстал на стременах, и над равниной троекратно прозвучало древнее заклинание. Ни камни, ни люди не в силах были противостоять ему. Трижды ударил в Ворота таран; пространство между землей и небом пронизала молния, и с третьим ударом Ворота рухнули грудой обломков.

Посреди площади Короля-Призрака ждал Гэндальф. Сполох под ним был похож на мраморное изваяние. Неторопливо ехавший Черный Всадник остановился.

— Тебе не дано войти сюда, — сказал Гэндальф. — Возвращайся в бездну, откуда пришел. У тебя и твоего хозяина нет будущего в этом мире. Уходи!

Черный Всадник откинул капюшон плаща. Багровые отсветы заиграли на его стальной короне. Но корона венчала пустоту. Невидимый рот разразился мертвым смехом.

— Старый глупец! — раздался вслед за тем низкий голос. — Это *мой* час! Ты не узнаешь смерть, даже когда она перед тобой. Ты умрешь напрасно! — Всадник взмахнул мечом, по лезвию клинка струились волны холодного пламени.

Однако Гэндальф не шевельнулся. В этот самый миг где-то далеко, в центре Города, звонким и ясным голосом запел

петух. Для него не существовало ни войны, ни древней магии; он чувствовал там, высоко в небесах, утро, встающее над тенью смерти.

Крик его не успел замереть в воздухе, как вдали ему стройно и грозно отозвались боевые рога, и темные склоны Миндоллуина эхом отразили их звуки. Рохан все таки пришел.

Глава V
ПОХОД ТЕОДЕНА

Мерри лежал, завернувшись в одеяло, и тщетно вглядывался в темноту. Ночь была тихой, безветренной, только деревья чуть слышно вздыхали вокруг. Он поднял голову и снова услышал насторoживший его звук. Где-то вдали глухо били барабаны. Замолкая в одном месте, удары тут же возникали в другом. Интересно, слышат ли их часовые?

Невидимые в темноте, расположились на отдых войска рохирримов. Пахло лошадьми. Мерри слышал, как они пофыркивают и мягко переступают копытами по усыпанной хвоей земле. На ночь Теоден остановился в

глухом сосновом бору у подножия сигнального холма Эленах, поднимавшегося высоко над вершинами Друаданского Леса.

От усталости Мерри не мог заснуть. Шли пятые сутки похода. Мрак, становившийся все плотнее, приводил воинов в уныние. Мерри уже не понимал, зачем так рвался в этот поход, ведь ясный приказ короля позволял ему остаться. Хоббит уже не раз принимался гадать, знает ли король о его самоуправстве. А если знает, то что думает? Наверное, Дернхельм как-то договорился с Эльфхельмом, командиром их *йореда* (так Всадники называли отряды). Во всяком случае, воины старались не замечать лишнего новобранца. С ним никто не заговаривал, а если смотрели, то как на лишнюю переметную суму за спиной Дернхельма. Да и сам молодой Всадник за всю дорогу не проронил ни слова. Тут поневоле начнешь ощущать себя никому не нужной обузой.

Войска Теодена все ближе подходили к опасным местам. До внешних укреплений Минас Тирита оставалось меньше дня пути. Разведчики, которым удалось вернуться, доложили, что дорога впереди захвачена врагом. В трех милях западнее Амон Дина стоит целая орда, а большой отряд орков идет навстречу. Они уже в трех-четырех лигах от Друаданского Леса.

Король и Йомер собрали ночной совет. Мерри с удовольствием перемолвился бы словом хоть с кем-нибудь. Он вспомнил Пиппина и еще больше расстроился. Любезный друг Пиппин, тоже один, брошен где-то там, в каменном городе, на произвол судьбы... Мерри отчаянно захотелось стать большим и сильным Всадником, таким как Йомер, например, чтобы трубить в рог и, не разбирая дороги, мчаться кому-нибудь на выручку. Он снова прислушался. Барабаны били теперь намного ближе. Внезапно послышались негромкие голоса, и меж деревьев замелькали затененные фонари. Мерри встревоженно привстал, и в ту же секунду об него споткнулись. Голос Эльфхельма проклял древесные корни. Это было уже слишком!

– Я не корень, – всхлипнул Мерри. – Я – хоббит, Мерриадок. Что случилось?

– Да в такой тьме все может случиться, – отозвался Эльфхельм. – Приготовься, мы ждем приказа выступить немедля.

– Враги? – ахнул Мерри. – Я слышал барабаны...

– Враги не решатся покинуть дорогу, а барабаны – это речь Лесных Людей из Леса Друадан. Их немного, они осторожны, а прятаться умеют, как никто. Стрелки хоть куда, стреляют отравленными стрелами. Я рад, что они нам не враги, хотя и союзниками никому никогда не были. Но они боятся пришедшей тьмы и сейчас предложили правителю союз и помощь. Они вон там, где фонари. – Он махнул рукой и исчез.

Сообщение о Лесных Людях с отравленными стрелами отнюдь не обрадовало Мерри. Наоборот, прежние страхи лишь усилились. Дальше жить в неведении было невыносимо, поэтому он вскочил и направился вслед за мелькавшими между деревьями фонарями. Шел он осторожно, по-хоббитски, и вскоре достиг поляны.

На ветке большого дерева висел фонарь. Под ним было посветлее. Мерри увидел сидящих рядом правителя и Йомера, а перед ними – странное существо, больше всего походившее на корявый пень. Короткие узловатые руки и ноги, клочковатая борода, а может, просто сухой мох, травяная юбка. Чем-то его вид показался Мерри знакомым, и вдруг ему припомнились идолы из Дунхарга. Было в лесном человеке что-то от оживших древних изваяний. Вполне возможно, что он приходился потомком тем, кого изобразили безвестные мастера на каменной дороге. Этот лешак говорил низким гортанным голосом, но, к изумлению Мерри, говорил на Всеобщем языке, хоть и с трудом подбирая слова и временами сбиваясь на родное наречие.

– Нет, Отец Конных Людей, – объяснял он Теодену, – мы не воюем. Мы только охотимся. Убиваем *горганов* в лесах, ненавидим орочий народ. Вам они тоже враги и мы вам поможем. У Людей Леса длинные уши, а глаза видят далеко. Мы знаем здесь все тропы. Это наша земля. Она была нашей еще до Каменных Домов, до того, как пришли из-за Вод Высокие Люди.

– Но нам нужна помощь в бою, – настаивал Йомер. – Чем вы можете помочь?

– Принесем вести, – быстро сказал дикарь. – Мы глядим с холмов. Каменный Город закрыт. Там снаружи пожары, а теперь и внутри. Вы хотите туда попасть? Тогда вам надо спешить. Но *горганы* и люди издалека, – он показал короткой

узловатой рукой на восток, – ждут на конной дороге. Очень много их, больше, чем Конных Людей.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросил Йомер. Плоское лицо и темные глаза старика остались бесстрастными, но в голосе прозвучала обида

– Я назвал мой народ Лесными Людьми, а не детьми. Я – великий вождь Гхан-бури-Гхан. Я могу сосчитать звезды в небе, листья на деревьях, людей в темноте. У вас – двадцать двадцаток, считанных десять раз и еще пять. У них больше. И еще много бродит вокруг стен Каменного Города.

– Он говорит истинную правду, – вздохнул Теоден. – Наши разведчики видели ямы на дороге и воткнутые колья. Такое препятствие не одолеешь с налету

– Но мы же должны спешить! – воскликнул Йомер. – Город горит!

– Выслушайте Гхан-бури-Гхана, – напомнил о себе дикарь. – Он знает не одну дорогу. Он проведет вас там, где нет никаких ям, где не ходят *горганы* – только Лесной Народ и звери. Много дорог проложил здесь некогда Народ Каменных Домов. Они резали холмы, как охотник режет дичь. Лесной Народ думал, что они едят камень. Они ходили через Друадан к Риммону с огромными повозками. Они не ходят больше. Дорога забыта, но Лесной Народ помнит. Там, за холмом, под травой и деревьями, она идет от Риммона вниз, к Дину, а потом к старой конной дороге. Лесные Люди покажут. Вы убьете *горганов* и разгоните плохую тьму ярким железом, и Лесные Люди смогут спокойно спать в своих лесах.

Король посовещался с Йомером и обратился к дикарю:

– Мы принимаем твое предложение. Правда, у нас за спиной останется вражья рать, но если падет Каменный Город, нам незачем возвращаться. А если Минас Тирит выстоит, орки сами окажутся отрезанными. Если ты верен нам, Гхан-бури-Гхан, мы щедро вознаградим тебя и заключим союз на вечные времена.

– Мертвые не дружат с живыми и не подносят им даров, – сказал дикарь. – Если ты переживешь Тьму, оставь Лесных Людей в покое в их лесах и больше не трави, как зверей. Гхан-бури-Гхан сам пойдет с Отцом Конных Людей. Ты убьешь его, если попадешь в ловушку.

– Быть по сему! – решил Теоден.

– Сколько времени мы потратим на обход? – спросил Йомер. – Дорога, наверное, узкая, верхом не пройдешь?

– Лесной Народ ходит быстро, – ответил Гхан, – а там, в долине, по дороге пройдут четыре лошади в ряд, она только в начале и в конце узкая. Лесные Люди добираются отсюда до Дина между восходом и полуднем.

– Семь часов... – задумчиво промолвил Йомер, – это для передовых отрядов, и часов десять для остальных. Когда войска растянутся цепью, ими трудно управлять. Мало ли что может случиться... Который час?

– Кто знает? – ответил Теоден. – Теперь есть только ночь.

– Когда темно, не всегда ночь, – поправил Гхан. – Лесные Люди чуют солнце даже во мраке. Оно уже поднялось над восточными горами. В небесных полях начинается день.

– Тогда надо выступать немедля! – воскликнул Йомер. – Иначе нам не успеть сегодня на помощь Гондору.

Мерри предпочел убраться незамеченным. Вот-вот должен был прозвучать сигнал к выступлению. Теперь от сражения их отделял один переход. Хоббиту пришлось собрать все свое мужество, да вдобавок вспомнить о Пиппине там, в осажденном пылающем Городе, чтобы страх отпустил его.

В этот день все обошлось благополучно. Враги не показывались. Лесной Народ разослал своих разведчиков следить за орками. Надо было обеспечить полную скрытность продвижения войск. Ближе к осажденному Городу мрак густел, и Всадники шли друг за другом вплотную. Каждый отряд вел проводник; старый Гхан широко шагал рядом с королем. Поначалу Всадники замешкались, путаясь в густом кустарнике, и только далеко за полдень первые отряды вышли на восточные склоны Амон Дина к устью потаенной долины. По ней проходил заброшенный тракт, сливавшийся с конным путем из Города через Анориен. Но уже многие поколения гондорцев не подозревали о его существовании. Деревья, травы и кустарник надежно скрывали древнюю мостовую. Но заросли давали Всадникам возможность пройти незамеченными до самой равнины Андуина.

Передовой отряд остановился. Пока остальные подтягивались, король призвал военачальников на совет. Йомер хотел было послать к дороге разведчиков, но старый Гхан покачал головой.

– Не надо посылать Конных Людей, – сказал он. – Лесные Люди уже увидели все, что можно увидеть в темноте. Они скоро вернутся и расскажут.

Действительно, вскоре Мерри заметил нескольких «идолов», промелькнувших во мраке. Они переговорили с Гханом, и старый лесовик повернулся к королю.

– Лесные Люди много всего говорят, – сказал он. – Впереди опасность. По эту сторону Д[illegible] в часе ходьбы стоят лагерем много людей. – Он мах[illegible] рукой на запад, в сторону сигнального холма. – Но с[illegible]а до самых новых стен Каменного Народа никого нет. А [illegible] рушат стены. У *горганов* земные грома и дубины [illegible]рного железа. Они так увлеклись, что не глядят вокруг! [illegible]умают, что орки стерегут дороги! – тут старый [illegible]дной булькающий звук – надо полагать, смеял[illegible]

– Прекрасно! – в[illegible] Йомер. – Даже в этом мраке снова блеснула надежда. Хитрости [illegible] иногда и нам на руку. Пока они разносят стены, которые могли бы нам помешать, мы в темноте подойдем поближе.

– Благодарю тебя, Гхан-бури Гхан, – молвил Теоден. – Да пребудет с тобой удача за добрые вести и за твое водительство!

– Убейте *горганов*! Убейте орочий народ! Вот что нужно Лесным Людям, – ответил Гхан. – Прогоните плохой воздух и темноту ярким железом!

– Затем мы и пришли, – сказал король, – к этому и стремимся. А чего добьемся – покажет завтра.

Гхан-бури-Гхан припал к земле и коснулся ее лбом в знак прощания, потом поднялся, собираясь уйти. И вдруг замер, принюхиваясь, точно встревоженный лесной зверь, учуявший подозрительный запах. Глаза его заблестели.

– Ветер меняется! – воскликнул он, и с этими словами мгновенно исчез во мраке вместе со своими родичами, и ни один из Всадников Рохана не встречал его больше. Вскоре далеко с востока снова донесся слабый барабанный бой. Никому из Всадников в голову не пришло усомниться в искренности Лесных Людей, хоть их повадки показались рохирримам странными и непонятными.

– Дальше нам не понадобятся проводники, – сказал Эльфхельм. – Среди нас есть воины, бывавшие в Городе. Да я и сам туда ездил. Когда выйдем к дороге, она свернет к югу.

а там уже предместья, и до стены – семь лиг. По обеим сторонам дороги почти всегда густая трава. Гондорские гонцы считают этот кусок пути самым легким. Мы сможем ехать быстро и без особого шума.

– Тогда неплохо бы сейчас отдохнуть перед жестокой битвой, – предложил Йомер. – Ночью двинемся дальше и к рассвету вырвемся в луга.

На том и порешили. Военачальники разошлись, но Эльфхельм вскоре вернулся.

– Все спокойно, повелитель, – сказал он королю, – но разведчики обнаружили на краю леса трупы двух людей и мертвых коней. Это – гондорские гонцы. Один, надо думать, Хиргон. В руке у него все еще зажата Красная Стрела, а голова отрублена. Похоже, они были убиты, когда скакали *на запад*. Я думаю, на обратной дороге они наткнулись на врага у внешних стен и повернули назад, так и не добравшись до Города.

– Худо! – нахмурился Теоден. – Значит, Денетор не знает о нашем походе.

– «Нужда не терпит, но лучше поздно, чем никогда», – проговорил Йомер. – Кажется, сейчас эта старая пословица как нельзя кстати.

Ночью войска снова двинулись. Дорога обогнула отрог Миндоллуина и повернула к югу. Вдали затрепетали красные сполохи.

Йоред Эльфхельма шел вслед за правителем и его свитой. Мерри с удивлением заметил, что Дернхельм старается осторожно продвинуться вперед, пока, наконец, они не оказались среди воинов передового отряда, и для всех это осталось незамеченным.

Потом вышла задержка. Мерри услышал впереди приглушенные голоса. Разведчики, вернувшиеся почти от самой стены, говорили с королем.

– Там огромные пожары, повелитель, – докладывал один. – Город окружен пламенем, а на равнине полно врагов. Они наступают. У внешней стены почти никого нет. Даже дозоры не выставлены.

– Помнишь слова дикаря, повелитель? – спросил другой. – Я жил в степях в мирные дни, меня звать Видраф, и я тоже

умею читать в воздухе. Ветер меняется. Потягивает с юга, слегка пахнет морем. Утром над этой темнотищей будет рассвет.

– За добрую весть я желаю тебе дожить до мирных дней, Видраф, – сказал Теоден. Потом повернулся к своим прибли женным и в полный голос обратился к Всадникам.

– Час настал, Всадники Рохана, сыны Йорла! Впереди – враг и огонь, позади – наши дома. Нас ждет бой на чужих полях, но слава навек останется с вами! Вы клялись королю, земле и союзу дружбы! Время исполнить клятвы!

Воины ударили копьями в щиты.

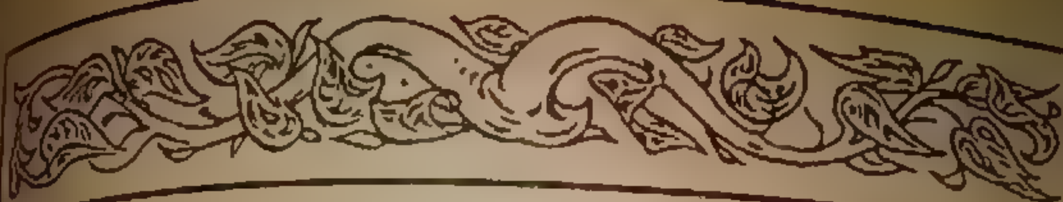
– Йомер, сын мой! Ты поведешь первый *йоред*, – повелел Теоден, – и пойдешь в центре, за королевским знаменем. Эльфхельм, возьми вправо сразу за стеной, а Гримбольт поведет своих левее. Остальным – поддерживать головные *йореды*. Других планов не будет. Вперед же, не страшась мрака!

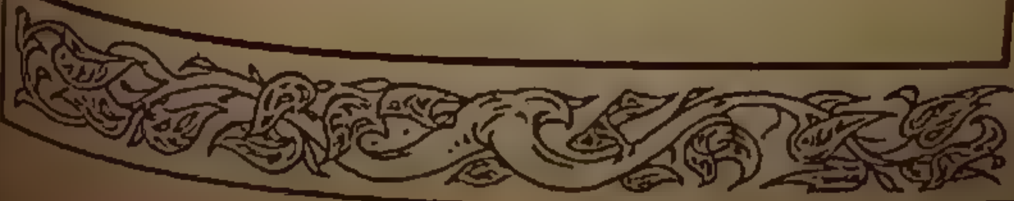
Кони почти с места взяли в галоп. Дернхельм, держась в последних рядах головного отряда, горячил коня. Мерри изо всех сил ухватился за воина левой рукой, а правой старался достать клинок из ножен. Ему отчетливо вспомнились слова Теодена о том, что для хоббита не найдется дела в этой битве, кроме гибели. «Действительно, – подумал он, – что я буду делать? Что я могу? Мешать Всаднику и надеяться, что не слечу с седла под копыта коней?»

Они домчались до стены быстрее, чем хотелось бы Мерри. Несколько возгласов, лязг оружия – и от небольшого отряда орков не осталось ничего. Всадники просто смели заслон.

Уже за стеной правитель остановил отряд. Мерри повертел головой и увидел, что люди Эльфхельма идут далеко справа, а они с Дернхельмом вроде бы влились в отряд Теодена. Милях в десяти впереди разливалось зарево большого пожара, но еще ближе, не далее, чем в лиге, виднелись пылающие узкие линии огня. Равнина тонула в темноте. Не было заметно ни малейших признаков рассвета или перемены ветра.

Теперь войска двигались медленно и бесшумно. Так вода просачивается через щели плотины, которую считают целой. Но разум и воля Черного Вождя в этот час полностью сосредоточились на гибнущем Городе. Враг и не подозревал, что в его планы уже вкралась ошибка.





Король Рохана приближался к первой линии осады. Их все еще не обнаружили, и Теоден медлил подавать сигнал к бою. Через некоторое время по знаку повелителя Всадники остановились. До Города было рукой подать. В воздухе пахло гарью. Кони беспокойно переступали ногами.

Теоден неподвижно сидел в седле, глядя на гибнущий Город. Казалось, бремя бедствий согнуло его гордую спину и заставило поникнуть плечи. Мерри, с безотчетной тревогой наблюдавший за ним [illegible], и сам почувствовал страшную тоску. Неясные сомнения и предчувствия неотвратимой беды, мысли о невозможности [illegible] действия захлестнули хоббита, и он перестал [illegible]. Время словно застыло на месте. Все поздно, [illegible]! Казалось, сейчас Теоден горестно покачает головой и [illegible] обратно к холмам.

Но вдруг что-то изменилось вокруг. Поднимался ветер! Едва заметно [illegible] на юге, над горизонтом, стали видны нависшие тучи, а [illegible] занималось утро!

В тот же миг над Городом [illegible] пронзительная молния, соединившая небо и землю. [illegible] Башня Звездной Цитадели выступила из тьмы, словно мрак отпрянул от нее. В воздухе пророкотал раскат грома, и всем воинам показалось, что исчезла давящая на плечи тяжесть. Тьма над Городом сомкнулась вновь, но Теоден уже сбросил оцепенение, выпрямился, и над войсками пролетел боевой клич Рохана:

Вставайте все! Беда! Беда!
Огонь и смерть! Щиты крепите!
Вздымайте копья! День меча,
Кровавый день — во имя света!
Летите вскачь!
Вас Гондор ждет!

Правитель выхватил у оруженосца большой рог и протрубил с такой силой, что рог лопнул. На звук дружно и грозно откликнулись другие рога.

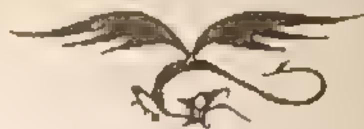
Летите вскачь! Вас Гондор ждет!

Теоден что-то крикнул своему коню, и он с места рванулся вперед. Позади билось на ветру знамя – белый конь мчался

по зеленому полю. За ним лавиной двинулся передовой отряд. Но король Рохана летел впереди всех, его никто не мог догнать. Словно древнее божество, словно сам Великий Оромэ в битве Валаров на заре мира, неудержимо мчался король Рохана. Он поднял щит, сверкнувший золотом в первых лучах солнца; трава под копытами его коня вспыхнула изумрудным ковром, потому что настало утро! Ветер с далекого Моря и солнце взяли верх, тьма отступила, полчища Мордора дрогнули в ужасе перед лавиной Всадников, катящейся на них, и побежали! А Всадники Рохана пели боевую песнь, пели и убивали врагов. И эта песнь, прекрасная и грозная, была слышна за стенами Минас Тирита.

Глава VI

ПЕЛЕННОРСКАЯ БИТВА



такой на Гондор руководил не простой предводитель орков. Тьма наступила слишком рано, до срока, назначенного Темным Владыкой. Удача изменила Предводителю в тот самый миг, когда он уже протянул за ней руку. Но рука была длинной и сильной. Он был Король, Слуга Кольца, Верховный Назгул. Под его началом собралось огромное войско. Да, он покинул Ворота, исчез, но для него это не было поражением, а для защитников — победой.

Теоден свернул к Городу, от которого его отделяло не больше мили.

Он придержал коня. Рыцари собрались вокруг, с ними был и юный Дернхельм. Впереди, ближе к стенам Города, отряд Эльфхельма громил осадные машины и истреблял врагов, загоняя их в ямы, полные огня. Вся северная часть Пеленнора была захвачена Всадниками, шатры орков пылали, а сами они бежали, спасаясь, к Реке. Но осада еще не была снята, Ворота не освобождены, и в южной части поля стояли свежие силы врага. По ту сторону дороги собрались войска харадримов. Их предводитель заметил Теодена, вырвавшегося далеко вперед с немногими рыцарями; он поднял знамя с черным змеем на красном поле и кинулся на правителя Рохана.

Теоден тоже заметил его и рванулся навстречу. Северные и южные всадники сшиблись в яростной схватке, но северяне, хоть и не столь многочисленные, были более искусны в битве и быстро уничтожили отряд из Харада, а Теоден одним взмахом меча рассек их предводителя и его змеиное знамя. Уцелевшие южане повернули вспять и бежали.

Но вдруг блеск золотого щита Теодена потускнел. Небо померкло, на землю упала тень. Кони начали храпеть и взвиваться на дыбы, сбрасывая всадников.

– Ко мне! Ко мне! – вскричал Теоден. – Не бойтесь тени!

Но его конь, словно обезумев, поднялся на дыбы, забил в воздухе копытами, и захрапев, грянул оземь: из груди у него торчало черное копье. Падая, он с размаху придавил собою Теодена.

Огромная тень, подобная туче, опускалась на землю. Это было крылатое чудовище, похожее на исполинскую птицу без перьев. Кожистые крылья, растянутые между длинными когтистыми лапами, издавали ужасный смрад. Это было порождение древнего мира, птенец последнего, забытого Временем выводка, родившегося где-то в затерянных горных дебрях. Темный Владыка разыскал этот выводок и кормил падалью, пока детеныши не стали крупнее любого другого летучего создания. Потом он дал их вместо коней своим слугам.

Страшное существо спускалось кругами все ниже, потом, растопырив лапы, выгнув длинную голую шею, разевая усаженный острыми зубами клюв, чудовище село и, качнувшись, угнездилось на трупе коня Теодена.

На спине чудовищной твари сидел всадник, огромный и грозный, закутанный в черный плащ. Железная корона венчала

его, но между короной и плащом был только мрак и мертвенный блеск глаз. Это был Предводитель назгулов. Исчезнув от Ворот, он вернулся по воздуху, а теперь спустился, неся гибель, превращая надежду в отчаяние, победу в смерть. В руке он держал железную палицу.

[illegible] рыцари, сопровождавшие Теодена, были либо убиты, [illegible] конями. Только Дернхельм, чья [illegible] страх, остался на месте. Все это время [illegible] позади него, но когда на землю пала [illegible] и умчался в ужасе. Мерри упал и [illegible] на карачках, оглушенный и ослепленный [illegible]

[illegible] он себе. – Ты же должен быть при Теодене. «Как отец будете вы для меня» – ты же сам [illegible] бессильна. Он не осмеливался даже [illegible]

[illegible] голос Дернхельма, странно похожий на [illegible] знакомый ему.

– Прочь, [illegible] мрака, пожиратель падали! Оставь мертвых в покое!

И другой голос, полный холодной злобы, ответил:

– Не становись между назгулом и его добычей. Он не станет убивать тебя. Он унесет тебя в обитель скорби, в дальние логова тьмы, где твою плоть сожрут, а трепещущую душу отдадут во власть Бессонного Ока.

Лязгнул меч, выхваченный из ножен.

– Что ж, попробуй, если сможешь! А я, если смогу, помешаю тебе!

– Помешаешь мне? Глупец! Ни один воин не может помешать мне!

И тут Дернхельм засмеялся, и в его голосе был звон стали.

– Но я не воин. Перед тобой женщина! Я Иовин, дочь Йомунда. Не становись между мной и моим родичем и повелителем! Будь ты живой или только оживший, прикоснись к нему – и погибнешь.

Крылатое чудовище неожиданно тонким и противным голосом закричало на нее, но Черный Всадник молчал, охваченный внезапным сомнением. От изумления Мерри забыл страх и открыл глаза. В нескольких шагах от него сидело чудовище, распространяя вокруг себя мрак, над ним грозной

тенью высился назгул. Немного левее, обратясь лицом к нему, стоял тот, которого Мерри звал Дерихельмом, но теперь шлем упал с головы воина, освободив золото волос, рассыпанных по плечам. Серые как море глаза смотрели твердо и гневно. В одной руке воин сжимал меч, в другой – щит, которым заслонялся от взгляда страшного врага.

Да, это была Йовин. Мерри вспомнил взгляд молодого воина, когда они покидали Дунхарг – взгляд без надежды, взгляд человека, готового встретить гибель. Сердце хоббита наполнилось жалостью и восхищением, и в нем проснулась медленно разгоревшаяся отвага его племени. Он приподнялся и, стиснув руки, прошептал:

– Она не умрет! Такая прекрасная, такая печальная... По крайней мере, она умрет не одна!

Черный Всадник не замечал его, а Мерри все не решался двинуться, боясь привлечь к себе губительный взгляд. Потом, очень медленно, начал отползать в сторону. Но Вождь-Призрак все думал о женщине, стоявшей перед ним, и о древнем предсказании.

Вдруг крылатое чудовище взмахнуло своими зловонными крыльями, прянуло в воздух и ринулось на Йовин, крича и стараясь ударить ее клювом.

Йовин не дрогнула: она была истинной дочерью Рохана, тонкой, как стальной клинок, и такой же гибкой. Ее удар был молниеносным и смертельным: он обрушился на вытянутую шею и голова упала, как камень. Йовин отскочила назад, и обезглавленное чудовище, растянув огромные крылья, рухнуло на землю. В тот же миг мрак исчез, и волосы Йовин заблестели на солнце.

Но Черный Всадник уже стоял перед нею, огромный и грозный. Со злобным криком, неестественным для слуха, он нанес удар палицей. Щит Йовин разлетелся, рука, державшая его, переломилась, а сама она зашаталась и упала на колени. Тогда Всадник навис над ней как туча и вновь взмахнул палицей, чтобы нанести последний удар.

Но вдруг он отпрянул, вскрикнув от страшной боли, и удар палицы, не повредив Йовин, обрушился на землю. Это Мерри вонзил в него сзади свой клинок из Упокоища, пробив черный плащ и невидимое тело ниже панциря. В тот же миг Йовин, привстав, последним усилием вонзила меч в

пустоту между плащом и короной. Меч разлетелся вдребезги. Корона покатилась со звоном. Йовин упала на поверженного врага. Но плащ и панцирь были пусты и лежали на земле, смятые и бесформенные, а в воздухе пронесся, замирая, бесплотный жалобный голос, и навеки затих в поднебесье.

Мерри стоял среди тел, мигая как сова днем, слезы ослепляли его. Словно в тумане видел он золотые волосы Йовин, распростертой неподвижно, и лицо Теодена, погиб[illegible] славы. Хоббит наклонился и взял его руку, [illegible] Глаза Теодена открылись.

— [illegible] добрый Мериадок, — с трудом произнес [illegible] Я весь разбит. Иду к предкам. Но даже [illegible] мне теперь можно не стыдиться. Я убил [illegible] мрачное, день — радостным, а вечер [illegible]

Мерри [illegible] говорить и только плакал.

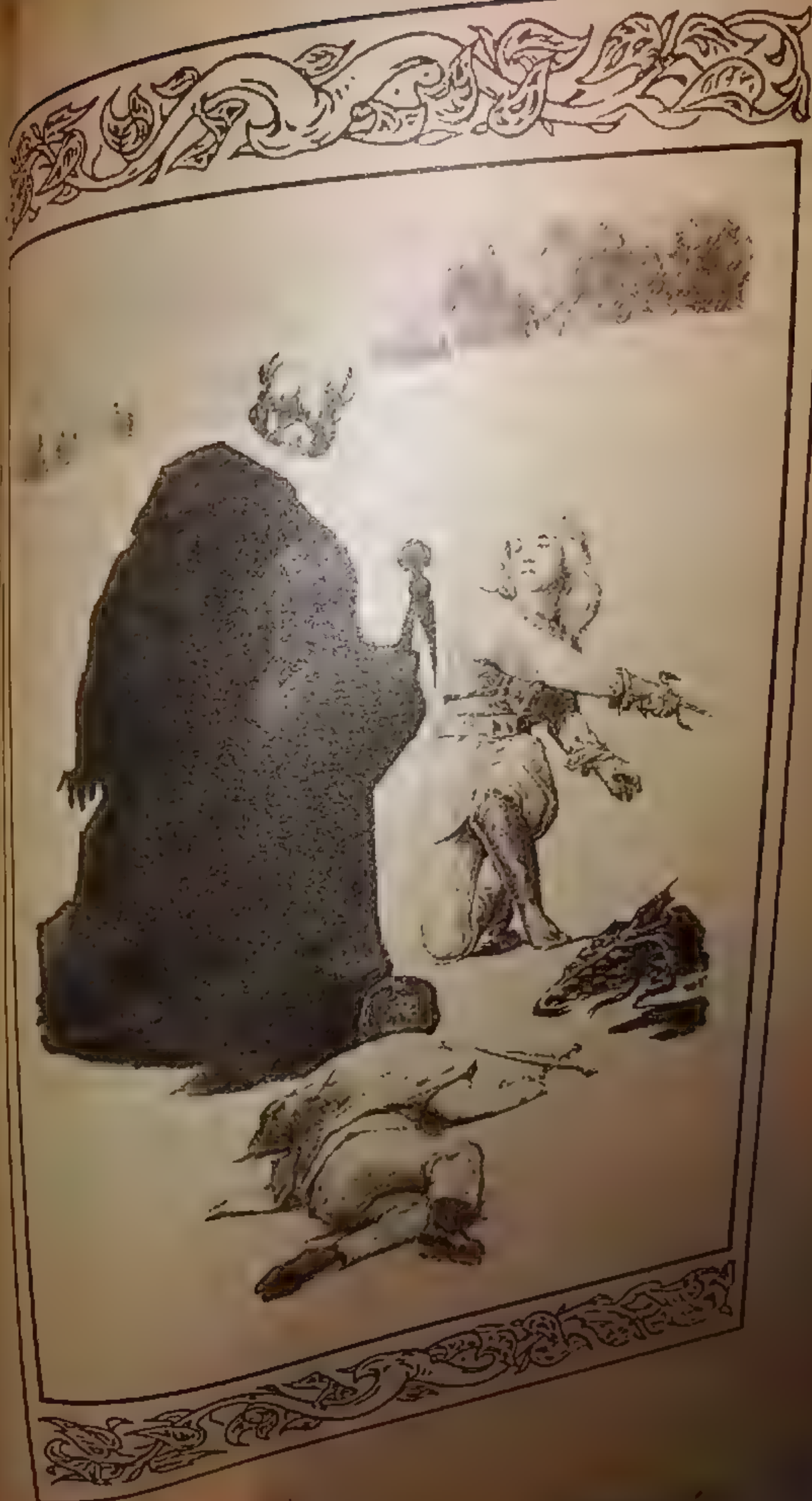
— Прости [illegible] меня, повелитель, — всхлипнул он наконец. — Я ослушался [illegible] и вся моя служба была в том, что я плакал, прощаясь с [illegible]

Теоден [illegible] улыбнулся.

— Не [illegible] Я простил тебя. Нельзя запретить доблесть. Живи и будь счастлив, и не забывай меня. Никогда уже не придется мне сидеть с кубком и слушать твои рассказы — он закрыл глаза и умолк, потом заговорил снова: — Где Йомер? Мне хотелось бы видеть его, пока зрение не угасло. Он будет правителем после меня. И пусть известит Йовин. Она не хотела отпускать меня, и я никогда больше не увижу ее.

— Но, повелитель... — запинаясь, проговорил Мерри, — она —

Только тут он услышал кругом шум, возгласы и звуки рогов. Оглядевшись, он вспомнил, что находится на поле битвы. Ему казалось, что с тех пор, как Теоден упал, прошло много времени, хотя в действительности это было всего несколько минут назад. На них, как волна прибоя, надвигалась новая схватка, и она вот-вот должна была захлестнуть их. Новые вражьи орды спешили от Реки. От стен поворачивали рати Моргула, а с юга подходили воины Харада. Пеших прикрывала конница, а позади качались огромные спины мумаков с башенками наверху.



Йомер быстро перестраивал рохирримов, посматривая в сторону Ворот. Там реял Серебряный Лебедь Дол Амрота, и рыцари Имрахиля теснили врага от большого пролома.

На мгновение у Мерри мелькнула мысль: «Где Гэндальф? Разве он не с ними? Может, он спасет короля и Йовин?». Всадники были уже рядом. Сам Йомер первым подскакал сюда, увидел убитое чудовище и поверженного Теодена. Соскочив с коня, он скорбно остановился над правителем. Один из его рыцарей взял знамя Рохана из рук убитого знаменосца и поднял его. Теоден медленно открыл глаза, увидел знамя и знаком попросил приподнять себя.

– Ты – мой преемник, – сказал он. – Веди войска к победе! И простись за меня с Йовин. – Он закрыл глаза и умер, так и не узнав, что Йовин была рядом с ним до конца. Всадники заплакали о Теодене. Все они любили его.

Тогда повысил голос Йомер.

Горе умершему! Велик был погибший,
Умер в сраженье. Его над курганом
Жены оплачут. Битва зовет нас! —

но и у него самого лились слезы, пока он говорил.

– Унесем тело с поля битвы, чтобы кони не затоптали его. Тела рыцарей тоже надо унести. – Он оглядел убитых, называя их по именам, и вдруг узнал среди них сестру. Пошатнувшись, словно ему в сердце вонзилась стрела, он побледнел от гнева и скорби, а глаза вспыхнули яростью. – Йовин! – вскричал он. – Как ты оказалась здесь? Безумие или колдовство тому виной? Смерть, смерть всем им! – И он затрубил в рог, и снова закричал своим воинам: – Смерть! Бейте врагов! Пусть ни один из них не уйдет отсюда!

Крик его подхватили отряды. «Смерть, смерть!» – прокатилось по рядам, и воины помчались за предводителем. Они не пели больше, но ударили на врага с такой яростью, что сразу смяли и расстроили его порядки.

Мерри стоял в стороне и плакал; никто его не замечал. Потом он вытер слезы и, подобрав щит, который дала ему Йовин, забросил его за спину. Потом начал искать свой меч. В тот миг, когда он нанес удар Королю-Призраку, правая

рука его отнялась и оружие выпало, теперь он мог действовать только левой. Вскоре он увидел меч, но клинок дымился, как ветка, брошенная в костер, и пока Мерри изумленно смотрел, меч съежился, истлел и исчез.

Так ушло оружие из Упокоищ, созданное руками мастеров Северного Княжества. Тот, кто неторопливо ковал его много веков назад, остался бы доволен судьбой меча. Ведь в ту пору главным врагом молодого Арнора был Король-Чародей из Ангмара. Ни один другой меч, даже в самой могучей руке, не смог бы нанести вождю назгулов смертельной раны, не смог бы разрубить узы, скреплявшие незримое тело с черной душой.

Воины подняли тело правителя и на носилках из копий и плащей понесли в Город. Другие на таких же носилках понесли Йовин. Тела рыцарей из свиты Теодена сложили подальше от убитого чудовища и обнесли оградой из копий. Когда бой окончился, чудовище сожгли, а коня Теодена похоронили там, где он пал, и воздвигли на могиле камень с эпитафией на языках Гондора и Рохана.

На этой могиле трава всегда была зеленой и пышной, а место, где сожгли чудовище, всегда оставалось черным и безжизненным.

В глубокой печали шел Мерри рядом с носилками, не думая больше о войне. Он устал, все тело болело, и его бил озноб. Ветер с моря принес тучу с дождем, и казалось, что само небо оплакивает смерть Теодена Роханского и отважной Йовин.

Как в тумане Мерри видел движущийся навстречу отряд из Города. Его вел Имрахиль. Приблизившись, он спросил:

– Какую ношу несут воины Рохана?

– Короля Теодена, – был ответ. – Он мертв. Король Йомер ныне ведет Всадников в битву.

Имрахиль спешился и, преклонив колено, почтил павшего вождя. Поднимаясь, он заметил Йовин и проговорил изумленно:

– Откуда здесь женщины? Выходит, и жены рохирримов пришли к нам на выручку?

– Она – единственная, – ответили ему. – Это – госпожа Йовин, сестра нового короля. Никто не знал, что она ушла в поход. Мы скорбим о ней.

Князь снова взглянул на Йовин и был поражен ее красотой. Он прикоснулся к маленькой, но твердой руке, вгляделся в лицо и спросил:

– Есть ли лечители в Городе? Она ранена, быть может, смертельно, но еще жива, – с этими словами он поднес к губам Йовин свою блестящую латную рукавицу, и полированный металл чуть затуманился от слабого дыхания.

Яростная [illegible] разгорелась на полях Пеленнора. Лязг оружия, [illegible] людей, конское ржание перекрывали звуки рогов и [illegible] барабанов, звенели колокольцами мумаки, подстрекаемые к [illegible]. Под южной стеной пехота Гондора отражала натиск [illegible] легионов. Хурин Высокий, Страж Ключей, и [illegible] [illegible]арнаха, и Хирлуин с Зеленых Холмов, и князь Имрахиль [illegible] витязями пробивались на восток, к Йомеру.

Не сразу [illegible] они прийти на помощь рохирримам. Удача отвернулась от Йомера, гнев подвел его. Первым ударом Всадники опрокинули врага и огромным клином врубились в ряды южан. Но когда появились мумаки, кони начали храпеть и пятиться, а громадные гороподобные чудовища словно крепости высились на поле, и харадримы скапливались вокруг них. Если в начале боя на каждого Всадника приходилось по три харадрима, то вскоре положение ухудшилось: к южанам от Осгилиата подошло подкрепление. Моргульский военачальник Готмог гнал в бой народ с топорами из восточных провинций, варайгов из Кханда, южан, одетых в алое, и черных полулюдей-полутроллей, белоглазых и с красными языками из Дальнего Харада. Теперь они обходили рохирримов, а часть сдерживала войска Гондора, не давая соединиться с Роханом.

Казалось, ход боя складывался не в пользу Гондора. Вспыхнувшая было надежда начала гаснуть. А тут еще со стен Города донесся новый крик. Время близилось к полудню, поднялся ветер, дождевые тучи отнесло на север, и теперь с ясного неба сияло солнце. В чистом воздухе дозорные издалека разглядели устрашающую картину, покончившую со всеми надеждами.

Немного ниже Города Андуин делал два изгиба, и с городских стен русло Реки просматривалось на несколько лиг.

все увидели, как с юга, подгоняемый ветром и веслами, приближается большой флот под черными парусами.

– Умбарские пираты! – кричали на стенах. – Умбарские пираты идут! Значит, Белфалас взят, и Дельта тоже, и Лебеннин пал. Это конец!

В Городе кто-то ударил в колокол, трубы стали призывать воинов к возвращению, потому что новая грозная опасность пришла со стороны Реки. Но зов не был услышан, ветер, надувавший паруса кораблей, относил звуки.

Впрочем, Всадники не хуже дозорных на стенах видели черные паруса. Йомер в пылу боя увел их слишком далеко от Города к пристаням Харлонда. Йомер увидел армаду и проклял тот самый ветер, который благословлял утром. А рати Мордора воспряли духом и с новой яростью ринулись в атаку.

Йомер не колебался больше. Зазвучали рога, собирая всех, кто мог пробиться под королевское знамя. Он принял решение стоять насмерть и совершить на полях Пеленнора подвиг, достойный песен, даже если на всем Западе не останется ни одного певца, чтобы спеть о последнем короле Рохана. Он поднялся на зеленый холм, и Белый Конь взвился у него над головой.

Без сомнений, без печали,
В полыхающем рассвете
Я скакал навстречу Солнцу
С песней звонкой на устах;
Но погибшая надежда
И надорванное сердце
Пробудили гнев священный,
Дух сражений и смертей!

Смеясь, произнес он эти слова. Азарт битвы снова наполнил сердце Йомера. До сих пор он не получил ни одной раны. Он был молод, новый король Рохана, и он правил отважным народом воинов. Он смеялся, глядя на черные корабли, и грозил им мечом. Но это был смех отчаяния.

И вдруг ликующий крик вырвался у него из груди. Он высоко подбросил меч, поймал его и запел. На переднем корабле развевалось большое знамя с Белым Древом – знаком

Гондора, но его венчали семь звезд и корона – герб Элендила бессчетные годы не появлявшийся в Средиземье. Звезды вспыхнули на солнце, ибо драгоценными камнями выложила их на стяге Арвен, дочь Элронда, а венец, вышитый *мифрилом* и золотом, ослепительно блестел в утреннем свете

Так возвращался в мир живых Арагорн Элессар, Наследник Исилдура, прошедший Тропами Мертвых. Ветер с моря пригнал в Гондор его корабли. Всадники узнали его, ликующие возгласы прокатились над равниной, а в Городе им вторили трубы и колокола. Войска Мордора, напротив, сковали изумление и ужас. Судьба обернулась против них, обрекая на верную гибель.

Гондорцы ударили на восток, тесня троллей и орков, Йомер – на юг, а навстречу ему в бой вступили войска, пришедшие на кораблях и только что высадившиеся на берег. Здесь были воины из южных областей Гондора, из Ламедона, из Лебеннина, Леголас и Гимли, Элладан и Элрохир, и Следопыты. Их вел Арагорн; в руке у него сверкал нестерпимо Андрил, а на челе горела Звезда Элендила.

Прошло немного времени, и Йомер с Арагорном встретились посреди битвы. Опершись на мечи, они взглянули друг на друга и улыбнулись.

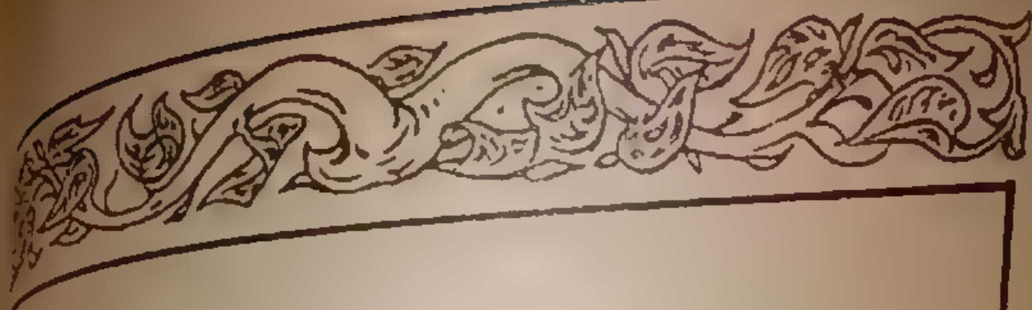
– Вот мы и встретились снова, хотя все силы Мордора разделяли нас, – сказал Арагорн. – Не так ли говорил я в Хорне?

– Так, – ответил Йомер, – но тогда я еще не знал всей вашей силы. Дважды благословенна помощь, которой не ждали, и никогда еще друг не радовался так, встретив друга. – Их руки сомкнулись в крепком пожатии. – Вы пришли вовремя, мой друг. Великие беды обрушились на нас сегодня!

– Так отомстим за них! – воскликнул Арагорн, и они плечом к плечу бросились в самую гущу боя.

Битва продолжалась до вечера. Южане были сильными воинами, закаленными в боях, они не просили и не давали пощады; харадримы были отважны и свирепы, и пользовались каждой передышкой и каждым укрытием, чтобы собирать силы и снова кидаться в атаку.

Но солнце, наконец, зашло, и небо окрасилось закатным пурпуром: холмы и горы казались окровавленными. Реки



пылала, и трава на Пеленнорской равнине стала красной от крови. Великая Пеленнорская битва кончилась. В Мордор ушли единицы, а в Харад вернулись только рассказы о гневе и ярости Гондора.

Трое вождей – Арагорн, Йомер и Имрахиль – шли к Городу, от усталости не ощущая ни скорби, ни радости. Но никто из них не был ранен, может быть, их хранила судьба, может, воинское искусство или сила оружия. Но многие другие получили тяжкие раны, увечья или пали в бою. Удар топора сразил Форлонга, бившегося в пешем строю; Дуилин из Мортонда вместе с братом подвели своих лучников вплотную к мумакам, приказав стрелять по глазам чудовищ, и были затоптаны обезумевшими зверями. Не вернулся домой прекрасный Хирлуин, пали Гримбольт и Хальбарад, суровый Следопыт-северянин. Рядовые и вожди, в славе или среди прочих, без числа и счета пали в великой Пеленнорской битве. Роханский менестрель сложил песню о курганах под Минас Тиритом.

Так было. Пропели тревожные горны,
И пламя клинков полыхнуло на юге,
И кони промчались, как утренний ветер,
К неведомой смерти. Война пробудилась.
Там Теоден пал, повелитель могучий;
Отныне пусты золотые чертоги,
И в северных землях на пастбищах щедрых
Его никогда не увидят отныне.
И Хардинг, и Гутлаф, и доблестный Гримбольт,
Эрфара и Деорвин, Дунхир и Фастред
И Эрубранд пали в жестоком сраженье;
Их ложе — в высоких священных курганах,
Где об руку спят боевые собратья.
Ни Хирлуин Светлый со всхолмий приморских,
Ни Форлонг из края цветущей долины
В родные края не вернутся с победой...
И меткие лучники Мортонда — Деруфин
И Дуилин — больше вовеки не ступят
На берег озер, что у горных подножий...
И воин простой, и высокий властитель
Покоятся вместе под вечным покровом;

На ранней заре и под сенью заката
И Андуин пел погребальные песни.
Кипящую ало-кровавую пену
Несли его воды, в лучах пламенея,
И горькие ало-кровавые росы
Ложились на земли великих сражений...

Глава VII

КОСТЕР ДЕНЕТОРА

Король-Призрак исчез, а Гэндальф все еще стоял неподвижно перед Воротами. Пиппин поднялся на ноги, словно с него спала огромная тяжесть, и стоял, слушая звуки рогов. Ему казалось, что сердце сейчас разорвется от радости.

Никогда больше до конца своих дней он не мог слышать дальнего пения рога без слез.

Но вдруг он вспомнил о своем деле и кинулся к магу, уже тронувшему коня.

— Гэндальф! Гэндальф! — закричал он, и белый конь остановился.

— Что ты здесь делаешь? — сурово

спросил Гэндальф. – Разве ты не знаешь, что воинам Цитадели нельзя покидать крепость без разрешения Правителя?

– Он разрешил, – ответил Пиппин. – Он отослал меня. Но я боюсь. Там может случиться что-то страшное. Кажется, мой Правитель лишился рассудка. Я боюсь, что он убьет и себя и Фарамира. Гэндальф! Сделай что-нибудь.

Маг взглянул в зияющий проем Ворот, прислушался к шуму битвы на равнине.

– Мое место там, – сказал он. – Черный Всадник на свободе, мне некогда.

– Но Фарамир! – вскричал Пиппин, чуть не плача. – Он же еще жив, а они сожгут его. Надо остановить их!

– Сожгут? – переспросил Гэндальф. – В чем дело? Говори скорее!

– Денетор ушел к усыпальницам, – зачастил Пиппин, – и забрал Фарамира. Он сказал: мы все сгорим, и он не намерен ждать. Они готовят погребальный костер для Правителя и Фарамира. Денетор послал слуг за дровами и маслом. Я сказал Берегонду, но боюсь, он не осмелится бросить пост. Да и что может он сделать? – закончил Пиппин, дотрагиваясь дрожащей рукой до колена Гэндальфа. – Спаси Фарамира!

– Может быть, я и мог бы спасти его, – ответил маг, – но боюсь, тогда погибнут другие. Хорошо, – вдруг решился он, – я пойду. Другого спасения для него нет. Я вижу – даже в сердце этой крепости Враг сумел посеять смуту. Я чувствую здесь его волю. – Он подхватил Пиппина, посадил впереди себя, и они помчались по крутым улицам Минас Тирита к Цитадели. Повсюду они видели воинов, стряхнувших с себя страх и отчаяние, разбиравших оружие, строившихся в ряды. Военачальники вели к Воротам все новые отряды.

Им встретился Имрахиль, окликнувший их:

– Куда вы, Митрандир? Рохирримы вступили в бой, нам нужно собрать все силы.

– Собирайте всех, кого найдете! – крикнул на скаку Гэндальф. – И поскорее. Я приду, как только смогу, но сейчас спешу по делу Денетора. Принимайте командование, пока его нет!

Ветер дул им в лицо. Высоко в небе занимался слабый отблеск утра. Но теперь и это не внушало надежды. Подступило новое горе, и было страшно опоздать.

– Тьма уходит, – сказал Гэндальф, – но над Городом она еще держится.

У ворот Цитадели никого не было.

– Значит, Берегонд все-таки ушел, – с надеждой проговорил Пиппин.

Они повернули обратно и поспешили ко входу в усыпальницу. Обычно он был закрыт, но сейчас дверь была распахнута настежь и на пороге ее лежал мертвый привратник. Ключей у него на поясе не было.

– Дело рук Врага, – сокрушенно произнес Гэндальф. – Он любит, когда друг восстает на друга, когда верность сменяется предательством.

Маг спешился, помог сойти Пиппину и попросил Сполоха вернуться на конюшню.

– Наше с тобой место на поле битвы, – сказал он коню, – но мне предстоят здесь другие дела. Жди меня и поспеши, когда я позову.

Они вышли и стали спускаться по длинному извилистому коридору. Мрак рассеивался по сторонам, как серые призраки, проступали высокие колонны и каменные изваяния. И вдруг впереди послышались голоса и лязг мечей: таких звуков не было здесь от века. Они ускорили шаги, почти бегом достигли усыпальницы, купол которой черной тенью возвышался в сумерках.

– Стойте! – вскричал Гэндальф, взбегая по ступенькам. – Остановитесь, безумцы!

На пороге перед дверью Берегонд бился со слугами Денетора. Двое уже пали, обагрив ступени кровью, но остальные, с мечами и факелами в руках, теснили его и проклинали, называя предателем и отступником. А изнутри, из-за двери усыпальницы, раздавался голос Денетора:

– Скорее! Делайте, как я велю! Убейте этого изменника! Неужели и это я должен делать сам!

Дверь, которую Берегонд держал левой рукой, распахнулась, и за спиной у него возник Правитель Города с мечом в руке. Глаза его горели диким огнем.

Но Гэндальф был уже на ступенях. Слуги попятились от него, закрывая глаза руками, потому что в гневе маг был похож на белую молнию. Он поднял руку, и занесенный

вырвался у Денетора и упал куда-то назад, во тьму, а Правитель невольно отступил перед магом.

– Что это значит, повелитель? – грозно вопросил Гэндальф. – Обитель мертвых – не место для живых. И почему твои люди бьются здесь, когда враги подступают к Воротам Города? Или Враг уже подобрался к усыпальницам?

– С каких пор Правитель Города должен отчитываться перед тобой? – злобно возразил Денетор. – Разве я не могу приказывать собственным слугам?

– Можешь, но другие могут не признавать твоей воли, если она обратилась к безумию и злу. Где твой сын?

– Он там, внутри, – сказал Денетор. – Он горит, уже горит! Огонь в его теле. Скоро сгорит все. Запад пал. Он весь сгорит, и останется только пепел, а пепел развеет ветер!

Видя, что он безумен, Гэндальф отстранил его и бросился внутрь, за ним – Пиппин и Берегонд. Они увидели Фарамира, лежащего в забытьи на каменном пьедестале, вокруг были навалены дрова, пропитанные маслом, так же, как одежда и покрывало Фарамира, но огня еще не было. И тут Гэндальф показал, что под белым плащом его скрыта не только сила знания. Он легко взбежал на груду дров, как ребенка поднял раненого на руки и понес к дверям. Фарамир застонал и сквозь забытье позвал отца.

Денетор вздрогнул, словно пробуждаясь. Пламя в его глазах погасло, он со слезами взмолился:

– Не забирай моего сына! Он зовет меня!

– Да, зовет, – ответил Гэндальф, – но ты не подойдешь к нему. Пока не поздно, его нужно лечить. А твой долг, Правитель, вести войска и защищать Город, хотя бы и ценой собственной жизни! Не мне напоминать тебе об этом!

– Он не проснется больше! – застонал Денетор. – Все напрасно. Зачем нам жить! Зачем ты разлучаешь нас перед смертью?

– Ни тебе, ни кому другому не дано приблизить час своей смерти, – сурово ответил Гэндальф. – Только побежденные силой Мрака в гордости и отчаянии убивают себя. – С этими словами он вынес Фарамира из усыпальницы и опустил на те самые носилки, на которых раненого принесли сюда. Денетор, не сводя глаз с лица своего сына, шел за ним, но перед порогом остановился. – Идем! – обернулся к нему Гэндальф. – Тебя ждут великие дела!

Но Денетор вдруг засмеялся, отступил к столу и выхватил что-то из-под подушки, на которой недавно покоилась его голова. Вернувшись к порогу, он поднял этот предмет – шар темного хрусталя с красным огнем внутри. Палантир в руке Правителя запылал, озаряя его лицо красным светом. Оно казалось высеченным из гранита – жесткое, гордое и страшное.

– Гордость и отчаяние! – вскричал Денетор. – Не думаешь ли ты, что Белая Башня ослепла? Нет, Серый Безумец, я видел больше, чем тебе кажется! Твоя надежда – от неведения! Ступай исцелять кого хочешь, бейся с кем хочешь – все будет напрасно. Вы можете даже победить на Пеленнорских полях, но Силу, которая поднялась ныне, победить нельзя. К этому Городу протянулся только один ее палец, а надежда уже оставляет нас. Даже ветер твоей надежды обманул тебя. Он гонит по Андуину армаду под черными парусами! Запад пал, и нам пора уйти, если мы не хотим стать рабами!

– Такие речи на пользу Врагу! – воскликнул Гэндальф.

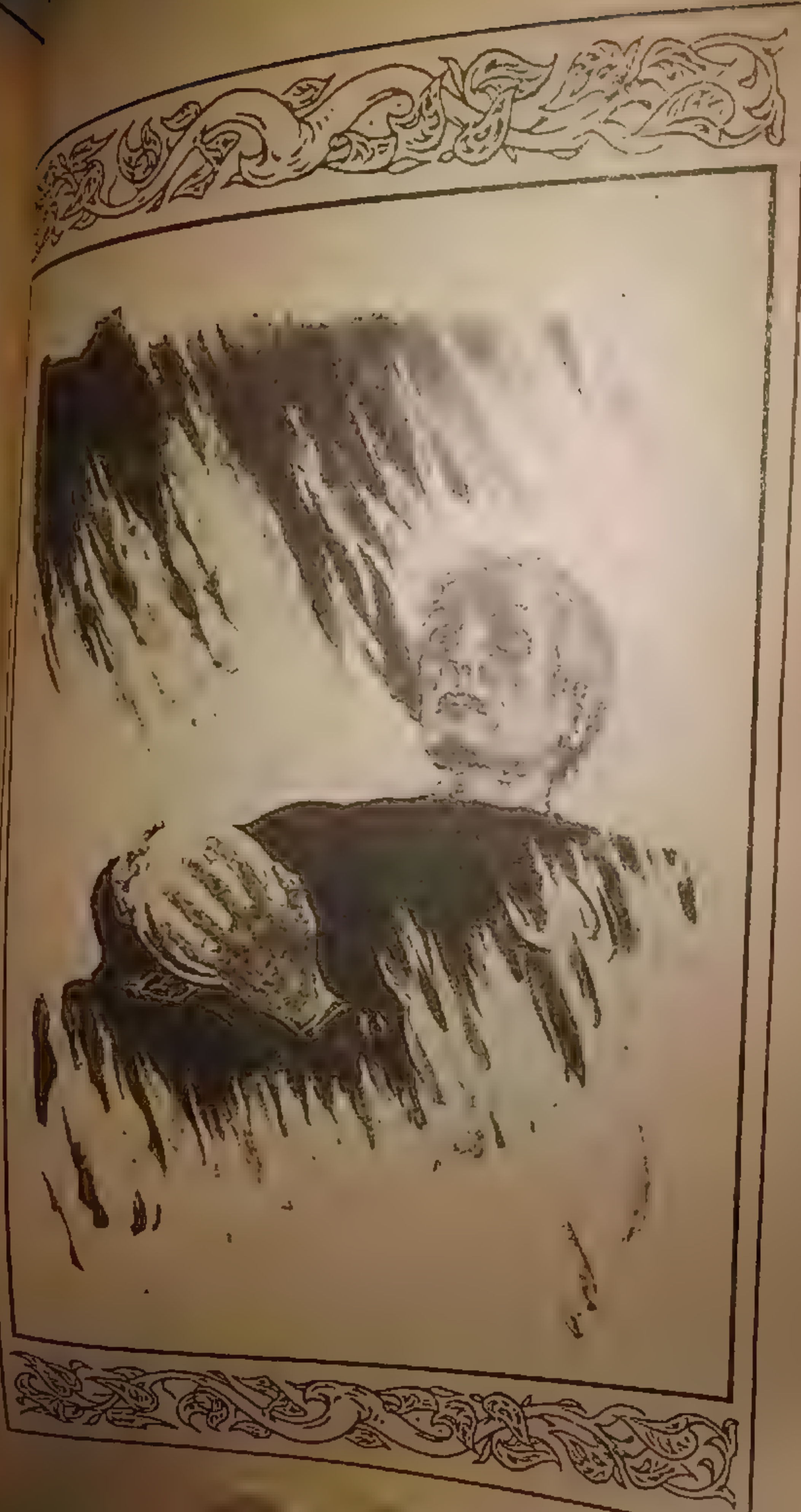
Денетор в ответ гневно рассмеялся.

– Разве я не видел, чего ты добивался, Митрандир? Ты хотел править вместо меня, править на севере, на юге и на западе. Разве не ты приказывал этому полурослику молчать или говорить, когда нужно? Разве не ты подослал его ко мне? Но я знаю, о чем ты думаешь. Одной рукой ты держишь меня, как щит против Мордора, а другой ведешь на мое место Бродягу с Севера. Но знай, хитроумный Митрандир, я не буду твоим орудием! Я – Наместник Дома Анариона. Не жди, ты не увидишь меня выжившим из ума камердинером у этого выскочки. Можешь не трудиться, доказывая его права, я знаю, что он из рода Исилдура. Но я не склонюсь перед ним, последышем нищего Дома, давно утратившего и власть, и величие.

– А как бы ты поступил? – сдержанно спросил Гэндальф, словно не замечая упреков.

– Я бы оставил все, как было всегда. Я правил бы Гондором и передал бы власть сыну. Он стал бы Правителем, а не учеником чародея. Но судьба решила иначе, и теперь я не хочу ничего: ни жизни, ни любви, ни чести.

– Ни честь, ни любовь не страдают, если Наместник возвращает данные ему права, – возразил Гэндальф. – А что до твоего сына – дай ему возможность выбирать самому



При этих словах глаза Денетора снова вспыхнули. Он сжал Камень одной рукой, а другой выхватил из-за пояса кинжал и бросился к носилкам, но Берегонд успел заслонить их собою.

– Вот как! – воскликнул Денетор. – Ты похитил у меня любовь сына, а теперь похищаешь верность моих воинов? Но одного ты не похитишь у меня: права распоряжаться своей судьбой. – И, обратясь к своим слугам, он крикнул: – Сюда, если вы еще верны мне!

Двое из них подбежали к нему. Он схватил факел из рук ближайшего и кинулся к костру. Не успел Гэндальф помешать ему, как он сунул факел в сухие дрова, и они мгновенно вспыхнули.

Тогда Денетор вскочил на стол, схватил лежащий там жезл Правителя и, сломав о колено, бросил в огонь. Потом он прижал Палантир к груди обеими руками и лег.

Говорят, что с тех пор всякий, взглянувший в этот Камень, если его воля недостаточна, чтобы направить взгляд к другой цели, видел в нем только две старческие обугленные руки.

Скорбно отвернулся Гэндальф и закрыл дверь. Некоторое время оттуда слышался только треск и шум огня, потом раздался громкий вопль, и все смолкло.

– Вот конец Денетора, сына Эктелиона, – произнес Гэндальф. – И это конец прежнего Гондора. Злые дела совершились здесь. Забудьте вражду между собой, – обратился он к воинам, – она рождена Врагом, и все вы попали в его сети. А вы... – Он тяжело взглянул на слуг Правителя. – Вы, слепые в своем повиновении, запомните, что только «измена» Берегонда спасла жизнь Фарамиру, Стражу Белой Башни. Унесите своих павших товарищей, им не место здесь. Мы отнесем Фарамира. Отныне он – Правитель Гондора. Жить ему или умереть – это уже не нам решать.

Вдвоем с Берегондом они подняли носилки, а Пиппин, понурив голову, пошел следом. Слуги Правителя замерли, обернувшись к Домам Мертвых. Гэндальф был уже в конце улицы, когда послышался гул. Крыша Дома расселась, из трещины повалил дым, с шумом вырвалось пламя, и огонь заплясал на развалинах. Слуги в ужасе бросились догонять Гэндальфа.

У распахнутой двери Берегонд бросил взгляд на убитого привратника.

– Вот в чем я всю жизнь буду раскаиваться, – сказал он. – Но я спешил, а он не хотел слушать и обнажил меч... – Он закрыл и запер дверь. – Эти ключи нужно отдать теперь Фарамиру.

– Сейчас командует Имрахиль, князь Дол Амрота, – сказал Гэндальф, – но его нет здесь. Придется мне. Пусть ключи остаются у тебя, пока в Городе не установится порядок.

Они были уже в верхних ярусах и шли к госпиталю. Его светлые здания располагались поодаль и предназначались для заболевших, а сейчас готовились принять раненых. Вокруг зеленели огороды, сады и цветники. Во всем Городе это было единственное зеленое место. Сейчас там хозяйничали женщины, умевшие ухаживать за ранеными.

В тот самый миг, когда Гэндальф и его спутники вступали на порог, с поля за Воротами раздался жуткий вопль, высоко и пронзительно пронесся в небесах и замер. Так страшен он был, что на мгновение все оцепенели. Но на смену ему пришла тишина, принесшая такую радость и надежду, каких они не помнили со дня прихода Мрака с востока, и им показалось, что вокруг стало светлее и солнце выглянуло из-за туч.

Печаль и тревога не оставили Гэндальфа. Поручив Берегонду и Пиппину устраивать Фарамира, он поднялся на стену. Глазами мага он увидел и понял, что произошло в поле: и когда Йомер выехал вперед и остановился перед павшими, он вздохнул и, закутавшись в плащ, спустился со стены. Когда Берегонд с Пиппином вышли из госпиталя, Гэндальф уже ждал их у дверей. После долгого молчания голос мага прозвучал глухо и показался Пиппину старческим:

– Друзья мои, великие и печальные дела свершились сейчас. Плакать нам или радоваться? Короля-Призрака больше нет. Вы слышали его предсмертный вопль. Но эта победа оплачена дорогой ценой. Я не допустил бы этого, но безумие Денетора отвлекло меня. Вот как далеко протянулась Вражья рука! И теперь я понимаю, как это могло случиться. Правители Города считали, что тайна эта известна только им, но я давно подозревал, что в Белой Башне хранится по крайней мере один из семи Видящих Камней. Когда-то Денетор славился мудростью. Он не подходил к Камню и не тщился бросать вызов Саурону, зная пределы своей силы. Но когда над

княжеством нависла опасность, он заглянул в Камень и тут же был обманут, а после отъезда Боромира он уже не мог не смотреть в него. Денетор был достаточно силен, чтобы не подчиниться воле Саурона, но Темный Владыка позволял ему видеть только то, что ослабляло волю и подтачивало отвагу.

– Теперь я понимаю, – вздрогнув, проговорил Пиппин. – Правитель вышел из комнаты, в которой лежал Фарамир, а когда вернулся, я поразился перемене: он как-то сразу постарел и выглядел совсем разбитым.

– В тот самый час, когда Фарамира принесли в Башню, многие из нас видели странный свет в ее окнах, – сказал Берегонд. – Но так бывало и раньше. В Городе давно уже говорили, что наш Правитель силой мысли борется с Врагом.

Гэндальф покачал головой.

– Значит, я прав, – произнес он. – Вот каким путем воля Саурона проникла в Город, и вот почему я должен был задержаться здесь. А теперь придется задержаться еще, потому что скоро не только Фарамиру понадобится моя забота. Я иду встречать воинов. Я [illegible]жение, и сердце мое скорбит, но не было бы худшей беды. Идем со мной, Пиппин! А ты, Берегонд, возвращайся в Цитадель и доложи обо всем Начальнику Стражи. Боюсь, Стражем тебе уже не быть, но передай ему мой совет: пусть направит тебя в госпиталь. Ты спас Фарамира от огня, служи ему и дальше. Охраняй его и будь при нем, когда он очнется, если только очнется когда-нибудь, – вздохнул маг – Ступай! Я скоро вернусь.

С этими словами он повернулся и вместе с Пиппином отправился в нижние ярусы Города. Пока они шли, ветер принес тучу с дождем, огни погасли, и от костров поднялся густой дым.

Глава VIII

В ГОСПИТАЛЕ

Когда печальная процессия входила в разрушенные Ворота Города, Мерри от слез и усталости ничего не видел вокруг. Воздух был наполнен дымом и чадом: много осадных машин было сожжено и сброшено в огненные ямы, повсюду валялись трупы орков, троллей и южных чудовищ. Дождь перестал, из туч выглянуло солнце, но Нижний Город был окутан едким дымом.

Люди уже трудились, убирая обломки. Появились носилки. На одни бережно уложили Йовин, на других, под тяжелым золотым покрывалом, покоилось тело короля. Рядом шагали

Рохирримы с факелами. Бледное при солнечном свете пламя билось и трепетало на ветру.

Так вошли в Город Теоден и Йовин.

Все встречные склоняли головы в скорбном поклоне. Шествие медленно поднималось по каменным улицам. Мерри казалось, что этому пути, как в кошмарном сне, не будет конца.

Постепенно огни факелов то ли исчезали, то ли гасли, стало темно, и он [illegible] подумал: «Мы идем к могиле и, наверное, останемся [illegible] навсегда». Но тут сквозь бред до него дошел живой голос:

– А, Мерри! [illegible]-то я нашел тебя!

Он с трудом [illegible], и туман перед глазами немного рассеялся. Перед ни[illegible]ном переулке стоял Пиппин. Вокруг больше никого не было.

Мерри протер глаза.

– Где король? – спросил он. – Где Йовин? – Но тут же пошатнулся, сел на камень и заплакал.

– Они уже в Цитадели, – с тревогой ответил Пиппин. – Ты, верно, заснул на ходу и свернул не туда, куда нужно. Когда мы увидели, что тебя нет, Гэндальф сразу послал меня за тобой. Бедняжка Мерри! Но до чего же я рад, что снова вижу тебя! Ты, конечно, устал, а я мучаю тебя разговорами. Скажи только: ты не ранен?

– Нет, – ответил Мерри, – то есть мне кажется, что нет. Но правая рука у меня не действует, отнялась, когда я ударил его. А мой меч сгорел, как деревянный.

Пиппин решил, что его друг бредит, и еще больше встревожился.

– Идем, идем-ка со мной. Я бы понес тебя, да не сдюжу. Что же это они оставили тебя? Но ты уж извини их. Знаешь, в Городе было так страшно, такое творилось, что не мудрено было потерять одного бедного хоббита, идущего с поля боя.

– Это не так уж плохо, когда тебя не замечают, – отозвался Мерри, едва ворочая языком. – Вот недавно меня тоже не заметили и... Нет, не могу говорить об этом. Помоги мне, Пиппин! Опять темно и холодно...

– Обопрись на меня, друг Мерри. Идем. Давай-ка, раз, два. Здесь недалеко.

— Ты ведешь меня, чтобы похоронить? — покорно спросил Мерри.

— Да что ты! Нет, конечно! — ужаснувшись, воскликнул Пиппин. Сердце у него сжалось от страха и жалости. — Нет, мы с тобой идем в госпиталь.

Они вышли из переулка на главную улицу, ведущую к Цитадели, и теперь медленно поднимались по ней. Мерри шатался и бормотал что-то в бреду.

«Так мне никогда не донести его, — подумал Пиппин. — И помочь некому! Не могу же я бросить его здесь!» Но тут их догнал какой-то мальчик, и Пиппин очень обрадовался, узнав Бергиля, сына Берегонда.

— Бергиль, — воскликнул он. — Рад видеть тебя живым! Куда ты?

— Бегу с поручением к целителям, — ответил Бергиль. — Прости, но мне некогда!

— Беги, беги, только передай, что тут со мной раненый полурослик и что он не может сам идти. Скажи о нем Гэндальфу, он обрадуется.

Бергиль убежал. «Подожду здесь», — подумал Пиппин. Он осторожно уложил Мерри на землю, сел и взял голову друга к себе на колени. Рука Мерри была холодна как лед.

Через несколько минут их нашел Гэндальф. Он склонился к Мерри, погладил его по лбу и бережно поднял на руки.

— Его нужно было бы внести в Город с почестями, — сказал он. — Этот малыш полностью оправдал мои надежды. Не уступи тогда Элронд и не отпусти он вас с отрядом, этот день мог бы стать куда печальнее. — Он вздохнул. — Идем, у меня еще много дел, а исход битвы до сих пор не решен.

Так Фарамир, Йовин и Мериадок оказались в госпитале. Уход за ними был очень хорошим. Хотя немало знаний со времен расцвета Гондора было потеряно, все же здешние целители хорошо справлялись со многими ранами и болезнями, которым были подвержены смертные к востоку от Моря. Только от старости они не знали средства. Люди в Гондоре жили не намного дольше остальных, и мало кому удавалось миновать столетний рубеж, сохранив силы. Но сейчас ни искусство целителей, ни их знания не помогали, ибо людей поражала болезнь, от которой не было исцеления. Ее называли

порождением мрака, потому что причиной этой болезни были назгулы. Те, кого она настигала, впадали во все более глубокий сон, их сковывало молчание и смертный холод, и они умирали. Целители сразу поняли, что полурослика и воительницу из Рохана тяжело поразила именно эта болезнь. Сначала они еще говорили, что-то шептали сквозь сон, и целители прислушивались к их словам, надеясь отыскать в них ключ к болезни. Но больные все дальше уходили во тьму беспамятства, и когда солнце начало клониться к закату, лица Мерри и Йовин стали землистого цвета. Фарамира же, напротив, снедал лихорадочный жар, и его [illegible] было унять.

Гэндальф озабоченно [illegible] от одного к другому, а целители рассказывали [illegible] слышали. День уходил, великая битва продолжалась [illegible]переменным успехом, а маг все выжидал и не мог [illegible]ть больных. Когда в небе разлились краски заката, [illegible] рядом показалось, что лица больных порозовели. Можно было подумать, что болезнь отпускает, но это была обманчивая надежда.

Тогда Иорет, старшая из служительниц госпиталя, со слезами посмотрела на Фарамира и сказала:

– Горе, если он умрет. Когда-то в Гондоре были Короли, о которых сказано в Книгах Знаний: «Руки Короля – руки целителя». Так ведь и узнавали настоящего Короля...

Гэндальф прервал ее:

– Иорет, люди надолго запомнят твои слова. В них есть надежда. Может быть, такой вождь уже здесь, в Гондоре. Разве ты не слышала, что говорят в Городе?

– Мне было не до слухов, – сварливо ответила Иорет. – Для меня самое важное, чтобы больных не тревожили.

Гэндальф поспешно вышел. Закат угасал, и серый, как зола, вечер спускался на холмы и равнины.

В это время Арагорн, Йомер и Имрахиль в окружении своих воинов приближались к Городу. У Ворот Арагорн сказал:

– Посмотрите, как полыхает закат! В эти дни все выглядит значительным. Старое уходит, приходит новое. Может быть, мы стоим на рубеже двух Эпох. Страной и Городом долго и славно правили мудрые и сильные люди, и, хотя мои права вам известны, я не хочу входить непрошеным. Война не кончена, нельзя давать повод смутам. Я отказываюсь предъявлять

…ной этой болезни
…падали во все более
…смертный холод, и
…что полурослика и
…именно эта болезнь.
…сквозь сон, и целители
…ждать в них ключ к
…тьму беспамятства,
…ица Мерри и Йовин
…отив, снедал лихо-
…ять.

…ого к другому, а
…ли. День уходил,
… успехом, а маг
…к. Когда в небе
… показалось, что
…ать, что болезнь

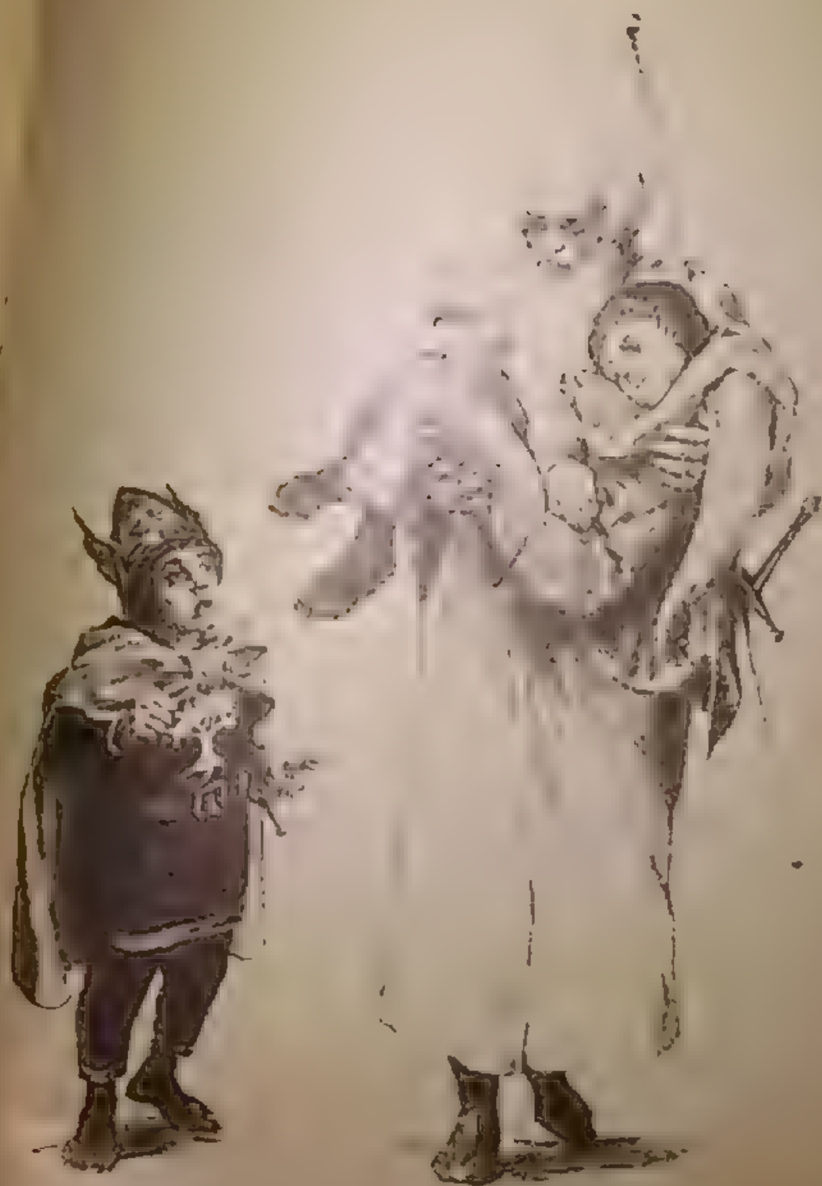
…спиталя, со сле-

… были Короли,
…Короля – руки
…роля…

…е. В них есть
…, в Гондоре.

…ла Иорет. –
…ожили.
…й, как зола.

…ении своих
…казал:
… выглядит
…жет быть,
…ом долго
…ои права
…ойна не
…дъявлять



какие бы то ни было права до победы. Если Правитель захочет видеть меня, мой шатер будет стоять здесь.

Йомер пылко возразил ему:

– Вы уже подняли знамя древних вождей. Все видели Звезду Исилдура. Вас ждут. Неужели вы хотите обидеть людей пренебрежением?

– Нет, – ответил Арагорн. – Но я считаю, что время еще не пришло, и не хочу ссориться ни с кем, кроме Врага и его слуг.

Имрахиль согласился с ним.

– Ваши слова разумны. Правитель Денетор мой родич. Мне хорошо знакомы его упорство и гордость, а после потери сына характер у него стал еще тяжелее. Но все же мне не хотелось бы оставлять вас перед дверью, как просителя.

– Ну какой я проситель? – улыбнулся Арагорн. – Я веду отряд Следопытов. Они не привыкли к городам и каменным домам. – С этими словами он приказал свернуть знамя, снял со шлема Звезду Северного Княжества и передал сыновьям Элронда.

Имрахиль и Йомер отправились в Цитадель к Правителю. Но в тронном зале его не было. Там на возвышении покоился Теоден, король Рохана. Вокруг горели факелы и почетный караул несли двенадцать роханских и гондорских рыцарей. Справа от короля, укрытого по грудь золотым покрывалом, лежал на бело-зеленом ложе меч, в ногах – щит. Отблески света плясали на сединах короля, лицо было молодо и прекрасно. Казалось, он спит.

Отдав низкий поклон памяти правителя, Имрахиль спросил:

– Где же Правитель Гондора? И где Митрандир?

Тогда вперед выступил один из стражей.

– Правитель Гондора находится в госпитале.

Йомер растерянно оглядел зал.

– А где Йовин? Она должна покоиться вместе с королем, и с не меньшими почестями. Где ее положили?

Имрахиль участливо опустил руку ему на плечо.

– Прекрасная Йовин была еще жива, когда ее принесли сюда. Разве вы не знали этого?

Глаза Йомера вспыхнули надеждой. Он не сказал больше ни слова, быстро повернулся и вышел. Имрахиль последовал за ним.

На улице стемнело. Когда они подходили к госпиталю, в небе появились звезды. У дверей им встретился Гэндальф. Рядом с ним стоял кто-то в сером плаще.

– Митрандир, – обратился Имрахиль к магу, – мы ищем Правителя. Нам сказали, что он здесь. Но почему? Разве он ранен? И что случилось с прекрасной Йовин? Где она?

– Здесь, – ответил Гэндальф, – она еще жива, но смерть стоит рядом. Правителем Гондора стал Фарамир, Денетор погиб в пламени. – Он коротко рассказал им о недавних событиях. – Фарамир ранен, судя по всему, отравленной стрелой, – озабоченно добавил маг, – он тоже здесь, и его сжигает лихорадка.

– Дорого обошлась наша победа, – произнес Имрахиль. – В один день и Гондор, и Рохан лишились своих правителей. Но если у рохирримов есть Йомер, то кто же будет править Гондором? А между тем властитель здесь, у ворот. Надо призвать Арагорна, – твердо закончил он.

Тогда человек в плаще откинул капюшон и вышел в свет фонаря над дверью.

– Я здесь, – сказал он.

Это был Арагорн. Кольчугу его прикрывал эльфийский плащ, скрепленный на груди зеленым камнем, тем самым, что подарила ему Галадриэль.

– Я пришел по просьбе Гэндальфа, – продолжал он, – и не как правитель, а как простой воин. Городом до выздоровления Фарамира должен править вождь Дол Амрота. Но я хочу, чтобы в битве с Врагом все наши силы подчинялись одному начальнику. В этой войне одной воинской доблести недостаточно. Нужна еще и мудрость. Поэтому пусть Гэндальф руководит нами.

Имрахиль и Йомер согласились с ним. Тогда Гэндальф взял их под руки.

– Идемте, время дорого. Единственная надежда тех, кто лежит здесь, – это Арагорн. В словах целительницы из этого дома мне открылось предначертание. «Руки Короля – руки целителя, – сказала она, – вот так и узнают настоящего Короля».

Арагорн вошел первым, за ним – остальные. У двери они увидели двоих воинов в форме защитников Цитадели: один был рослый, другой по виду совсем подросток. Как только открылась дверь, он вскрикнул от радости:

– Колоброд! Вот здорово! Знаешь, я первым угадал, что на черных кораблях идешь ты. Но все кругом кричали о пиратах, и никто не хотел меня слушать. Как же это так получилось?

Арагорн засмеялся и взял хоббита за руку.

– Вот добрая встреча! – сказал он. – Но сейчас не время для рассказов.

Имрахиль шепнул Йомеру:

– Подобает ли так обращаться к Королю? Может, он примет корону под каким-нибудь другим именем?

Арагорн расслышал его слова и обернулся.

– Вполне возможно. У меня есть из чего выбирать. На древнем высоком наречии я зовусь Элессар Эльфинит. – Он приподнял мерцавший у него на груди зеленый камень. – Есть и другое имя – Энвиниатар, Возрождающий. А свое ширское имя я оставлю как титул моего дома, если он когда-нибудь будет основан. На высоком наречии слово «Колоброд» звучит не так уж плохо. «Телконтар» – так будут звать меня и моих наследников.

Они пошли дальше, и по пути Гэндальф поведал им о подвигах Йовин и Мериадока.

– Я слежу за ними уже много часов, – сказал он. – Сначала они еще говорили, но сейчас уходят во мрак смерти все дальше и дальше.

Арагорн подошел сначала к Фарамиру, потом к Йовин, а напоследок к Мерри. Он вгляделся в их лица и вздохнул.

– Всех моих сил и способностей может оказаться недостаточно, – проговорил он. – Ах, если бы здесь был Элронд! Он самый старший из нас, у него куда больше сил. Но я сделаю все, что смогу.

Йомер предложил сначала отдохнуть и подкрепиться, но Следопыт отказался.

– Для этих троих, – сказал он, – особенно для Фарамира, время истекает, я должен спешить.

Он велел позвать Иорет и спросил, есть ли в доме целебные травы.

– Да, господин, – охотно пустилась она в объяснения, – но, по моим подсчетам, запасов не хватит. А где взять, я и не знаю. В эти жуткие дни все горит, все рушится, послать некого, да и куда посылать-то? Все дороги перекрыты. Я уже и не упомню, когда на рынок в последний раз приходили

торговцы из Лоссарнаха! Но мы пока обходимся, чем можем, и дальше, может быть, господин решит, что делать...

— Об этом поговорим после, — остановил ее Арагорн. — Сейчас не до разговоров. Дорога каждая минута. Есть у вас *ацелас*?

— Что-то я про такое и не слыхала, господин, — призналась Иорет. — Я, конечно, могу пойти спросить травника, но, может, вы знаете другое название?

— В народе ее называют Королевским Листом, — нетерпеливо сказал Арагорн.

— А, эта! — пренебрежительно махнула рукой Иорет. — Ну, если бы ваша светлость так сразу и сказали, я бы сразу и ответила: нету у нас такой, это точно. Да что в ней проку? Я и сестрам своим, когда мы в лесу на нее натыкались, говорила: вот чудное названье! Да какой же король на такое польстится? Запах, правда, если растереть, духовитый. Но ведь запах — это больше для удовольствия, верно ведь?

— Верно, верно. - Арагорн жестом запретил Иорет продолжать. — А теперь, сударыня, если тебе дорог Фарамир, хорошо бы твоими ногам поучиться прыти у язычка и добыть мне хотя бы три-четыре королевских листочка, если они найдутся в Городе.

— А если не найдутся, — добавил Гэндальф, — придется нам с этой почтенной дамой прогуляться в леса Лоссарнаха. А Сполох покажет ей, что значит спешить.

Когда Иорет ушла, Арагорн велел женщинам согреть воды. Потом взял Фарамира за руку и прикоснулся ко лбу. Фарамир не шевельнулся. Похоже, он едва дышал.

— Совсем обессилел, — повернулся Арагорн к Гэндальфу. — Но это не от раны. Добрый знак! Если бы его поразила стрела назгула, он был бы уже мертв. Я думаю, его ранили южане. Кто вытащил стрелу? Она сохранилась?

— Вытащил я, — выступил вперед Имрахиль, — но не сохранил. Там было не до этого. Но, помнится, это была не стрела, а дротик, и он был похож на те, которыми пользуются южане. Рана неглубокая, и меня удивило, что у Фарамира от нее такая лихорадка. Поэтому я и подумал про крылатый ужас. Какова же, по-вашему, причина?

— Причин много, — покачал головой Арагорн. — Это и усталость, и огорчение, нанесенное отцом, и рана, а самое главное — Дыхание Мрака. Он человек сильной воли, но еще

до битвы долго пробыл под Тенью. Мрак медленно овладевал им, но пока его не ранили, он держался. Мне нужно было прийти раньше!

В это время появился травник.

– Ваша светлость спрашивали о Королевском Листе, так его простолюдины называют, – важно сказал он. – На благородном наречии имя сему растению *ацелас*, или если кто по-валинорски понимает...

– Я, например, – оборвал его Арагорн. – И мне все равно, будешь ли ты говорить *«асеа аранион»* или «Королевский Лист», лишь бы он у тебя был.

– Примите мои извинения, – поклонился травник. – Я вижу, вы сведущий в древнем знании. Но увы! Сударь, мы не держим такого в госпитале, ведь здесь у нас только тяжелобольные. Насколько мне известно, в *ацеласе* нет особых лечебных свойств, разве что запах свежий, ну, усталость снимает... Может, правда, вы заинтересовались старинным стишком, его иногда повторяют, не понимая...

Когда дохнет слепая тьма
И с нею смерть придет сама,
Иссякнет луч, нахлынет боль –
Явись, Король!
Явись Король!
Верни ушедшее дыханье
Своей целительною дланью!

Так старухи запомнили, ни складу, ни ладу... Настой из нее принимают от головной боли.

– Тогда, именем Короля, найди старуху, у которой поменьше знаний, зато побольше мудрости и у которой в доме найдется то, чего нет у тебя! – воскликнул Гэндальф.

Арагорн опустился на колени у ложа Фарамира, снова положил ему руку на лоб и застыл. Так прошло несколько минут. Воздух над ложем словно накалился и звенел. Все почувствовали, как Следопыт, напрягая волю, борется с чем-то: лицо у него осунулось, глаза запали. Время от времени он повторял имя Фарамира, но с каждым разом все тише и слабее, как будто и сам он уходил все дальше, окликая затерявшегося во мраке.

В этот момент в залу вбежал Бергиль. Он принес шесть листьев, завернутых в чистую тряпицу.

– Я нашел *ацелас*! Правда, он немного подвял: его сорвали с неделю назад. Годится? – Мальчик взглянул на Фарамира и неожиданно заплакал.

Но Арагорн встал и улыбнулся.

– Годится, – сказал он. – Самое плохое уже позади. Успокойся! – Он взял два листка травы, подышал на них, потом размял в пальцах. Комната тотчас же наполнилась таким свежим ароматом, словно воздух проснулся и заискрился радостью. Потом он бросил листья в чашу с кипящей водой, и сердца тех, кто был в зале, возрадовались, когда они вдохнули запах: каждому припомнилось росистое утро в стране его юности. Арагорн выпрямился, словно ощутив прилив новых сил, и, когда он поднес чашу к лицу Фарамира, глаза его улыбались.

– Ну кто бы мог подумать! – сказала Иорет стоявшей подле нее женщине. – Трава-то, пожалуй, лучше, чем я думала. Она напомнила мне розы Имлот Мелуи, когда я была девушкой...

Прошло еще несколько мгновений, и Фарамир шевельнулся, открыл глаза и увидел Арагорна. Взгляд у него просиял, и он сказал едва слышно:

– Вы звали меня, и я пришел. Приказывайте мне!

– Вот мой приказ, – ответил Арагорн. – Вернись из страны теней, пробудись к жизни! Сейчас ты устал. Отдыхай, пей, ешь и жди меня.

– Я буду готов, повелитель, – сказал Фарамир. – Кто же будет лежать праздно, когда вернулся подлинный вождь?

– Пока прощай, – промолвил Арагорн. – Я нужен другим.

И он вышел из комнаты, сопровождаемый Гэндальфом, Имрахилем, Йомером и Пиппином. Берегонд с сыном остались у ложа Правителя. Уже закрывая дверь, Пиппин услышал восклицание Иорет:

– Король! Вы слышали, я же говорила: руки целителя! –

И вскоре все в госпитале узнали, что явился Король, дарующий исцеление. И эта весть распространилась по всему Городу.

Арагорн осмотрел Йовин и сказал:

– Вот кто принял тяжелый удар! Сломанная рука – не беда, она срастется, если жизнь возьмет свое. А вот с правой

рукой куда хуже. Через нее прошло такое зло, что хотя она и цела, но жизни в ней нет.

Девушка подняла меч на такого врага, который не по силам многим витязям. Нужно быть тверже стали, чтобы выстоять в таком поединке. Злая судьба скрестила их пути. Могучий род вождей взрастил это прекрасное юное деревце для жизни и счастья, а ей выпала другая доля. Глядя на нее, я вспомнил цветы, выкованные древними эльфийскими мастерами. Они были прекрасны, но это был металл. Какой-то холод остановил движение токов жизни в этом чудесном создании. Ее болезнь началась задолго до этого дня, верно, Йомер?

Йомер поднял на него страдальческий взор.

– Что спрашивать меня? Вы и сами все знаете. До встречи с вами сестра была полна жизни. У нее были и страхи и тревоги, она делила их со мной, пока Червослов был советником короля, но не здесь причина ее печали.

– Друг мой, – участливо вступил Гэндальф, – у вас есть кони, боевые подвиги, [illegible] поля, а ее дух, отвагой равный вашему, заключен в теле женщины. Она любила правителя, как отца, и ухаживала за ним, страдая от того, что морок и дряхлость на глазах одолевали его. Она была чем-то вроде посоха, на который он опирался. А у Червослова яду хватало не только для ушей Теодена. «Старый дурак! Весь дом Йорла – просто большая конюшня, крытая соломой, где разбойники пьянствуют среди вони и объедков, а их отродья валяются на полу вместе с собаками!» Ты не слыхал раньше таких слов? Так говорил Саруман, наставник Червослова. Хотя, не сомневаюсь, дома Червослов находил слова помягче. Дорогой мой! Твоя сестра старалась не внимать хуле, но кто знает, о чем говорила она, оставаясь по ночам наедине с собой, когда вся ее жизнь сжималась в маленький комочек, а стены дома смыкались вокруг, словно ловушка?

Все молчали, молчал и Йомер, глядя на сестру, словно заново обдумывая прошлое.

Тишину нарушил Арагорн.

– Нет на свете печальнее безответной любви прекрасной и отважной девы. С тех пор, как я простился с ней в Дунхарге и вступил на Тропы Мертвых, у меня не было большего страха, чем за судьбу Йовин. Но вот что скажу я,

Йомер. Вас она любит и знает, а во мне любит только свою мечту о славе и подвигах, мечту о новых незнакомых странах. – Арагорн говорил, а глаза его темнели; видно было, что он собирает силы для борьбы со смертью. – Я могу исцелить ее тело и вернуть из страны теней. Но если, проснувшись, она не сможет преодолеть своего отчаяния, то умрет разве что найдется другое лекарство, от меня не зависящее... Подвиги ее равны делам славнейших вождей, нельзя отдавать ее смерти.

Арагорн наклонился и долго вглядывался в белое, как лилия, но застывшее как могильный камень, лицо. Он поцеловал ее в лоб и негромко позвал:

– Йовин, дочь Йомунда, проснись! Твоего врага нет больше.

Она не шевельнулась, но стала дышать спокойнее и глубже. Арагорн размял в ладонях еще два листка *ацеласа* и бросил их в кипящую воду. Этой водой он омыл ей лоб и правую руку, холодную и безжизненную, недвижно лежавшую на одеяле.

И тогда – потому ли, что Арагорн действительно обладал забытыми силами Нуменора, или то было действие его слов – всем присутствующим показалось, что в окно ворвался свежий и юный ветер, такой, каким он рождается на вершинах гор, высоко под звездами, или на побережье, над серебряной пеной моря.

– Проснись, Йовин! – повторил Арагорн и взял ее правую руку. – Проснись! Тень исчезла, мрак ушел! – Он вложил ее руку в ладонь Йомера и отступил. – Позовите ее, – посоветовал он и тихонько вышел из комнаты.

– Йовин, Йовин! – вскричал со слезами Йомер.

Внезапно девушка открыла глаза и промолвила:

– Йомер! О, какая радость! А они говорили мне, что ты убит. Нет. Это были темные голоса в моем сне. Долго ли я спала?

– Нет, сестра, не долго. Не думай больше об этом.

– Как я устала, – медленно проговорила она, – мне нужно отдохнуть. Скажи только, что с правителем?

Йомер опустил глаза.

– Хорошо, не говори. Я знаю сама. Он умер, как и предчувствовал.

– Он умер, – подтвердил Йомер, – но перед смертью завещал мне проститься с тобой. Он любил тебя больше, чем

дочь. Теперь его тело с почестями покоится в Цитадели Города.

– Как горько... – произнесла Йовин, – но это и лучше. Теперь все видят, что честь королевского дома Рохана не погибла. А что с оруженосцем Теодена, с полуросликом? – встрепенулась она. – Вот кто настоящий рыцарь, брат! Немного найдется людей отважнее его.

– Мериадок здесь, в госпитале, – поспешил ответить Гэндальф. – Выздоравливайте, я буду возле него. Я счастлив, что столь доблестная воительница возвращается к жизни.

– К жизни? – повторила Йовин. – Может быть. По крайней мере пока я нужна здесь... Но потом...

Гэндальф и Пиппин вошли в комнату к Мерри и увидели склонившегося над ним Арагорна.

– Мерри! Бедный мой друг! – воскликнул Пиппин, бросаясь к нему. Мерри был настолько неподвижен, что Пиппин испугался.

– Не бойся, – успокоил его Арагорн. – Здесь я успел вовремя и уже позвал его. Сейчас он слишком устал. Трудная работа у него позади. Вдвоем с Йовин они изгнали из мира страшную тень. Но как бы ни был ужасен тот бой, дух твоего друга остался веселым и сильным, хотя и скорбь теперь не забудется. Но она не омрачит его сердце, а только научит мудрости.

Он положил руку на голову Мерри и, проведя по темным кудрям, прикоснулся к векам и снова позвал по имени. Снова запах *ацеласа* разлился по комнате, как аромат цветущих садов и ульев, полных меда. Мерри открыл глаза и сказал:

– Хочу есть. Который час?

– Ужин уже прошел, – растерялся Пиппин, – но я принесу тебе чего-нибудь, если мне позволят.

– Конечно, позволят, – подбодрил его Гэндальф. – Позволят все, чего будет угодно пожелать отважному Всаднику, все что только найдется в Минас Тирите, где его имя окружено почетом.

– Ладно, – согласился Мерри. – Тогда, значит, поужинать и трубочку... – Тут лицо у него затуманилось. – Нет, не надо трубки. Кажется, я никогда не буду больше курить.

– Почему? – недоуменно спросил Пиппин.

– Видишь ли, – медленно произнес Мерри, – мой господин умер. А курево напомнит мне о нем. Он сказал, что никогда не придется ему сидеть и слушать мои рассказы о травах. Это были его почти что последние слова. Я никогда больше не смогу курить, не вспомнив о нем и о нашей встрече в Изенгарде. И о том, как он погиб...

– Так дыми и вспоминай! – воскликнул Арагорн. – Он был великим вождем и всегда держал слово. Он сумел подняться из тени к последнему своему яркому утру. Хоть ты недолго служил ему, но, думаю, более почетной службы у тебя больше не будет. Вспоминай о нем с радостью.

Мерри улыбнулся.

– Согласен. Если Конеброд достанет мой табачок с трубкой, я, пожалуй, покурю и подумаю. Там у меня в сумке была заначка из Сарумановских запасов, но что с ней сталось в бою – честное слово, не знаю.

– Ну, Мериадок! – притворно рассердился Арагорн. – Если ты думаешь, что я прошел через горы и реки с огнем и мечом только для того, чтобы вернуть нерадивому воину потерянную сумку, то ошибаешься. Совет могу дать. Если не отыщешь сумку, пошли за здешним травником. Он сообщит тебе, что, по его мнению, табачный лист – вещь бесполезная, но называется он в просторечии «травой людей Запада», а по-благородному – *«галенас»*, и сообщит еще много других названий на различных ученых языках, а потом добавит несколько полузабытых строчек, которых сам не понимает, а потом, наконец, сообщит, что травы такой, к сожалению, в доме нет, и оставит тебя размышлять об истории Средиземья и населяющих его народов. И я сделаю сейчас то же самое. Я не спал в такой постели, как твоя, с тех пор, как выехал из Дунхарга, а не ел со вчерашнего вечера.

Мерри поймал его руку и поцеловал.

– Прости меня, – сказал он, – иди, конечно; с тех пор, помнишь, в Брыле, мы только и делаем, что мешаем тебе. Но что с нами поделаешь! Когда приходит высокая минута, как вот сейчас, мы говорим пустяки, потому что боимся сказать слишком много, а то и вовсе не находим нужных слов.

– Да знаю я вас, знаю, – отмахнулся Арагорн. – Пусть Шир никогда не изведает Тени! – С этими словами он поцеловал Мерри в лоб и вышел, а Гэндальф последовал за ним.

Пиппин остался со своим другом.

– Ну, что? Где найдешь другого такого, как наш Колоброд? – спросил он. – Кроме Гэндальфа, конечно. Ты знаешь, по-моему, они в родстве. Кстати, дорогой ты мой ослик, твоя сумка лежит возле кровати, а когда я тебя встретил, была у тебя за спиной. Колоброд ее, конечно, видел. Да что там! У меня ведь тоже есть запасы. Тот самый «Лист Долгой Долины». Вот, возьми, а я побегу, поищу тебе чего-нибудь поесть. А потом уж мы с тобой отдохнем. Мы, хоббиты, такой народ, что не можем долго оставаться на вершинах.

– Да, – подтвердил Мерри, – я вот не могу. По крайней мере сейчас. Но мы можем, Пиппин, хотя бы видеть и почитать их. Конечно, мы любим свою землю, но наверное, есть что-то еще выше этого. И если бы не так, то ни один садовник не смог бы мирно трудиться в своем садике. Все равно – знаем мы об этом высшем или нет. Я рад, что теперь хотя бы догадываюсь о нем. Что это вдруг на меня нашло? – помолчав, спросил он сам себя. – Достань-ка мою трубочку из сумки. Не сломалась ли?

Арагорн с Гэндальфом нашли смотрителя госпиталя и дали ему указания относительно Фарамира и Йовин.

– Йовин должна пролежать еще дней десять, – сказал ему Арагорн. – Не позволяйте ей вставать, даже если она захочет.

А Гэндальф добавил, что Фарамиру можно сообщить о смерти Денетора, но нельзя ни слова говорить о поразившем Правителя безумии.

– Проследите, чтобы и Берегонд с хоббитом молчали, они тоже были при этом, – сказал он.

Смотритель спросил, что делать с Мерри, если он захочет встать, и Арагорн ответил, что это можно.

– Он может даже погулять с друзьями, когда захочет, – добавил он.

– Замечательный народ! – сказал смотритель, покачав головой. – Хрупкий с виду, но внутри – очень крепкий.

У дверей госпиталя собралась целая толпа. Все хотели видеть Арагорна, чтобы он исцелил их родичей и друзей, больных или раненых или пораженных Дыханием Мрака. Арагорн послал за сыновьями Элронда и втроем они трудились до глубокой ночи. И все в Городе говорили: «Вот пришел

подлинный Король», и называли его Эльфинитом – из-за зеленого эльфийского камня на груди. Так имя, предреченное ему при рождении, было повторено его народом.

К утру Следопыт почувствовал, что силы покидают его. Тогда он закутался в серый плащ и выскользнул из Города, вернувшись к себе в шатер.

А утром перед Цитаделью развевалось знамя Дол Амрота с белым кораблем-лебедем на голубых волнах. Люди смотрели на него и гадали, не почудилось ли им возвращение Короля.

Глава IX

СОВЕТ ПЕРЕД ПОХОДОМ

После битвы настало свежее и ясное утро. Ветер заходил с запада, по небу бежали легкие облачка. Леголас и Гимли с зарей были на ногах и просили разрешения пойти в Город; им хотелось повидать Мерри и Пиппина.

– Приятно узнать, что они живы, – сказал Гимли. – Это же скольких трудов они нам стоили! Вот было бы обидно, окажись все хлопоты напрасными.

Эльф и гном вместе вошли в Минас Тирит, с любопытством озираясь по сторонам и не обращая внимания на удивленные взгляды встречных.

– Здесь неплохая каменная кладка, – степенно говорил Гимли, поглаживая бороду, – но не везде, а вот улицы можно бы устроить и получше. Если Арагорн станет править здесь, я предложу ему пригласить наших лучших мастеров, и мы сделаем Город таким, что им будут гордиться.

– И хорошо бы побольше садов, – мечтательно добавил Леголас. – Дома здесь мертвы, мало зелени – мало радости. Если Арагорн станет правителем, то Сумеречные Эльфы пришлют ему певчих птиц, цветов и вечнозеленых деревьев.

Они повстречали Имрахиля, и Леголас, признав в нем родича эльфов, низко поклонился.

– Приветствую великого вождя! – сказал он. – Народ Нимродели давно покинул лориенские леса, но, как я вижу, не все избрали путь на Запад через Великие Воды.

– Память об этом жива в преданиях моего народа, – кивнул князь. – Но как же давно Дивный Народ посещал наши земли в последний раз! Я не ждал встретить эльфа здесь, среди войны и горя. Что привело вас сюда?

– Я – один из Девяти, ушедших с Митрандиром из Имладриса, – ответил Леголас, – а сюда мы с моим другом гномом пришли вместе с Королем Арагорном. Вот, собрались навестить наших товарищей по походу, Мериадока и Перегрина. Нам сказали, что они на вашем попечении.

– Вы найдете их в госпитале. Позвольте, я провожу вас, – учтиво предложил Имрахиль.

– О, нам бы вполне хватило простого провожатого, – с поклоном ответил Леголас. – А вас и Йомера Роханского Арагорн просит пожаловать в его шатер на совет. Он просил передать, что не считает для себя возможным войти сейчас в Город и останется под стеной. Митрандир уже там, – добавил он.

– Мы скоро придем, – заверил Имрахиль и любезно простился с ними.

– Достойный правитель и великий вождь, – глядя ему вслед, сказал Леголас. – Если и в дни заката в Гондоре можно встретить таких Людей, каков же был расцвет великого княжества!

– И каменная кладка здесь лучше всего старая, – гнул свое гном. – У Людей, между прочим, всегда так, то им весенний заморозок помешает, то летняя засуха, глядь – обещали много, а построили мало.

– Но семена, посеянные ими, сколько бы ни лежали во прахе или каменистой почве, однажды обязательно прорастут, даже когда их и не ждут уже. Деяния Людей, Гимли, переживут наши с тобой.

– А все-таки, я думаю, так ничем и не кончатся, – упрямо сказал Гимли.

– Про то Эльфам неведомо, – задумчиво отозвался Леголас.

Вскоре пришел слуга и проводил их до госпиталя. Там, в саду, они нашли друзей; встреча была радостной. Хороша была эта короткая минута веселья, но Мерри быстро устал. Тогда они сели отдохнуть на стене. Позади был сад, а далеко впереди – сверкающий на солнце Андуин. Даже зоркие глаза эльфа не видели далекого устья, затерянного среди зеленотравных равнин Лебеннина и Южного Итилиена.

Они беспечно болтали, как вдруг Леголас умолк, разглядывая против солнца большую стаю белых морских птиц, летевших со стороны Дельты.

– Глядите! – воскликнул он. – Чайки! Далеко же они залетают. Вот чудо для глаз и печаль для сердца, я ведь никогда не видел их, пока не побывал в Пеларгире. Под их крики неслись мы во весь опор на корабли пиратов у причала. Я тогда, помню, остановился, и вся война разом вылетела у меня из головы. В их плачущих голосах слышалось Море. Море! Увы! Мне так и не довелось увидеть его. В сердцах нашего народа тоска по Морю живет всегда, лучше ее не трогать. Ах, эти чайки! Теперь не будет мне покоя ни под буком, ни под вязом.

– Не говори так! – остановил друга Гимли. – Неужто в Средиземье не на что больше посмотреть и не над чем потрудиться? Конечно, если однажды весь Дивный Народ уйдет в Гавани, для оставшихся мир станет скучнее...

– Это точно, – поддержал его Мерри. – Не уходи в Гавани, Леголас. Всегда найдется народец, большой или маленький, а то и какие-нибудь разумные гномы, вроде Гимли, которым ты будешь нужен, уверяю тебя. Правда, худшее в этой войне еще впереди, наверное, но мне так хочется, чтобы все кончилось, и кончилось хорошо!

– Тьфу на вас! Экие вы мрачные сегодня, – вскричал Пиппин. – Посмотрите: солнышко светит, мы опять вместе собрались хоть на пару деньков, и никто еще толком не рассказал ничего. Ну-ка, давай, начинай, Гимли! Вы с Леголасом

только за сегодняшнее утро уже раз десять помянули про ваши с Колобродом странствия, а толком до сих пор ничего не рассказали!

– Да, солнышко-то светит, – покряхтел Гимли, – при нем мне тем более не хочется вспоминать весь этот мрак и ужас. Знай я, куда мы идем, да никакая дружба не заманила бы меня на проклятые Тропы Мертвых!

– Тропы Мертвых? – вздрогнув, переспросил Пиппин. – Да, помню, Арагорн говорил так, а я все не мог понять, про что это он толкует. Расскажи, а, Гимли?

– Нет уж, уволь, – замотал бородой гном. – Мне есть чего стыдиться. Гимли, сын Глоина, считал себя куда крепче любого человека, а уж под землей мне и вовсе бояться нечего, не то что эльфу, например, и вот, поди ж ты, перетрусил самым отчаянным образом. Если бы не Арагорн, не его воля, я бы не выдержал.

– Не только его воля, но и любовь к нему, – добавил эльф. – Кто его узнал, тот и полюбил, каждый по своему, конечно. Даже эта холодная дева из Рохана. Ладно, расскажу по порядку. Я-то не чувствую никакого ужаса и не боюсь никаких призраков. По мне – силы в них никакой!

Леголас кратко и деловито рассказал хоббитам о дороге, по которой ходят призрачные войска, и о мрачном свидании возле Камня Эреха.

– Четыре дня и три ночи скакали мы от Черного Камня, – говорил он. – И вот на пятый день – поверите ли? – несмотря на мрак, во мне снова затеплилась надежда, ибо чем дальше мы продвигались по затемненным землям, тем сильней и грозней выглядела Армия Теней у нас за спиной. Я видел, что под знаменами Короля Мертвых идут и всадники, и пешие, но и те, и другие двигались с одинаковой быстротой, в полном молчании, и глаза их горели мрачным огнем битвы. На скалах Ламедона они было обогнали нас, но по команде Арагорна снова заняли свое место. Даже тени были послушны его воле.

В один из дней мы так и не дождались рассвета, и в мглистых сумерках миновали Кирил, потом Рингло и наконец прибыли к устью Джилрейна. Местный гарнизон из последних сил удерживал переправу от натиска умбарских пиратов и харадримов, поднимавшихся по Реке. С нашим приходом сражение окончилось, потому что и защитники и нападавшие

побросали оружие и бежали, завывая от страха, перед войском Короля Мертвых. Только у Энтбора, правителя Ламедона, достало мужества встретить нас. Арагорн приказал ему собрать свой народ, пропустить призраков и следовать за ними. «В Пеларгире вы можете понадобиться Наследнику Исилдура», – сказал Арагорн, и Энгбор только молча поклонился, безоговорочно признав его власть.

За Джилрейном мы немного отдохнули, но Арагорн торопил, потому что Минас Тирит был в осаде. Ночь еще не миновала, а мы уже мчались по равнинам Лебеннина.

Леголас помолчал, потом вздохнул, глядя на юг, и тихонько запел:

Прозрачны [illegible] серебристые воды
В изумрудных полях Лебеннина!
Густы и высоки зеленые травы;
Там ласковый [illegible] колышет,
И слышится [illegible] колокольцев
В зеленых пол[illegible]
В ласковом ветре Мор[illegible]

Зелеными звал в песнях мой народ эти поля, а теперь они были темны и угрюмы. Враги бежали перед нами, – продолжил он рассказ, – и у них на плечах мы вырвались наконец к Великой Реке.

В первый момент, при виде бескрайних вод, под пронзительные крики чаек я подумал, что мы вышли к Морю. Ах, этот чаячий плач! Не зря, видно, предостерегала меня Владычица. Теперь мне его не забыть...

– А я на него и внимания не обратил, – проворчал Гимли. – Мы как раз добрались, наконец-то, до настоящего боя.

– Здесь, в Пеларгире, – продолжал Леголас, – стоял основной флот Умбара – пятьдесят больших кораблей и бессчетное число лодок и баркасов. Вместе с толпами бегущих в гавань ворвался страх. Несколько кораблей успели уйти вниз по Реке или к другому берегу, но это не спасло их. Корабли и лодки горели! Харадримы, прижатые к воде, приготовились к обороне. Они все еще представляли собой сильное, хорошо обученное войско.

Но Арагорн вскричал: «Вперед, клятвопреступники! Черным Камнем заклинаю вас, вперед, в бой!», и призраки серыми

волнами хлынули в гавань. Глухой ропот голосов заполнил берег, словно из-под земли звучали боевые рога. Над Рекой как будто восстали из прошлого звуки какого-то забытого сражения Темных Времен. Повсюду мерцали бледные клинки, но надежнее мечей врагов разил слепой ужас. Никто и ничто не могло остановить войска Мертвых.

Они прошли по всем кораблям, стоявшим у причалов, и по тем, которые успели отплыть, – вода не остановила призрачных воинов. Пираты на кораблях сходили с ума и бросались за борт. Остались только прикованные к веслам рабы. Мы проскакали через весь Пеларгир, и враги вокруг падали, словно листья с деревьев. К концу дня не осталось никого, кто мог бы сопротивляться: одни были убиты, другие утонули, третьи бежали на юг. На каждый из захваченных кораблей Арагорн послал человека из отряда Следопытов. Они освободили пленников и расковали рабов.

Я еще подумал тогда, – задумчиво сказал эльф, – странно и символично, что слуги Мордора оказались побеждены силами мрака и смерти – собственным оружием Темного Владыки.

Помню, я взглянул на нашего Колоброда и вздрогнул. Каким великим и ужасным властителем мог бы он стать с помощью Кольца! Мордор страшится не напрасно. Но благородство духа Арагорна выше разумения Саурона. Темному Владыке никогда не понять потомка Лучиэни из Дориата. А роду ее не дано иссякнуть, пока существует Время.

– Глаза гномов так далеко не видят, – вступил, не выдержав, Гимли, – но в тот день я смотрел на Арагорна Могучего. Ты бы, друг Мерри, и глазом моргнуть не успел, а уже весь черный флот был у него в руках. Арагорн поднялся на палубу самого большого корабля. Запели трубы, отнятые у врага. Призрачное войско, безмолвное и почти невидимое, выстроилось на берегу. Только изредка в глазах воинов багрово вспыхивали отсветы пламени: то догорали на воде несколько пиратских кораблей.

«Слушайте Наследника Исилдура! – громко произнес Арагорн. – Ваша клятва исполнена. Вы свободны. Уходите и не тревожьте больше живых. Я даю вам вечный покой».

Тогда вперед выступил Король Мертвых. Он переломил свое копье, и обломки упали на землю, тут же вспыхнув бледными огоньками. Потом он низко поклонился и пошел

прочь, а за ним – все его воинство. Они исчезли, как ночной туман под порывом утреннего ветра. Их не стало, и люди будто очнулись ото сна.

В ту ночь в порту кипела работа. Среди рабов было множество гондорцев, людей из Лебеннина и Этира. Вместе с отрядом Энгбора набралось большое войско. Узнав, что Арагорн идет освобождать Минас Тирит, все они просили взять их с собой. Имя Наследника Исилдура было для них маяком во мраке ночи. Корабли за ночь подготовили к походу, и утром мы отплыли на север.

Мы покинули Дунхарг всего шесть дней назад, хотя многим из нас казалось, что мы уже месяц в пути. Но Арагорн не дал нам потерять и минуты.

«От Пеларгира до гаваней Харлонда сорок две лиги, – повторял он, – но мы должны во что бы то ни стало оказаться там завтра, иначе идти будет незачем».

За веслами сидели теперь свободные люди, они выбивались из сил, но ветер и течение были против нас. Хоть мы и победили, радости я не ощущал. И тут вдруг Леголас засмеялся. «Выше бороду, сын Глоина! – сказал он. – Не зря говорят: надежда часто рождается, когда ее уже не ждешь». Но какую надежду он высмотрел – так и не сказал. Настала ночь, и мрак сделался еще непроглядней. Тогда на севере проступило зарево. Арагорн сказал: «Это горит Минас Тирит». Но в полночь и правда родилась надежда. Моряки из Этира сказали, что ветер меняется. Он и в самом деле стал попутным, мы смогли поднять паруса, и к утру знамя Арагорна уже реяло на Пеленнорской равнине над нашими войсками, идущими в бой.

Это был великий день и великий час, что бы ни приготовила мне судьба в оставшейся жизни.

– Как бы ни менялся мир, подвиг – пройти Тропами Мертвых, подвигом он и останется, пусть даже во всем Гондоре некому будет спеть о нем, – сказал Леголас.

– Может ведь и такое случиться, – вздохнул Гимли. – Уж очень Арагорн с Гэндальфом мрачные ходят. Хотел бы я знать о чем они там совещаются. Конечно, я, как и все, хочу, чтобы мы победили и чтобы война кончилась. Но, ради чести всего народа Дарина, и я хотел бы приложить к этому руку.

– И я готов сражаться за честь моего народа, – поддержал друга Леголас, – и... за Короля под Белым Древом.

Оба задумались и замолчали, а внизу, под стеной, военачальники никак не могли прийти к общему решению.

Едва расставшись с Леголасом и Гимли, Имрахиль послал за Йомером, и они вместе вошли в шатер Арагорна. Там уже были Гэндальф и сыновья Элронда.

– Знаете, что сказал перед смертью Правитель Города? – спросил Гэндальф. – Он сказал: «Вы можете даже победить на Пелленорских полях, но Силу, которая поднимается ныне, победить нельзя». Правитель Денетор отчаялся. Не будем следовать его примеру, но в его [illegible] есть над чем подумать.

Палантиры не лгут. Даже [illegible] Барад Дура не может заставить их показать то, [illegible] можно, ему удается отобрать для слабодушного [illegible] в Камень, именно такие картины, увидев которые [illegible] ошибиться или впасть в отчаяние. Но бесчисленные [illegible] Мордора, готовые обрушить на Гондор страшные [illegible] не привиделись, они есть на самом деле.

Мы с трудом и дорогой ценой отразили первые атаки. Следующие будут куда сильнее. [illegible] войне, как и предвидел Денетор, нет надежды на победу. [illegible] оружия с Врагом не совладать, и неважно, будем ли мы сидеть за городскими стенами или выступим навстречу и потерпим поражение за Рекой. Выбирать предстоит всего лишь из двух зол. Благоразумие подсказывает заняться укреплением стен и ждать нового штурма или осады. Так можно отсрочить падение.

– Значит, ты предлагаешь отступить в Минас Тирит, или в Дол Амрот, или в Дунхарг и укрыться там, как дети прячутся в песочных замках от надвигающегося прилива? – спросил Имрахиль.

– Ты считаешь это новым предложением? – поднял бровь Гэндальф. – А разве не этим занимались вы при Денеторе? Я ведь сказал: благоразумие подсказывает. Но я не призывал вас внимать его подсказкам. Я также не сказал, что победы не может быть. Наоборот, я надеюсь на победу, но не военную, ибо в центре этой войны стоит Кольцо Всевластья – опора Черной Крепости и надежда Саурона. Если оно вернется к нему, то вся наша доблесть будет напрасной, Враг победит – быстро и навсегда. Но если оно будет уничтожено, то он падет, падет тоже навсегда, падет так низко, что вряд ли

поднимется снова. С потерей Кольца он лишится большей части той силы, которой владел изначально, а все созданное или начатое Врагом с помощью Кольца будет разрушено, и он станет развоплощенной тенью до конца этого мира.

Только так можно избыть величайшее из зол. Конечно, есть и другие злые силы, ведь и сам Саурон — всего лишь прислужник другого, давнего Врага. Но мы не в ответе за все Эпохи, мы призваны защитить нашу Эпоху, наши годы, без устали выкорчевывая знакомые нам злые побеги на знакомых полях, дабы оставить идущим за нами добрую пажить для сева. А будет ли орошать ее ласковый дождик или сечь суровый град — решать не нам.

Саурон знает, что его драгоценность нашлась, не знает только, где она. Из-за этого он пребывает в сомненьях. Если Кольцо у нас, он знает — здесь найдутся такие, кому по силам совладать с ним.

Арагорн, Враг и в самом деле видел тебя в Палантире Ортханка? — неожиданно спросил маг.

— Да, перед самым выходом из Хорне, — ответил Арагорн. — Это было на десятый день после Рэроса. Десять дней Хранитель был в пути. Я решил отвлечь Око от его собственной страны. Правда, я никак не предполагал, что Саурон ответит на мой вызов так быстро и сильно.

— Да, мне едва хватило времени, чтобы успеть сюда, — проворчал маг.

— Я не понимаю, — заговорил Йомер, — значит, если Враг получит Кольцо — все погибло. Но если он считает, что Кольцо у нас, какой же ему смысл нападать?

— В том-то и дело, что он не знает наверняка, — досадливо поморщился Гэндальф, — и хочет проверить свои догадки. Он обязательно должен напасть, чтобы заставить нас обнаружить силу Кольца. Он нападет и будет внимательно следить, кто из нас присвоит Кольцо и уберет остальных претендентов. А сейчас он выжидает. Он видит и слышит многое. Назгулы все еще здесь. Сегодня перед восходом они появились над полем, правда, люди спали и почти никто этого не заметил. Он все примечает: вот снова явился меч, слишком памятный ему; вот удача оказалась к нам благосклонна, и первый натиск закончился для него плачевно, а Король-Призрак, его правая рука, ушел в небытие. Он сомневается. Его Око приковано

6 Заказ 2512

к Минас Тириту, оно равнодушно ко всему остальному. Надо и дальше не давать Врагу отвести от нас взор. В этом вся наша надежда. Вот что я предлагаю. Кольца у нас нет. Мудро это было или глупо, но его отослали прочь. Теперь либо оно будет уничтожено, либо мы. Без Кольца силой Врага не одолеть, но мы должны любой ценой отвлечь Око от главной опасности. И вот тут сила может пригодиться, надо дать Хранителю возможность использовать свой шанс, каким бы ничтожным он ни был.

Арагорн начал, мы продолжим. Попробуем вынудить Саурона нанести решительный удар. Пусть он бросит в бой все свои силы, пусть уведет их из Мордора. Мы должны выступить немедленно, сейчас же. Я предлагаю стать приманкой, в которую Саурон вцепится мертвой хваткой, потому что будет искать среди нас обладателя Кольца. Может статься, всем нам суждено погибнуть в этой битве, может статься, никто из нас не узнает, чем кончилось дело: уничтожено ли Кольцо, пал ли Саурон. Но, по-моему, именно в этом наш долг. Лучше уж погибнуть на этом пути, чем погибнуть все равно и знать, что никакой новой Эпохи не будет.

Все долго молчали. Наконец заговорил Арагорн.

– Я начал, мне и продолжать. Мы стоим на самом краю, здесь все смешалось – и надежда, и отчаяние. Колебание – гибель. Я прошу вас внять совету Гэндальфа, пришло время узнать, чем завершатся его труды. Если бы не Гэндальф, Средиземье давно уже лежало бы во Мраке. Но я не могу приказывать, я могу лишь просить вас сделать выбор.

Тогда заговорил Элрохир.

– Мы за тем и пришли с Севера. То же самое советует отец наш Элронд. Мы не намерены отступать.

– Я мало смыслю в этих сложных материях, – честно признался Йомер, – да мне это и не нужно. С меня вполне хватает того, что мой друг Арагорн пришел на помощь мне и моему народу, и я должен помочь ему, когда он позовет. Я иду.

– Что до меня, – промолвил Имрахиль, – я считаю себя вассалом Короля Арагорна, требует он того или нет. Его воля – для меня приказ, поэтому я иду. Но на мне лежат сейчас обязанности Наместника Гондора, и я должен позаботиться о народе страны. Надо подготовиться к любым

неожиданностям, худым или добрым. А вдруг мы победим? Пока существует надежда, Гондор необходимо защищать. Я не хочу, чтобы мы вернулись с победой к руинам Города, в разграбленный край. Вот рохирримы сообщают о новых ратях Врага у нас на фланге...

– Я вовсе не призываю бросать Город на произвол судьбы, – ответил Гэндальф. – Мы не собираемся действительно штурмовать Мордор, но наших сил должно хватить, чтобы завязать бой. И времени – в обрез. Мне нужно знать, какие силы можно собрать и двинуть вперед в ближайшие два дня. Но учтите, я не собираюсь скрывать от воинов, что их ждет.

– Все устали, очень много раненых, – задумчиво проговорил Йомер. – Погибло много коней, а это тяжело восполнить. Если предстоит выступить немедленно, то я не наберу и двух тысяч, а еще столько же придется оставить для обороны Города.

– Из южных областей скоро подойдут подкрепления, – сказал Арагорн. – Побережья теперь свободны. Два дня назад я отправил из Пеларгира через Лоссарнах четыре тысячи; ведет их Энгбор Бесстрашный. Они как раз успеют подойти. Многие отправились вслед за мной по Реке, с таким ветром и они скоро прибудут. Первые корабли уже в Харлонде. Полагаю, семь тысяч конных и пеших мы соберем, и при этом Город будет защищен лучше, чем до начала штурма.

– В Городе нет Ворот, – напомнил Имрахиль. – Где найти мастеров, чтобы отстроить и укрепить их заново?

– В Эреборе, в Доме Даина, – не задумываясь, ответил Арагорн. – И если надежды наши не иссякнут, я попрошу Гимли, сына Глоина, пригласить в Гондор Подгорных мастеров. А пока... Люди крепче любых ворот, никакие ворота не защитят от Врага, если дрогнут люди.

На этом совет закончился. Выступить решили послезавтра с семью тысячами войска. Большую его часть составят пешие воины. Арагорн поведет две тысячи из тех, кто пришел с ним по Реке; Имрахиль обещал выставить около трех с половиной тысяч; а Йомер – пять сотен пеших рохирримов, потерявших коней, и пять сотен лучших своих Всадников. Будет и еще один конный отряд в пять сотен вместе с

сыновьями Элронда, дунаданами и рыцарями Дол Амрота: всего шесть тысяч пеших и тысяча конных. А основные силы рохирримов – около трех тысяч под командованием Эльфхельма – перекроют западную дорогу из Анориена.

Сразу после совета разослали разведчиков на север и на восток, через Осгилиат, к дороге на Минас Моргул.

Когда наконец силы были подсчитаны и намечен предстоящий путь, Имрахиль вдруг расхохотался.

– Да уж, – воскликнул он. [illegible] Большей шутки я не припомню за всю историю Гондора! Мы двинемся с семитысячной армией – это меньше, чем его передовые отряды, – на штурм Черной Страны! Вроде [illegible] мальчишка прицелился из ивового лука с веревочной тетивой и [illegible] стрелой из тростинки в рыцаря, облаченного в [illegible]. Если Черный Владыка действительно знает [illegible] говоришь, Митрандир, [illegible] не посмеется [illegible] того, чтобы пугаться, и не придавит [illegible] пальцем, как пчелу, что пытается ужалить его?

– Нет. Он попыт[illegible] пчелу и выдернуть жало, – без улыбки ответил [illegible] имена некоторых наших воинов стоят тысячи [illegible]. Нет. Ему будет не до смеха.

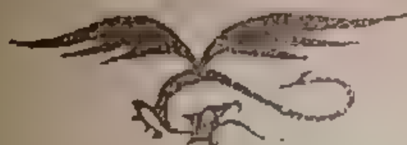
– Впрочем, и нам тоже, – [illegible] Арагорн. – Если это и шутка, то слишком горькая. Нет, это наш последний, отчаянный ход, и чем бы он ни кончился – после него игре конец.

Потом он вытащил Андрил и поймал лезвием солнце.

– До конца последней битвы я больше не вложу тебя в ножны, – поклялся он.

Глава X

ЧЕРНЫЕ ВОРОТА ОТКРЫЛИСЬ



Через два дня войска собрались на Пеленнорской равнине, готовые выступить. Орды орков и вастаков надвигались из Анориена, но рохирримы измотали и рассеяли противника, вынудив бежать к Кеир Андросу. С уничтожением этой угрозы и приходом подкреплений с юга Город оставался под надежной защитой. Разведка докладывала, что дороги на восток свободны до самого Перекрестка Павших Королей. Все было готово к последнему походу.

Леголас и Гимли должны были идти в отряде Арагорна, вместе с дунаданами, Гэндальфом и сыновьями Элронда.

Мерри, к его великому огорчению, пришлось остаться в Городе.

– Пойми, – увещевал его Арагорн, – тебе рано отправляться в такой поход. Не горюй. Даже если до конца войны, каким бы он ни был, ты не сделаешь больше ни шагу, славу ты заслужил великую. А Шир в походе будет представлять Перегрин. Надо дать ему возможность сравняться с тобой в подвигах. А что до опасности, то она одинакова и для тех, кто идет в Мордор, и для тех, кто остается здесь. Прощай!

Итак, Мерри уныло стоял на стене и смотрел, как собирается войска [illegible] ним сидел печальный Бергиль: его отец не был больше воином Цитадели и теперь уходил в поход с войсками во[illegible] Запада в одном отряде с Пиппином. Маленький рост не [illegible] держаться с достоинством среди рослых люд[illegible]

Под звуки труб [illegible]лись. Мерри провожал их взглядом, пока они [illegible]. Последний раз блеснуло утреннее солнце н[illegible] а он все стоял, склонив голову, чувствуя [illegible] и покинутым. Все, кого он любил, уходили на[illegible], вряд ли придется свидеться с ними еще раз.

То ли оттого, что [illegible] переживал, то ли по какой другой причине, боль в [illegible] усилилась. Мерри ощутил слабость, и свет у него перед глазами померк. Но тут Бергиль осторожно тронул его за плечо.

– Пойдемте, добрый друг, – сказал он. – Вам опять плохо. Давайте я провожу вас до Цитадели. Не грустите! Они вернутся. Людей из Минас Тирита одолеть очень трудно. А с ними идут сейчас и доблестный Арагорн, и мой отец, и ваш друг.

К полудню войска достигли Осгилиата. Там уже вовсю шли работы по наведению паромов и понтонных мостов. Построены они были врагом и в панике бегства только повреждены наспех, но не уничтожены. Собирали припасы для марша, сносили недавно построенные оборонительные сооружения, повернутые против Города. Перейдя Андуин, войска двинулись по широкой прямой дороге, некогда соединявшей Крепость Заходящего Солнца с Крепостью Восходящей Луны – теперь это был Минас Моргул. Первую стоянку объявили милях в пяти за Осгилиатом.

Всадники же продолжали идти вперед и еще до вечера достигли Перекрестка. Вокруг все словно вымерло, и гнетущая тишина лежала под деревьями-великанами. Ни одна стрела не вылетела из чащи, но с каждым шагом напряжение нарастало. Деревья и камни, травы и листья – все прислушивалось. Вдали за Андуином садилось солнце, и белые вершины гор розовели в лазури неба, но в Хмурых Горах клубилась тьма.

Арагорн выслал трубачей на каждую из четырех дорог, в тишине чисто протрубили трубы, и герольды возгласили на все стороны света о возвращении этих земель Правителю Гондора. По приказу Арагорна уродливую одноглазую голову сбросили с плеч каменного стража и разбили на части, а оплетенную белыми и желтыми цветами водрузили на место, предварительно стерев с нее злобные руны. Среди гондорцев раздались голоса, призывавшие разрушить Минас Моргул и через него ворваться в Страну Мрака.

– Может быть, – размышлял Имрахиль, – напасть на Черного Властелина легче через здешний перевал, чем через северные ворота?

Но Гэндальф остудил горячие головы. По его словам, в этой долине обитало незримое зло, наполняющее души живых людей безумием и ужасом.

– Кроме того, – напомнил он, – Фарамир говорил, что Хранитель выбрал именно эту дорогу, значит, к ней ни в коем случае нельзя привлекать внимание Черной Крепости.

Когда на следующий день на Перекрестке собрались все войска, решено было оставить здесь небольшой заслон на случай, если подойдут войска из Моргула или с юга. Состоял он в основном из лучников, хорошо знавших итилиенские тропы. Они словно растворились в лесах и на склонах вокруг Перекрестка. Гэндальф и Арагорн с передовым отрядом прошли вперед к Моргульской долине и теперь стояли молча, глядя на злобный город.

Крепость была темна и безжизненна: орков истребили, назгулы улетели. Но самый воздух долины дышал страхом и злобой. Имрахиль приказал разрушить мост через отравленный ручей и выжечь ядовитые луга по берегам. Войска двинулись дальше.

На следующий день – третий день после выхода из Минас Тирита – войска двигались по дороге на север. От Перекрестка

до Мораннона было около двух сотен миль, и никто не мог предугадать, что ждет их на этом пути... Шли открыто, но осторожно, выдвинув далеко вперед авангард конных разведчиков. Фланги прикрывали усиленные линии пехоты. Погода благоприятствовала кампании, с запада дул ровный ветер, но тоскливые туманы ему сопротивлялись. Какая-то противная хмарь повисла над предгорьями Хмурых Гор. За их близкими отрогами порой вставали огромные дымы и долго клубились в воздухе, не разлетаясь по ветру.

Время от времени по знаку Гэндальфа звучали трубы и герольды возглашали:

– Слушайте правителей Гондора! Слушайте и покоряйтесь! Непокорные должны покинуть страну!

Имрахиль посоветовал [illegible] слова и вместо «правителей» говорить «Король [illegible]».

– Это на самом деле так, – [illegible] он, – а имя «Элессар» заставит Врага задуматься. [illegible] момента трижды в день герольды возглашали имя Короля Элессара. Но никто не отвечал им.

Вроде бы все вокруг было спокойно, но тревога не уходила. Все, даже самые храбрые, испытывали подавленность, и с каждой пройденной на север милей предчувствие опасности становилось все сильнее. Кончался второй день пути от Перекрестка, когда случилась первая стычка.

Большая ватага орков и вастаков попыталась устроить засаду в том самом месте, где Фарамир разбил харадримов. Но разведчики, искусные воины с Хеннет Аннун, которых вел Маблунг, оказались начеку, и нападавшие сами попали в ловушку. Всадники обогнули их с запада и, опрокинув одновременной атакой с фланга и с тыла, заставили искать спасения на скалах.

Но маленький успех никого не обманул.

– Это ложный выпад, – сказал Арагорн. – Нас заманивают подальше, прикидываясь неготовыми к бою.

С этого вечера снова появились назгулы и уже не оставляли войска, внимательно наблюдая за всеми маневрами. Они были высоко, разглядеть их удавалось только Леголасу, зато присутствие их ощущали все. Глубже становились тени, солнце тускнело. Призраки Кольца пока не подавали голоса, но

жуткий страх, вызванный их постоянным кружением в небе, никак не удавалось стряхнуть.

Время шло, и неспешно подвигалось к концу безнадежное путешествие. На четвертый день пути от Перекрестка (и на шестой – от Минас Тирита) обжитые земли кончились. Дальше, до самого ущелья, ведущего к перевалу Кирит Горгор, простиралась пустыня. На северо-западе легли болота. Местность была так безотрадна, такая тоска брала за душу, что многие воины, для которых Мордор раньше был только страшной сказкой, не смогли идти дальше. Труднее всех приходилось молодым рохирримам из дальнего Вестфолда и мирным земледельцам Лоссарнаха. Один вид Страны Мрака, раскинувшейся перед ними, наполнял неопытные сердца трепетом.

Арагорн глядел на них скорее с жалостью, чем с гневом.

– Идите, – сказал он им, – но сохраняйте честь и достоинство воинов. Не бегите! И, чтобы не стыдно было перед самими собой, попытайтесь отбить у врага и удержать Кеир Андрос. Этим вы защитите и Рохан, и Гондор.

Кое-кто сумел преодолеть страх и отважился продолжать поход, но многие ушли, радуясь, что могут принести посильную пользу. После их ухода, не считая отряда, оставленного у Перекрестка, войска насчитывали едва ли шесть тысяч человек. Слишком мало, чтобы бросить вызов Черным Воротам и всей мощи Мордора.

Отсутствие врагов настораживало. Арагорн неспешным маршем вел войска вперед, следя, чтобы отдельные отряды не отставали. На исходе пятого дня пути от долины Моргула они разбили лагерь, окружив стоянку кострами. Но мало кому удалось заснуть в эту ночь. Повсюду чудились какие-то блуждающие тени. Во мраке завывали волки. Ветер утих, воздух стал абсолютно неподвижным. Молодой месяц на ясном небе временами окутывал не то туман, не то дым, сочащийся из ям и трещин в земле. К утру резко похолодало. Поднялся северный ветер. Его порывы постепенно усиливались. Ночные призраки исчезли, местность совсем опустела. К северу тянулись опаленные холмы и дымящиеся провалы; с юга, и теперь уже совсем близко, высились Черные Ворота с высокими темными башнями по сторонам. На последнем переходе войска Запада, покинув старую дорогу, свернули

на восток и теперь приближались к Мораннону с северо-запада, как когда-то приближался и Фродо.

Огромные створы Черных Ворот были плотно закрыты. На бастионах – никакого движения. Кругом царило выжидающее молчание. Люди понимали, что достигли конца своего отчаянного пути. Отряды, стоявшие в холодном предрассветном сумраке перед огромными стенами и башнями Мораннона, казались особенно жалкими и одинокими. Все ясно видели, что воинам Запада никогда не взять эти стены и башни, даже если бы они привели с собой могучие осадные машины, а у Врага не было бы других войск, кроме охранявших Ворота. А другие войска у него, конечно же, были. В холмах и скалах вокруг Мораннона ощущалась затаившаяся злоба, темное ущелье дышало ненавистью. В довершение ко всему над башнями, словно коршуны, поднялись и собрались в стаю назгулы. Недосягаемые для стрел, с высоты они внимательно следили за всем, что происходило внизу. Враг все еще выжидал.

Оставалось довести задуманное до конца. Арагорн расположил войска на двух больших холмах, между ними и Мораннoном тянулось обширное зловонное болото. Потом вожди Запада выехали к Воротам. С ними были знаменосцы, трубачи и герольды. Впереди ехал Гэндальф, за ним Арагорн с сыновьями Элронда, Йомер и Имрахиль. Их сопровождали Леголас, Гимли и Перегрин. Маг хотел, чтобы у Ворот собрались представители всех врагов Мордора.

Они приблизились к Мораннону на расстояние голоса. Знамена развернулись, затрубили трубы, а когда они смолкли, вперед выступили герольды.

– Выходите! – вскричали они. – Пусть Темный Властелин выйдет к нам. Мы призываем его к ответу! Он незаконно шел войной на Гондор и занял его земли. Король Гондора требует, чтобы он исправил содеянное им зло и ушел навсегда. Пусть он выйдет!

Но крепость никак не отвечала на эти призывы. Саурон хотел сначала поиграть со своей добычей и только потом нанести смертельный удар. Всадники уже решили повернуть обратно, но в этот миг раздался рокот барабанов, оглушительно взревели трубы. Средние створы Ворот распахнулись и выпустили посольство Черной Крепости.

Впереди выступал черный конь (да конь ли, в самом деле?), огромный и страшный, с мордой, походившей скорее на оскаленный череп, еще и огнедышащий в придачу. Под стать коню был и всадник, с головы до ног одетый в черное. Но это был не Призрак Кольца, а вполне живой человек. Давний Наместник Барад Дура забыл даже свое имя и сам себя называл Голосом Саурона. Рассказывали, что род свой он вел из Нуменора, от тех Людей, что возлюбили темное знание и добровольно подчинились Саурону. Жестокостью он превосходил любого орка.

Его сопровождал небольшой отряд воинов под черным знаменем с изображением Багрового Ока. Не доезжая нескольких шагов до всадников, он остановился, окинул их презрительным взглядом и рассмеялся.

– Ну, кто тут из вас достаточно знатен, чтобы говорить со мной? – спросил он. – Или хотя бы достаточно умен, чтобы понять меня? Уж не ты, конечно! – насмешливо кивнул он на Арагорна. – Чтобы стать настоящим вождем, мало куска эльфийского стекла, а такой сброд вместо войска способен набрать любой бродяга!

Арагорн не сказал ни слова, но поймал его взгляд и некоторое время удерживал. Прошла минута, Арагорн не шевельнулся и не притронулся к оружию, но посланец Мордора вдруг вскрикнул и отшатнулся, словно от удара.

– Я глашатай и посол, на меня нельзя нападать! – закричал он.

– Там, где этот закон соблюдается, – медленно проговорил Гэндальф, – послы не ведут себя так нагло. Но никто не угрожает тебе. Делай свое дело и не бойся нас. Но если твой господин не стал умнее, то тебе, как и всем его рабам, грозит большая опасность.

– Ах, вот оно что! – воскликнул посланец. – Значит, говорить будешь ты, старик? Мы и раньше слыхали о тебе, знаем, что ты бродишь вокруг и строишь козни. Но на этот раз ты сунул нос слишком далеко, почтенный Гэндальф, и сейчас увидишь, что бывает с теми, кто плетет интриги против Саурона Великого. У меня есть кое-что показать вам, особенно тебе, раз ты посмел явиться. – Он кивнул одному из воинов, и тот подал ему какой-то сверток из черной ткани.

Посланец Мордора сдернул ткань и показал им сначала короткий Сэмов меч, потом серый плащ с эльфийской пряжкой и, наконец, кольчугу из *мифрила*. При виде этих предметов у многих, стоявших перед Воротами, потемнело в глазах и последний луч надежды погас. Пиппин, до сих пор прятавшийся за спиной Имрахиля, отчаянно вскрикнул и рванулся вперед.

– Молчи! – сурово приказал Гэндальф, оттаскивая его, но черный посланец громко рассмеялся.

– Так у вас есть и еще один такой! – вскричал он. – Не знаю, зачем они вам, но послать их шпионами в Мордор мог только безумец. Ну, хоть на одно он сгодился. Теперь ясно, что все это он видел и [illegible], так что вам не открутиться. Вам эти вещи тоже зна[illegible]

– Конечно, – споко[illegible] произнес Гэндальф, – я-то знаю их историю, а вот ты, [illegible] ней не знаком. Зачем ты принес их сюда?

– Кольчуга гномов, [illegible]й плащ, меч павшего Запада и шпион из ничтожного [illegible] вздрогнули! – мы хорошо знаем их, – вот призна[illegible]! Может, вам и не нужна та маленькая тварь, котор[illegible] принадлежат эти вещи, а может, наоборот, она дорога вам. Если так, поразмыслите, коли способны на это! Саурон не любит шпионов, и судьба этой твари будет зависеть от вашего выбора.

Ему никто не ответил, но бледность лиц и ужас в глазах были красноречивей слов. Снова послышался его скрежещущий смех.

– Так, так! А малыш был вам дорог, как я вижу. Да и дело у него было серьезное, а? Но сорвалось. Теперь его ждут годы медленных мучений. Мы уж постараемся, чтобы они не скоро кончились. Вы его больше не увидите, разве что его сломают и переделают, а тогда я уж не забуду отправить его к вам. И это обязательно будет, если вы не примете условий моего Повелителя.

– Назови условия, – голос у Гэндальфа был твердый, но стоявшие поблизости видели в глазах мага тревогу и вдруг заметили, что он стар, потрясен и разбит. Они не сомневались: маг согласится, что бы ему ни предложили.

А условия были тяжелыми. Войскам Гондора и его союзникам предлагалось немедленно отойти за Андуин, предва

рительно поклявшись не выступать против Саурона ни явно, ни тайно. Весь Итилиен навсегда отходил к Саурону, а все страны западнее Реки до Мглистых Гор и до Гривы Рохана обязывались сложить оружие и платить Мордору тяжелую дань. Они обязывались восстановить также разрушенный Изенгард.

– Он станет владениями наместника Саурона, – сказал посланец, – но это будет не Саруман – он оказался недостойным, – а другой, кому Владыка доверяет больше. – И все поняли, что этим наместником будет он сам. И они поняли также, что условия Саурона означают рабство для Запада на вечные времена. В этот момент неожиданно прозвучал ответ мага:

– Слишком много вы хотите в обмен на одного пленника! [illegible]ко твой господин мог бы получить только ценою [illegible]ой войны. Или на полях Гондора он потерял надежду на победу? А если [illegible] этого пленника так высоко, то [illegible] залог, что Саурон, [illegible] обманщик и предатель, выполнит свои обязательства? [illegible] пленник? Приведи его и отдай нам, тогда и обсудим условия.

И тут Гэндальфу, не сводившему глаз с посланца, показалось, что на одно мгновение тот растерялся и смехом попытался скрыть это.

– Остерегайся говорить дерзко с Голосом Саурона! – вскричал он. – Ты требуешь залога? Саурон не дает их. Если ты ищешь его милостей, выполняй его требования. Условия вам известны. Поступайте теперь как хотите!

– Вот как мы поступим, – произнес вдруг Гэндальф. Он распахнул плащ, и яркая белизна одежд сверкнула в этом мрачном месте подобно обнаженному мечу. От его воздетой руки посланец попятился, а маг подошел и просто отобрал у него кольчугу, меч и плащ. – Это мы возьмем в память о нашем друге, – просто сказал он. – А ваши условия отвергаем бесповоротно. Уходи, твое посольство окончено, и смерть теперь ближе к тебе, чем когда-либо. Мы пришли сюда не для того, чтобы пререкаться с подлым Сауроном, а тем более – с его рабами. Уходи!

Посланец Мордора не смеялся больше. От гнева и изумления лицо его исказилось и стало похоже на морду дикого зверя, у которого из-под носа увели добычу. От ярости он издавал страшные сдавленные звуки. Но страх в нем был сильнее

гнева. Вскрикнув, он повернул коня и помчался обратно. Его воины тоже повернули коней и затрубили условный сигнал. Они еще не достигли Ворот, а ловушка Саурона уже захлопнулась.

Оглушительный грохот барабанов обрушился на равнину. Ворота Мораннона распахнулись настежь, исторгнув огромное войско, хлынувшее волной. Вожди Запада поспешно вернулись к войскам. Пыль тучей поднялась в воздух, когда с востока кинулись толпы, до этого скрывавшиеся в тени Пепельных Гор. Со склонов по обе стороны Мораннона стекали бесчисленные потоки орков. Армия Запада оказалась окруженной, враги превосходили их численностью в десятки раз. Саурон схватил приманку мертвой хваткой.

Арагорн едва успевал отдавать приказы. Он стоял с Гэндальфом на одном из холмов, и над ним развевалось знамя с Древом и Звездами, на другом холме рядом плескались знамена Рохана и Дол Амрота — Белый Конь и Серебряный Лебедь. Каждый из холмов ощетинился во все стороны мечами и копьями. Впереди, лицом к Мораннону, стояли сыновья Элронда, слева от них — дунаданы Арагорна, а справа — Имрахиль со своими воинами.

Подул ветер, и звуки труб слились со свистом стрел. Солнце окуталось дымом и покраснело, словно перед закатом, а из мрака вверху слетали, злобно рыча, назгулы, и гибельные взмахи их крыльев гасили последнюю надежду в сердцах.

Когда Гэндальф отверг условия Мордора и тем самым обрек Фродо на несказанные муки, Пиппин содрогнулся от ужаса, но потом овладел собой и теперь, стоя рядом с Берегондом в первом ряду воинов Гондора, хотел только умереть, раз уж все погибло.

— Хорошо бы Мерри был здесь, — бормотал он, глядя, как на них надвигаются вражеские полчища. — Теперь я понимаю несчастного Денетора. Мы с Мерри могли бы умереть вместе. Но раз нет, значит, нет. Надеюсь, что его смерть будет легче. А я сделаю, что смогу, пусть даже это будет и не так много.

Он обнажил меч и всмотрелся в красные с золотом руны, начертанные на клинке. «Эх, — подумалось ему, — вот для кого он выкован — для этой образины, что похвалялась тут. Кабы я мог убить его, тогда, глядишь, и сравнялся бы с Мерри. Ну, что ж... видно, не судьба мне прославиться. Не пропадать

же даром такому клинку. Хоть пару этих вражин я свалю. Хотелось бы мне еще разок увидеть солнышко и травку в Шире!»

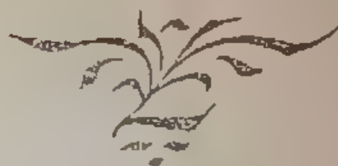
В этот миг на них обрушилась первая волна атакующих. Правда, передовые орки приостановились, влетев в болото перед холмами, и только осыпали осажденных градом стрел. Но за ними спешили, рыча как звери, горные тролли – огромные, покрытые твердой чешуйчатой шкурой, – они держали в руках круглые черные щиты и тяжелые молоты. Болото не задержало их. Как буря налетели они на воинов Гондора и схватились с ними врукопашную. Берегонд от страшного удара зашатался и упал, а тролль, сваливший его, наклонился, протягивая жадные лапы. У этих гнусных созданий в обычае было перегрызать горло поверженным врагам.

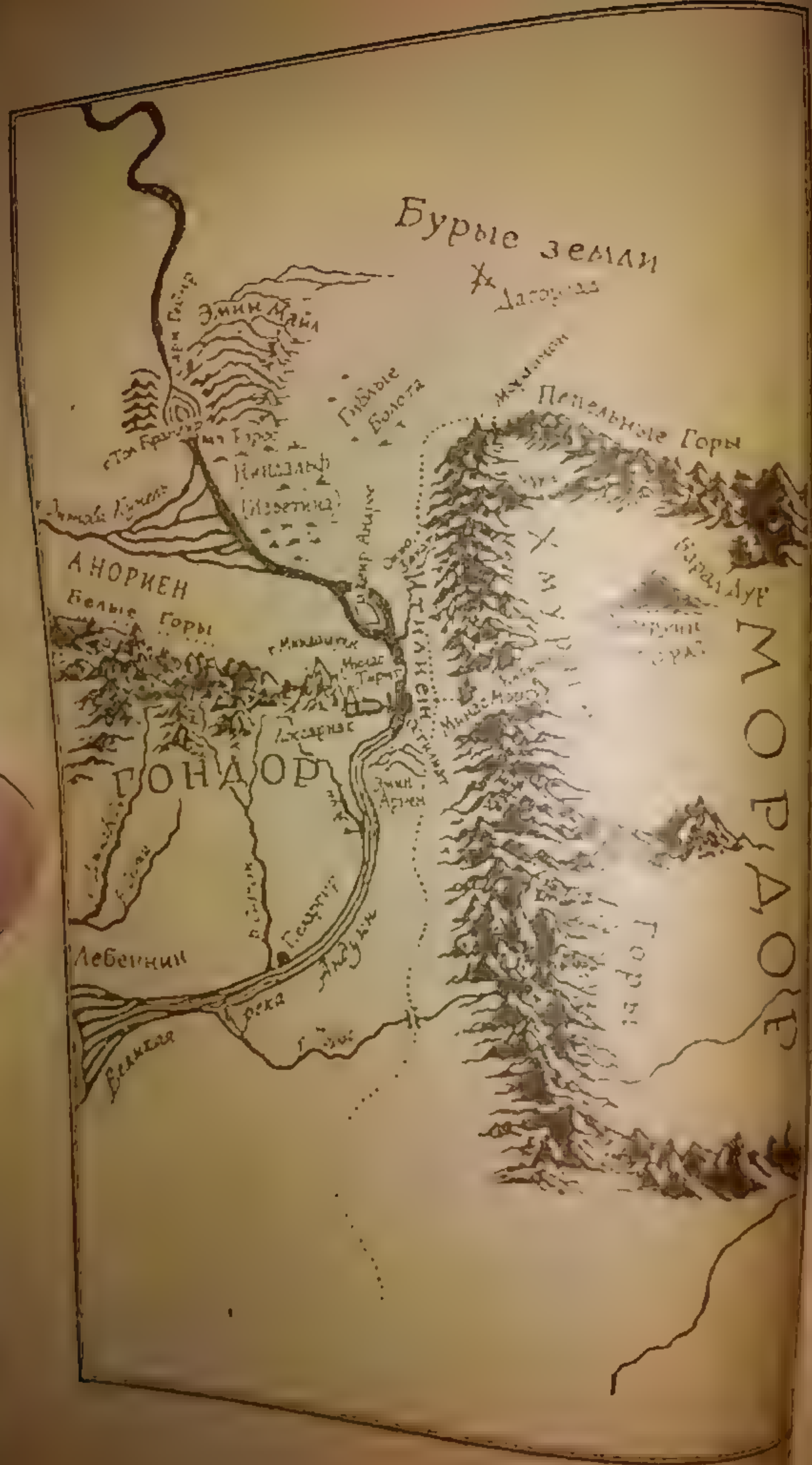
Пиппин завизжал и изо всех сил ударил тролля мечом снизу вверх. Украшенный нуменорскими рунами клинок легко пронзил грубую шкуру и глубоко вошел в огромное тело, отворив целый фонтан черной крови. Тролль покачнулся и рухнул, как утес, прямо на Берегонда и Пиппина. Мрак и боль захлестнули хоббита, и он ощутил, что проваливается в бездонную тьму.

«Значит, это и есть конец?» – успел подумать он и засмеялся, радуясь, что страхи и тревоги кончились. Но перед тем, как окончательно кануть в забытье, он еще услышал, словно из далекого прошлого, чей-то знакомый голос, кричавший: «Орлы! Орлы летят!»

На мгновение Пиппин словно задержался на пороге беспамятства. «Бильбо! – мелькнула мысль. – Это из его сказки. Хотя нет, из моей. И она кончилась. Прощайте все!» И мир для него исчез.

КНИГА VI




Бурые земли
Эмин Муйл
Гиблые Болота
Пепельные Горы
Анориен
Белые Горы
Гондор
Мордор
Лебенник
Эмин Арнен
Река
Горы

Глава I

КРЕПОСТЬ КИРИТ УНГОЛ

Сэм с трудом поднялся. В первую минуту он не мог вспомнить, где находится, а потом весь ужас и отчаяние разом нахлынули на него. Прямо перед ним в глубокой тени высились закрытые ворота крепости орков. Он помнил, как в отчаянии и ярости бросился на них, но что было дальше и сколько он пролежал здесь? Дрожа от холода, он подполз к воротам и приник к ним ухом.

Где-то за стенами ему послышались голоса орков, но вскоре они отдалились или стихли. Превозмогая головную боль и радужные искры в глазах, Сэм заставил себя успокоиться и по-

думать. Не было времени ждать, пока ворота снова откроются. Надо спасти друга, даже если для этого придется погибнуть.

– Погибнуть – это скорее всего, да и легче гораздо, – мрачно сказал он себе, вкладывая в ножны Шерщень. Медленно, почти ощупью, он вернулся в подземный ход, не решаясь достать подарок Галадриэль. Он шел и пытался обдумать все то, что произошло с ним после Перекрестка. Интересно, какое время дня сейчас?.. И какой день? Скорее всего, завтра уже наступило, а, может, и послезавтра. Он потерял счет дням в Стране Мрака, где время течет иначе, а всякий, переступивший ее границы, перестает существовать для оставшихся в мире.

– Интересно, что у них там делается? – Он неопределенно махнул рукой перед собой. Но здесь, в подземельях Шелоб, он стоял теперь лицом на юг, а не на запад.

На западе же, в широком мире, приближался к полудню четырнадцатый день марта. Там Арагорн вел черный флот от Пеларгира, Мерри скакал по древней дороге с рохирримами, в Минас Тирите вздымалось пламя, и Пиппин видел растущее безумие в глазах Денетора. Но среди всех этих тревог мысли друзей непрестанно обращались к Фродо и Сэму. О них не забывали, но друзья были слишком далеко, и мысли их не могли помочь Сэму. Он был совсем один.

Медленно вернулся он к каменной двери орочьего туннеля, так и не найдя запоров, снова перелез через нее и спрыгнул на землю, а потом доплелся до устья пещеры, где все еще шевелились и развевались под холодным ветром лохмотья страшной паутины Шелоб. После душного мрака, оставшегося позади, Сэма прохватила дрожь, но дыхание ветра было живительным. Хоббит осторожно выполз наружу. Кругом стояла зловещая тишина. Сумеречный свет ненастного дня приглушали тучи, летевшие из Мордора на запад.

Сэм смотрел на крепость. Внезапный огонь, промелькнувший в окнах башни, сделал их похожими на страшные красные глаза. Может быть, это был сигнал... Недавнее возбуждение спало, и вернулся страх перед орками. Но сколько ни раздумывай, путь был один-единственный: надо искать вход в ужасную башню. Ноги у хоббита подкашивались, но все же, настороженно прислушиваясь и вглядываясь в густые тени утесов у тропы, он миновал место, где упал Фродо и еще

чувствовался мерзкий запах Шелоб, и там, где ему повстречался отряд Шаграта и пришлось надеть Кольцо, Сэм остановился и сел. Казалось, двигаться дальше нет сил. За перевалом начиналась земля Мордора, и Сэм чувствовал, что оттуда уже не будет возврата.

Бездумно он достал Кольцо и снова надел его. Оно было тяжелым, и все сильнее и настойчивей чувствовал Сэм злобный взгляд. Око Мордора искало его, силясь проникнуть сквозь мглу, созданную для своей же защиты, а сейчас ставшую помехой, источником тревог и сомнений.

Как и прежде, слух мгновенно обострился, но мир словно выцвел и подернулся дымкой. Издали доносились стенания раненой Шелоб, но их заглушали крики и лязг металла. Сэм вскочил на ноги и прижался к утесу у края тропы. Ему показалось, что на подходе еще один отряд орков, но слух, усиленный Кольцом, обманул его: крики орков доносились из башни, левый зубец которой был теперь прямо у него над головой. Там творилось что-то недоброе. Может быть, несмотря на приказ, жестокость орков взяла верх, и они мучают Фродо или даже рвут его на части! Но чем дальше он вслушивался, тем сильнее разгоралась в нем искра надежды. В башне несомненно шла драка: орки ссорились между собой. Видно, отряды Шаграта и Горбага что-то не поделили. Сэм больше не колебался и с криком: «Я иду, Фродо!» – побежал к вершине перевала. Тропа сразу же свернула влево и пошла круто вниз. Сэм вступил на землю Мордора.

Ощущая смутную опасность, он снял Кольцо.

– Лучше уж видеть, пусть хоть самое худшее, чем спотыкаться в тумане, – пробормотал он.

Суровая, мрачная и безотрадная страна простиралась перед ним. У самых его ног гребень Хмурых Гор круто обрывался в темное ущелье, по другую сторону которого вставал хребет Моргэй, страшное внутреннее кольцо, ограждающее страну, хребет, скалящийся черными утесами на фоне багровых отсветов. Далеко впереди, за обширным озером мрака, словно пылал гигантский костер. Над ним стояли столбы дыма, тускло-красные у основания и угольно-черные вверху, там, где они сливались с клубящимся покровом, нависшим над всей проклятой страной. Это был Ородруин, Огненная Гора. По временам пламя в глубинах ее пепельного конуса разго-

ралось ярче, и из трещин в склонах выплескивались огненные реки. Горящие потоки текли к Барад Дуру, извивались по каменной равнине, застывая, становились похожими на огромных скрюченных драконов, извергнутых измученной землей.

Роковая Гора трудилась вовсю. Огонь, рвавшийся из земных недр, окрашивал угольно-черные скалы в цвет запекшейся крови.

В этих угрюмых сполохах Сэм стоял, окаменев от ужаса, потому что только теперь охватил взглядом всю могучую крепость Кирит Унгол. Рог, возвышавшийся над перевалом, был только самой высокой из ее башен. С востока крепость вздымалась тремя большими террасами, с запада приникала к огромному утесу, облепив его ярусами бастионов. Футах в двухстах внизу зубчатая стена окружала [illegible]енное пространство. Юго-восточные ворота выходили на широкую дорогу. Она петлями спускалась вниз по краю пропасти, а потом сворачивала на юг и соединялась с дорогой на Моргульский перевал. Потом, через ущелье Моргэй, уходила к Горгоратской равнине и дальше к крепости Барад Дур. Тропа, на которой стоял Сэм, крутыми уступами падала вниз, к хмурым воротам крепости.

Сэма потрясла мысль о том, что крепость не столько преграждает дорогу в Мордор, сколько закрывает выход оттуда. Он вспомнил, что это одно из древних гондорских укреплений, восточный форпост обороны Итилиена времен Последнего Союза, когда Люди Запада стерегли страну Саурона, не давая злу вырваться в мир. Но внимание стражей ослабело, и Темный Властелин коварством овладел крепостью. Когда Саурон снова обосновался в Мордоре, крепость понадобилась ему, чтобы не дать своим рабам вырваться на свободу. Она же вставала на пути тех, кому удалось бы ускользнуть от бдительности Ока и алчных лап Шелоб.

Сэм ясно понимал, как мало у него шансов миновать ворота. А если даже он и пройдет, дорога внизу наверняка охраняется: черные тени утесов не скроют от орков, видящих в темноте. Но как ни страшна дорога, его задача еще страшнее – не избежать ворот, а войти в них, да еще одному.

Кольцо не помогало, а только усиливало тревогу. На виду у Ородруина, возле великого пламени, в котором Оно родилось, сила и власть Кольца росли. Только могучая воля

могла укротить Его. Чувствуя тяжесть на шее, Сэм ощущал себя словно одетым в собственную огромную искаженную тень, зловещей угрозой нависшую над Мордором. Либо терпеть Кольцо, как бы Оно ни терзало его, либо объявить своим и бросить вызов силе в мрачной крепости по ту сторону долины теней. Кольцо искушало его, подтачивая волю и разум, рождало безумные фантазии. Вот он, Сэм Могучий, Герой Всего Мира, скачет с пламенным мечом в руке, собирает войска и ведет их на Барад Дур, вот разошлись тучи, засияло солнце, и по велению Сэма Горгоратская долина зазеленела и оделась садами. Надо только надеть Кольцо, объявить себя Его хозяином, и все сбудется!

В этот роковой час Сэма спасла не только преданность другу и ответственность за судьбы Средиземья. Простой здравый смысл говорил, что он не годится для таких свершений, даже если бы они оказались не только приманкой Врага. Маленький садик вольного садовника, а не сад величиной с королевство – вот что ему нужно. Ему достаточно своих рук, он не привык полагаться на других.

– Эти мечты – один обман, – ворчал он. – Если я надену Кольцо здесь, в Мордоре, Он увидит и прикончит меня. Не стоит и пробовать. Может и хорошо быть невидимым, да только уж лучше так...

Сэм пошел вниз. С каждым шагом он словно становился меньше и уже через несколько минут на тропе остался просто испуганный маленький хоббит. Теперь и без помощи Кольца он слышал за стеной крепости крики и шум сражения.

Сэм был уже на полпути между тропой и воротами крепости, когда оттуда выскочили два орка. Даже не взглянув по сторонам, они бросились к главной дороге, но не сделав и десяти шагов, споткнулись, упали и остались лежать неподвижно. Сэм не видел стрел, но понял, что они могли вылететь только из ворот крепости. В тени стены он не особенно боялся, что его заметят, его смущало другое. В каменной кладке, поднимавшейся перед ним футах в тридцати, не было видно ни трещинки, ни выступа. Нечего было и думать перелезть через нее. К тому же заканчивалась она выступающим широким карнизом. Оставались только ворота.

Потихоньку приближаясь к ним, Сэм прикидывал, сколько же орков может быть в крепости. В отряде Шаграта было

около сорока, вдвое меньше, чем у Горбага. Но отряд Шаграта был частью гарнизона. Непонятно, из-за чего они могли сцепиться между собой. Как ни гнал Сэм от себя эту мысль, но никакой другой причины, кроме имущества своего хозяина и самого Фродо, он придумать не мог. Сэм стал вспоминать, что у Фродо было с собой, и вдруг его прошиб холодный пот. «Да ведь на Фродо кольчуга из *мифрила*!» – вспомнил он. А уж это ли не ценность для орков! Конечно, кто-то из них попытался завладеть ею, а другим это не понравилось. Перед таким искушением эти лиходеи забудут даже приказы Черной Крепости, а они одни только и охраняли жизнь Фродо до сих пор.

– Ну же, не трусь! – прикрикнул на себя Сэм. – Давай, надо идти. – С этими словами он вынул из ножен Шершень и кинулся к открытым воротам. Но, миновав высокую арку, он с размаху натолкнулся на невидимое препятствие. Что-то, куда сильнее его, преграждало путь. Сэм беспомощно оглянулся по сторонам и только тут заметил в тени ворот Стражей. Это были огромные каменные истуканы: три сросшихся тела, три головы с лицами, обращенными на дорогу, внутрь крепости и на ворота. Стражи сидели на каменных тронах, их когтистые руки были сложены на коленях, каменные лица, напоминавшие птичьи, озарялись внутренней жизнью злобного бдительного духа. Стражи знали, кто их враг. Зримый или незримый, он не смог бы ни войти, ни выйти.

Сэм собрал все силы и рванулся вперед, но не продвинулся ни на дюйм. Тогда с мрачным отчаянием он медленно достал из-за пазухи фиал Галадриэль и поднял его вверх. Жемчужно-белый свет засиял, разгоняя тени под сводами, и ярко осветил уродливые лица и фигуры Стражей. Сэм успел уловить в их глазах хищное выражение и похолодел от страха, но тут же почувствовал, что злая воля, преграждавшая путь, тает и обращается в ничто. И тогда он снова ринулся вперед.

Миновав ворота и спрятав чудесный дар Владычицы Лориена на груди, он сразу почувствовал выросшую за спиной незримую стену. В тот же миг изваяния испустили короткий пронзительный вопль, эхом отдавшийся в каменных стенах. В ответ, высоко вверху, прозвучал одинокий дребезжащий удар колокола. Сэм был внутри крепости Кирит Унгол.

— Ну вот, — проворчал он, — я и позвонил у дверей. Эй вы, там! — закричал он, с трудом заставляя голос не дрожать. — Скажите Шаграту, что явился великий воин, эльф с волшебным мечом!

Но ему не ответили. Сэм шагнул вперед, сжимая в руке полыхавший синим огнем Шершень, и споткнулся обо что-то мягкое. Свету было мало, и он не сразу заметил, что весь внутренний двор крепости усеян трупами орков. Возле самых его ног валялись двое орков-стрелков. Руки их сжимали ножи, одновременно вонзенные в спины друг другу. Дальше лежали кто в одиночку, там, где свалил его меч или стрела, кто по двое, еще вцепившись друг в друга... Все погибли в яростной схватке, до последнего вздоха рубя, душа, кусая. Камни были скользкими от черной крови.

Сэм заметил, что орки одеты по-разному: у одних на одежде был знак Багрового Ока, у других — Лунного Лика, но он не стал останавливаться и присматриваться. По ту сторону двора, у подножья башни, он увидел большую полуоткрытую дверь, оттуда исходило красноватое свечение. На пороге валялся мертвый орк. Сэм перешагнул через него и вошел, растерянно оглядываясь.

Широкий, гулкий коридор вел от двери внутрь. Он был тускло освещен факелами, горевшими в канделябрах по стенам, но дальний конец коридора тонул во мраке. По обеим сторонам располагалось множество дверей и проемов, но, кроме двух-трех валявшихся на полу трупов, там было пусто. Из того, что Сэм подслушал в разговоре предводителей отрядов, он знал, что Фродо, живого или мертвого, нужно искать где-то на самом верху башни, но где именно?

— Наверное, ближе к задней стене, — пробормотал Сэм. — Вся крепость карабкается чем дальше от входа, тем выше. И уж, во всяком случае, надо придерживаться факелов.

Он двинулся по коридору. Шаги гулко отдавались в тишине, напоминая шлёпанье огромных ладоней по камню. Одиночество, трупы, сырые черные стены, словно окровавленные в отсветах факелов, страх подстерегающей в тени или за дверью смерти, а в глубине души — ощущение зоркой злобы, поджидающей у ворот, — это было слишком для Сэмовых сил. Он предпочел бы открытую схватку, лишь бы врагов было не очень много сразу. Он заставил себя думать о Фродо,

лежащем где-то здесь, о Фродо, связанном, раненом или мертвом. Миновав освещенное факелами пространство, он приблизился к большой сводчатой двери в конце коридора – он правильно догадался, это была внутренняя сторона нижних ворот, – как вдруг наверху раздался ужасающий хриплый вопль. Сэм так и застыл на месте. Потом он услышал приближающиеся шаги. Кто-то торопливо сбегал по гулкой лестнице сверху.

Воля Сэма не смогла остановить его руку, потянувшуюся к цепочке Кольца. Но он не успел надеть его: в тот самый миг, когда пальцы охватили цепь, по лестнице с лязгом и стуком скатился орк. Выскочив из темной ниши справа, он бежал прямо на Сэма и заметил его, только когда был шагах в шести. Но не маленького испуганного хоббита увидел он перед собой, а высокую, темную, безмолвную тень со сверкающим длинным мечом в одной руке; в другой, прижатой к груди, скрывалась могучая и страшная угроза, для которой не было названия.

Орк, согнувшись от ужаса, с пронзительным воплем повернулся и бросился обратно. Сэм, донельзя обрадованный своей неожиданной победой, заорал и погнался за врагом.

– Ага! Что, видели эльфа-воина? – кричал он. – Я иду! А ну, покажи мне дорогу наверх, или я изрублю тебя в куски!

Но орк был у себя дома, сытый и бодрый, а Сэм, голодный и утомленный, едва добрался сюда. Крутая лестница вилась нескончаемо, и Сэм начал задыхаться. Орк исчез из виду, лишь слабый топот слышался все дальше и дальше. Орк вопил со страха, и стены отзывались эхом. Но постепенно все звуки затихли.

Сэм не останавливался. Он чувствовал, что идет верным путем, и это очень его подбадривало. Спрятав Кольцо и затянув пояс, он сказал себе:

– Ну-ну, если они все так боятся нас с Шершнем, то дело-то, может, еще и выгорит. Сдается мне, что Шаграт и Горбаг сделали за меня почти всю работу. Кроме этой испуганной крысы никого живого не видать.

И тут он резко остановился, словно стукнувшись о каменную стену. До него дошел смысл собственных слов: никого живого! Чей же это вопль он слышал?

– Фродо! Фродо, друг мой! – вскричал Сэм, почти рыдая. – Если тебя убили, что я буду делать? Я здесь, я пришел, наконец! – И он бросился наверх, как на крыльях.

Лестница все поднималась и поднималась. Было темно, только изредка на повороте или на площадке встречались одинокие факелы. Сэм пытался считать ступеньки, но после двухсотой сбился. Теперь он шел тихо; ему казалось, что он слышит голоса где-то выше. Видно, в живых осталась не одна крыса. И вдруг, когда силы уже совсем покидали его, лестница кончилась. Он остановился. Голоса раздавались теперь близко и отчетливо. Сэм огляделся. Он стоял на плоской крыше третьего, самого высокого яруса башни. Это была открытая площадка ярдов двадцати в диаметре, обнесенная низким парапетом. Лестница оканчивалась в маленькой сводчатой камере с низкими дверями на восток и на запад. На востоке Сэм увидел темную равнину Мордора и Огненную Гору вдали. Из ее мрачных недр снова изливались багровые реки, пылавшие столь ярко, что даже на таком расстоянии по стенам башни трепетали блики. Вид на запад закрывало основание другой башни, с вершины которой поднималась над гребнями окружающих гор. В узкое окошко проникал свет. В десяти ярдах от себя Сэм увидел третью дверь, поменьше. Именно оттуда и доносились голоса. Но Сэм не сразу разобрал, что они говорят, пораженный зрелищем, которое открылось внизу. Весь двор был усеян трупами орков, отрубленными головами, руками, ногами. Запах смерти стоял в воздухе.

Яростное рычание, удары и крики заставили Сэма снова отскочить в укрытие. Раздался гневный голос, который он узнал сразу: это мог быть только Шаграт, начальник крепости.

– Так ты говоришь, что больше не пойдешь туда, а? Будь ты проклят, Снага, гнусный червяк! Ты думаешь, раз я ранен, можно меня не слушать? Так ты ошибаешься! Подойди, я тебе глаза вырву, как сейчас Радбугу. А когда придет смена, уж я с тобой посчитаюсь. Отправлю к Шелоб, так и знай!

– Смена не придет, а если придет, то ты ее не дождешься, – огрызнулся Снага. – Я же говорил тебе, что Горбаговы скоты подошли первыми к воротам, а из наших никто не успел выйти. Выбежали только Лагдуф и Музгаш, и их застрелили. Я видел из окна.

– Значит, теперь твоя очередь, а я останусь, потому что ранен. Погибель на этого гнусного изменника Горбага! – Шаграт забормотал сплошные проклятья. – Я угостил его лучше, чем он меня, но, пока я душил его, он успел ударить

кинжалом, скотина! Иди! Иди, или я съем тебя! Нужно немедленно дать знать в Лагбур, иначе мы оба попадем в Черную Яму. Да, да, и ты тоже. Не надейся отсидеться здесь!

– Я не пойду вниз! – прорычал Снага. – Мне плевать – начальник ты или нет! А ну, брось кинжал, а то получишь стрелу в бок! Тебе недолго осталось командовать. Как только Они услышат обо всем, что здесь случилось, тебе конец. Я защищал башню от этих моргульских крыс, а вы, двое начальников, все испортили, подравшись из-за добычи!

– Хватит! – резко оборвал его Шаграт. – У меня был приказ. Начал Горбаг, когда хотел стащить эту красивую рубашку.

– Да. А ты свалил его! Хоть ты и сильнее, а он был умнее тебя. Он же говорил тебе, что самый опасный из них еще на свободе, а ты не хотел слушать. И сейчас не хочешь. Горбаг был прав, говорю тебе! Тут, в крепости, могучий воин, один из этих кровожадных эльфов, а может даже – *тарк*. Он здесь, говорю тебе! Ты слышал колокол? Он прошел мимо Стражей, а кто, кроме *тарка*, мог это сделать? Сейчас он на лестнице. И пока он не уйдет, я не спущусь, будь ты хоть назгулом!

– А, вот ты как! – зашелся от гнева Шаграт. – Это ты будешь делать, а то – нет? А когда он придет, сбежишь и бросишь меня? Ну уж нет!

Из двери башни выскочил давешний орк. За ним гнался Шаграт, огромный, с такими длинными руками, что на бегу они задевали пол. Но одна рука висела бессильно, из нее текла кровь; другой он прижимал к себе большой сверток. В красном отсвете Сэм, притаившийся за дверью, на мгновение увидел его свирепое лицо: оно было изодрано, словно острыми когтями, и испачкано кровью. С торчащих клыков капала пена, и он рычал, как дикий зверь. Сэм наблюдал, как Шаграт гонялся за Снагой по всему дворику, пока тот не кинулся обратно в башню и не скрылся там. Тогда Шаграт остановился. Сэм хорошо видел, как он стоит у парапета, тяжело дыша, сжимая и разжимая раненую лапу. Он положил свой сверток на пол, вытащил длинный кинжал и зачем-то поплевал на него. Потом перегнулся через парапет, дважды крикнул, но ответа не было.

И вдруг, пока Шаграт смотрел вниз, повернувшись спиной к площадке, Сэм с изумлением увидел, как одно из распро-

стертых тел пошевелилось, а потом поползло. Оно протянуло когтистую лапу и вцепилось в сверток, шатаясь, поднялось. В другой руке у него был обломок копья с широким лезвием. Орк замахнулся для удара. Но в этот миг у него сквозь сжатые зубы вырвалось шипение не то от боли, не то от злобы. Шаграт мгновенно, как змея, отпрянул, обернулся и всадил кинжал в горло врага.

– Вот тебе, Горбаг! – вскричал он. – Ты живой еще, да? Ну, я тебя прикончу!

Горбаг рухнул, как подкошенный. Удостоверившись, что тот мертв, Шаграт запрокинул голову и разразился хриплым, торжествующим воплем. Потом облизал кинжал, взял его в зубы и, подхватив сверток, заковылял к ближайшей двери на лестницу вниз.

У Сэма не оставалось времени на раздумья. С этим орком нельзя было долго играть в прятки, и Сэм совершил, наверное, самый удачный поступок в жизни: закричал и прыгнул навстречу Шаграту. Кольцо, пусть даже не надетое, ужасало всех рабов Мордора, в руке Сэм сжимал меч, поражавший орков нестерпимым блеском: так блестят безжалостные звезды в ужасной стране эльфов – самая мысль о них была кошмаром для всего проклятого племени. У Шаграта была только одна рука и для защиты, и чтобы охранять свое сокровище. Он остановился и зарычал, оскалив клыки, потом, отскочив в сторону, как всегда делают орки, он сильно ткнул хоббита в лицо свертком, использовав его и как щит, и как оружие. Сэм зашатался. Он еще не успел выпрямиться, а Шаграт уже метнулся мимо и поскакал вниз по лестнице. Вскрикнув, Сэм кинулся было в погоню, но мысль о Фродо остановила его. Он вспомнил, что другой орк убежал в башню. Снова приходилось выбирать, а времени не было. Если Шаграт бежал, он вскоре вернется с подмогой. Но если гнаться за ним, другой орк может совершить в башне жуткое дело. К тому же Шаграта уже не догнать. Сэм повернулся и побежал наверх.

– Опять не так, наверное, – сказал он себе. – Но уж пусть я сначала поднимусь на самый верх, а там – будь что будет!

Далеко внизу Шаграт загремел, сбегая по лестнице, выбежал во двор и кинулся к воротам, не выпуская своей драгоценной добычи. Если бы Сэм знал, сколько горя принесет это бегство, он бы заплакал. Но он мог думать только о цели своих

поисков. Осторожно приблизившись к дверям, он шагнул через порог. Внутри было темно, но справа мерцал тусклый свет. Это светилось окно, выходящее на другую лестницу, такую же темную и узкую; она поднималась спиралью, и где-то наверху горел огонь.

Сэм осторожно начал подниматься. Он достиг капающего смолой факела, укрепленного над дверью напротив узкого окна на запад; это и был один из тех красных глаз, которые они с Фродо видели снизу, от начала подземного хода. Сэм быстро миновал дверь и поспешил на второй ярус, все время боясь, что сзади кто-нибудь накинется. Но вот лестница кончилась. Сэм прокрался в коридор. С обеих сторон здесь было по низкой двери, но обе – запертые. И нигде ни звука!

– Карабкался, карабкался, – пробормотал Сэм, – и забрался в тупик. Но это – не вершина башни. Что-то же должно быть дальше?

Он спустился на один ярус и попробовал дверь. Она не поддавалась. Тогда он снова [illegible] наверх, весь в поту. Минуты уходили одна за другой, а он ничего не мог сделать. Сэм не думал больше ни о Шаграте, ни о Снаге. Ему нужен был только Фродо: хоть один его взгляд или прикосновение.

Наконец, усталый, окончательно обескураженный, он сел на ступеньку и уронил голову на руки. Было тихо, странно тихо. Факел затрепетал и погас. Сэм почувствовал, что волны тьмы накрывают его с головой.

И тут, после всех напрасных поисков, во мраке отчаяния, Сэм, к собственному удивлению, начал тихонько петь. Голос у него был тонкий и дрожащий – голос одинокого, усталого, отчаявшегося хоббита, который ни один случайный орк не спутал бы с пением эльфийского воина. Он мурлыкал старые детские песенки, отрывки из песен, сочиненных Бильбо, мелькавшие у него в мыслях, как мимолетные видения родной страны. А потом в нем вдруг поднялись какие-то новые силы, голос окреп и неожиданно родились свои собственные слова, слившиеся с незатейливой мелодией.

Быть может, в Западной Стране
Теперь цветет весна,
Поют ручьи, и в вышине
Трель зяблика слышна,

А ночь роняет звездный звон,
И чистый небосклон
Алмазной россыпью вплетен
В убор полночных крон.

Мой путь угас в Стране Теней,
Но знаю: с давних пор
Превыше черных крепостей,
Превыше черных гор
Лучится свет; бессмертен край,
Цветущий по весне.
И я не говорю «прощай»
Ни солнцу, ни звезде.

Ему почудился чей-то слабый ответный голос. Он прислушался. Все утихло. Нет, что-то слышно опять, но это не голос, это приближающиеся шаги.

Скрипнув, открылась дверь в коридоре наверху. Сэм затаился. Дверь закрылась, глухо стукнув, а потом раздался визгливый голос орка.

– Эй, ты! Заткнись, грязная крыса! Брось пищать, а то я поднимусь и покажу тебе! Понятно?

Ответа не было.

– Ладно, – продолжал Снага (а это был именно он), – все равно я поднимусь поглядеть, что ты там делаешь.

Петли скрипнули снова, и Сэм, выглянув из-за угла, увидел свет, мелькнувший в открытой двери, и темный силуэт орка, несущего лестницу. Сэм вдруг догадался: в самую верхнюю комнату вела подъемная дверь в потолке коридора. Снага поставил лестницу, укрепил ее и, поднявшись, исчез из виду. Сэм услышал стук отодвигаемого засова. Потом противный голос заговорил опять:

– Лежи смирно, иначе наплачешься! Думаю, тебе недолго придется жить тут спокойно. А чтобы ты не очень скучал, вот тебе задаток! – Послышался звук, похожий на удар бича.

Сэма охватила бешеная ярость. Он мигом подбежал к лестнице и, как кошка, вскарабкался наверх. Лестница выходила в люк посреди большой круглой камеры. С потолка свисала красная лампа; проем выходившего на запад окна был высоким и темным. На полу под окном кто-то лежал, над ним наклонилась

черная фигура орка. Бич поднялся снова, но удара не последовало.

Сэм с криком прыгнул вперед и взмахнул Шершнем. Орк быстро обернулся, но не успел и двинуться, как Сэм отрубил ему лапу с бичом. Взвыв от боли и страха, орк кинулся на него. Второй удар Сэма не достиг цели, и, потеряв равновесие, он упал вместе с налетевшим на него орком. Еще не успев подняться, он услышал вопль и глухой стук: орк зацепился за выступающий конец лестницы и рухнул в открытый люк. Сэм тут же забыл о нем. Он бросился к лежащему под окном. Это был Фродо.

Он был без сознания. Голый, на груде грязного тряпья, рука прикрывала голову, а на боку виднелся красный рубец от удара бичом.

– Фродо! Фродо, милый друг! – вскричал Сэм, обливаясь слезами. – Это я, Сэм! Я пришел! – Он приподнял тело и прижал к груди. Фродо открыл глаза.

– Опять сон? – чуть слышно пробормотал он. – Но другие сны были страшные...

– Нет, не сон! – всхлипывал Сэм. – Это я, настоящий. Я пришел!

– Мне не верится, – прошептал Фродо, крепко ухватившись за него. – Только что был орк с бичом, а вдруг он превратился в Сэма... Значит, мне не приснилось, когда я слышал твое пение внизу и хотел ответить? Это был ты?

– Конечно, я. Я уже потерял надежду. Я никак не мог найти вход сюда

– Ну, вот, теперь нашел; Сэм, милый, – произнес Фродо и улегся в заботливых объятиях Сэма, закрыв глаза, как ребенок, ночные страхи которого развеяны любимым голосом или прикосновением.

Сэм чувствовал, что может так сидеть бесконечно, в полном блаженстве, но это было невозможно. Найти друга мало, нужно еще спасти его. Он поцеловал Фродо в лоб.

– Очнитесь, Фродо! – прошептал он, стараясь говорить так же весело, как бывало на Сумкиной Горке, когда он распахивал окно летним утром.

Фродо вздохнул, открыл глаза и сел.

– Где мы? Как я попал сюда?

– Некогда рассказывать, надо уходить скорее, – волнуясь, сказал Сэм. – Мы на вершине башни, той самой, которую

7 Заказ 2512

видели от подземного хода. Потом орки схватили вас... я не знаю, когда? Может, вчера, а может, позавчера...

– Вчера? – переспросил Фродо. – А мне кажется, прошли уже недели. Что-то ранило меня, верно? И я спал, и видел страшные сны, а потом проснулся, – а действительность еще страшнее. Везде орки. Кажется, они лили мне в горло какое-то отвратительное питье. Я был слабый, и было больно... Они раздели меня, а потом два огромных, страшных, стали допрашивать, и допрашивали пока я не почувствовал, что схожу с ума. Они стояли надо мной и рычали, и хватались за кинжалы. Никогда не забуду их когтей!

– Не забудете, если будете вспоминать, – сказал Сэм. – Но если мы не хотим снова увидеться с ними, надо уходить. Можете вы идти?

– Да, могу, – ответил Фродо, медленно вставая. – Я не ранен, Сэм. Только очень устал и вот здесь больно. – Он прикоснулся к шее сзади, у левого плеча. Сэму показалось, что Фродо одет в пламя: лампа, свисавшая сверху, заливала его обнаженное тело алым светом.

– Вот так лучше, – сказал Фродо, неуверенно пройдясь по камере. – Я боялся двигаться, пока был один. А потом начались крики, драка. Кажется, они перессорились из-за меня и моих вещей. Я испугался и лежал совсем тихо. А когда все кончилось, стало еще страшнее.

– Да, похоже, они передрались; их было здесь сотни две, этих мерзких тварей. Пожалуй, многовато для меня одного! Но они сами управились. Это, конечно, хорошо, но уходить все-таки надо, и побыстрее. Только не нагишом же вам идти...

– Они все отняли у меня, Сэм, – с отчаянием произнес Фродо. – Все, ты понимаешь? *Все*! – Он снова опустился на пол, поникнув, словно только сейчас понял всю глубину постигшего его несчастья. – Мы разбиты, Сэм. Даже если мы выйдем отсюда, нам не спастись. Да и незачем спасаться. Может, эльфам еще удастся уйти за Море...

– Нет, Фродо, нет, мы еще не разбиты! Я взял Его у вас, простите меня. Но я Его сберег. Вот Оно, здесь, на шее, и Оно ужасно тяжелое. – Сэм нащупал на груди цепочку Кольца. – Но теперь, я думаю, вы возьмете Его обратно.

– Оно у тебя?! – вскричал Фродо. – У тебя, здесь? Сэм, ты – чудо! – Но вдруг его голос мгновенно и страшно изме-

нился. – Отдай! – крикнул он, вскочив и протянув дрожащую руку. – Отдай сейчас же! Тебе нельзя Его трогать!

– Хорошо, Фродо, – ответил удивленный и испуганный Сэм. – Вот Оно. – Он медленно достал Кольцо и снял с шеи цепочку. – Мы теперь в Мордоре. Когда вы выйдете отсюда, то увидите – Ородруин совсем близко. Кольцо стало трижды опасным и очень тяжелым. Если вам будет слишком трудно с Ним, может, я помогу... то есть я ведь могу... если вы понимаете, что я хочу сказать.

– Нет, нет! – вскричал Фродо, выхватывая у Сэма из рук Кольцо. – Нельзя! Ты – вор! – Он задыхался, не сводя с Сэма испуганных и злобных глаз. Потом вдруг стиснул Кольцо в кулаке и побледнел. Взгляд у него прояснился, и он провел рукой по лбу. Опять он принял страшное видение за действительность: у него на глазах Сэм превратился в орка, в гнусное существо с алчным взглядом и истекающим пеной ртом, протягивающее лапы к его сокровищу. Но видение тут же исчезло. Перед ним на коленях стоял Сэм с глазами, полными слез, с такой мукой на лице, словно его смертельно ранили.

– О, Сэм! Что я сказал? Что я сделал? Прости меня! После всего, что ты совершил... Это Кольцо! Оно виновато! Лучше бы Его никто никогда не находил! Ладно, не бойся за меня, Сэм! Я должен нести свое бремя до конца, мне нельзя делить его ни с кем. Не надо становиться между мной и моей судьбой.

– Хорошо, Фродо, – всхлипнул Сэм, утирая глаза рукавом. – Я понимаю, но ведь я все-таки могу помочь, правда? Могу вывести вас отсюда... прямо сейчас же. Только сначала нужно достать одежду, оружие и еду. С одеждой – это просто. Раз мы в Мордоре, то и одеваться должны по-мордорски, все равно другого выбора нет. Боюсь, вам придется переодеться орком. Да и мне тоже. Если мы пойдем вместе, нам же легче будет. А пока наденьте вот это.

Он расстегнул свой серый плащ и накинул его на плечи Фродо. Потом снял сумку и положил на пол, достал из ножен Шершень: лезвие по краям слабо отсвечивало.

– Я и забыл, Фродо. Нет, они не все отняли у вас. Вот и Шершень, вы сами мне его отдали, если помните, и склянка из Лориена. Но пусть побудут у меня еще некоторое время.

Я пойду, поищу, что смогу. А вы оставайтесь здесь. Походите немного, чтобы размяться. Я скоро вернусь.

– Ты поосторожнее, Сэм, – заботливо предупредил Фродо, – и недолго. Здесь могут быть еще и живые орки...

– Придется рискнуть, – ответил Сэм. Он шагнул к открытой двери и мигом спустился по лестнице. Однако через минуту его голова появилась снова, и он бросил на пол длинный кинжал.

– Пригодится, – сказал он. – Это – того орка, что ударил вас; он сломал себе шею. И, вот что, втащите-ка лестницу наверх, и не опускайте, пока не услышите моего пароля *«Элберет»*. Ни один орк не сможет произнести этого слова.

Некоторое время Фродо сидел дрожа, и в душе у него одни страхи сменялись другими. Потом он встал, закутался в эльфийский плащ и начал расхаживать взад и вперед по своей темнице.

Прошло много времени, Фродо показалось – не меньше часа, и голос Сэма тихонько окликнул снизу:

– *Элберет*!

Фродо спустил лестницу, и Сэм, отдуваясь, поднялся наверх, неся на голове тяжелый тюк.

– Теперь быстро, Фродо, – произнес он. – Это должно подойти нам. Я не встретил никого живого, но мне что-то беспокойно. Такое чувство, что за этим местом следят. Не могу объяснить вам, ну, вроде как тут летает один из этих Черных Всадников, высоко летает, нам его не видать, а все-таки он тут.

Сэм развернул тюк. Фродо посмотрел на вещи с отвращением, но выбора не было: либо одеваться, либо оставаться голым. Он надел лохматые штаны из какого-то грязного меха и грязную кожаную рубашку, поверх натянул плотную кольчугу и подпоясал ее поясом с коротким широким мечом. Сэм принес несколько шлемов, и Фродо выбрал один – черный колпак с железным, обшитым кожей ободком. На клювоподобном забрале был изображен знак Ока.

– Одежда моргульских орков из отряда Горбага была бы удобнее, – заметил Сэм, – но кажется, их знаки в Мордоре не годятся, особенно после здешней стычки. Ну, вот, Фродо прекрасный невысокий орк из вас получился! Если бы еще закрыть лицо и вытянуть руки подлиннее, да ходить на

кривых ногах – было бы совсем хорошо. Вот это прикроет недостатки – Он накинул Фродо на плечи длинный черный плащ. – Готово! А щиты возьмем, когда выйдем отсюда.

– А ты, Сэм? – спросил Фродо. – Мы же должны выглядеть одинаково.

– Хорошо бы, коли так, – отозвался Сэм. – Но мне лучше не оставлять здесь ничего из своих вещей, а как их уничтожишь? Оркову кольчугу поверх всей моей одежды не надеть. Остается только прикрыть с[illegible]

Он опустился на колени и [illegible]тельно свернул свой серый плащ. Получился на удивление [illegible]нький сверток, который он спрятал в сумку. Поднявшись, [illegible] надел шлем, а на плечи накинул другой черный пл[illegible]

– Вот так! Теперь мы с вами достаточно похожи. Можно идти.

– Только знаешь, Сэм, не очень быстро, хорошо? – слабо улыбнулся Фродо. – Неплохо бы еще разузнать насчет попутных трактиров. Ты, видно, забыл, но есть-пить изредка надо, верно?

– Да, признаться, забыл! – Сэм огорченно вздохнул. – Честное слово, Фродо, с тех пор, как вы исчезли, у меня во рту маковой росинки не было. Я забыл обо всем, пока вас искал. Но дайте подумать! Когда я смотрел в последний раз, от припасов Фарамира оставалось еще кое-что. При экономном расходе с неделю продержаться можно. А вот воды у меня во фляжке на глоток, не больше. На двоих не хватит, конечно. Да что, разве орки не едят, не пьют? Или они питаются только дымом да ядом?

– Нет, Сэм, и едят, и пьют. Мрак, из которого они вышли, не может создать ничего поистине нового. Это даже не он породил орков, он только изуродовал тела и души. Если они живут, то и питаться должны, как всякие живые твари. Они не откажутся от гнилой пищи и тухлой воды, но дым все-таки не едят. Они ведь кормили меня. Здесь где-то должна найтись и вода, и пища.

– Но искать их некогда, – торопился Сэм.

– Ладно, сейчас идем. Пока тебя не было, мне тоже повезло кое в чем. Они действительно взяли не все. Я нашел свою сумку с провизией. Они, конечно, рылись в ней, но видно эльфийские лепешки понравились им еще меньше, чем

Горлуму. Они только расшвыряли их, но пропало не так уж много. А вот фляжку пробили, и припасы Фарамира забрали.

– Ну, так и говорить не о чем. Пока нам хватит, вот только с водой трудно придется. Идемте, Фродо! Уйдем отсюда, иначе и целое озеро нам не понадобится.

– Пока ты не съешь хоть кусочек, Сэм, – твердо сказал Фродо, – я не сделаю ни шагу. Вот, съешь эту лепешку и допей все из своей фляжки. Наши дела так плохи, что нет смысла беспокоиться о завтрашнем дне, он, может, и вовсе не наступит.

Наконец, они собрались в путь. Лестницу Сэм убрал и положил в коридоре рядом с трупом орка. На ступенях в башне было темно, но, выйдя на плоскую крышу, они могли еще видеть отсвет Горы, хотя и сильно потускневший. На площадке крыши беглецы выбрали себе по щиту и двинулись дальше.

Они спустились по большой лестнице. Оставшаяся позади камера в башне казалась им сейчас почти уютной. Теперь скрыться было негде, а стены вокруг дышали ужасом. Быть может, в крепости Кирит Унгол и не осталось больше никого живого, но она сама была – воплощенное зло.

Достигнув двери, ведущей во внешний дворик, они остановились. Здесь уже ощущалась злобная воля безмолвных Стражей ворот. Беглецы пробирались между трупами орков, и каждый шаг давался им со все большим трудом. Пришлось остановиться, не доходя до ворот. Продвинуться дальше хоть на дюйм было свыше всяких сил.

Фродо слишком ослабел для подобной борьбы. Он сел.

– Я не могу больше, Сэм. Мне очень плохо. Не знаю, что со мной.

– Зато я знаю, Фродо. Вставайте. Это ворота, а на них – злые чары. Но я вошел, значит и выйти можно. Хуже, чем было, не будет. Ну, идемте!

Сэм снова достал звездный фиал. Словно воздавая честь отваге хоббита, светильник осиял своим великолепием его верную загорелую руку, совершившую столько подвигов. Яркий небесный свет разлился по двору. Все вокруг стало четким и ясным, как при свете затянувшейся молнии.

– *Элберет!* – вскричал Сэм, неожиданно вспомнив встреченных еще в Шире эльфов, отогнавших тогда Черных Всадников.

– *Элберет и Лучиэнь*! – воскликнул и Фродо, шаг в шаг идя за Сэмом.

Воля Стражей исчезла на этот раз так внезапно, словно лопнула струна, и Фродо с Сэмом чуть не повалились на землю. Потом они стремглав ринулись в ворота мимо огромных сидящих изваяний со сверкающими глазами. Раздался треск. Верхний камень свода обрушился им почти на пятки, и стена рухнула, рассыпаясь обломками. Они чудом ускользнули от гибели. Зазвонил колокол, и Стражи разразились пронзительным, жалобным криком. Высоко вверху из мрака послышался ответный крик. С черного неба, как молния, упала крылатая тень, разрывая тучи леденящим душу воплем.

Глава.II

В СТРАНЕ МРАКА

Выбежав из крепости, Сэм снова спрятал склянку у себя на груди.

– Бегом, Фродо! – крикнул он. – Нет, не туда, там обрыв. Сюда, за мной!

Они бежали по дороге, спускавшейся от ворот. Шагов через пятьдесят она круто свернула за один из бастионов, заслонив хоббитов от взглядов крепости. На время они были спасены. Прислонившись к каменной стене, они переводили дыхание и вдруг оба схватились за сердце: на развалинах ворот, словно огромный гриф, сидел назгул. Его вопль повторило эхо.

Беглецы в ужасе поспешили дальше.

Вскоре дорога снова круто свернула к востоку, и на один страшный миг опять стала видна крепость. Метнувшись в сторону, они успели увидеть на стенах огромную черную тень, потом спрыгнули между утесов на тропинку, круто спускавшуюся к моргульской дороге. Орков не было видно, никто не отвечал на крики назгула; но, конечно, тишина не могла длиться долго, и погони было не миновать.

– Так не годится, Сэм, – задыхаясь, сказал Фродо. – Будь мы настоящими орками, нам нужно было бы спешить в крепость, а не прочь от нее. Первый же встречный опознает нас. Нужно уходить с этой дороги.

– Но мы не можем, – чуть не плача отозвался Сэм. – У нас ведь нет крыльев.

Восточные склоны Хмурых Гор обрывались отвесными утесами в темную лощину между хребтами. Недалеко от слияния дорог, после долгого крутого спуска, путь преградила пропасть. Через нее перекинулась каменная арка моста. За ним дорога уходила в сплошной лабиринт утесов и пропастей. Из последних сил Фродо и Сэм кинулись к мосту, но не успели перебежать его, как позади раздались крики и шум. Крепость была уже далеко, ее тускло светившиеся окна чуть виднелись. Там снова ударил хриплый колокол и раскатился оглушительным трезвоном. Затрубили рога. Далеко за мостом им ответили крики. В темной лощине, отрезанные от гаснущих огней Ородруина, Фродо и Сэм ничего не видели впереди, но уже слышали топот железных башмаков, а по дороге дробно щелкали подковы.

– Живо, Сэм, прыгаем! – крикнул Фродо. Они вскочили на низкий парапет моста. Темнота мешала определить глубину.

– Была не была! – крикнул Сэм. – Прощайте, сударь!

Он прыгнул, Фродо тут же прыгнул за ним. Еще во время прыжка они слышали топот всадников по мосту и бегущих за ними орков. Приземлившись, Сэм едва не расхохотался. Хоббиты прыгали в бездонную пропасть, полную острых камней на дне, но, пролетев не больше десяти футов, угодили в то, чего никак не могли ожидать: в густой колючий кустарник. Сэм боялся шевельнуться и сидел тихо, зализывая исцарапанную руку.

Когда шум наверху смолк, он отважился на шепот:

– Честное слово, Фродо, я и не знал, что в Мордоре что-нибудь растет. Но уж если что и должно расти, то

именно такая гадость. Это не колючки, а копья, они прокололи насквозь и плащ и куртку! Жалко, что я без кольчуги!

– Кольчуга тоже не спасает, – ответил Фродо, – и кожаная рубашка...

С большим трудом они выдрались из колючих зарослей. Колючки и ветви были крепкими, как проволока, и цепкими, как когти. Беглецы изодрали плащи, пока освободились.

– Теперь вниз, Сэм, – прошептал Фродо. – Скорее вниз, в долину, а там свернем на север, как только сможем.

Во внешнем мире снова начинался день, и далеко за пределами Мордора на востоке восходило солнце, но здесь было по-прежнему темно, как ночью. Гора погасла. Восточный ветер, дувший с тех пор, как они покинули Итилиен, утих. Медленно, на ощупь, они спускались среди камней и кустов, в кромешной тьме, все ниже и ниже, пока усталость не заставила их остановиться. Тогда они сели рядом, прислонившись спиной к большой каменной глыбе. Сэм вытер пот и сказал:

– Если бы сам Шаграт принес мне стакан воды, я пожал бы ему лапу.

– Не говори так, – остановил его Фродо, – от этого только хуже. – У него закружилась от усталости голова, он лег и некоторое время молчал. Потом с трудом приподнялся и с изумлением увидел, что Сэм спит.

– Проснись, Сэм, – позвал он, – вставай! Нам нужно сделать еще одно усилие.

Сэм с трудом поднялся.

– Ну вот, – пробормотал он, – я, кажется, задремал. Давно уже не спал по-настоящему, вот глаза и закрываются сами собою.

Теперь Фродо шел впереди и, пробираясь среди камней и валунов, густо усеивавших дно долины, пытался не потерять направление на север. Но вдруг он остановился.

– Это бесполезно, Сэм, – произнес он, с трудом переводя дух. – Я не выдержу. Эта кольчуга меня доконает. Даже моя, из *мифрила*, казалась тяжелой, когда я уставал. А эта гораздо тяжелее. И какая от нее польза? С боем мы к цели не прорвемся.

– С боем или без боя, – возразил Сэм, – но есть еще кинжалы и случайные стрелы. И Горлум еще жив. Нельзя, чтобы между вами и ударом из темноты не было ничего, кроме кожаной рубашки.

– Послушай, Сэм, милый, – сказал Фродо, – я устал и больше ни на что не надеюсь. Но все равно буду идти к Горе, пока могу двигаться. С меня хватит одного Кольца. Лишний груз меня доконает. Я знаю, чего тебе стоило найти для меня кольчугу и все остальное, но я не могу больше...

– Ладно, Фродо, не надо. Я бы понес вас... Ладно, бросим эту тяжесть.

Фродо снял плащ, потом кольчугу и отбросил ее подальше. Он дрожал.

– Хорошо бы что-нибудь теплое. Становится холодно, или меня знобит.

– Возьмите мой плащ, Фродо, – предложил Сэм. Он развязал сумку и достал оттуда серый эльфийский плащ. – Подойдет? – спросил он. – А снаружи можно что-нибудь орочье надеть и поясом [illegible] сойдет. Не совсем по здешней моде, но там [illegible], да и надежнее, ну, от вреда всякого – это [illegible] Владычицы плащ.

Фродо оделся.

– Вот это лучше! Теперь я могу идти. Но этот мрак проникает мне в самое сердце! Когда я лежал в темнице, Сэм, то пытался вспомнить Брендидуим, и Залесье, и Водью на мельнице в Хоббитоне. Но сейчас я их не вижу!

– Ну, вот, Фродо, теперь и вы заговорили о воде, – грустно улыбнулся Сэм. – Если бы Галадриэль могла нас слышать, я бы сказал: «С Вашего позволения, нам нужны только свет и вода, они лучше всяких драгоценностей». Но до Лориена далеко. – Он вздохнул и махнул рукой в сторону Хмурых Гор, чьи вершины едва угадывались на стылой черноте небес.

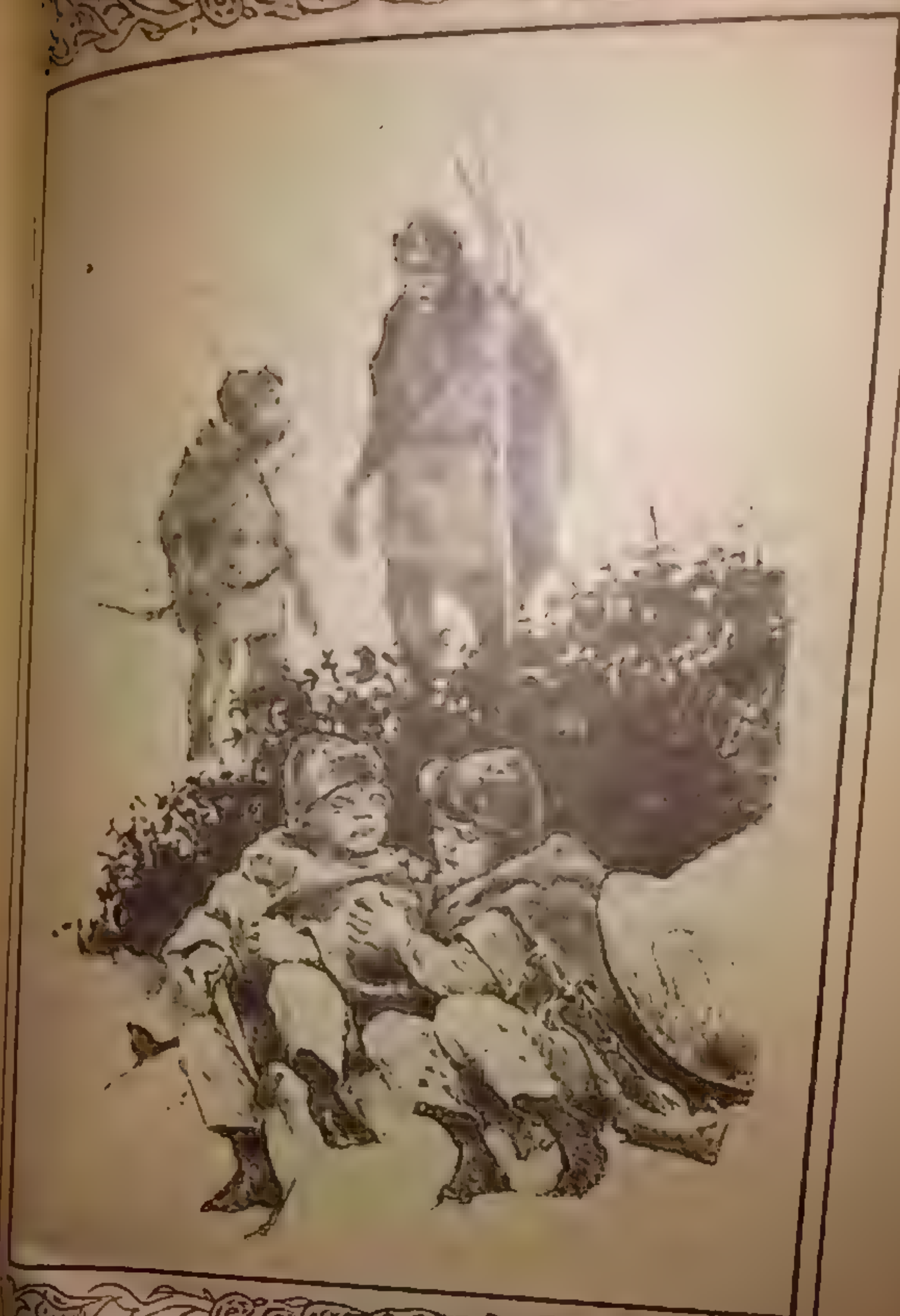
Они снова двинулись в путь, но не успели пройти и нескольких шагов, как Фродо остановился.

– Над нами Черный Всадник, – прошептал он. – Я его чувствую. Лучше переждать.

Притаившись за большим камнем, они настороженно посматривали на запад. Потом Фродо облегченно вздохнул.

– Улетел!

Они встали и ахнули. Далеко на юге небо серело, черные вершины горного хребта начали проступать все явственнее. Там, позади, разгорался свет, растекаясь к северу. Было похоже, что где-то высоко в небесах шло сражение. Клубящиеся тучи Мордора отступали, их края лохматились и рвались, и ветер



из живого мира гнал их назад к мрачному логову. Из-под складок темного полога в Мордор проник слабый свет, словно бледное утро сквозь пыльное окошко тюрьмы.

– Смотрите, Фродо, – вскричал Сэм, – смотрите! Ветер переменился. Что-то происходит! Не все идет так, как Ему хочется! Его мрак отступает. Хотел бы я знать, в чем тут дело!

Это было утро пятнадцатого дня марта. Над долиной Андуина вставало солнце, дул юго-западный ветер. На Пеленнорской равнине умирал Теоден.

Пока Фродо и Сэм смотрели, светлая полоса распространилась вдоль всех Хмурых Гор, и на ее фоне они увидели черную точку, быстро приближающуюся с запада. Она росла, как молния влетела под мрачный полог туч и пронеслась высоко у них над головами. В небе раздался пронзительный крик назгула. Но этот крик уже не внушал ужаса: в нем были скорбь и отчаяние. Предводитель Рабов Кольца встретил свою судьбу.

– Не говорил ли я? Там что-то происходит, – встревоженно пробормотал Сэм. – «Война идет хорошо», – говорил Шаграт, но Горбаг сомневался. И, пожалуй, был прав. По-моему, все не так уж плохо, а, Фродо? Может быть, надежда все-таки есть...

– Вряд ли, Сэм, – вздохнул Фродо. – Это за горами, далеко. К тому же мы идем на восток, а не на запад. Я устал, я так устал! И Кольцо все тяжелее, Сэм. Я все время вижу Его мысленно. Оно как огромное огненное колесо.

Оживление Сэма пропало. Он обеспокоенно взглянул на друга и взял его за руку.

– Смелее, Фродо! – сказал он. – Я вот уже получил, что хотел: немного света. Этого довольно, чтобы помочь нам, вот только не было бы это опасно! Давайте пройдем еще немного, а потом устроим привал. Но сейчас съешьте хоть что-нибудь, ну, хоть кусочек лепешки, это вас подкрепит.

Поделив лепешку и стараясь помедленнее жевать ее, они пошли дальше. Хотя света было не больше, чем в серые сумерки, его все же хватало, чтобы видеть глубокую лощину, по которой они брели. Она отлого поднималась к северу. Ее дно было руслом высохшего потока. За ним виднелась тропа, извивавшаяся вдоль подножья западных утесов. Знай они про нее, давно могли бы идти по ровной земле. Отделившись от главной моргульской дороги у западного края моста, тропа длинной лестницей спускалась ко дну ущелья.

дозорные и гонцы пользовались этим удобным путем, проходя от лагерей Кирит Унгол до Изенмоута, железных челюстей Карах Ангрена.

Для хоббитов тропа была опасна, но выбора не было. Нужно было спешить, а Фродо чувствовал, что не сможет больше карабкаться между каменными глыбами по бездорожью. Он считал, что именно в северном направлении преследователи меньше всего будут искать их. На дороге к востоку, на равнине или на перевале, на западе - вот где их будут искать. Только уйдя далеко на север от крепости, он рассчитывал свернуть и искать дорогу на восток, к последнему страшному этапу пути. Итак, они перешли каменистое русло, вышли на тропу и некоторое время шли по ней. Утесы слева нависали у них над головой, прикрывая от взгляда сверху, но тропа делала множество поворотов, и за каждым могла поджидать опасность.

Света не прибавлялось, потому что Ородруин продолжал извергать тучи дыма. Уносимый ветрами, дым поднимался все выше, пока не достигал спокойного воздуха и не растекался огромным шатром. Они брели уже больше часа, когда услышали звук, заставивший их остановиться. Невероятно, но где-то рядом журчала вода! Из расщелины слева текла струйка – последние остатки какого-то сладостного дождя, рожденного озаренными солнцем морями, но обреченного пролиться над Черной Страной и теперь бесплодно стекающего в придорожную пыль. Вода сочилась из скалы, пересекала тропу и быстро исчезала среди мертвых камней.

Сэм кинулся к ней.

– Если я увижу Галадриэль снова, я скажу ей! – вскричал он. – Свет, а теперь и вода! – Тут он остановился. – Дайте мне попить первому, Фродо.

– Пей. Но ведь здесь хватит обоим...

– Да я не о том, – возразил Сэм. – Я думал, если она ядовитая или еще что-нибудь такое, то лучше пусть буду я, если вы понимаете, про что я говорю.

– Понимаю, – как-то задумчиво кивнул Фродо. – Но, знаешь, Сэм, по-моему, нам вполне можно положиться на удачу или благословение.

Вода была холодная, но не ледяная, и вкус у нее был неприятный, горький и маслянистый одновременно. Сэм обязательно так и сказал бы, будь он дома. Но здесь это

была прекрасная вода. Они напились вдоволь, и Сэм еще наполнил фляжку. После этого Фродо почувствовал себя лучше, и они прошли еще несколько миль, пока дорога не стала шире. По краям появилась грубая ограда, значит, неподалеку была еще одна крепость.

– Вот здесь мы свернем, Сэм, – сказал Фродо, – и свернем на восток. – Он вздохнул, глядя на мрачный гребень по ту сторону долины. – Я очень устал. Надо поискать укрытие.

Ручей был теперь ниже тропы. Переходя его, они с удивлением увидели множество мелких прудов, питаемых откуда-то сверху. По внешнему краю, вдоль западных гор, Мордор был умирающей страной, но он еще не умер. Здесь попадались даже кое-какие растения, жесткие, искривленные, горькие, отчаянно боровшиеся за жизнь. На склонах Моргэй, по ту сторону долины, цепляясь за камни низкорослые, похожие на кустарник деревья, между камней пробивались пучки жесткой травы, по камням стлался тощий мох, и повсюду, где только можно, извивались колючие спутанные лозы. Одни были вооружены длинными острыми колючками, другие – зазубренными шипами, резавшими как ножи. На них висели выцветшие сморщенные прошлогодние листья, изъеденные гусеницами почки только-только раскрывались. Жужжали и кусались мухи, бурые, серые и черные. У них было красное, наподобие глаза, пятно на крыльях, как на плащах у орков. Над зарослями колючек висели тучи голодных комаров.

– Одежды орков мало, – ворчал, отмахиваясь, Сэм. – Лучше бы у меня была их шкура.

Наконец, Фродо остановился, так и не дойдя до седловины хребта.

– Мне надо отдохнуть, Сэм, – еле выговорил он, – и поспать, если смогу. – Он огляделся, но никакой зверь не посмел бы забраться в эту унылую местность. Усталые донельзя, они заползли под куст колючих лоз, свисавших с выступа камня, словно циновка.

Надо было поесть. Сберегая драгоценные лепешки на черный день, они съели половину оставшихся фарамировых припасов: несколько сушеных плодов и кусочек вяленого мяса, и выпили немного воды. По пути они пили из черных луж в долине, но сейчас жажда опять мучила их. В воздухе Мордора стояла какая-то горечь, она иссушала рот. Сэму

даже думать о воде было страшно, потому что впереди их ждала еще ужасная Горгоратская равнина.

– Спите вы, Фродо, – сказал он. – Темнеет опять. Кажется, день уже кончается.

Фродо вздохнул и уснул, едва дослушав эти слова. Сэм с трудом боролся с усталостью. Он взял Фродо за руку и тихо сидел так до глубокой темноты, а тогда, чтобы не уснуть, выполз из укрытия и огляделся.

Вокруг что-то трещало, шуршало и шелестело, но ни голосов, ни шагов не было слышно. Далеко на западе над Хмурыми Горами ночное небо казалось тусклым и бледным. Потом в разрыве туч над темной горной цепью Сэм увидел мерцающую белую звезду. Ее красота пронзила его, и в этой проклятой стране он почувствовал крепнущую в сердце надежду. Ибо подобно молнии сверкнула в нем мысль о том, [illegible] Мрак, в конце концов, не вечен и что есть в мире свет что [illegible]сота, до которых никакому Мраку не добраться. В и крас[illegible] он пел с отчаяния, потому что думал о себе, а в крепости [illegible]ная судьба и даже судьба Фродо перестали этот миг собствен[illegible]полз обратно в укрытие, улегся рядом его тревожить. Он за[illegible]ыв о ночных страхах, по[illegible] со своим другом и, за[illegible]грузился в глубокий сон.

Они проснулись вместе, держась за руки. Сэм чувствовал себя бодрым и готовым к новому дню, но Фродо был печален. Спал он неспокойно, сном, полным огненных видений, и пробуждение не радовало его, но все же Фродо чувствовал себя сильнее и мог дальше нести свое бремя. Они не знали, сколько времени проспали и где сейчас солнце, но, подкрепившись и выпив воды, полезли вверх по склону. Вскоре он кончился каменистой осыпью. Тут последние живые создания отказались бороться, вершины вокруг были бесплодными и сухими, как черепица.

После долгих блужданий и поисков они отыскали путь наверх и последнюю сотню футов ползли на четвереньках. Пройдя по расщелине меж двух черных утесов, они оказались на самом краю последней ограды Мордора. Внизу, у подножья обрыва метров в полтораста, широко раскинулась Горгоратская равнина, терявшаяся в сумрачной дали. Ветер теперь дул с запада и нес тучи на восток. По земле стлался дым, скапливался во впадинах, курился из трещин в почве.

Еще дальше, милях в сорока, вздымался Ородруин — с подножием, утонувшим в пепле, с вершиной, окутанной тучами. Страшная Гора дремала, грозная и опасная, как спящее чудовище. Позади ее клубилась зловещая тень, и в этой тени укрывался Барад Дур, вросший в отрог Пепельных Гор. Темная Сила глубоко задумалась, и ее Око обратилось вовнутрь, созерцая видения, гнетущие сомнениями и страхом. Ей виделся сверкающий меч и суровый, царственный лик, все остальное на некоторое время стало неважным. Твердыня Зла со всеми своими башнями и воротами окутались угрюмым сумраком.

Фродо и Сэм смотрели на эту проклятую страну со смешанным чувством ненависти и удивления. Между ними и дымящейся Горой простиралась выжженная голая пустыня. Было совершенно непонятно, как Владыка этой страны кормит и одевает свои войска и рабов. А войска у него были. На сколько хватало глаз, по склонам и дальше к югу виднелись лагеря, то палаточные, то похожие на маленькие крепости. Один из самых крупных был прямо под ними — огромный муравейник с прямыми рядами хижин и длинных, низких, унылых домов. Лагерь и его окрестности кишели народом; широкая дорога отходила на юго-восток, сливаясь с дорогой на Моргул, и по ней сновало множество крошечных черных фигурок.

— Мне этот вид совсем не нравится, — проворчал Сэм. — Довольно безнадежно, если не считать, что там, где так много народу, должна быть и вода, не говоря уже о пище. И это все люди, а не орки, если меня глаза не обманывают.

Ни он, ни Фродо ничего не знали об обширных, возделываемых рабами полях на юге страны, за пределами дымов Ородруина, у темных, печальных вод озера Нурнон, не знали они и о больших дорогах, идущих на восток и на юг, в подчиненные страны. По этим дорогам воины гнали длинные караваны с припасами, добычей и новыми рабами. Здесь, в северных областях, были рудники и кузницы, здесь скапливались запасы для давно задуманной войны, и здесь Темный Владыка, двигая свои армии, как пешки на доске, собирал и стягивал их для предстоящих ударов. Его первые ходы, первые пробы его мощи были отбиты на западной границе, сейчас он созывал новые силы, стягивая их к крепости Кирит Горгор для нового удара. Если бы ему даже пришла на ум мысль защищать Гору от кого бы то ни было, едва ли он смог бы сделать больше.

– Ну, вот, – продолжал Сэм, – если у них там и есть запасы, вряд ли они с нами поделятся. Спуска здесь нет, насколько я вижу. Да и зачем спускаться? Все равно нам не перейти равнину, разве что по головам этих татей.

– Попытаться все-таки нужно, – ответил Фродо. – Это не самое худшее. Я никогда не надеялся, что мне удастся пересечь равнину, не вижу никакой надежды и сейчас, но сделаю все, что смогу. Главное – не дать больше захватить себя. Пойдем дальше на север, посмотрим, не сужается ли равнина где-нибудь.

– Я догадываюсь, на что это будет похоже, – заметил Сэм. – Где она поуже, там и людей, и орков будет еще больше. Вот увидите!

– Увижу, если доберусь туда, – ответил Фродо и отвернулся.

Идти по самому гребню было невозможно. Им пришлось спуститься и искать путь понизу. Через некоторое время в котловине открылся лагерь орков: стена и несколько каменных сараев, а рядом – пещера. Не было заметно никакого движения, но хоббиты пробирались осторожно, укрываясь в колючем кустарнике, густо разросшемся здесь по берегам сухого потока.

Они прошли так еще три или четыре мили, и лагерь уже скрылся из вида, но не успели они вздохнуть свободнее, как услышали громкие резкие голоса. Беглецы быстро нырнули за бурый раскоряченный куст и притаились там. Голоса приблизились, и хоббиты увидели двух орков. Один был одет в коричневые лохмотья и вооружен луком; он был мал ростом, темнокож, с широкими, шумно дышащими ноздрями, наверное, из проводников-разведчиков. Другой – огромный воин, вроде тех, какие были в отряде Шаграта. На плаще он носил знак Красного Ока, за плечами тоже имел лук, в руке – короткое копье с широким лезвием. Как обычно, орки ссорились. Будучи разноплеменными, они говорили на Всеобщем языке, каждый со своим акцентом.

Не доходя шагов двадцати до спрятавшихся хоббитов, меньший из орков остановился.

– Арр, – прорычал он. – Я иду домой. Хватит обдирать нос о камни. Никаких следов не осталось. Говорю тебе, они ушли в холмы, а не в долину.

– Никакой пользы от вас, ищеек, – сказал большой орк. – Я больше поверю своим глазам, чем твоему грязному носу.

– Ну и много ты ими увидел? – проворчал первый. – Гарр! Ты даже не знаешь, что искать!

– А кто виноват? Только не я. Так мне сказали сверху. Сначала сказали, что это великий эльф в блестящих доспехах, потом – что какой-то маленький человечек, потом скажут, что стадо бешеных урук-хайев, а может, все вместе.

– Аррр! – насмешливо фыркнул следопыт. – Они там потеряли головы, вот что! А кое-кто может поплатиться своей шкурой, если верить слухам: крепость разгромлена, сотни ваших перебиты, а пленник бежал. Если так идут дела у вас, воинов, то не удивительно, что о битвах приходят дурные вести.

– Кто сказал «дурные вести»? – возмутился воин.

– Аррр! А кто сказал, что нет?

– Твои слова – подлая измена, я тебя задушу, если ты не закроешь пасть, понял?

– Ладно, ладно. Я не скажу больше ни слова, но думать-то ты мне не запретишь. Слушай, а при чем тут эта черная тварь, этот болтун с длинными руками?

– Почем я знаю? Может, и ни при чем. От него одна морока, только разнюхивает везде, чтоб он сдох! Когда он крутился здесь, то только мешал всем, а как пропал – сразу понадобился, живым и срочно.

– Я бы с ним расправился по-своему, – проворчал разведчик. – Он только запутал следы и истоптал всю землю кругом, когда нашел кольчугу. Я пришел уже после.

– Кольчуга спасла ему жизнь, – заметил воин. – Я еще не знал, что его ищут, и пустил в него стрелу с полусотни шагов, прямо в спину, но он убежал.

– Гарр! Промахнулся! – обидно ощерился маленький. – Сначала ты стреляешь не туда, потом бежишь слишком медленно, а потом посылаешь за нами. Надоел ты мне! – Он заковылял в сторону лагеря.

– А ну, вернись! – крикнул воин. – Вернись, или я донесу на тебя!

– Кому? Твоему драгоценному Шаграту? Он больше не начальник.

– Я сообщу твое имя и номер назгулу! – прошипел воин. – Начальником в крепости сейчас один из них.

Маленький орк остановился, в голосе у него послышались страх и злоба.

– У, проклятый разбойник! – вскричал он. – Сам толком ничего не умеешь и еще грозишься! Убирайся к своим грязным крикунам, и пусть они сдерут тебе мясо с костей, если только враги не расправятся раньше с ними! С одним-то они уже покончили, как я слышал. Надеюсь, что это правда!

Огромный орк прыгнул к нему, замахнувшись копьем. Но разведчик, припав на колено, пустил стрелу ему прямо в глаз, и воин с шумом рухнул. Стрелок кинулся бежать и вскоре исчез.

Некоторое время хоббиты сидели молча. Потом Сэм шевельнулся.

– Ну, что хорошо, то хорошо, – сказал он. – Если бы такие мир да любовь были по всему Мордору, почитай, полдела сделано.

– Тише, Сэм, – прошептал Фродо. – Тут могут быть и другие. Мы едва ускользнули, видно, за нами гонятся усерднее, чем я думал. Да, Сэм, таков дух Мордора и, думаю, таков он везде. Говорят, что орки всегда грызутся между собой. Но надеяться только на это нечего. Нас они ненавидят гораздо сильнее, чем друг друга. Если бы эти двое увидели нас, то сразу поладили бы.

Они помолчали. Потом Сэм прошептал:

– Вы слышали, что они говорили об «этом болтуне»? Помните, я говорил вам, что Горлум жив?

– Да, помню. Мне кажется, нам лучше не двигаться отсюда, пока хорошенько не стемнеет. Расскажи-ка, с чего ты взял, что Горлум жив? Только говори, пожалуйста, потише.

– Попробую, – сказал Сэм, – но когда я думаю об этой вонючке, мне трудно не кричать.

Хоббиты просидели под колючим кустом, пока бледный свет Мордора медленно тускнел и превращался в темную беззвездную ночь, и Сэм рассказывал своему другу на ухо все, что мог уложить в слова: о предательстве Горлума, об ужасной Шелоб, о своих приключениях среди орков. Когда он кончил, Фродо только молча взял его руку и крепко пожал. Потом он расправил затекшие ноги.

– Кажется, теперь можно идти дальше, – сказал он. – Интересно, далеко ли мы убредем, пока нас поймают по-настоящему и все наши труды и мучения пойдут прахом? – Он встал. – Уже темно. Я уж тебя попрошу, Сэм, побереги для меня подарок

Галадриэль и дальше, а то мне и положить-то его некуда, не в руках же держать. А вот Шершень я дарю тебе. У меня есть орковский меч, но он вряд ли мне понадобится.

Это был трудный и опасный путь, во тьме и без дороги, но час за часом оба хоббита медленно, спотыкаясь, брели по каменной лощине к северу. Когда над западными вершинами забрезжил серый свет, уже после того, как во всем мире наступил день, они снова нашли укрытие и поспали по очереди. В часы дежурства Сэма мучила мысль о еде. Наконец, когда и Фродо, проснувшись, заговорил о том же, Сэм не выдержал:

– Далеко нам еще, Фродо?

– Понятия не имею, Сэм. Я смотрел карту Мордора перед выходом из Дольна, но она была составлена еще до возвращения Врага, да к тому же я ее плохо помню. Где-то на севере есть место, где отроги смыкаются. Это примерно лигах в двадцати от моста у крепости. Но когда мы туда попадем, то будем от Горы дальше, чем сейчас, милях в шестидесяти, я думаю. От моста мы прошли лиг двенадцать. Если так пойдет дальше, к Ородруину мы доберемся через неделю. Кольцо становится все тяжелее, боюсь, у самой Горы я буду еле ползти.

Сэм вздохнул.

– Неделя... Этого я и боялся. Не говоря уж о воде, нам придется или есть меньше, или двигаться побыстрее. Еще один привал – и останутся только эльфийские лепешки.

– Я постараюсь побыстрее, Сэм, – проникновенно сказал Фродо. – Ну, вставай, пойдем.

Было еще не совсем темно. Они побрели дальше. Много часов они шли, спотыкаясь, с несколькими короткими передышками. Когда на краю мрачного небосвода появились первые признаки рассвета, они снова забрались в темную впадину под выступом утеса.

Светлело, и светлело не в пример предыдущим дням быстро. Сильный западный ветер высоко вверху разгонял мордорские тучи. Вскоре хоббиты уже могли видеть местность на несколько миль вперед.

Лощина все время сужалась, пока не превратилась выступ вдоль крутого склона Хмурых Гор, но к востоку она обрывалась к Горгоратской равнине все так же отвесно. Ручеек пропадал спереди среди каменных уступов. Здесь от главного хребта отходил каменистый гребень, тянувшийся на восток как стена.

От туманно-серого северного хребта Пепельных Гор навстречу ему выходил другой, длинный и зубчатый, а между их концами оставался узкий промежуток – теснина Карах Ангрена, за которой лежала глубокая долина Удун. В этой впадине за Моранноном находились подземные ходы и глубокие арсеналы, устроенные слугами Мордора для обороны Черных Ворот, и здесь теперь их Владыка поспешно собирал крупные силы для отражения удара Вождей Запада. На горных отрогах высились угрюмые башни, и горели сигнальные огни, а теснину перегораживал высокий земляной вал с единственным узким проходом.

В нескольких милях севернее, там, где от главного хребта отходил западный отрог, стоял старинный замок Дуртанг, ныне одна из множества крепостей орков вокруг Удунской долины. От него уже ясно видимая дорога сворачивала к востоку и по карнизу в склоне отрога спускалась на равнину к Изенмоуту.

Чем яснее виделись окрестности хоббитам, тем быстрее угасала надежда в их сердцах. Все усилия были напрасны. Мрачная и дымная равнина казалась безжизненной, но вся она находилась под неослабным наблюдением крепостей Карах Ангрена.

– Это тупик, Сэм, – прошептал Фродо. – Ты видишь, дорога к крепости единственная. И обойти ее никак нельзя.

– Значит, пойдем по дороге, – просто ответил Сэм. – Попытаем счастья, если только оно водится в Мордоре. Вы же сами говорили, сударь, все равно – сдадимся ли мы сейчас, или побродим еще немного, или и вовсе вернемся обратно. Припасов-то нам, все одно, не хватит. Значит, придется их добывать.

– Хорошо, Сэм, – с трудом произнес Фродо. – Если у тебя еще осталась надежда, веди меня. Я больше не могу. Буду плестись вслед за тобою.

– Прежде чем плестись, вам нужно поесть и отдохнуть, пока можно.

Сэм дал другу одну эльфийскую лепешку и воды, а потом подложил ему под голову свернутый плащ. Фродо тут же уснул. Сэм не стал говорить, что вода была последней, он просто сидел, прислушиваясь к дыханию спящего. У него прихватило горло от жалости – так исхудал Фродо. Во сне недавно появившиеся морщины разгладились, лицо стало спокойным и мужественным.

– Вы уж простите, сударь, – прошептал Сэм, – но мне придется уйти. Без воды нам с вами здесь делать и вовсе нечего.

С необычайной даже для хоббита осторожностью переползая от камня к камню, он спустился к сухому руслу и некоторое время шел по нему вверх, пока не достиг каменистых уступов, где некогда ручей сбегал маленьким водопадом. Теперь все было высохшим и безмолвным, но Сэм не хотел сдаваться. Он припал к земле, прислушался и с восторгом уловил журчащий звук. Поднявшись еще выше, он разыскал тонкую струйку темной воды: вытекая между камней, она наполняла небольшую впадинку, переливаясь через край, и вскоре снова исчезала среди каменной осыпи.

Сэм попробовал воду, она оказалась хорошей. Тогда он напился вволю, наполнил фляжку и начал было обратный путь, но тут же замер. Между камней, там, где было их убежище, он уловил мелькнувшую черную тень. Это было только какое-то движение, но у него уже не осталось сомнений. Он слишком хорошо знал эту робкую повадку.

– Мне пока еще везет, – пробормотал Сэм, – но не так, чтобы очень. Мало нам тысяч орков, так тут еще шныряет эта дрянная тварь. А я-то надеялся, что его пристукнули.

Остаток дня он просидел рядом с Фродо, не смея задремать даже на минуту. Только почувствовав, что глаза у него совсем слипаются, он осторожно разбудил друга.

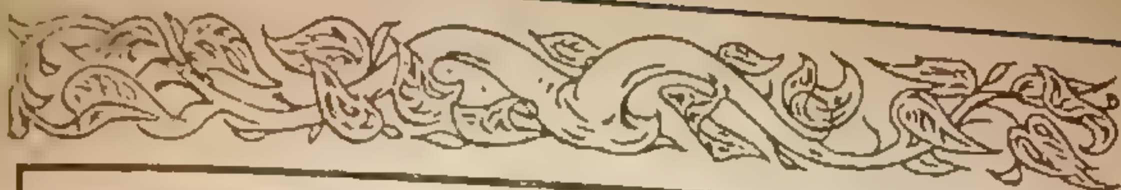
– Горлум опять здесь, Фродо, – сказал он – А если не Горлум, так значит их двое. Я уходил искать воды и увидел, как он шныряет тут. Нам нельзя спать вдвоем, но у меня уже глаза не открываются.

– Спасибо, Сэм, – ответил Фродо, – ложись и спи. Но по-моему, уж лучше Горлум, чем орки. Во всяком случае, он нас не выдаст; не выдаст, пока его не поймают.

– Но он и сам умеет убивать и грабить, – проворчал Сэм. – Надо быть осторожным. Фляжка полна. Пейте, не надо жалеть, по дороге еще наберем. – С этими словами Сэм уснул.

Когда он проснулся, день угасал. Фродо сидел, прислонившись спиной к утесу, и спал. Фляжка была пуста. Горлума и духу не было.

В мордорских сумерках сторожевые посты на горах пылали ярким красным пламенем. Для хоббитов началась самая опасная часть пути. Они достигли источника, а потом, осторожно



пробравшись наверх, подошли к дороге там, где она сворачивала на восток к Изенмоуту. До него оставалось миль двадцать. Дорога была не широкая, и чем дальше, тем глубже становился обрыв у ее края. Хоббиты прислушались, не услышали ничего подозрительного и направились на восток.

Пройдя миль двенадцать, они остановились. Незадолго до этого места дорога сделала небольшой изгиб, и пройденный ими участок уже скрылся из виду. Это оказалось роковым. После нескольких минут отдыха они двинулись дальше, но почти тотчас же услышали звук, который все время боялись услышать: топот множества шаркающих ног. Он был еще довольно далеко, но, обернувшись, они увидели за поворотом отблеск факелов, движущихся слишком быстро, чтобы убежать от них вперед по дороге.

– Я этого и боялся, Сэм, – сказал Фродо. – Мы доверились удаче, и она обманула нас. Мы сами залезли в ловушку. – Он с отчаянием взглянул на отвесную стену, обтесанную древними строителями до высоты в тридцать фатомов, потом перебежал дорогу и заглянул в черную пропасть. – Это конец, – выдохнул он и, опустившись наземь возле скалистой стены, поник головой.

– Похоже на то, – отозвался Сэм. – Ну что ж, поживем – увидим, как говаривал мой старик. – С этими словами он сел на землю рядом с Фродо.

Ждать пришлось недолго. Орки шли быстро. В передних рядах несли факелы. Сэм тоже наклонил голову, надеясь скрыть лицо, когда факелы поравняются с ними, а щиты поставил перед коленями, прикрывая ноги.

«Хорошо бы они спешили и оставили двух усталых воинов в покое, да и шли бы себе дальше», – подумал он. Какое-то время казалось, что им повезет и на этот раз. Передние ряды прошли мимо, спотыкаясь, тяжело дыша, не поднимая голов. Это были низкорослые племена, против воли согнанные в войска Владыки; они хотели только одного – закончить переход и не попасть под бич. Вдоль колонны сновали два огромных свирепых урука, щелкая бичами и криком подгоняя отряд. Ряд за рядом проходила колонна, и зловещие факелы ушли уже далеко вперед. Сэм затаил дыхание. Уже больше половины колонны прошло. Но тут один из надсмотрщиков заметил две тени у края дороги. Он щелкнул бичом и крикнул

им: «Эй вы, встать!» Они не ответили, и он приказал отряду остановиться.

– Эй вы, трусы, сюда! – взвизгнул он. – Что, спрятаться решили? – Он шагнул к ним и даже в темноте разглядел знаки у них на щитах. – А-а, сбежать задумали? – прорычал он. – Вы знаете приказ? Все должны быть в Удуне до ночи. Встать в строй!

Хоббитам ничего не оставалось делать. Они с трудом поднялись на ноги и, ссутулившись, хромая, как утомленные пехотинцы, заковыляли к хвосту колонны.

– Не туда! – загремел надсмотрщик. – В четвертый ряд от конца! И оставайтесь там, а то пожалеете, когда я буду делать обход! – Он щелкнул у них над головами своим длинным бичом, а потом резким возгласом снова пустил отряд быстрым шагом по дороге.

Идти оказалось трудно даже бедному Сэму, хотя он просто устал, но для Фродо это стало пыткой, а потом кошмаром. Он стиснул зубы и попытался двигаться совершенно бездумно. Смрад от потных орков душил его, а вскоре он начал задыхаться и от жажды. Ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы дышать и не давать ногам остановиться. Он гнал мысль о том, к какому страшному концу стремится с таким трудом и мукой. Отстать было невозможно. Надсмотрщик то и дело подбегал к ним и издевался.

– Ну, вот вам! – смеялся он, хлестая их по ногам. – Где бич, там и лад, трусы. Держитесь! Сейчас я вас только подбадриваю, а вот придем в лагерь, там вас выдерут так, что шкура затрещит. Так вам и надо! Сейчас война, и никому не удастся отвертеться!

Они прошли еще несколько миль, и дорога уже стала спускаться отлого к равнине, когда силы окончательно оставили Фродо. Он зашатался. Сэм в отчаянии попытался помочь хозяину и поддержать его, но почувствовал, что и сам едва успевает за остальными. Теперь он знал, что конец может наступить каждую минуту: его друг потеряет сознание и упадет, все откроется, и все их отчаянные усилия окажутся тщетными. «Ну, я хоть посчитаюсь с этим скотом-надсмотрщиком!» – подумал он, нащупывая рукоять меча.

Но именно в этот момент пришло неожиданное спасение. Они были уже на равнине и приближались к Удунскому

проходу. Немного впереди, перед воротами, дорога с запада сливалась с другими, идущими с юга и из Барад Дура. По всем этим дорогам шли войска. Вожди Запада наступали, и Темный Владыка стягивал свои силы к северу. Так получилось, что к развязке подошли сразу несколько отрядов, и это произошло внизу, в темноте, куда не достигал свет костров со стен. Тотчас же началась суматоха и перебранка, ибо каждый отряд хотел первым пройти в ворота и отдохнуть, наконец. Надсмотрщики кричали, свистели бичи, но свалка быстро увеличивалась, кое-где уже засверкали мечи. Врезавшийся в колонну отряд тяжело вооруженных уруков из Барад Дура превратил неразбериху в полный хаос.

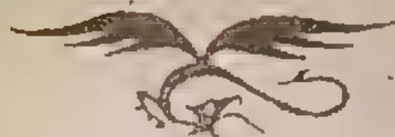
Как ни был Сэм оглушен болью и усталостью, он сумел оценить положение и бросился на землю, увлекая за собой Фродо. Орки спотыкались о них и падали, рыча и ругаясь. Хоббиты на четвереньках незаметно уползли из свалки и скрылись на другой стороне дороги. Там был высокий вал, по которому начальники отрядов находили дорогу в темноте или в тумане, он возвышался над равниной на несколько футов.

Некоторое время они лежали ни живы, ни мертвы. В темноте искать укрытие было бесполезно, но Сэм понимал, что нужно отойти хотя бы подальше от дороги и от света факелов.

– Держитесь, Фродо, – шепнул он, – проползем еще немного, а тогда отдохнем.

Последним отчаянным усилием Фродо приподнялся и прополз еще ярдов двадцать. Потом он скатился в какую-то неглубокую яму и лежал там, не шевелясь.

Глава III
ОГНЕННАЯ ГОРА



Сэм подложил под голову своему другу сумку, лег рядом и накрылся эльфийским плащом. Мысли его тут же обратились к Благословенной стране, и он от души понадеялся, что чудесная ткань укроет их в этом страшном месте.

Он слышал, как стихают крики и шум по мере того, как войска проходили через Изенмоут. До сих пор в толкотне разноплеменных отрядов их бегство не обнаружилось.

Отпив глоток воды, Сэм напоил Фродо, а потом даже уговорил его съесть целую лепешку. Усталость превозмогла страх, и они уснули. Но спали

недолго и неспокойно. Было холодно, жесткие камни впивались в тело, и никак не удавалось устроиться поудобнее. С севера, от Черных Ворот, через Кирит Горгор потягивал знобкий ветерок.

Утренний рассвет заменяла унылая серая хмарь. Здесь, в высокогорьях, воздух был относительно свежим, а ниже, за оградой Черной Страны, где не чувствовалось ни единого дуновения, лежала стылая затхлость.

Сэм из-за бровки лощины оглядывал мрачный, плоский и бесцветный пейзаж. Дороги опустели; правда, всего в одном фарлонге на север тянулась стена Изенмоута, а на ней могли стоять часовые... На юго-востоке мрачным темным контуром вставала Гора. Вершина скрывалась в клубах дыма, дымный столб упирался в низкие тучи, дым растекался по равнине у подножья. В нескольких милях к северо-востоку из дыма угрюмыми серыми призраками проступали кряжи Пепельных Гор, а за ними едва виднелись туманные северные отроги, почти сливавшиеся с северным небом.

Сэм прикинул на глаз расстояние.

– Миль пятьдесят, не меньше, – мрачно пробормотал он, не сводя взгляда с грозной Горы. – Дорога неделю займет, а Фродо-то хорошо, коли на день хватит. – Он горестно покачал головой. Надежда никогда не оставляла надолго его отважное сердце, и до сих пор он умел возвращать ее. Однако сейчас, как ни крути, становилось ясно: припасов достанет в лучшем случае только на дорогу туда. Если даже им удастся выполнить задуманное, они останутся посреди ужасной равнины, одинокие, без пищи и крова.

«Значит, обратной дороги не будет, – подумал он. – Ну что ж, примерно так я себе и представлял с самого начала: помогу Фродо дойти, а потом умру с ним вместе. Если это моя дорога, надо ее пройти. Ужасно хотелось бы еще разок повидать Уводье, и Рози, дочку Недоселков, да и всех прочих. Стоп, – остановил он грустные мысли. – А все-таки, кажется, не стал бы Гэндальф посылать Фродо на вовсе уж безнадежное дело. Не такой это был волшебник. Эх, кабы не погибнуть ему в этой треклятой Мории, глядишь, и выкрутились бы».

Казалось, надежда уже умерла в его душе, ан нет, она вдруг возгорелась с новой неожиданной силой. Лицо Сэма

стало строгим, почти суровым, воля окрепла, а по телу пробежала дрожь, словно он превращался сейчас в какое-то существо из стали и камня, неподвластное ни отчаянию, ни усталости, ни бесконечным дорогам.

С новым чувством ответственности он оторвал взгляд от Горы и огляделся, обдумывая следующий шаг. Когда стало чуть светлее, он увидел бесчисленные трещины и рытвины на казавшейся ровной гладью земле. И впрямь, вся Горгоратская равнина была усеяна большими и малыми воронками. Самые крупные из них были окружены валами щебня, от них во все стороны разбегались широкие трещины. С такими укрытиями даже самым зорким глазам не просто будет их обнаружить. Вот только удастся ли победить голод и усталость?

Обдумав все это, Сэм повернулся к другу. Фродо лежал навзничь с открытыми глазами, глядя в облачное небо.

– Значит, сударь, – преувеличенно бодро сказал Сэм, – я тут осмотрелся и скажу, что не так уж все плохо. На дорогах никого, да только лучше бы убраться отсюда подобру, поздорову. Сможете вы идти?

– Смогу, – равнодушно ответил Фродо, – должен.

Снова потянулись мучительные часы. Переползая из воронки в воронку, используя всякое укрытие, они медленно продвигались к холмам на севере. При этом восточная дорога все время шла рядом с ними, потом начала отдаляться и, наконец, ушла в черную тень далеко впереди. На ней не было видно ни людей, ни орков, ибо Темный Властелин уже заканчивал передвижение армий. Даже в собственной стране Саурон предпочитал покров ночи, боясь ветров внешнего мира. В последнее время они вели с ним словно самостоятельную войну, разрывая мрак, где бы он ни начинал сгущаться. Надо сказать, что слегка тревожила его и мысль о двух отважных врагах, до сих пор не обнаруженных его разведчиками.

Хоббиты с трудом прошли несколько миль и остановились. Фродо совсем обессилел. Он то медленно ковылял, то кидался вперед спотыкающимся шагом.

– Вернемся на дорогу, Фродо, пока светло, – предложил Сэм. – Доверимся снова удаче! В последний раз она едва нам не изменила, ну так не изменила же! Быстро пройдем еще несколько миль, а там – привал.

Конечно, они рисковали. Но Фродо был слишком занят своим бременем и внутренней борьбой, чтобы спорить, и слишком отчаялся, чтобы бороться. Они взобрались на насыпь и пошли по жесткой, безжалостно открытой дороге, ведущей прямо к Черной Крепости. Счастье было на их стороне, и до конца дня они не встретили никого живого, а наступившая ночь надежно укрыла их мраком. Вся страна нахмурилась, словно перед великой бурей: Вожди Запада уже миновали Перекресток и в этот момент предавали огню мертвые луга Моргульской долины. Отчаянное путешествие продолжалось; Кольцо двигалось на юг, а знамена Вождей – на север. Силы хоббитов таяли, каждая новая миля давалась труднее, чем предыдущая. Днем окрестности были пустынны, зато по ночам они часто слышали крики и топот множества ног. Но это было не страшно. Другая, куда более весомая угроза становилась все ощутимее. Сосредоточенная злобная сила, бессонное коварство чудовищных замыслов рождалось во мраке впереди. И чем ближе они подходили, тем чернее становилась стена мрака, словно наступила последняя ночь мира.

Вечер этого дня казался наихудшим. Именно в этот час армия Запада приблизилась к границам живых стран, а бедные путники дошли до полного изнеможения. Четыре дня назад они ускользнули от орков: те дни были сплошным кошмаром. Фродо не говорил ни слова. Он шел, сгорбившись, часто спотыкаясь, как будто не видел земли перед собой. Сэм догадывался, что сильнее всего донимает друга растущий гнет Кольца. Он с беспокойством наблюдал, как часто поднимается левая рука Фродо, словно для того, чтобы отвести удар или заслонить глаза от страшного взгляда Ока, силящегося разглядеть их.

Сейчас, в густом вечернем сумраке, Фродо сидел, свесив голову почти до колен, устало уронив руки со слабо подергивающимися пальцами. Сэм с болью смотрел на Хранителя, пока тьма не разделила их. Нечего было сказать и нечем было подбодрить друга, и постепенно голову Сэма заполнили мрачные мысли. Усталость и постоянный страх отступили. Зато с новой силой вернулись мысли о еде. Лепешки не утоляли голода, только поддерживали силы. Но была у них другая особенность, которая проявлялась тем ярче, чем меньше оставалось иной пищи. Они укрепляли волю, давали силы терпеть.

Нужно было принимать новое решение. Дорога, которая так выручала их, шла дальше на восток, уходя в великую тень. Гора же вздымалась теперь справа, почти прямо на юге, и нужно было поворачивать к ней. Отныне и до конца – никаких дорог, только голая, покрытая дымящимся шлаком равнина.

– Воды бы, – пробормотал Сэм. Он давно запрещал себе пить. Пересохший язык распух и теперь едва шевелился. Воды оставалось не больше половины фляги – и это на несколько дней пути. Их мучения давно бы прекратила смерть от жажды, но, по счастью, они выбрали орочью дорогу, а на ней через каждые несколько миль были устроены колодцы для отрядов, проходивших безводными местами. В одном из них Сэм и нашел немного затхлой и мутной воды, но в их положении привередничать не приходилось. Правда, воду они нашли позавчера, и Сэм понимал, что впереди может не встретиться ни капли. Наконец, устав от этих тревог, он задремал. Во сне ему виделись огни, похожие на горящие глаза, и слышались странные звуки: не то дальние отчаянные вопли, не то близкие опасные шорохи. Несколько раз он вскакивал, но вокруг была только непроглядная темень. Под утро, когда он в очередной раз вскочил, тревожно озираясь, ему почудились какие-то бледные огни поодаль, похожие на глаза, но вскоре они мигнули и погасли.

Страшная ночь уходила медленно и неохотно. Здесь, вблизи Горы, и воздух был какой-то мутный. От Черной Крепости наползали облака мрака, который Саурон ткал вокруг себя. Фродо неподвижно лежал на спине. Сэм долго стоял над ним в раздумье. Он понимал, что должен побудить волю друга к новому усилию. Наконец, наклонившись, он погладил Фродо по голове.

– Проснитесь, друг мой, – шепнул он ему на ухо. – Пора идти.

Фродо вскочил, прежде всего поглядел на юг, но увидел Гору и сник.

– Я не могу, Сэм, – прошептал он. – Это такая тяжесть, такая тяжесть...

Сэм вздохнул. То, что он собирался сказать, наверное, ни к чему не приведет, а то и хуже будет, но другого выхода не находилось.

– Дайте я понесу Его, – сказал он. – Я могу, пока силы есть, даже с радостью...

Глаза Фродо дико блеснули.

– Прочь! Не трогай меня! – закричал он. – Оно мое, мое! Прочь! – Его рука потянулась к рукояти меча. Но тут же голос изменился. – Нет, нет, Сэм, – как-то безнадежно произнес он, – пойми! Это мое бремя, я никому не могу его доверить. Поздно, Сэм, милый, мне уже не помочь. Оно меня держит. Я не могу отдать Его, а если ты попытаешься отнять, сойду с ума.

Сэм кивнул.

– Понимаю. – И после недолгого молчания словно вспомнил: – Слушайте, сударь, а не выбросить ли нам кое-что? – Он посмотрел в сторону Горы. – Незачем тащить туда ненужные вещи.

Фродо тоже поглядел на Гору.

– Да, – проговорил он, – на этом пути нам немного понадобится. А в конце – и вовсе ничего.

Он отстегнул и бросил сначала щит, потом шлем. Снял тяжелый пояс вместе с мечом в ножнах, черный плащ изорвал в клочья и разбросал по ветру.

– Вот! Больше не буду орком! – вскричал он. – И не возьму никакого оружия, ни светлого, ни темного. Пусть они берут меня, если хотят!

Сэм тоже снял доспехи, потом вынул кое-что из своей сумки. Каждый предмет был ему дорог, хотя бы потому, что он нес их так далеко и с таким трудом. До слез жаль было расставаться с кастрюлями и сковородками.

– Помните кролика, сударь? – спросил он. – А нашу встречу с Фарамиром в тот день, когда я елефанта увидел?

– Нет, – покачал головой Фродо. – Я, конечно, знаю, что все это было, но как-то не так. У меня не осталось ничего, ни вкуса пищи, ни памяти о деревьях и траве, ни воспоминаний о луне и звездах. Я словно голый оказался, Сэм. И между мной и этим огненным колесом – ничего нет. Я начинаю видеть Его даже наяву, а все остальное гаснет.

Сэм взял его руку, крепко сжал и приложил к груди.

– Тогда, чем скорее мы избавимся от Него, тем скорее отдохнем, – не найдя ничего лучшего, сказал он. – То есть я хочу сказать... Эх, слова все равно не помогут, – махнул он

рукой и начал собирать раскиданные вещи. Ему не хотелось оставлять все это на виду. – Даже если эта тварь нашла кольчугу, – рассуждал он, – то уж меч-то ему совсем ни к чему. Руки у него и без того не слабые, даже когда пустые. И незачем ему трогать мои кастрюли! – С этими словами он снес все вещи к одной из зияющих трещин и сбросил их туда. Лязг драгоценных кастрюль, падающих во мрак, прозвучал для сердца похоронным звоном.

Он вернулся к Фродо, подпоясал его куском эльфийской веревки, а остаток свернул и убрал в сумку. Только сумка теперь и осталась у Сэма, да еще фляга, да Шершень на поясе, а в кармане куртки на груди – светоносный фиал и коробочка, которую Галадриэль подарила ему самому.

И вот, наконец, от Горы отделяла их только дорога, которую надо пройти. Путники не думали больше об укрытиях, одна мысль владела ими – дойти. В мглистом сумраке тусклого дня не было никого, кто мог бы увидеть их, разве что столкнувшись нос к носу. Некому было предупредить Саурона, что прямо к сердцу его страны неуклонно пробираются маленькие воины. Только назгулы могли бы заметить их. Но они были далеко. Их черные крылья сеяли мрак на пути войск Запада, туда же обращены были мысли Черной Крепости.

В этот день Фродо словно обрел новые силы, и дело здесь было не только в облегчении поклажи. Местность была суровая и трудная, но они ушли далеко, и Гора все приближалась. Однако уже к вечеру Фродо снова сгорбился и стал спотыкаться. Сэм с тревогой подумал, что это напряжение стоило его другу слишком дорого.

На последнем привале Фродо не сел, а просто упал, и только через некоторое время с трудом проговорил:

– Я хочу пить, Сэм, – и тут же умолк. Сэм дал ему глоток воды, во фляге оставался еще один. Сам он не пил ни капли, и теперь, когда непроглядная темь Мордора снова окутала их, он мог думать только о воде. Перед его мысленным взглядом струились и журчали все ручейки, когда-либо виденные им в жизни. Солнечный свет дробился на маленьких волнах, и сверкающие блики мучили глаза даже под закрытыми веками. Сэм ощущал чудесный прохладный ил под босыми ногами, как в детстве, на зеленых отмелях Уводья, где они

[illegible] вместе с Джо[illegible], Томом, Нибсом и их сестричкой Рози. Он не мог уснуть, продолжая спорить сам с собой.

– Что ж, дело идет лучше, чем я ожидал, – упрямо говорил Сэм. – Ну, хоть [illegible] лучше. Полпути мы уже прошли, еще один такой [illegible], – тут он запнулся.

– Не будь [illegible], – ответил ему противный внутренний голос, – [illegible] больше идти так быстро. Скоро он [illegible] идти. Ты и сам долго не протянешь, если [illegible] отдавать свою воду.

– Неправда, [illegible] смогу идти и пойду.

– Куда?

– К Горе.

– А что потом, [illegible] что потом? Ну, доберетесь вы туда, и что [illegible]? Он-то уже ни на что не способен.

Сэм растерялся. [illegible] они с Фродо как-то не говорили о том, что [illegible], придя к Ородруину. Сэм слышал когда-то – он [illegible] помнил, где и когда, – что Кольцо надо бросить в [illegible]

– Должна быть какая-то Роковая Щель, – бормотал он, с трудом вспоминая где-то слышанное название. – Но если Фродо и знает, где ее искать, то я – нет.

– Ну, вот видишь! – немедленно встрял голос. – Зря все это. Он ведь и сам так говорил. Только ты один и надеешься еще. Вы уж давно могли бы отдохнуть, кабы не ваше упрямство. Все равно же умрете, если не хуже. Почему бы вот прямо сейчас и не остановиться? Все равно до вершины вам не добраться.

– Нет, я дойду, – не соглашался Сэм, – дойду, пусть от меня, кроме собственных костей, ничего не останется. И Фродо понесу, пока сердце не лопнет или спина не сломается. Так что заткнись, хватит споров!

В этот момент он почувствовал, что земля под ним закачалась, и услышал глубокий отдаленный гул, словно рокот подземного грома. Красный отблеск мелькнул за тучами и погас. Гора тоже спала неспокойно.

Сэм даже не мог представить, каким мучительным будет последний день пути к Ородруину. У него болело все, а рот так пересох, что, будь у них даже еда, он не смог бы проглотить ни кусочка.

Похоже, собиралась гроза; далеко на юго-востоке в черном небе вспыхивали молнии. Но больше всего донимал дым от Горы. Он не давал дышать, в висках ломило, голова кружилась, заставляя спотыкаться и падать. И все-таки они шли.

Гора подползала все ближе; теперь она заслоняла полнеба и вздымалась над ними, огромная и страшная: вершина ее острым конусом поднималась из груды пепла, шлака и обожженных камней. К ночи они уже доползли до самого подножья.

Задыхаясь, Фродо упал на землю. Сэм сразу сел возле него, с удивлением ощущая, как усталость сменилась какой-то странной легкостью, голова прояснилась. Никакие споры больше не смущали его. Он принял решение, и теперь только смерть заставила бы его отступить. Осталась только одна мысль: завтра они или победят или погибнут. Но когда оно настанет, это завтра?

Ночь тянулась и тянулась, без конца. Сэм стал думать, что опять пришла тьма и рассвета больше не будет. Взяв Фродо за руку, он почувствовал, что Хранителя бьет холодный озноб.

– Эх, зря мы выбросили одеяла, – пожалел он. Обняв Фродо и пытаясь согреть его своим телом, Сэм незаметно уснул. Рассвет последнего дня их странствий нашел хоббитов лежащими, тесно прижавшись друг к другу. Ветер переменился. Теперь он все сильнее дул с севера.

– Пора, – приказал сам себе Сэм. – Еще одно усилие! – Он с трудом встал. Фродо тоже было поднялся со стоном, но тут же снова упал на колени. Потом он долго смотрел на темные склоны Ородруина и, наконец, пополз вперед на четвереньках. Сердце у Сэма обливалось кровью при виде этого зрелища, но на воспаленных глазах не появилось ни слезинки.

– Я говорил, что понесу его, пусть хоть спина сломается, – пробормотал он, – и понесу! Послушайте, Фродо! – воскликнул он. – Пусть мне нельзя нести Его вместо вас, ну так я понесу Его вместе с вами. Вставайте! Залезайте-ка мне на плечи. Только скажите, куда идти?

Фродо с трудом забрался ему на спину. Сэм крепко прихватил его ноги локтями и тяжело поднялся, но тут же с изумлением почувствовал, как легка его ноша. Он боялся,

что не сможет даже поднять тело друга, и приготовился ощутить гнет проклятого Кольца. Но ничего этого не было. То ли из-за того, что Фродо так исхудал, то ли потому, что Сэму была дарована некая [illegible] сила – но только он поднял Фродо так легко, словно [illegible] играя, на закорках хоббитенка где-нибудь в полях Шира. [illegible] глубоко перевел дух и двинулся вперед.

Они подошли к Горе [illegible] и взяли чуть правее, к пологим, сильно [illegible] склонам. Фродо молчал, и Сэму ничего не [illegible] просто подниматься и подниматься. Он карабкался [illegible], сначала выбирая более удобный путь, а [illegible] разбирая дороги. Только когда ноги подломились, [illegible] и осторожно опустил своего друга на землю.

Фродо открыл глаза [illegible] поднялись над дымом, который так мучил их [illegible] дышать стало легче.

– Спасибо, Сэм, – хрип[illegible] он. – Далеко нам еще?

– Понятия не имею, – [illegible] Сэм. – Я же не знаю, куда мы идем.

Он обернулся назад и [illegible], как далеко увело его последнее усилие. Снизу Гора [illegible] куда выше, чем была в действительности. Уж во всяком случае она была не выше перевалов Хмурых Гор, а ведь они с Фродо прошли там. Сильно изрезанные склоны поднимались над равниной тысячи на три футов, а над ними, примерно на половину этой высоты, возносился узкий центральный конус, как огромная дымовая труба, заканчиваясь иззубренными краями кратера. Теперь хоббиты были примерно на половине Горы, и Горгоратская равнина лежала далеко внизу, окутанная дымом и тенями. Едва взглянув вверх, Сэм ясно различил среди каменных глыб и обрывов тропу. Она круто поднималась с запада и петлями охватывала Гору. Они просто не попали на нее сразу, но теперь, стоит лишь обогнуть вот этот выступ, и они будут там. Надежда возвращалась. На Гору все-таки можно взойти.

– Она словно нарочно тут появилась, – пробормотал Сэм. – Не будь ее – не видать бы нам вершины.

Конечно, тропу проложили не для них. Сэм и не подозревал, что смотрит на Сауронову дорогу из Барад-Дура к Роковой Щели. От самых западных ворот Черной Крепости, через равнину, по мосту через пропасть, меж двух дымящихся

провалов и дальше по склонам она поднималась высоко и уходила в темное отверстие, обращенное на восток, прямо против окна в окутанной мраком твердыне Саурона, откуда смотрело его Око. Огненные бури в недрах Горы часто засыпали или разрушали дорогу, но руками несчетного множества орков она всегда поддерживалась в порядке.

Дорога была, но до нее еще предстояло добраться. Сэм понимал, что нужен отдых. Он опустился рядом с Фродо, и некоторое время оба лежали молча. Заметно светлело. Вдруг Сэма охватило неведомое дотоле чувство, настойчивый зов словно окликнул его: «Скорее, скорее, не то будет поздно!» Он превозмог себя и встал. Фродо как будто тоже услышал зов и с трудом поднялся на колени.

– Я поползу, Сэм, – произнес он, задыхаясь.

Фут за футом, как маленькие серые букашки, они достигли тропы. То, что снизу казалось тропой, на деле было широкой, вымощенной плотно утрамбованным щебнем и пеплом дорогой. Фродо выбрался на нее, а потом, словно подчиняясь какому-то приказу, медленно обратился лицом на восток. Вдали плотной завесой висел мрак, но в этот миг порыв ветра из внешнего мира раздвинул тучи, и Фродо увидел черные – чернее мордорской ночи – острые шпили и железный венец самой верхней их башен Барад Дура. Только на мгновение показалась она, а потом, словно из какого-то окна в неизмеримой вышине, ударила на север красная молния – блеск всевидящего Ока. Тучи снова сомкнулись, и страшное видение исчезло. Око смотрело на север, где стояли, выжидая, Вожди Запада. Туда обратилась вся злоба Темного Властелина, там Сила намеревалась нанести последний удар. Ужасный взгляд заставил Фродо рухнуть на дорогу. Рука его сама потянулась к цепочке на шее.

Сэм опустился перед ним на колени. Он услышал слабый, почти беззвучный шепот Фродо:

– Помоги, Сэм! Помоги! Держи мою руку! Я не могу остановить ее.

Сэм взял его руки, сложил их ладонь к ладони и поцеловал, потом ласково сжал между своими. Ему в голову вдруг пришла мысль: «Если Он нас заметил – все кончено!»

Он снова поднял Фродо на спину, стараясь прижать его руку к своей груди. Потом нагнул голову и пошел вверх по

дороге. Это было не так легко. К счастью, извержение, которое Сэм видел с Кирит Унгола, пришлось, в основном, на западные и южные склоны, и с этой стороны камни почти не падали, зато во многих местах на дороге зияли широкие трещины. Она поднималась, поднималась, а потом резко сворачивала на [illegible]. Задыхаясь под своей ношей, Сэм как раз собирался [illegible] поворот, когда его глаза уловили какое-то движение вверху.

В тот же миг [illegible] обрушилось на него, и он упал ничком, ободр[illegible] [illegible]рони рук. Только услышав ненавистный голо[illegible] [illegible] произошло.

– Зззлой хозяин[illegible] [illegible] [illegible]жет нам, лжет Ссмеагорлу, горлум, [illegible] так! Нельзззя обижать Сссокровищщще! [illegible] [illegible]орлу, отдай нам. Пусссть он отдассст!

Одним движени[illegible] [illegible] [illegible]хватил меч, но сделать ничего не мог. Горлу[illegible] [illegible] тесно сцепились. Горлум рвал плащ на груди у Ф[illegible] [illegible] завладеть цепочкой и Кольцом. Наверное, только [illegible] разбудить гаснущую волю и отвагу Фродо: нападение, попытка силой отнять у него Кольцо. Ни Сэм, ни тем более Горлум не ждали от него столь яростного сопротивления. Да и Горлум был уже не тот. Какими бы ужасными путями одиночества, голода и жажды он ни шел, гонимый алчным желанием и беспощадным страхом, – пути эти оставили на нем тяжелый след. Он превратился в тощее, высохшее существо, почти в скелет, туго обтянутый потемневшей кожей. Дикое пламя еще пылало у него в глазах, но прежняя цепкая и злобная сила изменила ему. Фродо отшвырнул его и выпрямился, весь дрожа.

– Прочь, прочь! – произнес он, тяжело дыша, ощупывая Кольцо сквозь кожаную рубашку. – Прочь, ползучая тварь, уйди с моего пути! Твое время кончилось. Ты уже не можешь ни предать, ни убить меня.

И тут вдруг, как раньше на Эмин Майл, Сэм увидел обоих соперников другим зрением. Во прахе лежало нечто, едва ли большее, чем тень живого существа, нечто побежденное, разбитое, но еще исполненное алчности и бешенства; а над ним высилась суровая, недоступная больше для жалости фигура, облаченная в белое, с огромным огненным колесом на груди. И из этого огня звучал властный голос:

– Уходи и не смущай меня больше! Если ты еще раз коснешься меня, то будешь сброшен в Огненную Пропасть!

Распростертое существо съежилось, в его пылающих глазах был ужас, но было и неутолимое желание.

Тут видение исчезло, и Сэм увидел обычного Фродо, стоявшего, задыхаясь, с прижатой к груди рукой, а у его ног – Горлума, упавшего на колени.

– Берегись! – закричал Сэм. – Он прыгнет! – Подняв меч, он шагнул вперед. – Скорее, Фродо! – крикнул он. – Я задержу его. Не теряйте времени! Идите!

Фродо взглянул на него словно издалека.

– Да, я должен идти, – проговорил он отчужденным голосом. – Прощай, Сэм. Это – конец! Пусть на Гору Рока падает рок. Прощай! – Он повернулся и пошел по дороге, медленно, но не сгибаясь.

– Ну, вот! – сказал Сэм. – Наконец-то я могу посчитаться с тобой за все. – Он шагнул вперед, сжимая в руке меч. Но Горлум не прыгнул. Он рухнул Сэму в ноги и заскулил.

– Не убивай насс! Не делай нам больно осстрой сталью! Мы хотим жить, да, дай нам пожить еще немного! Пропало! Мы пропали! Без Сокровища мы умрем, да, мы обратимся в прах! – Он скреб шлак на дороге длинными костлявыми пальцами. – В праxх, – прошипел он еще раз.

Рука у Сэма дрогнула. В душе его клокотал гнев. Было бы только справедливо убить это злобное, коварное существо, это казалось единственно верным поступком. Но он уже не мог ударить. То, что лежало перед ним в пыли, раздавленное, потерявшее все, вызывало лишь сострадание. Он сам, хоть и недолго, был обладателем Кольца, и теперь догадывался о муках иссохшего тела и черной души Горлума, порабощенного Кольцом, неспособного больше найти покой в жизни.

Вряд ли Сэм смог бы выразить свои чувства, он только плюнул в сердцах.

– Ох, будь ты проклят, вонючая тварь! – сказал он. – Убирайся! Прочь отсюда! Я тебе не доверяю, так что уходи, а не то я обязательно сделаю тебе больно вот этой острой сталью!

Горлум поднялся на четвереньки, попятился, повернулся и, не успел Сэм дать ему пинка напоследок, ускакал по дороге вниз. Сэм не стал больше думать о нем. Он вдруг

вспомнил о Фродо. Впереди его не было видно. Тогда изо всех сил Сэм заковылял вверх. Если бы он посмотрел назад, то мог бы увидеть, что Горлум повернул обратно и, с безумным блеском в глазах, крадется за ним следом.

Дорога все шла вверх. Вскоре, за очередным поворотом, открылся прямой как стрела отрезок ее, упиравшийся в темное отверстие в склоне Горы. Это был вход в Огненную Пещеру Саммат Наур. Поднима[illegible] красное солнце, но вокруг Горы все было мертво [illegible] замер, ожидая рокового удара.

Сэм подошел к зияюще[illegible] устью и заглянул внутрь. Там было темно, жарко и [illegible] сотрясался от какого-то глухого рокота.

– Фродо, Фродо! [illegible] ответа не было. Некоторое время он стоял, и [illegible] колотилось от безумного страха, потом кину[illegible] за ним бесшумно, как тень, проскользнул Горлум.

Сначала Сэм ничего не [illegible]. Тогда он торопливо извлек звездный фиал, но и он был [illegible] и холоден, и ничуть не осветил душного мрака. Здесь, в самом сердце владений Саурона, у истоков его древней мощи, все другие силы подчинялись ему. Сэм неуверенно сделал в темноте несколько шагов, и тут вдруг впереди вспыхнуло красное пламя, взметнулось вверх и лизнуло высокий темный свод.

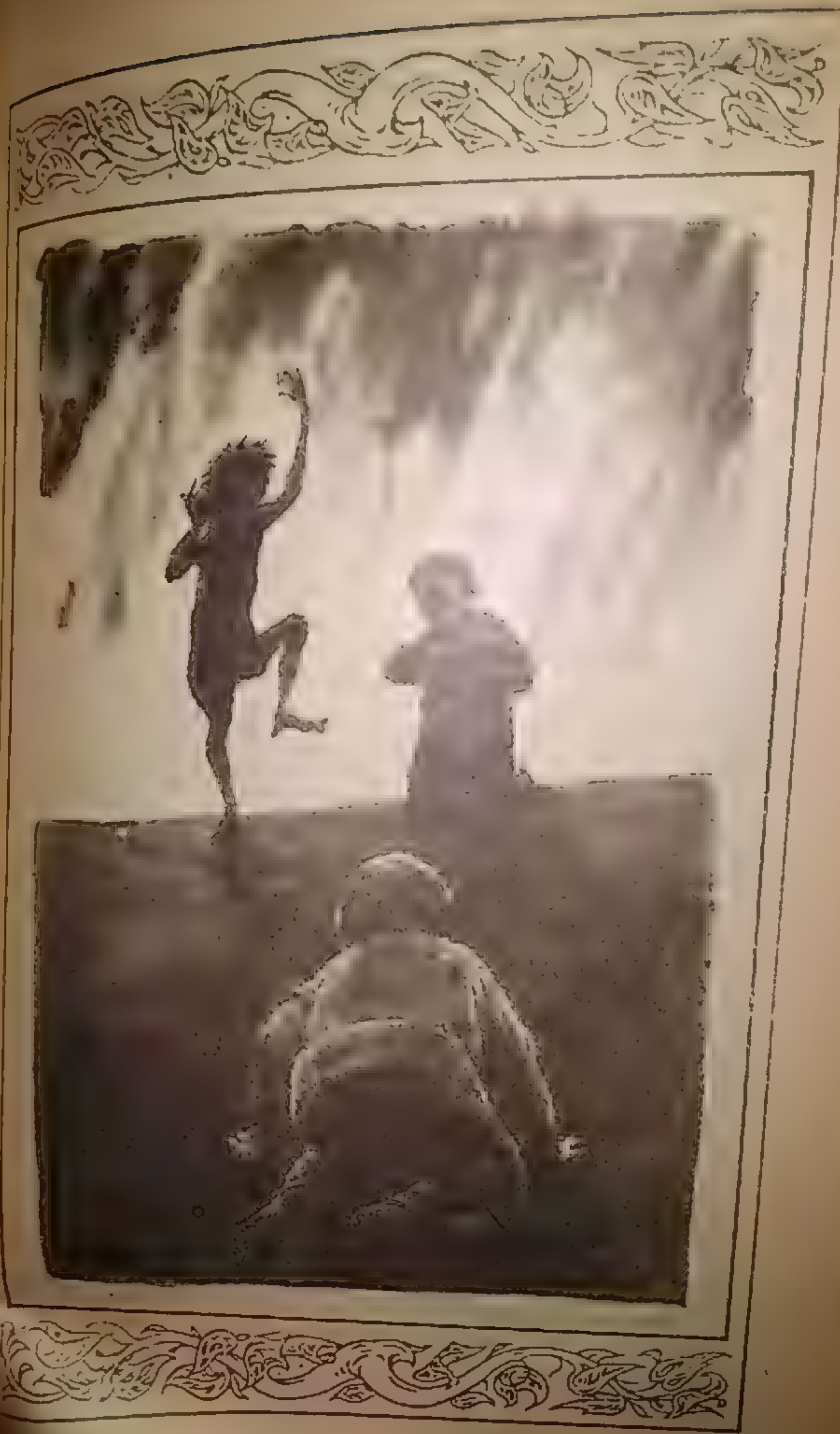
Тогда Сэм увидел, что стоит в длинной пещере, уходящей глубоко в дымящийся конус Горы. Неподалеку от входа стены и пол рассекала глубокая трещина, из которой исходил багровый свет. Снизу все время слышался рокот и пыхтенье, словно там работали огромные мехи.

Свет снова усилился, и на краю трещины, у самой Пропасти Рока, Сэм увидел Фродо – черный силуэт на красном фоне – неподвижного, словно окаменевшего.

– Фродо! – крикнул Сэм.

Фродо пошевелился и вдруг заговорил. Такого звучного и мощного голоса Сэм никак не ожидал от него услышать. Этот голос легко заглушал рокот Горы и отразился эхом от стен и сводов.

– Я пришел, – произнес он. – Но теперь я передумал. Кольцо мое! – Он надел Кольцо на палец и исчез. Сэм ахнул, но не успел и двинуться, как одновременно случилось сразу множество событий.



Что-то сильно толкнуло Сэма в спину, и он отлетел в сторону, ударившись головой о каменную стену так, что потемнело в глазах. Но все же успел заметить метнувшуюся мимо тень.

А далеко отсюда, в тот момент, когда Фродо надел Кольцо и объявил себя его [illegible] Темный Владыка в Барад Дуре вздрогнул, и [illegible] дрогнула от основания до вершин своих башен [illegible]. Око Врага, пронзая мрак, узрело [illegible] Огненной Пещере. Саурон в одной мгновенной [illegible] наития все понял, и план врагов и свою собственную [illegible]ость. Гнев и страх в равной мере [illegible], какая смертельная опасность грозит [illegible] удерживающая его судьбу.

Все хитрости [illegible]ретья, все замыслы и планы – все [illegible] черном сознании. По его темному [illegible] его рабы дрогнули, войска остановились [illegible] вдруг лишенные разума и воли [illegible]тение. Враг забыл о них. Разум и воля [illegible] ими, всей своей мощью обратились теперь к Горе. Прозвучал немой приказ, и назгулы, Рабы Кольца, на своих вихревых крыльях стремительно понеслись на юг, туда, к Горе.

Сэм встал. Его слегка оглушило, и кровь из ссадины на голове заливала глаза. Он с трудом шагнул вперед и увидел странное и страшное зрелище. На краю бездны Горлум бешено боролся с невидимым соперником, он качался взад и вперед, чуть не падая в пропасть, отступал, падал на колени, поднимался и снова падал. И он все время шипел, но без слов.

Огонь снизу теперь ревел, вся пещера наполнилась блеском и жаром. Сэм видел, как Горлум вдруг подпрыгнул, блеснули и лязгнули острые зубы, и сразу вслед за тем раздался крик Фродо. Этот крик словно выбросил его из невидимости, он упал на колени на краю пропасти. А Горлум плясал, как сумасшедший, высоко держа Кольцо с торчащим в нем откушенным пальцем. Кольцо сияло, словно действительно было выковано из живого огня.

– Сокровище, Сокровище, Сокровище! – выкрикивал Горлум. – Мое Сокровище! О, мое Сокровище! – И тут, не сводя алчных глаз со своей добычи, он оступился, покачнулся, на

новение застыл на краю пропасти и с воплем рухнул вниз. Из глубины навстречу ему взметнулся огромный язык пламени, еще раз долетел жалобный крик «Сокровище!» – и замер.

Долгий грохот родился в недрах Горы. Пламя вымахнуло из расселины и лизнуло своды. Грохот перешел в рев, Гора содрогнулась. Сэм подбежал к Фродо, поднял его и вынес наружу. И тут, на пороге Саммат Наур, высоко над равнинами Мордора, его сковало такое изумление, что он стоял, позабыв обо всем на свете, и только смотрел, чувствуя, что каменеет от страха. Его глазам открылась бурлящая туча. В ее недрах проглядывали невиданные башни и бастионы, высокие как горы над бездонными пропастями, глухие темницы подземелий, огромные стальные ворота – все это разом исчезло. Башни рухнули и горы обвалились, стены распались, огромные столбы дыма и пара росли все выше и выше, их вершины изогнулись, как гребень колоссальной волны, этот гребень вскипел и пал на равнину. Все покрыли оглушительные раскаты грома: земля вздрогнула, равнина всколыхнулась и растрескалась, Ородруин бешено встряхнуло. Из его разверзшейся вершины ударило пламя. Небеса взорвались в громе, иссеченном молниями. Из туч исполинскими бичами хлестали потоки черного ливня. И в самое сердце страшной грозы с заунывными воплями неслись назгулы. Они были подобны молниям, впивающимся в пучину и гаснущим в ней.

– Ну, вот и конец, Сэм, – произнес чей-то ясный голос рядом с ним. Это был Фродо, бледный, изумленный, но снова ставший самим собой. В глазах его больше не было ни напряжения воли, ни безумия, ни страха, только мир. Бремя спало. Это был прежний любимый друг, как в давние, казавшиеся невероятными, мирные дни.

– Фродо! – вскричал Сэм, падая на колени. В этот час крушения мира его захлестнула радость, великая радость освобождения. Гнет исчез, его друг спасен; он опять стал самим собой, он опять свободен. И тут Сэм заметил его искалеченную руку.

– Бедная рука! – всхлипнул он. – А мне даже нечем перевязать ее, нечем успокоить боль. Лучше бы он откусил руку мне, пусть бы хоть целиком съел. Но его нет, он исчез, наконец, навсегда исчез!

– Да, – ответил Фродо. – Ты помнишь, как Гэндальф сказал тогда: «Роль свою он сыграл не до конца». Так оно и получилось. Сэм, я ведь не уничтожил бы Кольцо. Наши труды в последнюю минуту едва не стали напрасными. Так что простим ему. Задача выполнена, и все завершено. Я рад, что ты здесь, со мной. Вдвоем не страшно, даже в конце.

Глава IV

КОРМАЛЛЕНСКОЕ ПОЛЕ

Вокруг холмов кишели полчища Мордора. Их надвигающееся море готово было поглотить войска Запада. Солнце покраснело. Крылья назгулов отбрасывали на землю черную тень смерти. Арагорн стоял у знамени, безмолвный и суровый; казалось, мысли его сосредоточены на давнем или дальнем, но глаза сверкали, как звезды, сияющие тем ярче, чем темнее ночь. На вершине холма застыл Гэндальф, холодный и белый. Тени не касались его. Армии Мордора кидались на обреченные холмы, как волны. Их гомон поднимался, как шум прилива, над стуком и лязгом оружия.

Вдруг Гэндальф обернулся и взглянул на север, где небеса были бледными и чистыми. Потом он воздел руки и вскричал громовым голосом:

– Орлы летят!

Этот крик покрыл шум битвы, и множество голосов подхватило:

– `Орлы! Орлы летят!

Войска Мордора взглянули вверх, недоумевая, что означает этот клич.

Высоко в небе несся Г[illegible]ихир, Повелитель Ветров, за ним спешил его брат [illegible] великие Орлы Севера, самые могучие из пот[illegible]ондора, который строил гнезда на недосягаемых пи[illegible]эгримских Гор в пору молодости Средиземья. По[illegible] северным ветром, летели ровными ряд[illegible]ичи. Прямо на назгулов неслись они, кр[illegible]соты, и ветер смерчами завивался вокруг и[illegible]

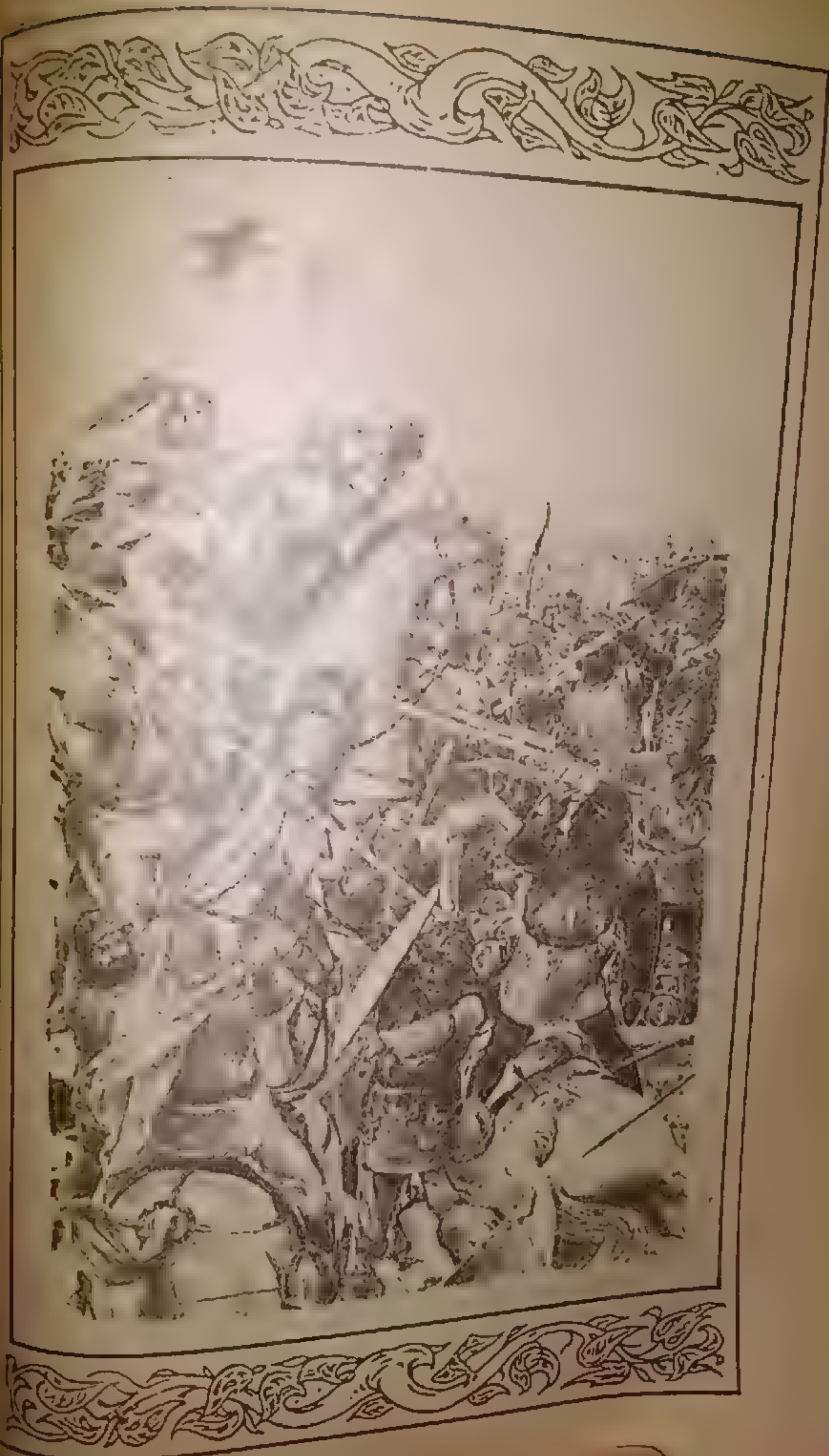
Но назгулы не [illegible] повернули вспять и исчезли во мраке М[illegible]незапный отчаянный призыв Черной Крепости [illegible] миг войска Мордора дрогнули, торжествующие крики смолкли, руки опустились, и ноги отказались служить. Сила, наполнявшая их ненавистью и яростью, оставила их, и вот, взглянув в глаза врагам, они прочли свой приговор и испугались.

Тогда раздался громкий клич Вождей Запада. Их сердца наполнились новой надеждой. С осажденных холмов двинулись тесными рядами рыцари Гондора, Всадники Рохана, дунаданы Севера, ударили на затрепетавших врагов, смяли их и обратили в бегство. Но Гэндальф поднял руку и снова громко крикнул:

– Стойте, Люди Запада! Остановитесь и ждите. Час настал!

Не успел он договорить, как земля содрогнулась у всех под ногами. Потом, далеко за Черными Воротами, высоко над горами в небо рванулся исполинский смерч, пронизанный молниями. Земля застонала и затряслась. Черные Ворота рассыпались, а издали, то утихая, то нарастая, то поднимаясь до облаков примчался рокочущий гул, грохот, длительный раскатистый гром разрушения.

– Царство Саурона погибло, – произнес Гэндальф. – Хранитель выполнил свою миссию.



Когда Вожди Запада взглянули в сторону Мордора, им показалось, что оттуда вырастает огромная, угольно-черная на фоне облачного покрова, увенчанная молниями и закрывающая все небо тень. Все выше возносилась она над миром, простирая к ним огромную, угрожающую руку, ужасную, но бессильную; ибо в то время, когда она уже опускалась над равниной, сильный ветер подхватил ее, развеял, и она исчезла. И стало тихо.

Тогда люди снова [illegible] на равнину. Их враги бежали. Мощь Мордора таяла [illegible], уносимая ветром. Как муравьи, лишенные своей [illegible] начинают бессмысленно суетиться и, обессилев, умирают, [illegible] Саурона – орки, тролли, звери, не чувствуя [illegible] управлявшей ими силы злых чар, носились в беспамятстве [illegible] равнине, набрасывались друг на друга, пытались укрыться [illegible] в щелях и норах.

Иначе вели себя [illegible] вастаки и южане. Они так давно подпали под [illegible], так пропитались черной злобой и так ненавидели [illegible] что олицетворяли силы Запада, что теперь даже [illegible] их Властелина не сломило этих гордых и сильных [illegible]. Многие все же бежали, но часть сумела организовать отчаянную оборону. Впрочем, и они были обречены.

Гэндальф, предоставив Арагорну и другим вождям заканчивать битву, быстро поднялся на вершину холма и издал призывный клич. Очень скоро к нему осторожно подлетел могучий Повелитель Ветров.

– Дважды ты выручил меня, друг мой – обратился к нему маг, – не откажи и в третий раз, надеюсь, в последний. Ноша будет не тяжелее, чем в нашу последнюю встречу на вершине Зирак Зигиля, где сгорела моя прежняя жизнь.

– Я отнесу тебя, куда пожелаешь, будь ты хоть из камня, – промолвил в ответ Гваихир.

– Тогда – в путь! Только, пожалуйста, возьми с собой двоих самых быстрых своих сородичей. Мы должны обогнать ветер.

Орел повернул голову, немигающими глазами долго смотрел в сторону гибнущей Страны Мрака, а потом сказал:

– Ветер с севера, но мы обгоним его.

Он поднял Гэндальфа и направился на юг, а за ним летели Ландроваль и молодой Менельдор. Под их крыльями проплыл

Удун, потом Горгорат, сплошь в развалинах, заполненные обезумевшими, мечущимися толпами орков, а впереди ярилась, изрыгая огонь, Роковая Гора.

– Я рад, что все-таки, в конце всего, мы вместе с тобой, – сказал Фродо Сэму.

– Конечно, вместе, сударь, – ответил Сэм, нежно прижимая к груди раненую руку Фродо. – И путешествие наше кончилось. Но столько тащиться ради того, чтобы сгинуть здесь – как-то мне не хочется. Ну, не по мне это, если вы понимаете, про что я говорю.

– Понимаю, – вздохнул Фродо. – Но так уж мир устроен. Надежды умирают, и приходит конец. Нам недолго осталось ждать. Этот мир гибнет, а мы – в самом сердце его, и нам не спастись.

– Но хоть убраться-то подальше мы можем? Чего торчать у этой Роковой Дыры, или как ее там зовут... Идемте, Фродо, хоть по тропе спустимся.

– Хорошо, Сэм, пойдем, если хочешь, – покорно произнес Фродо.

Они встали и начали медленно спускаться к подножию. Вдруг с громовым ударом из Саммат Наур вырвались дым и огонь, одна из сторон конуса расселась, и яростная, слепящая лава, выплеснувшись на восточный склон, с грохотом поползла вниз.

Последние силы быстро покидали хоббитов. Идти было некуда. Они добрались до невысокого шлакового холма у подножия и оказались словно на острове, охваченном гибелью, посреди стремительно плавящейся земли. Ородруин хрипел. Вокруг Горы земля лопалась трещинами и целыми пропастями, в крутящихся клубах дыма мелькал огонь. Судорожно вздрагивала Гора, на склонах появились неожиданные прорехи. Вниз устремились медленные реки пламени. Несмотря на обманчивую неторопливость, очень скоро они достигнут равнины. Сверху непрестанно валили хлопья горячего пепла.

Сэм все еще бережно держал руку Фродо.

– Вот и кончается наша сказка, Сэм, – печально промолвил Фродо.

– Да. Хотелось бы мне послушать ее. Как вы думаете, сударь, скажут ли когда-нибудь: «Вот повесть о Фродо Де-

вятипалом и о Кольце Всевластья»? Все примолкнут, как мы тогда, в Дольне, помните, когда слушали сказание о Берене и Сверкающем Камне... А еще мне интересно, что будет потом, после нас... – Он говорил, [illegible] словами прогнать страх, говорил и все поглядывал на [illegible] хотел смотреть, а все-таки смотрел с мольбой и наде[illegible] [illegible]ера дул ветер. Он разогнал мрак и тучи, открыл х[illegible] [illegible]ное небо.

Зоркие глаза Гваихира заметили [illegible] [illegible]ие темные фигурки, окруженные со всех сторон [illegible] [illegible] от очередного подземного толчка, а от [illegible] [illegible] и их, откололся большой кусок. Вокруг [illegible] все новые рушились скалы, из-под земли выплескива[illegible] все новые потоки огня. Презрев страшную опасность, птица-гигант ринулась вниз. За ним устремились [illegible] и Менельдор.

Ничего этого хоббиты не видели. [illegible] [illegible] как в лихорадке, все вокруг [illegible] [illegible]ого жара. Они закрыли глаза руками, чтобы не [illegible]

Когда орлы подхватили их, [illegible] [illegible] Птицам так было даже удобнее. Их [illegible] [illegible] в огромных когтях, бережно державших маленькие тела. Орлы взмыли над огнем и дымом и скоро растаяли высоко в небе.

Очнувшись, Сэм обнаружил, что лежит на чем-то мягком. Над ним плавно покачивались ветки буков, их молоденькие листья просвечивали на солнце золотым и зеленым. В воздухе разливался нежный аромат весны.

Он вспомнил: так пахло в Итилиене.

– Ох! – пробормотал он. – [illegible], долго ли я спал? – Запах перенес его к тем [illegible] [illegible] свой маленький костерок на солнечн[illegible] [illegible]. Что было после? Он не помнил. – Ох, – повторил [illegible], и [illegible] мне снился! Как я рад, что проснулся – [illegible] увидел рядом спокойно спящего Фродо. Одну руку он положил под голову, другая лежала на одеяле. Это была правая рука и на ней недоставало третьего пальца!

Воспоминания разом нахлынули на Сэма, и он вскрикнул:

– Так это был не сон? Где же мы?

Чей-то голос ласково произнес позади него:

– В Итилиене. Вы в гостях у Короля, и он ожидает вас.

Сэм обернулся, как ужаленный. Перед ним стоял Гэндальф, одетый в белое, с белоснежной бородой, сверкающей на [illegible]

– Ну, Сэмиус, как ты себя чувствуешь? – спросил он.

Сэм, не в силах вымолвить ни слова, смотрел на мага, открыв рот. Наконец, он сказал сиплым от волнения голосом:

– Гэндальф! Я думал – ты мертвый! Я думал – я и сам мертвый. Значит, все грустное, что было – это неправда? Гэндальф! Что такое с миром стало?

– Великий Мрак исчез, – ответил Гэндальф и засмеялся, и этот смех был как музыка, или как вода в знойный полдень. Сэм подумал, что очень давно не слышал смеха. В глазах его вспыхнула радость, [illegible] неожиданно для самого себя он заплакал. Впрочем, слезы [illegible] так же быстро, как появились, он счастливо рассмеялся и вскочил с ложа.

– Как я [illegible] – вскричал он. – Я даже не знаю, как [illegible] Он взмахнул руками. – Чувствую, как весна [illegible] солнце на листьях, как трубы и арфы, и все [illegible] только есть на свете! – Он спохватился и [illegible] Гэндальф, посмотри, как досталось [illegible] столько пришлось вынести! Ну, хоть [illegible]

[illegible] – [illegible] Фродо, садясь на постели и тоже [illegible] ожидая тебя, Сэм, лентяй ты эдакий! [illegible] утром, а сейчас уже полдень.

– [illegible] – переспросил Сэм. – А какого дня?

– Сегодня [illegible] день Новой Эпохи, – ответил Гэндальф, – [illegible] по Ширскому счету, вы ведь в марте считаете тридцать дней. Но в Гондоре Новый Год теперь всегда будет отмечаться двадцать пятого марта, в день падения Саурона, в день, когда вас вынесли из огня. [illegible] исцелил вас и ждет теперь. [illegible] пир. Когда вы будете готовы, мы пойдем к нему.

– Пойдем к Королю? – спросил Сэм. – А кто он?

– Король Гондора и Правитель Западных Стран, – [illegible] ответил Гэндальф. – Под его рукой [illegible] владения. Скоро он отправится на коронацию [illegible]

– А что же мы наденем? – забеспокоился Сэм. [illegible] постелями лежали только их старые изношенные одежды, в которых они проделали весь путь.

– То, в чем шли в Мордор, – ответил маг. – [illegible] надо сохранить. Никакие шелка, ни полотна, ни доспехи, ни гербы не могут быть почетнее. А потом – посмотрим.

Маг протянул им руки. Одна из них странно светилась.

– Что там? – вскрикнул Фродо. – Неужели...

– Да, это ваши сокровища. Они были у Сэма, когда вас спасли. Дары Владычицы Галадриэль: твоя склянка, Фродо, и твоя коробочка, Сэм. Все цело, вам на радость.

Хоббиты умылись, оделись и, конечно, слегка перекусили, а тогда уж последовали за Гэндальфом. Из буковой рощицы они вышли на большой зеленый луг, окруженный высокими деревьями с пышной листвой и большими алыми цветами. Позади шумел водопад, а впереди, по краю луга, струился поток, весело журчал, пел и искрился на солнце.

На лугу собралось множество рыцарей в великолепных доспехах и статных воинов, одетых в черное с серебром. Все почтительно приветствовали хоббитов и кланялись. Пройдя под деревьями вдоль ручья, они вышли на широкое поле. Дальше в серебристой дымке текла широкая река и виднелся остров. Там стояли корабли. Все поле заполнили войска. Они выстроились блестящими рядами в строгом порядке. При приближении хоббитов над рядами взметнулись разом выхваченные из ножен мечи, прокатился звон склоняемых копий, запели рога и трубы, а люди закричали на многих языках:

Долгая жизнь полуросликам!
Славьтесь великою славой!
Куйо и Периайн ананн! Аглар ни Перианнат!
Славьтесь великою славой, Фродо и Сэмиус!
Даур а Бераэль, Конин эн Аннун! Эглерио!
Славьтесь!
Эглерио!
А лайта те, лайта те! Андаве лайтувалмет!
Славьтесь!
Кормаколиндор, а лайта тариенна!
Славьтесь, Хранители,
славьтесь великою славой!

Позабыв себя от восторга и изумления, Фродо и Сэм прошли вперед и увидели три возвышения, сложенные из зеленого дерна посреди поля. Над правым из них развевалось знамя, на котором по зеленому полю мчался неоседланный

белый конь, над левым было знамя с изображением серебристого корабля на синем фоне, разрезающего волны форштевнем в виде лебедя, а над средним, самым высоким из трех, реяло по ветру большое черное знамя с белым цветущим деревом, семью звездами и сияющим венцом. Под знаменем сидел человек с мечом, лежащим на коленях, в кольчуге, но без шлема. При их приближении он встал, высокий, статный, темноволосый и сероглазый. И тогда они узнали его, хоть он и сильно изменился.

Фродо бросился ему навстречу, Сэм за ним по пятам.

– Ну, вот теперь еще и это! – кричал он. – Это же Колоброд, или я сплю!

– Я рад, что ты признал Колоброда, – ответил Арагорн. – Далековато отсюда до Брыля, где я так тебе не понравился. Долго пришлось идти к сегодняшнему дню, но ваш путь был самым мрачным.

И тут, к немалому и крайнему смущению Сэма, Арагорн преклонил перед ними колено, затем взял обоих за руки, подвел к трону и посадил на него, а потом, повернувшись к войскам, крикнул громко:

– Славьте их, славьте героев!

А когда отзвучал радостный гул приветственных криков, то к окончательному и полному удовольствию Сэма, вперед вышел менестрель из Гондора, и, поклонившись низко, попросил разрешения спеть.

– Вожди и рыцари, доблестные воины, короли и князья, славные Люди Гондора, и Всадники Рохана, сыновья Элронда и дунаданы Севера, Эльф и Гном, великие герои Шира и весь свободный народ Запада! – обратился он к собравшимся. – Слушайте меня! Я спою вам о Фродо Девятипалом и о Кольце Всевластия.

От этих слов Сэм счастливо рассмеялся, вскочил и воскликнул:

– Вот это да! Исполняются все мои желания! – И снова заплакал.

Смеялись многие, но кое-кто и плакал тоже, а светлый голос менестреля звучал как серебро, и все затихли, слушая. Он пел то на эльфийском, то на Всеобщем, и сердца слушателей переполнялись страданием высочайшего наслаждения; песня увела их за собой в страну, где горе и счастье сливаются

вместе, и где слезы скорби превращаются в чистое вино блаженства.

Песня кончилась. Арагорн, а вслед за ним и все остальные, встали и перешли в приготовленные шатры, чтобы пить, есть и веселиться до конца дня.

Но Фродо с Сэмом задержались. Их отвели в палатку и переодели в чистое полотно. Прежние одежды аккуратно свернули и уложили с почетом. Пришел Гэндальф и, к удивлению Фродо, принес его меч, эльфийский плащ и кольчугу из *мифрила*, а для Сэма – вызолоченную кольчугу и серый лориенский плащ, вычищенный и аккуратно починенный. Потом маг положил перед ними два меча.

– Не надо никаких мечей, – помотал головой Фродо.

– Сегодня тебе придется взять хоть один, – мягко, но настойчиво проговорил Гэндальф.

Фродо выбрал тот, который поменьше Сэмов.

– А Шершень я тебе отдал, Сэм.

– Нет уж, сударь! Бильбо вам его подарил вместе с кольчугой, ему не понравилось бы, попади он в другие руки.

Фродо подчинился. Гэндальф опустился на колени, точно оруженосец, и застегнул перевязи мечей, потом, поднявшись, возложил им на головы легкие серебряные обручи и повел в шатер; там ожидали хоббитов почетные места рядом с Арагорном, Йомером и Имрахилом. Вокруг сидели другие военачальники, и с ними Гимли и Леголас.

Когда пришло время наполнить кубки, в шатер вошли два оруженосца, как решил Фродо. На одном была черная с серебром одежда воинов Минас Тирита, а на другом – цвета Рохана. Сэм в первый момент удивился, что делать этим мальчишкам в армии, но тут же узнал их.

– Смотрите, Фродо, смотрите! Да ведь это Пиппин! Это наш друг Перегрин! И Мериадок! Но как они выросли! Вот так история! Интересно бы послушать.

– А как же, – степенно ответил Пиппин. – Обязательно услышишь, сразу после пира. А пока, вон, Гэндальфа порасспросите. Он теперь важный стал, хоть и смеется все время. Мы с Мерри сейчас заняты, так вы уж подождите. Мы теперь рыцари Гондора и Рохана, как вы, надеюсь, заметили.

Пир кончился поздно вечером. Круглая луна медленно плыла над одевшимся в туман Андуином, мерцая среди ше-

лестящих листьев. Фродо и Сэм не могли наговориться с Мерри, Пиппином и Гэндальфом, а потом к ним присоединились еще Леголас и Гимли. Постепенно герои дня узнали историю отряда после того, как они расстались у водопада Рэрос. И все-таки еще о многом оставалось расспросить и на многие вопросы ответить.

Орки, говорящие деревья, травянистые равнины, скачущие всадники, мерцающие пещеры, золотые палаты, белые башни, битвы и большие корабли, – все это проходило у Сэма перед глазами, пока он не почувствовал, что засыпает. Однако больше других чудес его все-таки поражал рост Мерри и Пиппина. Он несколько раз заставил их меряться с собой и Фродо.

– Вот чего не могу понять, – проговорил он. – На целых три дюйма выше, чем полагается, или я гном!

– Вот уж нет, – усмехнулся Гимли. – Они же пили напиток энтов, а это для простого смертного даром не проходит.

– Напиток энтов? – переспросил Сэм. – Тогда расскажите мне о них еще раз. Я так и не понял, что они такое. Это ж надо, сколько всего произошло за это время!

– Конечно, – отозвался Пиппин. – Надо бы нам запереть Фродо в какой-нибудь башне в Минас Тирите, пусть запишет все это. Иначе он забудет половину, и старый Бильбо будет очень огорчен.

Наконец, Гэндальф встал.

– Арагорн – великий целитель, – сказал он, – но вы вернулись от самых дальних пределов смерти. И хоть вы спали потом долго и крепко, сейчас вам снова пора в постель.

– Это и к тебе относится, Пиппин, – напомнил Гимли. – Я люблю тебя, хотя бы за те мытарства, которых ты мне стоил и которых я никогда не забуду. Но только я не забуду и другого: как нашел тебя на поле боя. Если бы не Гимли, ты бы там и остался. Хорошо, я хоть знаю, как выглядят хоббичьи лапы, даже когда они торчат из-под груды тел. Когда я поднял твой так подросший труп, я был уверен, что ты мертвей мертвого. Я тогда чуть бороду себе не вырвал. – Он важно погладил свою ухоженную бороду. – А сегодня – первый день, как встал, и уже скачешь, как кузнечик. Ложись-ка, давай. Я тоже лягу.

– А я, – мечтательно проговорил Леголас, – буду бродить по рощам этой прекрасной страны, это лучший отдых.

Когда-нибудь кое-кто из нашего народа обязательно переселится сюда, и этот край на время станет благословенным. Может, на месяц, может, на жизнь, а может, на сто человеческих жизней. Но Андуин близок, и Андуин ведет к Морю. К Морю!

К Морю! К Морю! Там чайки печальные плачут!
Белопенные гребни играют и пляшут...
Ветер, яростный ветер – о чем ты просвищешь?
Серебристый корабль – ты слышишь ли, слышишь? –
То зовут голоса на Последнем Причале...
Я покину леса, что меня осеняли,
Где прекрасные годы опали листвою...
Одинокий, уйду я дорогой морскою
По высокой волне к Всеэльфийскому Дому,
Недоступному смертному взгляду земному...
О Эрессэа, край вековечно цветущий,
Бесконечно манящий, навечно зовущий...

Так напевая, Леголас спускался с холма.

Остальные тоже разошлись. Фродо с Сэмом сразу уснули. А утром их снова ждал радостный мир Итилиена. Они провели здесь много дней. Кормалленское поле, где стояли войска, соседствовало с Хеннет Аннун, и река, звенящая на перекатах, делала легкими их сны. А по утрам они умывались в чистых водах, спешащих цветущими лугами к Андуину. Хоббиты бродили то там, то здесь, навещая места, где побывали недавно, и Сэм все надеялся в каком-нибудь глухом уголке леса или на скрытой полянке встретить елефанта. А когда узнал, что при осаде Гондора их поубивали великое множество, то сильно пожалел об этом.

– Ну, нельзя же все сразу, – утешал он сам себя. – И все-таки я много потерял.

Войска готовились к возвращению в Минас Тирит. Усталые отдохнули, раненые выздоровели. Пришлось еще сражаться с недобитыми остатками армий Востока и Юга, но и они, в конце концов, покорились. Настал день, когда вернулись даже те, кто ходил разрушать крепости на севере Мордора.

Приближался май, когда Вожди Запада тронулись в путь. Войска сели на корабли и спустились до Осгилиата: там

отдохнули день, а на следующий были уже на зеленых полях Пеленнора и снова увидели высокие белые башни под высоким Миндоллуином – последнюю память о Священной Западной Стране, Город Людей Гондора, сквозь мрак и огонь встающий к новой жизни.

В канун Майского дня на полях Пеленнора запестрели шатры. Назавтра с восходом солнца Король должен был вступить в Город.

Глава V

КОРОЛЬ И ПРАВИТЕЛЬ

Весь Минас Тирит пребывал в страхе и сомнениях. Их не могли развеять ни хорошая погода, ни яркое весеннее солнце. Слишком мало надежды осталось у тех, кто от каждого нового утра ожидал удара судьбы. Их Правитель умер, даже его праха собрать не удалось, в Цитадели спал вечным сном государь Рохана, а долгожданный и неожиданно обретенный Король Гондора снова ушел, бросив вызов таким грозным силам, с которыми одной доблестью не справиться. И от него не было никаких вестей. С тех пор, как войска миновали Моргульскую долину, в Городе не появлялся

ни один гонец, никто не знал, что происходит на Востоке.

Спустя два дня после ухода войск Йовин обратилась к сиделкам госпиталя с просьбой вернуть ей одежду. Не слушая никаких уговоров, с рукой на перевязи, она отправилась к старшему Целителю.

– Это невыносимо, – обратилась к нему Йовин, – праздно лежать в постели в такое беспокойное время.

– Но вы еще не здоровы, сударыня. Мне поручено присматривать за вами с особым тщанием. Я прошу вас вернуться в палату и еще несколько дней побыть в покое.

– Я здорова, – досадливо отмахнулась Йовин, – во всяком случае, телом. Рука не слушается – это пустяк! Но от безделья я снова заболею. Мне никто ничего не говорит. Какие вести о войне?

– Никаких, – ответил Целитель. – Военачальники миновали Моргульскую долину. Командование принял этот северянин. О нем говорят, что это великий воитель и целитель впридачу. Странно слышать о таком, чтобы рука врачующего еще и мечом владела! В Гондоре давно нет таких, а раньше были, говорят. Я-то всю жизнь только и делал, что латал дыры, оставленные мечами. Можно подумать, что в мире без этих железяк мало болезней! – фыркнул он.

– Начать войну – хватит и одного врага, – сверкнула глазами Йовин. – Те, кто не обзавелся своими мечами, падут под ударами чужих. По-твоему, народ Гондора должен был собирать лечебные травки, пока Темный Властелин собирает армии? Здоровое тело – это еще не все, а гибель на поле боя – не обязательно беда. Если бы у меня был выбор, в этот темный час судьбы я бы без колебаний выбрала последнее.

Старший Целитель с удивлением взглянул на девушку. Она стояла перед ним, прямая, как стрела; на побледневшем лице лихорадочно блестели серые глаза. Йовин порывисто повернулась и подошла к окну, выходившему на восток. Целитель вздохнул и покачал головой.

– Разве в Городе нечего делать? – спросила от окна Йовин. – Кто сейчас управляет всем?

– Я точно не знаю, – пожал плечами Целитель. – Меня эти вопросы мало касаются. Кажется, у рохирримов свой начальник, а людьми Гондора управляет Хурин. Но законный-то Правитель – Фарамир...

– Где мне найти его?

– В этом же доме, сударыня. Он был ранен, а сейчас пошел уже на поправку. Вот только не знаю...

– Ни к чему гадать! – прервала его Йовин. – Проводите меня к нему, тогда и узнаете!

Правитель Фарамир задумчиво бродил по госпитальному саду, разбитому почти вровень со стеной. Солнышко пригревало, и он с удовольствием ощущал, как в тело возвращается былая сила, вот только на сердце лежала тяжесть. С высокой стены он то и дело почти непроизвольно поглядывал на восток. Заслышав шаги, он обернулся и увидел подходившего старшего Целителя и незнакомую девушку. При виде ее руки на перевязи Фарамир испытал острую жалость, и тут же ему передалось снедающее юную воительницу беспокойство.

– Правитель, – обратился к нему лекарь, – вот Йовин из Рохана. В бою она была вместе с королем и приняла жестокий удар. Теперь находится на моем попечении, но не желает лечиться, а требует беседы с вами.

– Я не жалуюсь на лечение, – горячо заговорила Йовин, – оно прекрасно... для тех, кто хочет вылечиться. Но я не могу лежать взаперти, без дела. В битве я искала гибели, но осталась жива. Так ведь война не закончена...

Фарамир знаком отослал Целителя.

– Что же вы хотите от меня? – участливо спросил он. – Тем более, что я и сам пленник этих мудрых врачевателей.

Говоря, Фарамир внимательно вглядывался в черты ее благородного лица, все больше проникаясь жалостью к этому прекрасному и печальному воину степей.

А Йовин смотрела на Правителя, теряясь от нежности в его глазах, совершенно несвойственной Всадникам Рохана, и вместе с тем прекрасно видела, что ни одному из рохирримов не выстоять в поединке с этим благородным рыцарем.

– Что же вы хотите от меня? – повторил Фарамир. – Скажите, и, если это в моей власти, я исполню ваше желание.

– Прикажите Целителю отпустить меня, – гордо произнесла Йовин, но в душе у нее уверенности не было. Пожалуй, впервые в жизни она усомнилась в себе. Она испугалась, как бы этот рослый воин, суровый и нежный одновременно, не счел ее просто капризной девицей, которая сама не знает, чего хочет.

– Я не могу приказывать Целителю, – улыбнулся Фарамир. – Да и правление Городом я еще не принял. Но даже обладай я всей полнотой власти Правителя, и тогда не стал бы перечить ему в делах, в которых сам понимаю мало.

– Но мне не нужно исцеление, – настаивала Йовин. – Я хочу идти с войсками, как мой брат Йомер, а еще лучше – как король Теоден. Он пал, обретя славу и покой.

– Даже будь у вас силы, поздно спешить вслед вождям. Гибель в битве – удел воина, не зависящий от его желания. Смерть подстерегает его везде и, сдается мне, наш долг – встретить ее достойно, а пока – подчиняться Целителям и терпеливо копить силы.

Фарамир не услышал ответа и, взглянув в лицо девушки, почувствовал, как словно разжалась у нее внутри сжатая дотоле пружина. Так самые трескучие морозы отступают перед первым же слабым дыханием весны. Маленькая слезинка прочертила дорожку на бледной щеке. Чуть склонилась ее гордая голова. Тихо, скорее себе, чем Правителю, Йовин пожаловалась:

– Но Целители снова уложат меня в постель, а в моей комнате нет ни одного окна, выходящего на восток. – Теперь голос, произнесший эти слова, был обычным голосом совсем юной, печальной девушки.

Фарамир улыбнулся.

– Ну, вот это поправимо. Такому горю я смогу помочь. Если вы останетесь в госпитале, то сможете гулять в саду и сколько угодно смотреть на восток. А я буду поджидать вас здесь, тоже посматривая в ту сторону. Может быть, нам будет легче, если мы вместе будем думать и разговаривать о наших ушедших надеждах.

Йовин подняла голову и взглянула прямо в глаза Фарамиру. Щеки ее слегка порозовели.

– Едва ли вам будет легче со мной, Правитель. И о чем мне говорить с живыми?

– Хотели бы вы услышать прямой ответ? – пристально глядя на девушку, спросил Фарамир.

– Да, – с едва заметным колебанием ответила она.

– Тогда – вот он. Послушайте меня, Йовин из Рохана. В лугах Гондора немало прекрасных цветов, в селениях Гондора немало прекрасных девушек, но никогда еще не доводилось

мне встретить цветок или девушку столь прекрасную и столь печальную, как вы. Может быть, светлому миру осталось жить всего несколько дней, но я надеюсь бестрепетно встретить приход Тьмы, а если при этом в последнем солнце смогу видеть вас, то встречу любые беды с легким сердцем. Мы с вами далеко уходили под крылья Тьмы, и вернула нас из царства теней одна и та же рука.

– Увы, Правитель, эта рука вернула лишь мое тело. Напрасно ждать моего исцеления. Я – щитоносец Рохана, моя рука – рука воина, я не гожусь для нежных разговоров. Но признательна вам за разрешение покидать время от времени мою тюрьму. Я воспользуюсь предложением Правителя Гондора.

Учтиво попрощавшись, Йовин вернулась в дом. А Фарамир долго еще бродил по саду, только теперь взгляд его чаще обращался к окнам госпиталя, чем к восточным стенам.

Вернувшись в свою комнату, Фарамир вызвал Целителя и подробно расспросил о девушке из Рохана.

– Я думаю, Правитель, – заключил свой рассказ лекарь, – что знать о ней больше должен полурослик. Он тоже у нас на попечении. Это – оруженосец короля Рохана, он был с ним и с девушкой, как говорят, до самого конца.

Так Мерри предстал перед Фарамиром, и они проговорили весь день. Из разговора Правитель узнал намного больше, чем мог сообщить Мерри. Во всяком случае, он уяснил причины тоски и тревоги, мучивших прекрасную воительницу.

Следующим вечером Правитель и Мерри долго гуляли по саду, но Йовин не дождались. Фарамир встретил ее лишь утром. В белых одеждах, вся пронизанная солнцем, она стояла на стене и спустилась, когда Фарамир окликнул ее.

Весь этот день они провели вместе, то прогуливаясь по саду, то сидя на скамеечке под раскидистым деревом, то молча, то за разговором. А назавтра встретились снова. Старший Целитель смотрел на них из окна и радовался в душе – одной, нет, даже двумя заботами у него стало меньше. Среди страхов и дурных предчувствий, тяготивших жителей Города, эти двое расцветали на глазах и с каждым днем набирались сил.

На пятый день после знакомства с Правителем, Йовин снова стояла на стене рядом с ним. Вестей по-прежнему не было. Лица горожан стали совсем угрюмыми. И, как нарочно,

испортилась погода. Похолодало, а северный ветер с дождем заставил потускнеть весенние краски окрестных земель.

Фарамир и Йовин кутались в плащи, а на плечах девушки синела накидка цвета летнего вечера с серебряными звездами по краю. Когда-то ее носила Финдуилас из Дол Амрота, мать Фарамира, и теперь Правителю казалось, что эта одежда удивительно подходит печальной красоте Йовин, придавая ее грусти величавый оттенок.

Но девушка зябко вздрагивала даже под этим звездным покрывалом. Она неотрывно смотрела на север, туда, где небо было ясным и словно твердым, и откуда порывами налетал ветер.

– Что вы надеетесь увидеть там, Йовин? – спросил Фарамир.

– В той стороне Черные Ворота? Он ведь оттуда должен вернуться? Уже семь дней прошло...

– Семь дней, – задумчиво повторил Фарамир. – Конечно, велика наша тревога за ушедших, но мне эти дни даровали радость и боль, которых я не ждал совсем. Мне радостно видеть вас, и больно от близости Тьмы, вот-вот грозящей оправдать приходом своим наши худшие опасения. Потому что именно теперь я, как никогда, страшусь конца этого мира, страшусь слишком скоро утратить то, что едва обрел.

– Что же вы обрели, Правитель? – Девушка в упор взглянула на Фарамира, и он впервые заметил в ее глазах промелькнувшую затаенную нежность. – Что можно найти, находясь все в тех же стенах, и о потере чего стоило бы сожалеть? Давайте уйдем отсюда. Мне холодно. Я только не знаю, откуда этот холод. Я словно снова стою на краю пропасти и, не смея обернуться, ожидаю решения своей судьбы.

– Все мы думаем сейчас о судьбе, – осторожно ответил Фарамир.

Им казалось, что ветер притих, а солнце в небе умерило свой блеск. Словно ранние сумерки среди дня пришли в Город, и глуше стали звуки на улицах, и птицы замолчали в лугах, и молодая листва замерла на деревьях, и не стало слышно даже их собственного дыхания, даже биения сердец, словно замерло время. Их руки встретились и сплелись, но они не заметили и этого, застыв в напряженном ожидании

неведомо чего. Им казалось, что над гребнями далеких гор медленно вырастает волна Тьмы, встает над миром, змеящаяся молниями по верхнему краю. Стены Города вдруг мелко задрожали, а земли вокруг словно вздохнули судорожно, и только тогда Йовин с Фарамиром снова почувствовали стук сердец в груди.

– Это напоминает мне Нуменор, – произнес Фарамир и подивился звукам собственного голоса.

– Нуменор? – как-то растерянно переспросила Йовин.

– Да, Нуменор, прекрасную Эленну, поглощенную морем. Огромная волна поднялась тогда над холмами и зелеными равнинами, а перед ней катилась Тьма, и не было спасения. Мне часто снился конец Нуменора, – объяснил он.

– Ты думаешь, Тьма наступает снова? Тьма, Которой Не Избежать? – Йовин внезапно приникла к плечу Фарамира.

– Нет, ведь это лишь образ, пришедший из сновидений, – мягко сказал Фарамир, заглядывая ей в лицо. – Я не знаю, как будет. Рассудок кричит мне о великом бедствии, о том, что мы стоим у конца времен, а сердце твердит – нет, и тело верит сердцу, ему легко, в нем надежда и радость вопреки всяким доводам. Йовин, Йовин, белый цветок Рохана! В этот час я не верю, что придет Тьма!

Он наклонился и поцеловал ее. Снова поднялся ветер. Он взвихрил и переплел их волосы, черные кудри Фарамира с золотыми локонами Йовин. Никакой тени не было и в помине, солнце сияло, освещая ясный мир и серебрясь в волнах Андуина. В домах люди запели от нечаянной радости, посетившей сердца, удивляясь самим себе и не находя причины.

После полудня с востока прилетел исполин-орел. Он принес, наконец, долгожданные вести. С неба несся громовой орлиный клекот.

Пойте, о люди Анорской твердыни –
Мир Саурона низвергнут навеки,
В прах обратилась Черная Башня!
Пойте же, люди Крепости-Стража,
Бдение ваше победе служило;
Сорваны, сломаны черные двери,
И воцарился на троне исконном
Победоносный Король!

Пойте, ликуйте, о Запада дети,
С вами Король ваш пребудет вовеки,
Мудрый, могучий и великодушный.
Мертвое дерево к жизни вернется,
И засияет возвышенным светом
Благословенный ваш край!
Пойте, о Люди!

И люди пели на всех городских улицах.

А потом настали золотые дни. Весна в веселии передавала лету гондорские поля. От Кеир Андроса прискакали гонцы, и Город готовился к встрече Короля.

Мерри, не только выздоровевший, но и изрядно поздоровевший, отбыл с обозом к Осгилиату, а оттуда водой к Кеир Андросу. Фарамир принял правление; хотя и недолгим ожидалось оно, но Правитель должен был подготовить страну к приходу Короля.

Йовин осталась в Городе, чем немало удивила брата, звавшего ее на Кормалленское поле. Она по-прежнему жила в госпитале, снова побледнела и, единственная во всем Городе, имела вид печальный и недужный. Здесь и отыскал ее Фарамир.

– Йовин! Почему ты не в Кормаллене? Ведь Йомер присылал за тобой!

– Разве ты не догадываешься? – тихо спросила она.

– По крайней мере, две причины могу я назвать, но какая верна, не знаю. Тебя позвал только брат, а ты ждала другого приглашения – это раз; другая причина в том, что я не поехал в Кормаллен, и ты решила остаться со мной. Впрочем, допускаю, что виновны обе причины, и ты сама не знаешь, какая важнее. Йовин, ты не любишь меня, или не хочешь любить?

– Я хотела бы, чтобы меня любил другой, – тихо, но твердо ответила она, – а жалости мне не нужно.

– Знаю, – кивнул Фарамир, – ты хотела бы любви Арагорна. Он велик и знатен, а ты стремишься к славе и презираешь обычные земные дела. Ты в восторге от него, как новобранец от ветерана с маршальским жезлом. Да, он великий вождь, величайший из ныне живущих. Тебе достались от него понимание и жалость, и тогда ты в обиде отправилась искать смерть в бою. Теперь посмотри на меня, Йовин!

Она подняла взор и долго смотрела в глаза Правителю.

– Не презирай жалости, подаренной благородным сердцем, Йовин! – воскликнул Фарамир. – Я не о своей жалости говорю. Ты, отважная, знатная Всадница, уже заслужила великую славу, и ты прекрасна так, что даже эльфийский язык не в силах описать твою красоту. Я люблю тебя, Йовин. Да, сначала при виде твоей скорби жалость пронзила мне сердце, но теперь в нем только любовь. И будь ты хоть Королевой Гондора, моя любовь не стала бы слабее. Любишь ли ты меня, Йовин?

И тогда сердце гордой девушки-воина дрогнуло и сбросило сковывавший его льдистый панцирь, словно пригретое летним солнцем.

– Я по своей воле осталась в Минас Аноре, Крепости Солнца, – звонко произнесла она, – и вот Тьма отступает! Я не хочу больше зваться щитоносцем Рохана и оспаривать боевую славу у великих Всадников. Я не хочу больше искать радости в боях и походах. Отныне я стану целительницей и буду любить все, что растет и плодоносит. – Она снова взглянула на Фарамира и тихо добавила: – И я не хочу быть Королевой Гондора.

Фарамир счастливо рассмеялся.

– Вот и прекрасно! Ведь я-то – не Король! Но, думаю, это не помешает мне взять в жены прекрасную дочь Рохана, если она того пожелает. За рекой, на цветущих землях Итилиена разобьем мы наш сад, и под твоими руками станет он пышно цвести и плодоносить.

– Значит, мне оставить народ мой ради знатного гондорца? – В глазах Йовин промелькнуло прежнее гордое выражение. – А о тебе станут говорить: «Вот, бывший Правитель укротил строптивую степную воительницу вместо того, чтобы выбрать среди дочерей Гондора»?

– Пусть говорят, что хотят, – беспечно ответил Фарамир. Он обнял девушку и поцеловал, нимало не заботясь о том, что стоят они на городской стене, на глазах всего Города. Действительно, многие видели их и дивились свету их лиц, когда они спускались рука об руку со стены.

Войдя к старшему Целителю, Фарамир сказал:

– Вот Йовин из Рохана. Она здорова.

– Тогда она больше не нуждается в нашей заботе, – ответил Целитель. – Я передаю ее на ваше попечение и желаю никогда не знать ран и болезней.

Но тут сама Йовин выступила вперед со словами:

– Теперь, когда мне можно уйти, я хотела бы остаться. В этом доме ко мне пришло счастье.

Она так и оставалась в госпитале до возвращения брата.

Город приготовился к торжеству. Отовсюду сходился и съезжался народ, ибо весть о победе и возвращении Короля прокатилась от Мин Риммона до Пиннат Гелина и дальних побережий. Женщины и дети вернулись домой с охапками цветов, из Дол Амрота прибыли самые искусные в стране арфисты, а из Лебеннинских долин – звонкоголосые певцы, флейтисты, трубачи.

И вот настал вечер, когда со стен можно было увидеть шатры, раскинутые по всему полю. Люди возле костров ждали рассвета.

Ясное утреннее солнце встало над восточными горами, свободными от мрака. В Городе звонили колокола, реяли знамена. На Белой Башне в последний раз был поднят стяг Правителей, белый, как снег на солнце, без гербов и девизов.

Войска шли к Городу, и народ смотрел, как они идут, колонна за колонной, блестя на солнце вооружением. Они подошли к Воротам и остановились в фарлонге от них. В проеме стояли воины в черных с серебром доспехах, с обнаженными длинными мечами. Возглавляли почетную стражу Фарамир Правитель, Хурин Хранитель Ключей и с ним другие вожди Гондора. Здесь же были Йовин, Эльфхельм, и Всадники Рохана, а по обе стороны Ворот теснились толпы народа в разноцветных одеждах, с гирляндами цветов.

Перед Воротами оставалось большое свободное пространство, со всех сторон окруженное рыцарями и воинами Гондора, Рохана, горожанами и людьми, съехавшимися со всех концов страны. Все смолкло, когда из рядов подошедшей армии выступили Следопыты-северяне, одетые в серое с серебром. Их отряд возглавлял Арагорн. На нем была черная кольчуга с серебряным поясом и длинный белоснежный плащ, скрепленный у горла пряжкой с большим сияющим зеленым камнем. Он шел с непокрытой головой. Волосы охватывал легкий серебряный обруч, поддерживавший лучистую звезду. Рядом шагали Йомер из Рохана, князь Имрахиль, Гэндальф и четверо низкорослых воинов. Многие из собравшихся с удивлением рассматривали их.

– Нет, сестра моя, это не мальчики, – говорила стоявшая в толпе целительница Иорет своей родственнице, – это *периане*, они из далекой страны Полуросликов. Говорят, они были там прославленными вождями. Это точно. Я ходила за одним из них в госпитале. Ты не смотри, что они ростом не вышли, других таких воинов поискать. У нас говорят, что двое из них побывали в Стране Мрака, сражались там с Темным Властелином и – поверишь ли! – разрушили Черную Крепость. Они большие друзья с нашим Эльфинитом. А уж он-то как хорош! В обращении не очень ласков, знаешь ли, но сердце у него золотое. И он исцеляет одним прикосновением! «Руки Короля – руки целителя», сказала я, и с этого все началось. А Митрандир сказал тогда: «Иорет, люди долго будут помнить твои слова»...

Но ей не пришлось больше поучать свою приезжую родственницу. Над полем запела труба, и настало мертвое молчание. Тогда от Ворот двинулся Фарамир, его сопровождал Хурин Хранитель Ключей, а за ними следовали четверо воинов в высоких шлемах и вооружении Цитадели. Они несли большой ларец из черного *лебетрена*, окованный серебром.

Фарамир встретился с Арагорном, преклонил колено и произнес:

– Последний Правитель Гондора просит соизволения сложить с себя права. – Он протянул белый жезл.

Арагорн принял жезл и тут же вернул со словами:

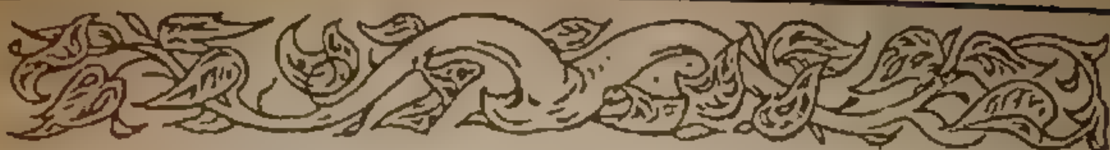
– Служба твоя не кончена. Она остается на тебе и на твоих наследниках, пока длится мой род. Делай, как должно!

Фарамир поднялся и звучно произнес:

– Люди Гондора! Слушайте Правителя! Пришел человек, предъявляющий права на титул Короля. Вот он, перед вами. Это Арагорн, сын Арахорна, князь дунаданов Арнора, предводитель войск Стран Запада, носитель Звезды Севера, обладатель Возрожденного Меча, непобедимый в битве, исцеляющий прикосновением, Эльфинит, Элессар из рода Валандила, сына Исилдура и внука Элендила из Нуменора. Быть ли ему Королем над вами, войти ли в Город, править ли на древнем престоле?

И весь народ, и все войска хором вскричали: «Да!». А Иорет сказала своей родственнице:

– Это, сестрица, просто обряд такой. Он ведь уже был в Городе-то, и сказал мне... – тут ей снова не дали договорить. Фарамир продолжал:



– Люди Гондора! По древним обычаям, сын принимает венец из рук отца. Я вынужден нарушить обычай. Я, законный Правитель Гондора, сам принес из Рат Динен Венец Эарнура, последнего Короля, ушедшего еще при наших пра-прадедах!

И тут воины выступили вперед. Фарамир открыл ларец и достал оттуда Венец Королей Гондора. Видом он был похож на шлемы стражей Цитадели, но выше, и он был весь белый, а серебряные и жемчужные крылья по обе стороны походили на крылья морской птицы – древний символ Королей, Пришедших из-за Моря. В его обруче сверкали семь алмазов, а на вершине – один камень, горевший словно пламя.

Арагорн взял Венец, высоко его поднял и внятно произнес:

– *Эт Эарелло Эндоренна утулиен. Синоме маруван ар Хилдиниар тенн Амбар-метта!*

Это были те самые слова, с которыми Элендил пришел из-за Моря на крыльях ветра: «Из Великого Моря пришел я в Средиземье. Здесь буду жить я и мои наследники до скончания мира».

Но, к изумлению собравшихся, Арагорн не стал надевать Венец, а вернул его Фарамиру со словами:

– Трудами и отвагой многих пришел я к этой минуте. Я прошу Хранителя взять Венец и отдать Митрандиру. Пусть самый мудрый из нас, кому по праву принадлежит честь победы над Врагом, решит, как поступить с этим символом власти.

Фродо, невольно затрепетав, принял Венец из рук Фарамира и подал Гэндальфу, а потом Арагорн преклонил колено, и Гэндальф увенчал его со словами:

– Настали дни Короля, да будут они благословенны, пока стоят троны Валаров!

Общий вздох пронесся по толпе. Арагорн встал. Собравшиеся глядели на него в молчании, ибо им показалось, что сейчас они видят его впервые. Он был высок ростом, как древние вожди, – выше всех окружающих, и одновременно казался и древним и юным, мудрым, светлым и могущественным. Фарамир вскричал:

– Вот подлинный Король!

Снова запела труба. Король Элессар подошел к Воротам, и Хранитель Ключей с поклоном пропустил его. Новый правитель под звуки арф, виол и флейт, под звонкоголосое пение шел по усыпанным цветами улицам к Цитадели, и

когда он вступил на порог, на самой верхней башне было поднято знамя с Древом и Звездами.

Так началось правление Элессара, о котором сложено множество легенд и песен. При нем Город расцвел, как никогда. Улицы украсились деревьями и фонтанами, Ворота из *мифрила* тускло сверкали, тротуары замостили белым мрамором. В Городе работали гномы, часто наведывались эльфы. Все были здоровы и в достатке, в домах зазвенел детский смех, и не было больше ни слепых окон, ни пустых подворий. А когда Третья Эпоха миновала и началась следующая, то и в ней сохранилась память о славе и блеске минувших дней.

Во дни, последовавшие за коронацией, Король сидел на троне в Зале Королей и вершил дела страны. От многих народов прибыли послы – с Востока и с Юга, от границ Сумеречья и из Дунгарского края на западе. Король простил покорившихся вастаков и отпустил их с миром, он заключил мир с народом Харада; он освободил рабов Мордора и отдал им все земли вокруг озера Нурнон. Тогда же предстали перед ним многие, доблестью своей заслужившие хвалу и награду, а последним начальник Стражи привел на суд Берегонда.

И Король сказал:

– Берегонд, твой меч запятнал кровью древнее Святилище. Ты покинул пост без разрешения Правителя или начальника Стражи. В древности за эти поступки расплатой была смерть. Сейчас я решаю твою судьбу.

Ты искупил вину доблестью в битве, искупил с лихвой, потому что вела тебя любовь к Правителю Фарамиру. Но Стражем тебе не быть и в Минас Тирите не жить больше...

Кровь отхлынула от лица Берегонда. Пораженный до глубины души, он низко опустил голову, а Король меж тем продолжал:

– ...потому что ты входишь отныне в состав Белого Отряда, личной гвардии Фарамира, Князя Итилиена. Ты назначаешься там начальником Стражи и будешь жить на Эмин Арнен в чести и мире, служа тому, ради кого рисковал всем.

Берегонд, снова потрясенный, но теперь уже великодушием и справедливостью Короля, опустившись на колени, поцеловал ему руку и ушел радостный. Арагорн даровал Фарамиру во владение Итилиен и просил стать защитой Городу.

– Ибо, – сказал он, – Минас Итиль в Моргульской долине должен быть разрушен до основания. Когда-нибудь очистится и этот край, но еще долгие годы ни один человек не сможет жить там.

Последним из всех Арагорн призвал Йомера, обнял его и сказал:

– Нам ли говорить о дарах и наградах, ведь мы братья отныне. В счастливый час пришел Йорл с Севера, и не было среди народов более благословенного союза. Ни один из наших народов ни разу не подвел другого. Теоден Прославленный покоится в усыпальнице в нашем святилище. Оставишь ли ты его в покое, или решишь перенести тело в Рохан, к его народу?

И Йомер ответил:

– С того дня, как ты вырос передо мной из зеленой травы, я люблю тебя, и любовь эта не кончится никогда. Но сейчас я должен вернуться к себе, страна моя нуждается в присмотре и уходе. Что же до павшего короля – мы вернемся за ним, когда все будет готово. Пока же пусть покоится здесь.

И Йовин сказала Фарамиру:

– Отпусти и меня с братом, мой повелитель. Я хочу еще раз повидать свою страну и помочь в трудах Йомеру. Но когда тот, кто был мне вместо отца, обретет вечный покой, я вернусь.

Так шли дни. В восьмой день мая Всадники Рохана собрались и уехали, вместе с ними ушли и сыновья Элронда. Вдоль всей дороги от самых городских Ворот до Пеленнорских стен стояли люди, воздавая им почести и провозглашая хвалу. Потом отправились по домам и те, кто пришел издалека. А в Городе трудолюбивые руки строили, возрождали, убирали следы войны и стирали память о Тьме.

Хоббиты вместе с Леголасом и Гимли все еще гостили в Минас Тирите. Арагорн не хотел, чтобы Братство Кольца распалось так сразу.

– Конечно, когда-нибудь все кончается, – говорил он, – но я просил бы вас задержаться здесь еще ненадолго. Не настал еще конец событиям, в которых все вы приняли участие. Близится день, которого я ждал долгие годы, и встретить его мне хотелось бы в окружении друзей.

Однако, он так и не сказал, чего именно надо ожидать.

Все это время члены Братства Кольца жили вместе с Гэндальфом в прекрасном доме и бродили, где вздумается. Однажды Фродо спросил Гэндальфа:

– Как ты думаешь, какого именно дня ждет Арагорн? Нам здесь хорошо, и уходить не хочется, но дни бегут, а там Бильбо ждет, и потом, дом-то мой – в Шире.

– Что до Бильбо, – степенно произнес Гэндальф, – он ждет того же дня, и знает, что тебя держит здесь. Конечно, дни бегут, но сейчас только май, лето еще не наступило, и, хоть многое переменилось, будто целая Эпоха ушла в прошлое, для листьев и травы не прошло и года с тех пор, как ты ушел из дома.

– Пиппин, – сказал Фродо, – не ты ли говорил, что Гэндальф теперь не такой скрытный, как раньше? Это он, видно, притомился на время, а сейчас отдохнул и снова за свое принялся.

Гэндальф усмехнулся.

– Многим хочется знать заранее, что подадут к столу; а тем, кто готовил пир, хочется сохранить блюда в секрете. Удивление радости не помеха. Арагорн ожидает знака.

Вскоре Гэндальф куда-то запропал. Хоббиты удивлялись, а маг, не сказав никому ни слова, вместе с Арагорном ночью ушел из Города. Он привел Короля к южному подножию Миндоллуина. Отсюда начиналась тропа, проложенная в давние времена, теперь мало кто осмеливался ходить по ней. Она вела через перевал в заповедное ущелье, куда дорога простым смертным заказана. Путники долго пробирались по крутизне, пока не вышли на высокогорное плато у самой кромки снегов. Здесь они остановились и огляделись. Наступало утро. Далеко внизу, как белые столбики, тронутые солнцем, виднелись башни Города; похожая на предрассветный сад, лежала перед ними вся долина Андуина, а Хмурые Горы окутывала золотистая дымка. За серыми скалами Эмин Майл далекой звездочкой блеснул Рэрос, а с другой стороны к Пеларгиру протянулась лента реки. На самом краю земли разливался бледный свет – там было Море.

Гэндальф негромко произнес:

– Вот твое королевство. Оно станет сердцем Западного Мира. Третья Эпоха кончается, на смену ей приходит новая.

Твоя задача – положить ей начало и сохранить то, что удастся. Да, спасено многое, но многое и ушло, а многое еще уйдет. Кончается сила Трех Колец. И все эти земли, – маг широко повел рукой, – станут Домом Людей. Наступает их время, а Старшему Народу предстоит уйти.

– Я давно знаю это, мой друг, – сказал Арагорн, – и хотел с тобой посоветоваться...

– Я уже не даю советов, – остановил его Гэндальф. – Я принадлежу Третьей Эпохе. У меня был враг – Саурон Темный. Теперь конец моим трудам. Я скоро уйду, и бремя ляжет на твои плечи.

– Но ведь и мне предстоит умереть, – сказал Арагорн. – Я смертный, хоть и принадлежу к расе Запада. Да, я проживу дольше многих, и все же – так недолго! Мне придется встретить старость вместе с теми, кто только собирается сегодня появиться на свет. Кто тогда будет править Гондором? Кому передам я власть, если Дерево во дворе у фонтана все еще мертво? Увижу ли я знак перемены моей судьбы?

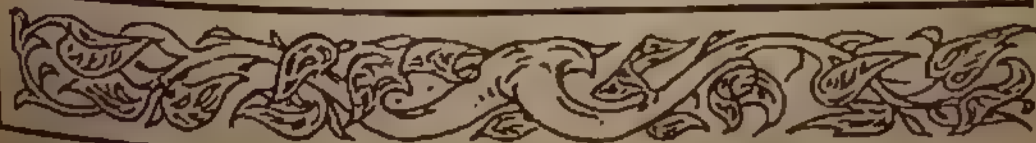
– Увидишь, если отвратишь взор от зелени мира и обратишься к чистому холоду снегов! – торжественно произнес Гэндальф.

Арагорн обернулся. Позади, выше того места, где они стояли, у самой кромки вечных снегов что-то зеленело на белом фоне. Арагорн быстро вскарабкался по склону и увидел стволик молодого деревца не выше трех футов. На нем уже распустились длинные изящные листья, темные сверху и серебристые снизу, а в небольшой кроне снежно белела единственная гроздь цветов.

– *Ие! Утувиениес!* – вскичал Арагорн. – Я нашел его! Вот побег Древнейшего из Деревьев! Но как он оказался здесь? Ему не больше семи лет от роду.

Подошел Гэндальф, посмотрел и сказал:

– Поистине, это продолжение прекрасного рода Нимлот, берущего начало из семени Галатилиона, чей предок – Телперион, Древнейшее из Дерев. Кто знает, почему оказался этот росток именно здесь и сейчас? Мы с тобой стоим на месте древнего святилища. Прежде чем прервался род Королей и Дерево при дворе засохло, здесь, должно быть, оставили плод. Говорят, они редко вызревают, но жизненные силы могут долго спать внутри плода, и никому не предсказать



миг их пробуждения. Помни это. Ибо если плод созреет, он должен быть посажен, иначе это дерево навсегда исчезнет из мира. Долго лежал он здесь, в горах, в тайне ото всех, подобно роду Элендила, таившемуся в запустении севера, с той лишь разницей, что род Нимлот куда древнее твоего, Король Элессар.

Арагорн осторожно взял росток. Он, казалось, едва держался за землю, и легко отделился от тонкого слоя почвы. Арагорн перенес его в Цитадель. Потом выкопали засохшее Дерево, но не сожгли, а с почетом положили ствол отдыхать в тиши Рат Динен. И Арагорн посадил новое Дерево во дворе у фонтана, оно быстро и радостно пошло в рост, а к началу июня уже покрылось цветами.

– Вот я и получил знак, – сказал тогда Арагорн, – близится мой день. – И он послал дозорных на стены Цитадели.

В канун Дня Середины Лета в Город прибыли гонцы из Амон Дина, они рассказали, что видели отряд благородных всадников, приближающийся с севера к Пеленнору.

Арагорн воскликнул:

– Наконец-то! Пусть Город готовится к встрече!

Вечером того же дня, когда небо стало синим, как сапфир, когда на востоке зажглись первые звезды, а запад еще оставался золотым, всадники подъехали к Воротам Минас Тирита. Впереди скакали Элладан и Элрохир с серебряным знаменем, за ними – Глорфиндейл, Эрестор и эльфы Дольна, а следом, на белых конях – прекрасная Галадриэль и Келеберн, Владыки Лотлориена, и с ними многие лориенские эльфы в серых плащах, с сияющими самоцветами в волосах. Последним ехал мудрый Элронд – славнейший среди Людей и Эльфов. Рядом с ним на сером иноходце скакала Арвен, его дочь, Вечерняя Звезда своего народа.

Когда Фродо увидел ее, мерцающую в сумерках, со звездами на челе, он долго молчал, а потом сказал Гэндальфу:

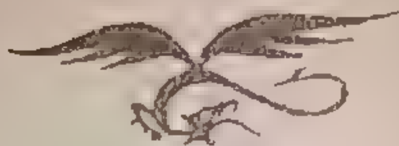
– Теперь я понимаю, почему мы медлили здесь и чего ждали! Вот завершение всему. Теперь не только дни будут прекрасными, но и ночи – благословенными, и все ночные страхи исчезнут.

Король приветствовал своих гостей и они спешились. Элронд подвел Арвен и вложил руку дочери в руку Арагорна. Все вместе они вошли в Цитадель, и звезды проступили в небе над Гондором.

Так Арагорн, Король Элессар, взял в жены Арвен Ундомиэль, и случилось это в Городе Королей, в канун Середины Лета. Так завершилась история многотрудного ожидания Короля.

Глава VI

ВСТРЕЧИ. РАЗЛУКИ



Дни ликования кончились, и Фродо все чаще бывал задумчив. Однажды он встретил Короля и прекрасную Арвен у фонтана под цветущим деревом; они встали, чтобы приветствовать его, и Арагорн сказал:

– Я знаю, ты думаешь о возвращении домой. Что ж, дорогой друг, – дерево растет лучше всего на родине. Я не стану удерживать тебя, но хочу, чтобы ты помнил: во всех странах Запада ты – всегда желанный гость.

– Да, мне пора возвращаться, – кивнул Фродо, – только по дороге я хотел бы заехать в Дольн. Очень хочется

повидать Бильбо. Я думал, он приедет вместе с Элрондом, но его нет.

– Не удивляйтесь этому, Хранитель. – Голос Арвен прозвучал подобно музыке. – Вам знакома сила того, что теперь уничтожено. Ныне все, что было сделано с помощью этой силы, исчезает. Ваш родич долго прожил под его властью. Теперь он уже очень стар, и ему предстоит только одно путешествие...

– Тогда, – запинаясь, сказал Фродо, – я прошу разрешения покинуть страну как можно скорее.

– Мы отправимся через неделю, – сказал Арагорн. – Я провожу тебя до границ Рохана. Через три дня приедет Йомер, он собирается перевезти на родину прах Теодена, и мы вместе будем сопровождать его. Да, и еще, пока ты не ушел, – я утвердил решение Фарамира. Твое право свободно посещать любые области Гондора в любое время остается за тобой. И за твоими друзьями тоже. – Он помолчал, потом положил руку на плечо Фродо и сказал: – Мне нечем одарить тебя по достоинству, но что бы ты ни попросил, я все постараюсь сделать. И поедешь ты с почестями, как пристало великому герою.

Арвен добавила:

– А вот у меня есть для вас кое-что. Вы знаете: я – дочь Элронда. Когда настанет его час отправляться в Серебристую Гавань, я не буду сопровождать его. Мой выбор сделан. Я остаюсь с людьми, на радость или горе, как некогда осталась Лучиэнь. Так вот, я дарю вам мое право отправиться в Серебристую Гавань вместо меня, конечно, если таково будет ваше желание, славный Хранитель.

Если вас еще тревожат раны, и память о тяжком бремени давит на сердце, уходите на Запад. Там излечатся раны, и растает усталость. Возьмите в память об Эльфините и Вечерней Звезде, с судьбами которых переплелась ваша судьба. – Она сняла с шеи сияющий звездным светом камень на серебряной цепочке и протянула хоббиту. – Он поможет вам выдержать воспоминания о страхах и тьме.

Через три дня в Город прибыл Йомер, правитель Рохана, со свитой из лучших Всадников. Ему был оказан торжественный прием, и на пиршестве во Дворце Королей его поразила красота Галадриэль и Арвен. Перед тем, как уйти в опочивальню, он разыскал Гимли и обратился к нему со словами:

– Позвольте узнать, благородный Гимли, при вас ли ваш топор?

– Нет, благородный вождь, – ответил Гимли, – но за ним недолго сбегать, если понадобится.

– Судите сами, – сказал Йомер. – Между нами еще лежат кое-какие поспешные слова, касающиеся Волшебницы из Золотого Леса. Теперь я видел ее собственными глазами.

– И что же вы скажете? – спросил Гимли.

– Увы! – вздохнул Йомер. – Я не скажу, что она – самая прекрасная в мире.

– Ну, так я сбегаю за топором, – невозмутимо откликнулся гном.

– Простите, я еще не кончил, – остановил его Йомер. – Если бы я встретил Владычицу Лориена в другом окружении, то согласился бы с вами мгновенно. Но когда рядом с ней прекрасная Арвен, я готов биться со всяким, кто не признает ее превосходства! Вот теперь я кончил. Ну что, идти за мечом?

Гимли низко поклонился.

– Не надо мечей. Я прощаю ваши слова, доблестный Йомер. Вам по душе Вечер, а мое сердце отдано Утру. Жаль только, что Утро уходит и скоро уйдет навсегда.

И вот настал, наконец, день отъезда. Правители Гондора и Рохана вместе вынесли останки Теодена из усыпальницы и, положив на золотые носилки, в молчании пронесли по Городу. У Ворот носилки поставили на колесницу, окруженную Всадниками. На колеснице, с мечом и щитом павшего правителя, сидел Мерри. Оруженосец Теодена провожал своего повелителя в последний путь.

В свите Арагорна были Фродо, Сэм и Гэндальф. Пиппин ехал вместе с рыцарями Гондора, а Леголас, как всегда, взял с собой на седло Гимли.

С ними отправилась и Королева Арвен, и Келеберн, и Галадриэль с галадримами, и Элронд с сыновьями; уходили также князья Дол Амрота и Итилиена, ведя свои дружины.

Ни одного короля Рохана не сопровождал столь почетный эскорт, как Теодена, сына Тенгеля, возвращавшегося на родину.

Неспешно достигла процессия Анориена, а когда приблизилась к Лесу Друадан, до слуха донесся гул барабанов, хотя никого живого кругом не было видно. Тогда Арагорн велел трубачам протрубить в трубы, и герольды возгласили:

ли ваш

за ним

е лежат
и из Зо-
ии.

– самая

икнулся

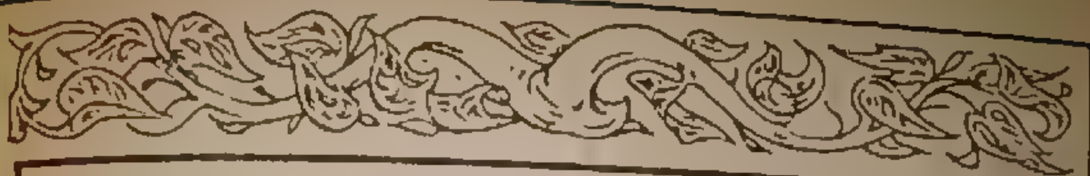
омер. –
ужении,
и с ней
ризнает
мечом?

честный
у. Жаль

Гондора
ельницы
если по
кружен-
павшего
л своего

Пиппин
да, взял

берн, и
уходили
ужины.
четный
родину.
прибли-
ов, хотя
он велел
ли:



– Король Элессар отдает Лес Друадан в вечное владение Лесным Людям. Отныне никто не властен войти в этот лес без их дозволения! – И тогда барабаны загремели как гром, а потом разом смолкли.

После пятнадцатидневного пути погребальный поезд прибыл в Эдорас. Их встретили Золотые Палаты, украшенные прекрасными гобеленами, и там состоялся пир, пышнее которого не помнила столица Рохана. Три дня готовились рохирримы к погребению короля. Его положили в склеп вместе с оружием и множеством других ценных вещей, а над ним насыпали курган, быстро поросший зеленой травой и белыми звездочками Вечной Памяти. Теперь с восточной стороны дороги высились восемь курганов.

Всадники из королевского дома на белых конях скакали вокруг кургана и пели песню о Теодене, сыне Тенгеля. Менестрель Глеовайн сложил ее, и с тех пор он не складывал больше песен. Даже те, кто не знал языка страны, были взволнованы медленным торжественным напевом, а рохирримы слушали песню с горящими глазами и словно воочию гремели вдалеке на севере копыта, и голос Йорла разносился над полем битвы при Келебранте; а предание о королях уводило все дальше, и рог Хельма звучал в горах, и вот пришла Тьма, и восстал король Теоден, и сквозь Тень поскакал в огонь, и умер в величии, когда утреннее солнце осветило склоны Миндоллуина.

Без сомнений, без печали, в пламенеющем рассвете
Он скакал навстречу солнцу
с песней звонкой на устах;
Мчался, меч не обнажая, с возрожденною надеждой,
И с надеждою ушел он, – чтобы на века остаться
В скорбной песне, гордой славе,
Долгой памяти людской...

Мерри плакал, стоя у подножия кургана.

– Прощайте, Теоден, – прошептал он, когда песнь кончилась. – Вы были для меня отцом, хоть и недолго. Прощайте!

Когда церемония завершилась, и стих женский плач, и Теоден, наконец, обрел покой, люди собрались в Золотом Дворце на тризну. Теоден дожил до старости и погиб, стяжав

славу, равную ратной славе великих предков. И когда, по обычаю Рохана, настало время выпить в память королей, вперед выступила Йовин, золотая, как солнце, и белая, как снег, и протянула Йомеру наполненную чашу.

Тогда встал менестрель и мудрец. Он назвал поименно всех королей Рохана: Йорла Юного, и Брего, строителя дворца, и Алдора, брата несчастного Балдора, и Фрея, и Фревайна, Голдвайна, Деора, и Грама, и Хельма, укрепившегося в Хельмовой Пади в темные дни Рохана; так поднялись на западной стороне дороги девять курганов, ибо в эту пору пресекся род, и после курганы насыпали уже напротив; Фреалаф, сын сестры Хельма, покоился там, и Леоф, и Валда, и Фолка, и Фолквайн, и Фенгель, и Тенгель, а последний из них – Теоден. И когда прозвучало имя Теодена, Йомер выпил чашу. Йовин попросила слуг наполнить все кубки, и собравшиеся стоя пили за нового короля под возгласы:

– Привет тебе, Йомер, король Рохана!

В конце пира Йомер поднялся и сказал:

– На тризне короля Теодена я хочу сообщить вам радостную весть. Знаю, это против обычая, но уверен: король Теоден не осудил бы меня, потому что всегда был для сестры моей Йовин вместо отца. Слушайте же, высокие гости, благородный народ из разных стран, никогда прежде не собиравшийся в этом дворце! Фарамир, Правитель Гондора и Князь Итилиена, просит руки Йовин с ее согласия. Молодые готовы предстать перед вами.

Фарамир и Йовин выступили вперед. Соединив их руки, Йомер сказал:

– Пусть это будет залогом еще более тесной дружбы между Роханом и Гондором!

Арагорн первым поздравил их и обернулся к Йомеру.

– Вы щедры, король Йомер, коли отдаете Гондору лучшее сокровище Рохана.

Йовин взглянула ему прямо в глаза:

– Пожелай мне счастья, мой вождь и исцелитель.

– Я пожелал тебе счастья в тот миг, когда увидел тебя, – ответил он. – Твоя радость – радость и для меня.

После празднества отъезжавшие простились с остающимися. Арагорн со своими рыцарями, хоббиты и эльфы из Лориена и Дольна были уже готовы к отъезду. Фарамир и

Имрахиль оставались в Эдорасе. Оставалась и Арвен. Она простилась с отцом и братьями, но никто не видел этого прощания. Горьким было оно, так как расставались отец и дочь до конца времен.

Йомер с сестрой сердечно простились с Мерри, желая ему всяческого счастья и приглашая к себе как друга. Они предлагали ему богатые подарки, но он не захотел взять ничего, кроме оружия, которое получил в Рохане. От Йовин он все же принял серебряный на зеленой перевязи рог, украшенный изображениями скачущих коней.

– Рог сделан руками древних мастеров из Подгорного Царства, – сказала она, – его звуки вселяют страх во врагов, а в сердца друзей – радость и силу. Пусть этот подарок напоминает тебе о Дернхельме и пении других рогов, звучавших на рассвете на Пеленнорской равнине.

Мерри принял подарок и поцеловал ей руку, а они обняли его. На том он и расстался с ними.

Из Эдораса Арагорн и его спутники отправились в Хельмову Падь и пробыли там два дня. Леголас исполнил обещание, данное Гимли, и они вместе побывали в Мерцающих Пещерах; но когда они вышли оттуда, эльф был молчалив, и на все вопросы ответил только, что он не может найти слов и передать увиденное.

– Слыханное ли дело, чтобы у эльфа не нашлось слов, – добавил он, качая головой. – Но посмотрим, что будет, когда мы побываем в Лесу Фангорна.

На пути отряд Арагорна сделал остановку в Изенгарде, чтобы полюбоваться делами энтов. От кольца стен вокруг Ортханка не осталось ни следа; все пространство внутри было превращено в сад, а вокруг башни стояло чистое, спокойное озеро, в котором она отражалась, как в зеркале. С того места, где были когда-то ворота, они любовались садом и озером с башней. Здесь их и нашел старый Фангорн.

– Добро пожаловать! – пророкотал он. – Я знал, что вы идете, но заработался в верховьях ущелья, там еще много дел. А вы даром времени не теряли. Я слыхал кое-что, кхм, кхм, и все, что я слышал, хорошо, весьма хорошо.

Некоторое время (не очень маленькое) Древобород посвятил восхвалению их подвигов, о которых знал, похоже, все. Наконец он остановился и задумчиво поглядел на Гэндальфа.

– Ну, выкладывай! – потребовал он. – Могуч ты оказался, и труды твои завершились успешно. Куда путь держишь? Зачем к нам пожаловал?

– Посмотреть на твои труды, старый друг, – усмехнувшись в бороду, ответил Гэндальф, – и поблагодарить за помощь во всех наших делах.

– Хуум, ну, так оно и есть, – несколько смущенный, сказал Древобород. – Это точно. Энты внесли свою лепту. Мы не только разобрались с этим – хуум! – этим проклятым древоубийцей. Было великое нашествие этих – барарум! – этих злобноглядящих-черноруких-кривоногих-жестокосердных-загребущих-смердящих кровопийц, *моримайте-синкахонда* – хуум! – ну, вы то – торопливый народ, а их полное имя длинно, как годы мучений, в общем, этих тварей – орков. Они перешли Реку, спустились с севера, окружив лес Лауреландоренан. Войти в него они, конечно, не смогли, благодаря Великим, живущим там – Старый энт с достоинством поклонился Владыкам Лориэна. – Эти самые мерзкие твари сильно удивились, когда встретили нас в степях, они ведь и не слыхали о нас раньше, как, впрочем, и более достойные народы, хум, хм. Да, так вот, они о нас не знали, да и впредь помнить не будут, потому что мало кому из них удалось уцелеть. Но для вас это было хорошо, потому что если бы не мы, то король травяной страны не ушел бы далеко, а если бы и ушел, у него могло бы не оказаться дома, куда можно вернуться.

– Мы знаем, – сказал Арагорн, – и ни в Минас Тирите, ни в Эдорасе никогда не забудут об этом.

– «Никогда» – слишком долгое слово даже для меня, – проворчал Фангорн. – «Пока живут ваши королевства», ты это хотел сказать; впрочем, они будут жить достаточно долго даже для энтов.

– Начинается Новая Эпоха, – негромко сказал Гэндальф, – может статься, королевства Людей переживут тебя, друг мой Фангорн. Но скажи-ка мне: как вы справились с вашей задачей? Что поделывает Саруман? Ему еще не надоел Ортханк? Вряд ли он в восторге от нового вида из окон, созданного твоими стараниями.

Древобород кинул на Гэндальфа долгий взгляд – очень хитрый взгляд, подумал Мерри.

– А! – сказал он. – Я так и думал, что ты до этого доберешься. Надоел Ортханк? Под конец очень надоел. Не столько башня, сколько мой голос. Хуум! Я тут подолгу с ним беседовал, по-вашему «подолгу», конечно.

– А он слушал? Ты ходил в Ортханк? – быстро спросил Гэндальф.

– Ху-ум, нет, не в Ортханк! Это он подходил к окну и слушал, откуда еще новостей-то набраться... Правда, сами новости ему не нравились, но он был рад, что хоть какие-то есть. К новостям я еще много чего добавлял, о чем ему стоило бы подумать и раньше. Да, он очень устал. Он весь такой торопливый... Это было его слабым местом.

– Я примечаю, друг мой, – сказал Гэндальф, – твои старания подчеркнуть «жил», «был», «устал». А как сейчас? Он что, умер?

– Нет, живой, насколько я знаю, – преувеличенно бодро ответил Древобород. – Но он... ушел. Да, ушел, дней семь назад. Я отпустил его. От него мало что осталось, когда он выполз наружу, а от этого червя при нем осталась лишь бледная тень. Не напоминай мне, Гэндальф, что я обещал стеречь его, я и сам знаю. Но с тех пор многое изменилось. Я и стерег. Он никому не смог причинить вреда. Но тебе известно, как ненавистно мне держать в клетке живые создания, даже таких злодеев можно сажать туда только в самом крайнем случае. Змея без зубов может ползти куда хочет.

– Может, ты и прав, – не очень уверенно произнес Гэндальф, – но один зуб у этой змеи, похоже, остался. В его голосе – яд, думаю, он убедил тебя, даже тебя, Древобород, сыграв на твоем мягкосердечии. Ну, раз ушел, так и говорить больше не о чем. Значит, Ортханк возвращается к Королю. Может быть, правда, он ему не понадобится...

– Там видно будет, – сказал Арагорн. – Отныне эта долина принадлежит энтам, пусть поступают с ней, как знают, лишь бы никто не входил в Ортханк без моего позволения.

– Ортханк заперт, – заметил Древобород. – Я заставил Сарумана запереть башню и отдать ключи. Они у Скородума.

Скородум, стоявший рядом, склонился, как дерево под ветром, и протянул Арагорну два больших черных ключа замысловатой формы, соединенных стальным кольцом.

– Примите мою благодарность, – поклонился в ответ Арагорн. – А теперь я прощаюсь с вами. Пусть лес ваш снова растет в мире. Когда он заполнит эту долину, можно будет перебраться и на запад от гор, вы ведь некогда бродили там...

Лицо Древоборода стало печальным.

– Может, леса и разрастутся, – проскрипел немножко деревянный голос, – но не энты. У нас нет детей.

– Продолжайте поиски, – посоветовал Король. – Теперь земли на востоке снова открыты для вас.

Но Древобород покачал головой.

– Далеко идти. Там теперь слишком много Людей. Но я забыл о приличиях! Не остановитесь ли вы отдохнуть у нас? А, может быть, кому-нибудь было бы приятно пройтись Лесом Фангорна и сократить путь домой? – И он взглянул на Келеберна и Галадриэль.

Но все, кроме Леголаса, поблагодарив, отказались. У каждого была своя дорога.

– Идем со мной, Гимли, – позвал Леголас. – Ты увидишь в Лесу Энтов такие деревья, каких больше нет в Средиземье.

Гимли согласился, хотя, кажется, без особого энтузиазма.

– Ну, вот и расходится наш отряд, – вздохнул Арагорн. – Но я надеюсь, что скоро вы вернетесь ко мне с помощью, которую обещали.

– Придем, если позволят наши правители, – степенно ответил Гимли. – Ну, прощайте, мои добрые хоббиты! Теперь вы благополучно вернетесь домой, и мне больше не придется не спать по ночам из-за вас. Мы будем посылать вести друг другу, но боюсь, нам уже никогда больше не собраться вместе, вот как сейчас. Прощайте!

Древобород распрощался с каждым по очереди и трижды низко, с глубоким почтением, поклонился Келеберну и Галадриэль.

– Давно, очень давно не встречались мы ни у корня, ни у камня. *А ванимар, ванималион ностари!* – сказал он. – Печальна наша встреча на закате, ибо мир меняется. Я чувствую это по воде, я чувствую это в земле, я чую это в воздухе. Вряд ли нам суждено встретиться снова.

– Не знаю, Старейший, – только и ответил Келеберн.

А Галадриэль сказала:

– Не в Средиземье, и не раньше той поры, когда земли, что сейчас лежат под волнами, поднимутся к солнцу. Тогда по весне, в ивовых рощах Тазаринана мы сможем встретиться вновь. Прощай!

Последними прощались со старым энтом Мерри и Пиппин. Древобород повеселел, взглянув на них.

– Ну, веселый мой народец, – промолвил он, – не хотите ли выпить со мной еще по глоточку на дорожку?

– Не откажемся, – храбро ответили хоббиты, и тогда Фангорн отвел их в тень одного из деревьев. Там стоял большой каменный кувшин. Энт наполнил три кубка, и они пили и видели лукавый глаз, поглядывающий на них поверх края.

– Осторожнее, осторожнее, – посоветовал энт. – Вы и так уже подросли за это время, что мы не виделись.

Они рассмеялись и осушили кубки.

– Ну, до свидания! – сказал Фангорн. – И не забудьте: если где услышите новости о женах энтов, дайте мне знать.

Он помахал им вслед руками и скрылся за деревьями.

Дальше всадники направились к Гриве Рохана. Там, где Пиппин смотрел когда-то в Камень Ортханка, Арагорн простился с ними. Хоббитам тяжело было расставаться с таким другом. Они столько прошли вместе...

– Хотелось бы и мне иметь такой камень, чтобы видеть в нем иногда друзей, – вздохнул Пиппин, – и разговаривать с ними.

– На свете остался всего один камень, который для этого годится, – усмехнулся Арагорн. – Вряд ли тебе захочется заглядывать в Палантир Минас Тирита, но Палантир Ортханка – у меня, а ты, как мне помнится, рыцарь Гондора. Никто не освобождал тебя от этой службы. Сейчас ты в отпуске, но можешь снова понадобиться мне. А вас, дорогие друзья, – добавил он, улыбаясь, – я прошу помнить, что мой народ живет на севере, и когда-нибудь я побываю там.

Потом Арагорн простился с Келеберном и Галадриэль. Владычица пожелала ему счастья и мудрости, а Келеберн сказал:

– Прощайте, Эльфинит. Пусть ваша судьба будет лучше моей, и пусть ваше сокровище навсегда останется с вами!

На этом они расстались. Был час заката, и, когда хоббиты обернулись, то увидели Короля Запада, стоявшего на холме в окружении своих рыцарей. В закатном огне доспехи сияли

золотом, а белый плащ Арагорна бился на ветру, как пламя. Он прощально взмахнул рукой, и над ним просияла яркая зеленая звезда.

Вскоре изрядно поредевший отряд свернул на запад и через Гриву выбрался в Пустоземье, потом повернул к северу, пересекая Дунгарский край. Дунгары бежали, страшась эльфов, и путников не беспокоили. Двигались не спеша, останавливаясь на ночлег в приглянувшихся местах.

На шестой день после прощания с Королем они пробирались через лес, спускавшийся с отрогов Мглистых Гор, и на закате вышли на равнину. Здесь их ждала встреча с двумя странниками. Вид у обоих был жалкий. Впереди, опираясь на посох, шагал старик, облаченный в бывшие когда-то белыми лохмотья. Следом тащился, с хныканьем и бессвязным бормотанием, сгорбленный тщедушный нищий.

– Куда путь держишь, Саруман? – негромко окликнул Гэндальф.

Саруман, а это был именно он, злобно ощерился.

– А тебе что за дело? Мало тебе моего падения, ты теперь будешь еще указывать, куда мне идти?

– Нет, Саруман. Я больше не участвую в делах этого мира. Теперь все заботы принял на свои плечи Король. Жаль, что ты не дождался его в Ортханке. Ты бы ощутил на себе его мудрость и милосердие.

– Тем больше было причин уйти, – живо возразил Саруман, – я не нуждаюсь ни в том, ни в другом. А на твой вопрос, так и быть, отвечу. Мой путь лежит прочь из его королевства.

– Опять ты сбился с дороги, – вздохнул Гэндальф, – и твое путешествие – напрасная трата времени. Послушай, мы могли бы помочь тебе...

– Вы? Мне? – прервал его Саруман. – Не надо смеяться. Уж лучше продолжайте ненавидеть меня. Я вам не доверяю, особенно вот этой владычице эльфов. – Он кивнул в сторону Галадриэль. – Я уверен, что ее козни свели наши дороги, это она хотела порадовать вас моим унижением. Надо мне было раньше сообразить, уж я бы лишил вас этого удовольствия!

– Саруман! – молвила Галадриэль. – Ты и вправду думаешь, что у Мудрых только и дела, что преследовать тебя? Пойми,

что представился случай, счастливый шанс, но этот шанс – последний. Другого не будет.

– Ну, если последний, тогда все в порядке, – язвительно отозвался Саруман. – По крайней мере, не придется больше отказываться от ваших милостей. Пускай мои надежды не оправдались, но и вашими я жить не намерен. Если они, конечно, остались у вас! – злобно добавил он.

На миг глаза его вспыхнули.

– Вперед! Хватит болтать! – воскликнул он. – Вы сами погубили себя, безумцы, и знаете это не хуже меня. Где бы я ни скитался, мысль о том, что, разрушая мой дом, вы разрушили и свой, будет доставлять мне удовольствие. На чем вы отправитесь за Море? На сером корабле, полном призраков? – Он расхохотался хриплым, жутким смехом и пнул прикорнувшего было прямо в придорожной пыли своего спутника. – А ну, ты, идиот, вставай! Шевелись! Если этим господам по нраву наша дорога, мы поищем себе другую! Поворачивайся, а то не получишь на ужин ни корки!

Нищий засуетился и запричитал:

– Бедный старый Грима! Бедный старый Грима! Всегда его бьют, всегда обижают... Ох, как я его ненавижу! Как бы мне хотелось избавиться от него!

– Ну и оставь его, – посоветовал Гэндальф.

Однако Грима только со страхом взглянул на него и быстро засеменил вслед за Саруманом.

Возле хоббитов Саруман остановился. Они смотрели на него с жалостью.

– А-а, пострелята! И вам любопытно поглядеть на унижение старика? Вам ведь нет дела до его надобностей, так? У вас-то ни в чем нет нужды, как я вижу! И еда, и одежда, всего вдоволь. Поди, и табачок имеется... Знаю, знаю, откуда он. Так не пожалуете ли на трубочку нищему страннику?

– Я бы дал, так нету у меня, – с сожалением сказал Фродо.

– Постой-ка. – Мерри спешился и стал шарить в седельной сумке. – У меня где-то был. Да вот он! Возьми, что есть. – Он протянул Саруману кисет. – Это из запасов, которые мы нашли в Изенгарде.

– Мой табачок, мой, и дорого куплен! – хрипло вскрикнул Саруман, хватая кисет. Он поклонился с издевкой. – Ограбленному выбирать не приходится. Если грабители хоть что-то

вернут – и то хорошо. Тебе не пойдет на пользу добро Изенгарда. Дома-то у тебя дела не так хороши, как хотелось бы. Долго не видать вам листьев из Южной Чети!

– Вот тебе и раз! – удивился Мерри. – Это ты вместо спасибо, значит. Давай-ка кисет назад, он-то мой собственный. Пересыпь табак куда-нибудь к себе.

– Свои люди, сочтемся, – подмигнул Саруман, сунул кисет за пазуху, еще раз пнул Гриму и быстро зашагал к лесу.

– Вот уж грабитель, так грабитель, – присвистнул Пиппин.

– Да ладно вам, – озабоченно отозвался Сэм. – Ишь, «куплен», говорит. Как это, хотел бы я знать? Ладно. А вот что это он про наш дом говорил? Надо бы нам поскорей туда...

– Конечно, – согласился Фродо, – только сначала надо все-таки Бильбо повидать. Что бы там ни было, а я иду в Дольн.

– Правильно, – поддержал его Гэндальф и сокрушенно покачал головой. – Бедняга Саруман! Боюсь, что тут уже ничего не поделаешь. Он совсем зачах. Только я все равно не уверен, что Фангорн прав. На какую-нибудь мелкую пакость его еще вполне хватит.

Стоял сентябрь, пора золотых дней и серебряных ночей. Дунгарский край давно остался позади, перед путниками теперь лежали земли Эрегиона. В одно ясное холодное утро со стоянки на вершине холма путники увидели далеко на востоке три снежные вершины, поднимавшиеся под самые облака. Это были Фануидол, Келебдил и Карадрас. Значит, они достигли Ворот Мории.

Здесь отряд задержался на неделю. Близилось еще одно расставание. Келеберну и Галадриэль с эльфами предстояло повернуть на восток, пройти перевалом у Красного Рога и спуститься Росной Долиной к Серебрени, в свою страну. Они ушли так далеко на запад потому, что им о многом еще нужно было поговорить с Элрондом и Гэндальфом, и они медлили расставаться. Когда хоббиты засыпали, мудрые часто просиживали ночи напролет, обсуждая судьбы Средиземья. Но случайный путник, взглянув на них ненароком, увидел бы только серые неподвижные фигуры, похожие на древние каменные изваяния. Он не расслышал бы ничего, ибо они не говорили вслух, только глаза светились и вспыхивали, когда они обменивались мыслями.

В конце концов час разлуки наступил. Келеборн и Галадриэль со своими спутниками отправились в Лориен. Их серые плащи быстро исчезли среди камней. Оставшиеся стояли на холме и смотрели им вслед до тех пор, пока в сгущающихся сумерках не сверкнула в последний раз белая искра. Фродо понял, что это кольцо на руке Галадриэль, поднятой в последнем прощании.

Сэм отвернулся и вздохнул.

– Эх, хотелось бы мне еще разок вернуться в Лориен!

Пришел вечер, когда путники увидели огни Дольна. Они миновали мост, и скоро огромный замок наполнился светом, радостью, песнями.

Едва спешившись, даже не сбросив плащей, хоббиты кинулись искать Бильбо, и нашли его перед камином в комнате, заваленной бумагами, перьями, карандашами. Он выглядел очень дряхлым, но спокойным и сонным.

Когда они вошли, старый хоббит открыл глаза.

– Привет, привет! – слабым голосом произнес он. – Вернулись? А завтра еще и мой день рождения к тому же. Как удачно подоспели! Знаете, мне ведь будет сто двадцать девять. Если еще год протяну, сравняюсь со Старым Туком. Хотелось бы его перещеголять, ну да там посмотрим

Отпраздновали и день рождения Бильбо. Теперь хоббиты часто сидели со своим старым другом Он редко покидал комнату, разве что выходил в трапезную, но ее уж посещал аккуратно, не отлынивая.

Итак, они сидели у камина, по очереди рассказывая обо всех своих похождениях и приключениях. Поначалу Бильбо еще пытался делать вид, будто записывает, но частенько задремывал, а встряхнувшись, говорил: «Превосходно! Просто удивительно! О чем это мы?» – и они снова возвращались к тому месту, где он начал клевать носом. По-настоящему Бильбо заинтересовал только рассказ о коронации и свадьбе Арагорна.

– Меня, конечно, звали, – сказал он, – я ведь давно этого ждал. Но здесь столько дел, а собираться, да ехать потом – так утомительно...

Спустя две недели Фродо как-то выглянул из окна и приметил на траве следы ночного заморозка. И внезапно он понял, что пора идти, пора прощаться с Бильбо. По-прежнему

тихой и ясной была погода, но кончалось самое доброе на людской памяти лето, и близился октябрь. Еще чуть-чуть, и зарядят дожди с ветрами, а путь впереди неблизкий. Но не только погода тревожила его. Он просто чувствовал, что пора возвращаться в Шир. И Сэм чувствовал так же. Прошлой ночью он как раз сказал:

– Ну, сударь, были мы с вами далеко и видели много, а все ж лучше этого места нигде не найти. Здесь есть что-то от всех мест, если вам понятно, про что я: и от Шира, и от Золотого Леса, и от Гондора, и от королевских покоев, и от трактира тоже, и луга, и горы – все намешано. Да только чую я – идти пора. О старике моем тревожусь, по правде сказать.

– Да, все есть, – задумчиво ответил Фродо, – только Моря не хватает.

И он тихонько повторил про себя: только Моря.

В тот же день Фродо говорил с Элрондом, и было решено выходить следующим утром. К их радости, Гэндальф сказал:

– Пойду-ка и я с вами. До Брыля, во всяком случае. Хочу Маслютика повидать.

Вечером прощались с Бильбо.

– Надо, так надо, – вздохнул он. – Жалко, я с вами не могу. Хорошо, конечно, когда вы рядышком, но мне все больше спать хочется.

Он попытался подарить Фродо *мифриловую* кольчугу и Шершень, забыв, что уже сделал это однажды, и дал три книги в красных переплетах, написанные в разное время и озаглавленные *«Переводы с эльфийского. Б.С.»*.

Сэму достался маленький кошель с золотом.

– Последние, почитай, крохи от Смога, – сказал старик. – Может, пригодится, ты вроде жениться задумал...

Сэм покраснел.

– А вам, молодежь, могу преподнести только пару добрых советов, – сказал старик Мерри и Пиппину. – Берегите головы. Если они у вас и дальше так расти будут, то никакая шляпа не налезет. И вообще, кончайте расти, а то одежи не напасешься.

– Раз уж ты собрался перещеголять Старого Тука, – отшутился Пиппин, – почему бы нам не обогнать Бандобраса?

Бильбо рассмеялся и достал из кармана две прекрасные трубки с перламутровыми мундштуками, изящно отделанные серебром.

– Вспоминайте меня, когда курить будете! Эльфы для меня сделали, да я-то уж не курю больше.

Он вдруг опустил голову и задремал, а когда проснулся, спросил:

– Так. Где это мы? А, конечно, подарки дарим. Да, Фродо, а что стало с тем колечком, которое ты унес?

– Нет его, милый Бильбо. Избавился я от него, ты же знаешь.

– Экая жалость! – покряхтел Бильбо. – Хотелось бы мне на него взглянуть. Да нет, что за глупость! Ты же за этим и шел, не так ли? – избавиться от него, да? Э-э, все так запуталось, столько всего переменилось: и Арагорновские дела, и Белый Совет, и Гондор, и Всадники, и южане, и елефанты... Сэм, ты правда видал их? И пещеры, и башни, и золотые деревья, и кто его знает, что еще. Мое путешествие, пожалуй, поспокойнее было. Гэндальф, правда, хотел показать мне еще кое-что, но я бы тогда к пирам не поспел... А теперь уж слишком поздно, да и то сказать: куда приятнее сидеть здесь и слушать обо всем. Камин уютный, а еда – *очень* хорошая, и эльфы есть, коли поговорить захочется. Чего еще желать?

Бежит дорога все вперед,
Куда она зовет?
Какой готовит поворот?
Какой узор совьет?
Вперед по тысяче дорог
Теперь другим шагать,
А мне б – свернуть на огонек
Да чуточку поспать.

Бильбо пробормотал последние слова, голова его склонилась на грудь, и он начал посапывать.

Сумрак сгущался в комнате, все ярче падал свет из камина, хоббиты смотрели, как Бильбо улыбается во сне. Они сидели молча, потом Сэм оглядел комнату, тени, пляшущие на стенах, и тихонько произнес:

– По-моему, Фродо, не так много он написал, пока нас не было. Этак нашу историю никогда не допишешь.

Бильбо открыл глаза, потянулся и встал.

– Эк меня сон одолевает, – сказал он. – А когда есть время писать, хочется писать только стихи. Фродо, дорогой ты мой, может, займешься моими записями? Забери бумаги, и дневник тоже, если хочешь. У меня, понимаешь, никак времени не находится оформить все честь по чести. Возьми Сэма в помощь, а как доведешь до ума, привези мне показать. Я не стану слишком придираться.

– Давай, сделаю, конечно, – согласился Фродо. – А потом вернусь. Теперь это не опасно. Раз есть настоящий Король, он быстро приведет в порядок дороги.

– Спасибо, дорогой мой! – слабо обрадовался Бильбо. – Это для меня – большое облегчение.

И он тут же заснул снова.

На следующий день Гэндальф и хоббиты простились со стариком в его комнате – за дверью было холодно, – а потом распрощались с Элрондом и эльфами.

Фродо обернулся на пороге. Элронд благословил его, пожелал счастливого пути, а потом добавил:

– Я думаю, Фродо, вам не стоит возвращаться сюда. Когда-нибудь осенью, когда деревья будут стоять в багрянце и золоте, поищите-ка лучше Бильбо в ваших лесах. Я тоже буду с ним.

Никто больше не слышал этих слов, и Фродо никому не стал о них говорить.

10 Заказ 2512

Глава VII

ДОРОГА К ДОМУ

Покинув Дольн, хоббиты в сопровождении Гэндальфа повернули, наконец, в сторону Шира. Им очень хотелось поскорее вернуться домой, но Фродо вдруг приболел. Когда им пришлось переправляться вброд через Гремячую, он с трудом на это решился. Казалось, он плохо понимал, что происходит вокруг, и после переправы промолчал весь день. Это было шестое октября.

– Больно, Фродо? – тихонько спросил Гэндальф, подъехав к хоббиту.

– Да, – так же тихо отозвался Фродо. – В плече. Рана ноет и... как вспомню, так тяжело делается. Сейчас как раз год.

– Увы! – вздохнул маг. – Не все раны удается излечить насовсем.

– Моя, боюсь, из таких, – ответил Фродо. – Мое возвращение – ненастоящее. Может, я и приду в Шир, но ни страна, ни я прежними уже не станем. Кинжал, потом Шелоб, а потом еще и зубы этого несчастного – так много всего. А самое главное – моя ноша, она все еще давит на сердце. Где я найду покой?

Гэндальф не ответил.

В конце следующего дня недомогание прошло, и Фродо снова был весел, так весел, словно и не помнил о черной тоске накануне.

Все складывалось удачно, и дни летели быстро. Путешественники неспешно проезжали лесами, горевшими под осенним солнцем багряными и золотыми красками. Так добрались до Заветери.

Вечерело, и тень от холма лежала на дороге. Фродо попросил поторопиться и целую милю ехал, не глядя на холм, низко опустив голову и кутаясь в плащ. Этой ночью погода переменилась, западный ветер принес с собой дождь и громко гудел в кронах, а желтые листья птицами реяли в воздухе. Когда они добрались до Чагрого Бора, деревья стояли уже голые, а глухая завеса дождя скрывала Брыльский Холм.

Промозглым вечером в конце октября пятеро путников поднялись по дороге к южным воротам Брыля. Ворота оказались крепко заперты. Дождь сыпал в лицо, по темнеющему небу спешили низкие тучи, и путешественники слегка приуныли – они рассчитывали на большее радушие.

Кричать пришлось долго. Наконец явился привратник со здоровенной дубиной. Он долго и подозрительно разглядывал странников через окошечко, но, признав Гэндальфа, а потом и хоббитов, повеселел и радушно приветствовал их, словно не замечая невиданных одеяний.

– А-а, входите, входите, – приговаривал он, отпирая ворота. – Здесь-то в сырости да холоде что за разговор. Мерзкая погода. Но старый Суслень рад будет. Там в «Пони» и услышите все, что слышать стоит.

– А ты там потом услышишь все, что мы расскажем, и даже больше, – рассмеялся Гэндальф. – А где же Гарри?

Привратник нахмурился.

– Ушел, – сказал он. – Но лучше спросите Маслютика. Доброго вам вечера.

– И тебе тоже, – ответили они.

Сразу за воротами обнаружилась длинная низкая хижина. Оттуда тотчас высыпали люди и уставились на них через забор. Дом Хвоща за поломанным плетнем стоял с заколоченными окнами.

– Как думаешь, Сэм, не убил ты его своим яблоком? – поинтересовался Пиппин.

– Вряд ли, – отозвался Сэм. – Да плевать мне на Хвоща. Вот что стало с бедным пони, я хотел бы узнать. Он у меня долго из головы не шел; и как волки воют, и прочее...

Наконец, добрались до «Резвого Пони». Хорошо хоть трактир не изменился, во всяком случае, снаружи. В нижних окнах за красными занавесками горел свет. На звяканье колокольца явился Ноб, приоткрыл дверь, выглянул и, увидав их под фонарем, вскрикнул от удивления.

– Господин Маслютик! Хозяин! – заорал он. – Они вернулись!

– Да неужто? Ну, я их проучу, – донесся голос Маслютика, и тут же появился он сам с дубинкой в руках. При виде хоббитов и мага непривычно мрачное лицо хозяина вытянулось от удивления, а потом расплылось от радости.

– Ноб! Дурень шерстоногий! – загремел он. – Ты что, по именам старых друзей не мог назвать? Не пугай ты меня так больше, сам знаешь, какие времена. И откуда же вы? Я уж не чаял вас увидеть больше. Ведь это же надо: уйти в Пустоземье, да с Колобродом с этим, а вокруг – еще Черные! Истинная правда – радуюсь, а уж Гэндальфу – больше всех! Входите, входите! Комнаты те же что и раньше прикажете? Свободны, свободны. Эх, чего скрывать, теперь почти все комнаты свободны, да вы и сами скоро увидите. Побегу, присмотрю за ужином, все ведь сам теперь, рук не хватает. Эй, Ноб, кляча мохноногая! Кликни Боба! Ах да, нет же Боба-то, домой нынче на ночь отправился. Ладно, Ноб, отведи пони на конюшню. А своего коня Гэндальф, конечно, сам отведет. Прекрасное животное, я это сразу сказал, едва увидел. Ну, входите! Будьте как дома!

Какие бы времена не были, болтливость Маслютика оставалась при нем. Можно было подумать, что он и впрямь закрутился ужасно, но в доме было тихо, из общей залы

доносился негромкий разговор: голоса два-три, не больше. Когда хозяин зажег свечи, гости увидели, что морщин от забот на его лице заметно прибавилось.

Они спустились коридором в ту самую комнату, в которой провели ночь больше года назад. Старина Маслютик доблестно пытался скрыть какие-то неприятности. Что-то в «Резвом Пони» было не так. Это настораживало.

Как они и предполагали, Маслютик зашел после ужина узнать, не надо ли чего. Но ни в пиве, ни в ужине перемен к худшему никто не заметил.

– Теперь уж я не отважусь приглашать вас в общую залу, – сказал Маслютик. – Вы устали, а там, почитай, все равно никого нету. Но если бы вы уделили мне полчасика перед сном, я был бы рад поговорить с вами без посторонних.

– Можешь начинать хоть сейчас, – предложил Гэндальф. – Мы не устали. Промокли, замерзли, проголодались – это да, но ты уже нас вылечил. Присаживайся. А если у тебя еще и табак есть, совсем нас ублажишь.

– Может, чего другого пожелаете? – смущенно предложил Маслютик. – С табаком как раз туго сейчас, обходимся тем, что сами выращиваем, да какой в Брыле табак! Ширского-то теперь нет. Эх, ладно, ради такой встречи поищу.

Он умчался и вскоре вернулся с кисетом, в котором хоббиты обнаружили крупные, плохо порезанные листья.

– Ничего лучше нет, – вздохнул хозяин. – С листом из Южной Чети, конечно, не сравнить. Само собой, во всем остальном Брыль первый, вы уж извините, но по части табака нам с Широм не тягаться.

Маслютика усадили в огромное кресло у камина, Гэндальф сел напротив, а хоббиты расположились кто где. Они проговорили много раз по полчаса. Многое из того, о чем рассказывали путешественники, повергло Маслютика в полное остолбенение, никак не укладывалось в его бедной голове. Он только вскрикивал, охал, ахал да всплескивал руками.

– Да не говорите, господин Сумникс! Или Норохолм? Я совсем запутался. Да не говорите, Мастер Гэндальф! Ну уж никогда! Кто бы мог подумать! И это в наши-то времена!

Но он и сам порассказал немало. По его словам получалось, что и все-то идет кое-как, а уж дела – из рук вон плохо.

– Из чужих мало кто теперь мимо Бryля ходит, – жало-вался он. – А что до своих, так все больше по домам сидят запершись. Началось все с этих приблудных, которые в прошлом году по Зеленопутью пришли, если помните, а потом их столько понабежало! Некоторые – просто бедолаги, а большинство – дрянные людишки. Они тебе и украсть и обмануть – запросто! Тут у нас даже потасовка была, и не-которых убили, до смерти убили! Можете в такое поверить

– Можем, – сказал Гэндальф. – Сколько убили-то?

– Троих и двоих, – сказал Маслютик, имея в виду Большой народ и Малый. – Бедного Мэта Верескуна, и Роли Дичка, и маленького Тома Шиповника из-за Холма, и еще Вилли Скруча да одного Норохолма из Дворищ. Все славные ребята. А Гарри Каприфоль, привратник, значит, с Биллом Хвощом к пришлым переметнулись, да вместе с ними и ушли. Я так думаю, они их и впустили, это когда стычка была, стало быть. Мы-то их выставили. А драка потом случилась, после первого снегопада. Ну, они и подались разбойничать. Прячутся в Чагром Бору и дальше к северу, в глуши. Как будто старые дурные времена вернулись. На дорогах неспокойно, никто далеко не ездит, и запирают рано. Караульных приходится держать по всей ограде, а по ночам к воротам еще и дозоры ставить.

– Чудно! – покрутил головой Пиппин. – Ехали мы не торопясь, дозоров не выставляли, однако никто нас не тронул. Мы-то думали, все тревоги уже позади.

– Да нет, так-то не получается, – посетовал Маслютик. – А что вас не тронули – это понятно. С теми, у которых мечи, да шлемы, да щиты всякие, они не связываются. Я сам-то опешил, когда вас увидел.

Тут только хоббиты начали понимать, что само их возвращение никого особенно не удивляет. Другое дело – оружие и одежда. Они успели привыкнуть ко всему этому и думать не думали о том, как будут выглядеть в Шире кольчуги, поблескивающие из-под плащей, гондорские и роханские шлемы и щиты с яркими гербами. Пожалуй, и Гэндальф на своем дивном коне, весь в белом, с длинным Гламдрингом на боку мог поразить воображение встречных.

Маг рассмеялся. – Ну-ну, – сказал он, – коли они пятерых испугались, можно на них наплевать. Мы видали врагов по

страшнее. Ладно, пока мы здесь, они вас, надеюсь, в покое оставят.

– Эх, надолго ли? – вздохнул Маслютик. – Что скрывать? Задержись вы у нас подольше, только рады будем. Мы ведь к такому не привыкли, а Скитальцы все запропастились куда-то. Наверное, зря мы их не ценили до сих пор. Так ведь не понимали! Что с нас возьмешь? Разбойники эти еще не самое худшее. Прошлой вот зимой волки выли вокруг ограды. А в лесах всякие... – Маслютик пошевелил пальцами в воздухе. – В общем, жуткие твари, аж кровь стынет, как подумаешь. Очень беспокойно было, вы мне поверьте.

– Верим, верим, – кивнул Гэндальф. – Почти во всех землях беспокойно было в те дни, очень беспокойно. Но радуйся, Суслень! Тебя эти великие тревоги только краем задели, и я рад, что не глубже. Придут еще лучшие времена, да такие, что ты и представить себе не можешь. Скитальцы вернулись. Мы с ними ехали. А самое главное – теперь снова Король есть, Суслень! Он скоро и вашими бедами займется. Снова откроется Зеленопутье, его гонцы полетят на север, на дорогах людно станет, и тварей твоих злых из Пустоземья прогонят. Да и Пустоземья-то самого не останется. В глуши люди поселятся, поля зазеленеют.

Маслютик покачал головой.

– Оно, конечно, десяток приличных зажиточных путников нам не повредит. А вот всякого сброда и головорезов не надо. И не хотим мы чужаков ни в Брыле, ни около. Только бы нас в покое оставили. Если сюда опять толпа привалит на жительство – чего хорошего? Разорят только все...

– Вас оставят в покое, Маслютик, – пообещал Гэндальф. – Между Изеном и Седонной места хватит. Селиться станут прежде всего на побережьях, а оттуда до Брыля не вдруг дойдешь. Многие ведь живут и к северу, миль за сто отсюда, у дальнего конца Зеленопутья: на Северных Увалах, возле озера Арема, мешают они тебе?

– Да кто же в этих проклятых местах жить может? – не поверил Маслютик. – Да туда никто кроме разбойников не пойдет.

– Следопыты пойдут, – улыбнулся Гэндальф. – Это проклятое место зовется, между прочим, Форност Эрайн, Северин

Королевский. И Король как-нибудь заглянет туда, вот уж тогда будут у тебя гости так гости!

– Звучит заманчиво, – почесал в затылке Маслютик. – Делу на пользу пойдет, само собой. Ну, все ж таки оставит ваш король Брыль-то в покое или нет?

– Оставит, – успокоил его Гэндальф. – Брыль 'он знает и любит.

– Это откуда же? – Маслютик был явно озадачен. – Он же сидит, поди, на большом троне в огромном замке за сотни миль отсюда... И вино пьет, небось, не из моих кружек. Что ему до «Пони» с нашим простецким пивом? Нет, пиво-то у меня неплохое, прямо скажем, хорошее пиво... с прошлой осени, – с запинкой добавил он, быстро взглянув на Гэндальфа. – Вот с тех самых пор, как заговорил ты мне его. Только и радости-то посреди печалей тяжких.

– Точно! Он всегда здешнее пиво хвалил, – вспомнил Сэм.

– Кто хвалил? – не понял Маслютик

– Да Колоброд, кто ж еще! Ну, вожак Следопытов. До тебя что, не дошло еще?

Когда, наконец, дошло, Маслютик так растерялся, что его стало жалко.

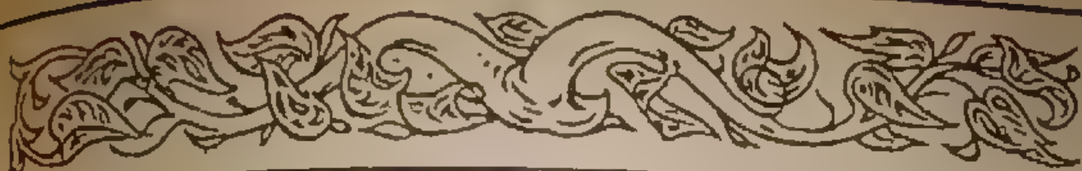
– Колоброд! – Он с трудом перевел дух. – Это он-то – с короной да с золотым кубком? Куда ж это мы катимся?

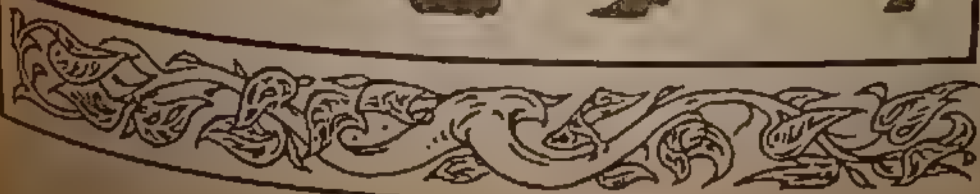
– К лучшим временам, любезный, к самым наилучшим. Для Брыля, по крайней мере, – заверил его Гэндальф.

– Ну ладно, будем надеяться, – решил согласиться Маслютик. – Может, и впрямь получше будет... Я вот такой приятной беседы уж и не упомню. Нынче хоть спать с легким сердцем лягу. Тут еще всякой всячины полно, но до завтра подождет вполне. Я – спать, да и вы, поди, тоже. Эй, Ноб! – позвал он, подходя к двери. – Ноб, увалень! Так! – хлопнул он вдруг себя по лбу. – Что-то мне все это напоминает!

– Надеюсь, не еще одно забытое письмо? – осведомился Мерри.

– Эх, эх, господин Брендискок, и не напоминайте мне об этом! Вот, мысль спугнули! О чем бишь я? Ноб, стойла, корм, – забормотал он. – А! Вот! У меня тут кое-что ваше есть. Помните, как коней ваших свели? А вы еще у Хвоща пони купили. Так вот, здесь он. Сам пришел. А где был –





про то вам лучше знать. Драный явился, что твой пес старый, понурый, как вешалка, но живой. Ноб за ним ухаживал.

– Как? Мой Билл? – вскочил Сэм. – Эх, везет мне все-таки, что бы там старик мой ни говорил. Еще одно желание сбылось! Где он? – Сэм так и не пошел спать, пока не навестил Билла в конюшне.

Путники оставались в Брыле весь следующий день, и уже под вечер господин Маслютик не мог пожаловаться на безлюдье. Любопытство пересилило все страхи, трактир был полон. Хоббиты посидели с гостями и ответили на множество вопросов. В Брыле долгая память, и Фродо не раз спросили, написал ли он свою книгу.

– Нет еще, – говорил он, – вот, домой возвращаюсь, буду бумаги в порядок приводить.

Он обещал описать поразительные события в Брыле и тем хоть немного привлечь внимание к далеким и наверняка неважным делам где-то на юге».

Кто-то из молодежи попросил спеть. На него зашикали. Здесь больше не хотели никаких происшествий.

На следующее утро хоббиты и маг поднялись спозаранок. Моросило по-прежнему. К ночи хотелось добраться до Шира. Собрались провожающие, и лица у них были повеселее, чем в прошлом году. Те, кто еще не видели путников в полном вооружении, разинули рты от изумления: они дивились на белобородого Гэндальфа, от которого словно исходил свет, слегка приглушенный синим плащом, и на четверых хоббитов, больше всего походивших на храбрых рыцарей из почти забытых сказок. Даже те, кто смеялся над разговорами о Короле, призадумались: а нет ли здесь доли правды?

– Удачи вам и в пути, и дома, – пожелал на прощание Маслютик. – Если верить слухам, так и в Шире у вас не все ладно. Чудные там дела, говорят. Но уж тут одно к одному, как говорится. Осмелюсь заметить только – вы в своих странствиях здорово изменились, так что со своими заботами запросто разберетесь. Наведите там порядок. Удачи вам! И чем чаще вам придется по делам или просто так заглядывать в Брыль, тем мне приятнее будет.

Они попрощались с хозяином и тронулись в путь. Пони Билл отправился с ними. Его снова нагрузили, но он, похоже, был не против, и трусил рядом с Сэмом вполне довольный.

– Интересно, на что это Маслютик намекал, – задумчиво проговорил Фродо.

– Кое о чем я догадываюсь, – мрачно изрек Сэм. – Это он про то, что я в Зеркале видал: деревья рубят, и все такое, а еще старика моего, небось, из Тугосумов выгнали. Эх, надо бы мне пораньше вернуться.

– И в Южной Чети что-то не так, – сказал Мерри. – Отродясь такого не помню, чтобы у них с табаком плохо было.

– Табак там или деревья, а то, что во всем этом Лотто замешан, можете мне поверить, – заявил Пиппин.

– Может, и замешан, да не он причина, – сказал Гэндальф. – Не забывайте о Сарумане. Он Широм начал интересоваться раньше Мордора.

– Ну раз ты с нами, – беспечно ответил Мерри, – скоро все разъяснится.

– Пока-то я с вами, – проговорил Гэндальф, – да скоро меня не будет. Я не пойду в Шир. Свои дела сами устраивайте. За этим ведь и едете. Разве вы еще не поняли? Мое время кончилось: отныне я не устраиваю ничьих дел и даже не помогаю их устраивать. Да и на что вам моя помощь? Вы выросли. А заодно вышли в первые герои Средиземья. Я больше не боюсь за вас. Вот так, дорогие мои. Скоро мне поворачивать. Собираюсь Бомбадила навестить. За все мое время мы с ним так и не поговорили толком. Он сиднем сидит, мхом обрастает, а я – как камень перекатный. Но, похоже, кончились мои катанья. Вот и посидим с ним, побеседуем по душам.

Подъезжая к развилке, возле которой хоббиты расстались с Бомбадилом, они приподнялись на стременах, надеясь увидеть знакомую коренастую фигуру в шляпе с пером, но на дороге никого не было. Над Упокоищами висел серый туман, и Древлепуща вдали скрылась под его покровом.

Они остановились, и Фродо с тоской поглядел на юг.

– Как бы мне хотелось повидать его снова, – сказал он. – Как он там поживает?

– Хорошо по-прежнему, будь уверен, – заверил Гэндальф. – Он нашими делами не очень интересуется, разве что – энтами... Может, ты еще и повидаешь его... попозже. А сейчас я бы на вашем месте поспешил к дому, а то закроют ворота у Брендидуинского Моста, что делать будете?

– Нет там никаких ворот, – усмехнулся Мерри, – и ты это лучше меня знаешь. А в Заскочье меня в любое время пустят.

– Ты прав. Там *не было* ворот. – Гэндальф сверкнул из-под шляпы хитрым глазом. – А теперь могли и появиться. Даже у ворот в Заскочье хлопот может оказаться больше, чем ты думаешь. Но вы справитесь. До свидания, милые мои, пока еще – до свидания!

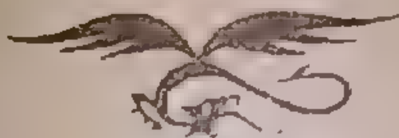
Маг наклонился к уху Сполоха. Огромный конь легким прыжком перемахнул ров у обочины и исчез в тумане, словно порыв северного ветра.

– Вот мы и остались вчетвером, как когда-то, – сказал Мерри. – Мне кажется, мы спали и видели сон, и только теперь просыпаемся.

– А мне, – отозвался Фродо, – кажется, что мы, наоборот опять засыпаем...

Глава VIII

СНОВА ДОМА



Глубокой ночью, продрогшие и усталые, путники добрались, наконец, до Брендидуинского Моста. Здесь их встретила первая неожиданность. Поперек Моста из конца в конец высились крепкие ворота, утыканные металлическими шипами. На том берегу реки виднелись несколько новых домов – двухэтажных, с узкими прямоугольными окнами, без всяких украшений. Вид у домов был мрачный. Совсем не хоббитский вид.

Друзья долго стучали в ворота, и непонятно было, то ли их не слышат, то ли и слышать некому. Но потом неожиданно где-то близко протрубил

рог, в домах кое-где появился свет, а потом чей-то голос прокричал из темноты:

– Эй, кто там? Уходите отсюда! Не видите что ли, там же написано: «От заката до восхода вход воспрещен»!

– Да что ж тут разглядишь в такой темноте! – крикнул в ответ Сэм. – Что за дела? Из-за какой-то надписи хоббитам из Шира всю ночь торчать на Мосту! Уж если я ее разгляжу, надпись вашу, первым делом порву в клочья!

Не успел он сказать это, как из дверей левого дома высыпала толпа хоббитов с фонарями. Кое-кто из них ступил было на Мост, но, увидев путешественников, остановился.

– Ну, что встали? – крикнул Мерри, признав одного из них. – Эй, Хоб Сеновал, ты что же, не узнал меня, что ли? Это я, Мерри Брендискок. А ты что здесь делаешь, и вообще, что тут у вас творится?

– Батюшки! Мастер Мерри! Вырос-то как! – удивился старый Хоб. – И одет ровно для битвы... А говорили: не то вы умерли, не то сгинули в Древлепуще! Ну, да я рад, что живы, значит.

– Вот и хорошо, что рад, - крикнул Мерри. – Открывай поживее, видишь ведь, что мы с дороги!

– Прошу прощения, мастер Мерри – осторожно, но твердо ответил Хоб, – но у нас приказ.

– Чего-чего? Какой такой приказ? Чей?

– Предводителя.

– Это кого же ты имеешь в виду? – спросил озадаченный Фродо, и вдруг догадался. – Не Лотто ли?

– Да выходит, что так, господин Сумникс, – покряхтел Хоб. – Только теперь нам велено говорить «Предводитель», и все тут.

– Ну и ну! – развел руками Фродо. – Что-то родственнички совсем от рук отбились, пора на место ставить.

Голоса за воротами как обрезало.

– Не след говорить так, добра не будет, – промолвил наконец один из хоббитов, – как бы Предводитель о том не прослышал. А будете шуметь – Верзилу разбудите.

– Да уж разбудим, будь уверен, – сказал Мерри. – Это что же, Предводитель ваш набрал себе чужаков из дальних земель и злодействует тут? Тогда мы в самый раз подоспели. – Он соскочил с пони, содрал с ворот злополучную надпись, порвал и клочки бросил через ворота.

Хоббиты отступили, и видно было, что открывать не собираются.

– А ну, Пиппин, вперед! – воскликнул Мерри. – Вдвоем справимся. – И он мигом перемахнул через ворота. Хоббитов как ветром сдуло.

Снова зазвучал рог. В дверном проеме правого дома показалась высокая грузная фигура.

– Это что еще? – ворчал незнакомец, подходя. – Ворота ломать? Вот я вам сейчас шеи посворачиваю! – Но тут он заметил мечи в руках хоббитов и остановился.

– А-а, вот оно что, – презрительно процедил Мерри, – Билл Хвощ, старый знакомый. Ну, тем лучше. Открывай живо, а то мне придется тебя поторопить. А как откроешь, иди и не останавливайся. Я тебя хорошо знаю, так что лучше не возвращайся, подлец ты эдакий!

Поколебавшись, Хвощ открыл ворота.

– Давай ключи! – приказал Мерри. Но тут Хвощ ловко шмыгнул мимо него в ворота и сразу исчез в темноте. Больше о нем в Шире не слыхали.

– Ладно, – проворчал Мерри, – с предводителем увидимся попозже. Эй, Хоб, где ты там? Я смотрю, «Золотой Пескарь» снесли, чтобы эти уродины построить... Ну, сами виноваты, придется вам размещать нас где хотите.

– Прошу прощения, мастер Мерри, – сказал Хоб почтительно, – только не можно это.

– Что «не можно»?

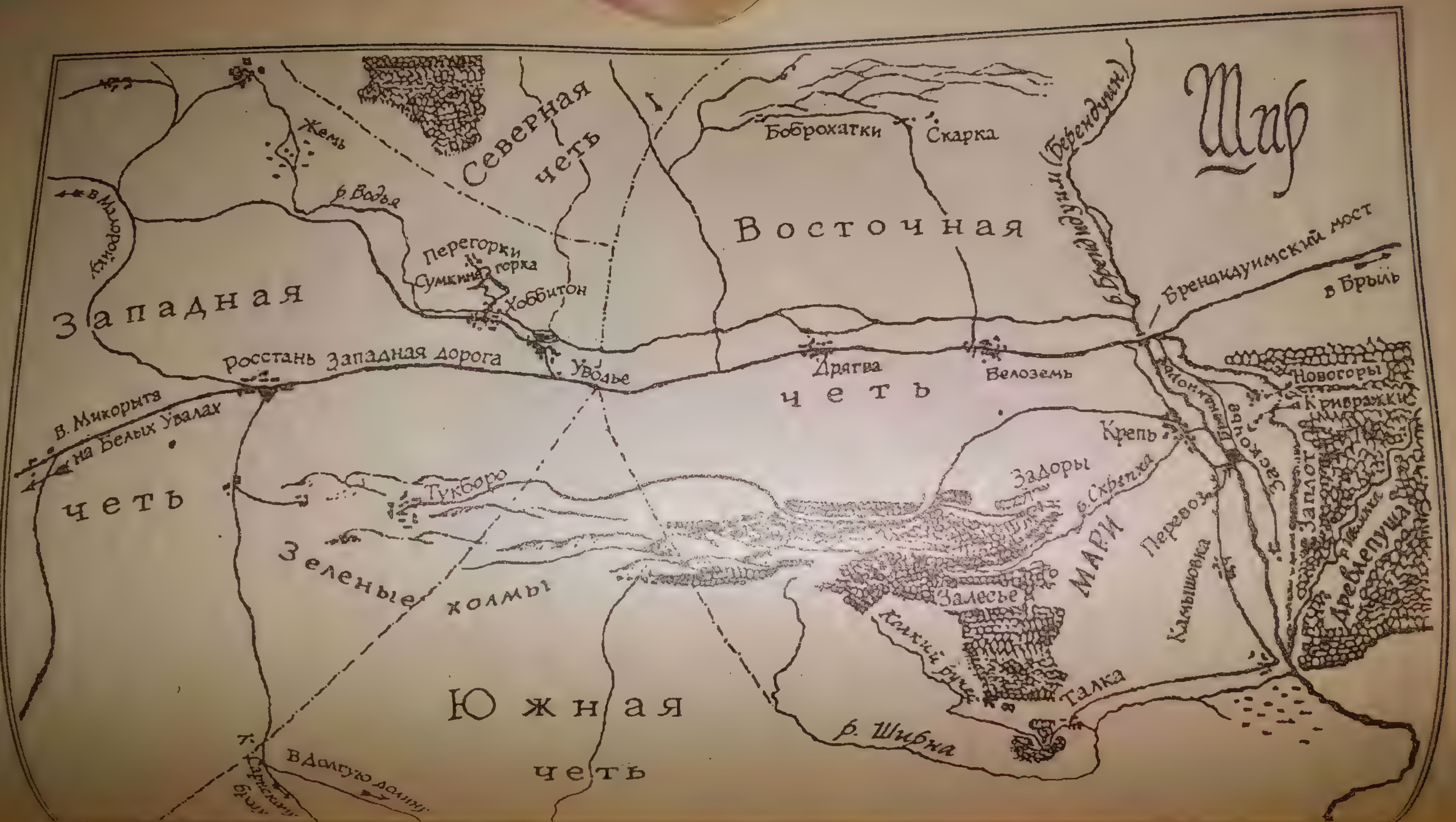
– Гостей принимать, пищу тратить, и вообще...

– Да что же это такое? – изумился Мерри. – Год, что ли, был неурожайный?

– Да нет. Год был что надо. И пищи много выросло. Вот только не знаем, что с ней потом стало. Это все «сборщики» и «раздельщики». Собирать-то они собирают, а вот насчет того чтобы делить – не очень... Так что большую часть собранного мы так и не видели.

– Ладно, – прервал его Пиппин. – Это ты нам потом расскажешь. Спать же хочется, сил нет! Еда у нас своя есть. Давайте комнату любую, а там разберемся.

Хоббиты у ворот явно растерялись. Но никто не осмелился противоречить вооруженным до зубов рослым и властным путешественникам.



Шир
Северная четь
Восточная четь
Западная четь
Южная четь
Боброхатки
Скарка
р. Брендидуим (Берендуин)
Бренакдуимский мост
в Брыль
Жемь
р. Водья
Перегорки
Сумкина горка
Хоббитон
Росстань
Западная дорога
Уводье
Дрягва
Велоземь
Новогоры
Криврважье
Заскорье
Запад
Древлепуща
Крепь
Задоры
МАРИ
Перевоз
Камышовка
Тукборо
Зеленые холмы
Залесье
р. Шибна
Талка
В. Микорытя
на Белых Увалах
в Малоройку
в Долгую долину

Фродо велел вновь запереть ворота. Поблизости, судя по всему, могли оказаться разные злодеи, так что стража-то нужна все равно. Затем четверо друзей направились в дом, и несмотря на безрадостное внутреннее убранство, постарались расположиться с возможным удобством. Стены внутри были увешаны всевозможными запрещающими надписями и Правилами. Пиппин первым делом оборвал их все. Пива не оказалось, еды было кот наплакал, но у путников имелись свои запасы, и Пиппин сразу нарушил Правило № 4, поджарив на огне двухдневный запас. Местных хоббитов тоже угостили.

– Вот теперь, – потянулся Пиппин, когда друзья утолили голод, – хорошо бы трубочку, и можно послушать про ваши дела.

– Нет теперь табака, – сокрушенно покачал головой Хоб Сеновал. – Только для людей Предводителя. Запасы давно кончились, а Лотто...

– Молчи, молчи, Хоб! – закричало сразу несколько голосов. – Ты же знаешь, что бывает за такие разговоры! Дойдет до Предводителя – неприятностей не оберешься!

– Да не дойдет, если среди нас нет предателей! – горячо воскликнул Хоб.

– Ох, надоело! – стукнул кулаком по столу Сэм. – Ни тебе «добро пожаловать», ни пива, ни табачку, все только «предводитель» да «предводитель». Разговоры прямо как у орков. Я-то думал отдохнуть после всего, а тут работы полно, да еще такой противной! Давайте спать, утро вечера мудренее.

Однако утром их ждали новые неожиданности. Видно, у Предводителя были свои способы узнавать новости. От Моста до Хоббитона добрых миль тридцать, да и то по прямой, но кто-то не поленился проделать этот путь среди ночи...

Никаких определенных планов у наших друзей не было. Они собирались завернуть сначала в Брендинорье, передохнуть, но, встретив такие дела, решили двигаться прямо в Хоббитон. Так что с утра пораньше они были уже в дороге. Ветра не было, день выдался серенький и грустный, места вокруг выглядели заброшенными, кое-где виднелись даже следы пожаров.

Одолев за день миль двадцать, они к вечеру добрались до Дрягвы, небольшой деревушки у дороги. Чуть дальше должен был располагаться придорожный трактир «Плавучее Бревно».

В нем и решили заночевать. Однако, не тут-то было. Подъехав к восточному краю деревни, они увидели, что дорога перегорожена, а на большой доске выведена корявая надпись: «Прохода нет». По ту сторону загородки их поджидала большая группа ширрифов, с перьями на шляпах и с дубинками в руках. Здесь их собралось больше, чем было за всю историю страны. Вид у них был важный и грозный, но чрезвычайно нелепый.

– Это еще что за новости? – громко спросил Фродо, испытывая сильное желание расхохотаться.

– Это значит, что вы арестованы, господин Сумникс! – торжественно произнес начальник ширрифов, отличавшийся от остальных двумя перьями на шляпе. – Вы обвиняетесь во взломе ворот, в нарушении Правил, в нападении на привратников, спанье в неположенном месте и подкупе стражи посредством пищи.

– А еще в чем? – спросил Фродо

– Этого вполне достаточно, – сказал начальник отряда.

– Вы еще кое-что упустили, – фыркнул Сэм. – Можете добавить желание набить предводителю его прыщавую физиономию, и еще мысль о том, что ширрифы похожи на стадо идиотов.

– Ладно, это мы тоже учтем. По приказу Предводителя я должен передать вас его людям в Уводье. Когда он разберет ваше дело, можете высказаться. Но если не хотите загреметь в Садок надолго, придержите языки!

Фродо и компания дружно расхохотались.

– Не городите ерунды! – отрезал Фродо, отсмеявшись. – Я хоббит, и у себя в стране иду, куда захочу. Сейчас мне надо по делам в Засумки. Если и вы туда же, это ваше дело.

– Очень хорошо, господин Сумникс, – сказал начальник ширрифов, отодвигая перегородку. – Только не забудьте, что я вас арестовал.

– Этого я не забуду, – ответил Фродо, – никогда. Но, может быть, когда-нибудь прощу вас. Пока что я намерен остановиться в «Плавучем Бревне», так не составите ли мне компанию?

– Это невозможно, господин Сумникс. Гостиница закрыта. Здесь неподалеку есть дом ширрифов, могу пригласить вас туда.

– Хорошо, – согласился Фродо. – Идите вперед, а мы за вами.

Сэм, внимательно разглядывавший отряд, вдруг крикнул:

– Эй, Робин Норкинс! Поди-ка сюда, хочу с тобой парой слов перекинуться.

Один из ширрифов, робко взглянув на начальника, который хоть и был очень недоволен, но вмешаться не посмел, боком приблизился к Сэму, сошедшему с седла.

– Слушай-ка, Робин, – обратился он к хоббиту, – ты ведь из Хоббитона. Что тут происходит? Почему «Бревно» закрыли?

– Они все позакрывали, – тихо ответил Норкинс. – Предводитель не одобряет пива. С этого все и началось. Я так думаю, что все пиво просто идет его людям. И еще, он терпеть не может всяких чужаков и странников, все они должны являться в дом ширрифов и объяснять, зачем пожаловали.

– Стыдно тебе должно быть, Робин, заниматься такой ерундой, – укорил его Сэм. – Ты же, я помню, был большой охотник до пива, да и с приезжими любил поболтать в трактирчике, а?

– Да ведь я таким и остался, Сэм. Только ты уж не суди строго, что я могу поделать? Я и в ширрифы-то пошел семь лет назад, чтобы побродить по стране, повидать новые места, да разузнать, где какое пивко варят. А теперь-то все по-другому.

– Ну так брось это дело, если оно тебе больше не по нраву.

– Нельзя ведь...

– Да.. Если я еще раз услышу «нельзя», то рассержусь, пожалуй, – набычился Сэм.

– Я тебе сказать не могу, – совсем перешел на шепот Робин, – как мне все это опротивело. Может, если бы мы все рассердились, что-нибудь и вышло бы. Но, знаешь, Сэм, вся беда в Людях, в Людях Предводителя. Они повсюду шныряют, и чуть только кто-нибудь против, сразу хватают. Нашего старого Вилли – мэра Белонога, то есть – первым взяли, а потом и еще многих. А недавно еще хуже стало. Бить начали.

– Так за каким же рожном ты на них работаешь? – взорвался Сэм. – Кто тебя послал в Дрягву?

– Никто не посылал, – оробел Норкинс. – Мы тут, в доме ширрифов... Первый Восточный Отряд называемся. Ширрифов-то теперь много, хотя большинство и не по своей воле. Правда, не все. А кое-кто даже шпионит для Предводителя и его Людей. Так вот и вашем приходе узнали. Нас-то с вестями не посылают, не велено, у них на то специальные гонцы есть. Один такой и принес вчера ночью послание, другой у него принял и дальше понес, а обратно приказ пришел – арестовать, мол, и точка. Предводитель желает вас видеть.

– Ладно, – проворчал Сэм. – Вот хозяин с ним поговорит, желанья-то у него поубавится.

Дом ширрифов в Дрягве не сильно отличался от того, у Моста. Всего один этаж, окна узкие, а стены выложены из противного, морковного цвета кирпича. Внутри было уныло и безрадостно, ужинали за длинным непокрытым столом. Последний раз его протирали не меньше недели назад, но здешняя еда лучшего и не заслуживала. Путники не стали здесь задерживаться. До Уводья оставалось восемнадцать миль, но вышли только в десять утра. Нельзя было отказать себе в удовольствии потянуть время, глядя как суетится и волнуется начальник ширрифов.

Забавная процессия покидала деревню. Вот только редкие жители, вышедшие поглядеть на «арестованных», не знали, можно им смеяться или нет. Друзей сопровождали двенадцать ширрифов. Мерри заставил их идти впереди, а Фродо и остальные ехали следом. Мерри, Пиппин и Сэм болтали, пели и веселились от души, наблюдая как ширрифы из сил выбивались, пытаясь сохранить важный вид. Только Фродо оставался печальным и задумчивым.

– Эй, кто кого арестовал? – спросил какой-то старик, чинивший забор у дороги. Двое ширрифов тут же направились к нему.

– Начальник! – окликнул Мерри. – Прикажи своим ребятам вернуться. А то им придется иметь дело со мной.

Ширрифы вернулись к отряду.

Пони хоббитов хотя и не очень спешили, а все-таки ширрифы упарились, пытаясь не отстать от них. Около трех часов пополудни друзья сжалились над ними и остановились. Их конвоиры от голода и усталости едва держались на ногах

– Ладно уж, – сказал им Мерри, – идите как можете. Нам недосуг, мы едем дальше.

– До встречи, Робин! – крикнул Сэм. – Жду тебя в «Зеленом Драконе», если ты еще не забыл дорогу туда. Не задерживайся слишком!

– Что же вы делаете? – уныло сказал начальник отряда. – Разве так можно? Вы нарушаете порядок ареста. Мне же отвечать придется...

– Мы еще много чего здесь нарушим, – пообещал Пиппин. – Счастливо оставаться!

Путники пустили пони рысью, и на закате были уже на окраине Уводья. До дома – рукой подать. Здесь тоже оказалось много перемен. Часть домов снесена, некоторые сожжены даже, аккуратные ряды хоббичьих норок на северной стороне Заводи были опустошены, а милые маленькие садики, спускавшиеся к самой кромке воды, совсем задушили сорняки. Вдоль дороги, ведущей в Хоббитон, выросли уродливые дома. От чудесной Подъездной аллеи не осталось и следа. С тревогой посмотрев в сторону Засумок, они увидели высокую кирпичную трубу; из нее в вечернее небо валил гнусный черный дым.

Сэм был просто вне себя.

– Я вперед пойду, сударь. Надо моего старика отыскать!

– Подожди-ка, – остановил его Мерри. – Лучше узнать сперва, что нас ждет. Думаю, этот проклятый предводитель держит здесь шайку своих громил. Поищем кого-нибудь, расспросим.

Однако, в Уводье все дома и норы были на запоре, никто не вышел их встречать. Причину они поняли, добравшись до «Зеленого Дракона», безжизненного, с выломанными окнами. Возле трактира слонялась дюжина рослых косоглазых чужаков.

– Что-то больно похожи на Изенгардских, – пробормотал Мерри.

Злодеи были вооружены дубинками. Завидев путников, они вышли на дорогу и встали, перегородив ее. Самый большой и злобный на вид вышел вперед.

– И далеко ли вы намерены ехать? – хрипло осведомился он. – Все, приехали. А куда подевались эти разгильдяи ширрифы?

– Идут себе потихоньку. Мы обещали подождать их тут.

– Ну, что я говорил? – обернулся вожак к приятелям. – Не надо было доверять это дело придуркам. Послали бы наших парней...

– Думаешь, было бы лучше? – усмехнулся Мерри. – Мы, правда, в Шире редко видим бандитов, но что с ними делать – знаем.

– Бандиты! Во как! – удивился вожак. – Что-то мне ваш тон не нравится, мелюзга. Много воображаете. Небось думаете, у Аспида сердце доброе, а? – Он захохотал. – Теперь как босс захочет, так и будет.

– Ну и чего же он хочет? – спокойно спросил Фродо.

– Надо приводить эту дыру в порядок, – значительно ответил злодей. – Будьте спокойны, Аспид это сделает. К концу года никаких проблем не останется, так-то, крысята!

– Спасибо, что сообщили о ваших планах, – поблагодарил Фродо. – Пожалуй, надо бы узнать, что о них думает господин Лотто...

Теперь смеялись все негодяи.

– Лотто! Ха! Он в курсе дела, не беспокойся. Как Аспид скажет, так он и сделает. А потом, если предводитель становится неудобным, его ведь и поменять можно. А если кто сует нос не в свое дело, как бы он этого носа не лишился. Правильно я говорю, ребята?

– Может и так, – ответил Фродо, – да только, сдается мне, вы тут совсем отстали от жизни. С тех пор, как вы с юга ушли, многое переменилось. Черная Крепость разрушена, в Гондоре правит Король. И от Изенгарда ничего не осталось, а ваш разлюбезный хозяин, мы тут встретили его по дороге, бродит, как нищий. И по трактам теперь скачут гонцы Короля Гондорского, а не хозяина Изенгарда.

Злодей недоверчиво посмотрел на него и ухмыльнулся.

– Нищий? – переспросил он. – Ну, ну, пой, петушок, пой, только не заливай. Да хоть бы и так. Нам-то что за дело. Тут, в вашей жирненькой, ленивой стране нам нравится. А что до посланцев Короля, – он прищелкнул пальцами перед лицом Фродо, – если увижу кого, возьму на заметку.

Это было уже слишком. Пиппин почувствовал себя словно на поле боя. Этот косоглазый мошенник посмел назвать Носителя Кольца петушком! Он скинул плащ и выхватил

меч. Черные с серебром одежды гондорского воина заискрились на нем, когда он двинул пони вперед.

– Считай, что уже увидел! – процедил он. – Перед тобой посланец и друг Короля, известный во всех землях Запада. Ты мерзавец и дурак! На колени, и моли о пощаде!

В лучах закатного солнца меч в руке Пиппина грозно сверкнул. Мерри и Сэм обнажили свои клинки, готовые к любым неожиданностям. Только Фродо не шелохнулся.

Громилы отпрянули. Они привыкли пугать мелких хуторян из Брыля, или задирать мирных хоббитов, а тут перед ними оказались вдруг воины с яркими мечами и мрачными лицами. Да и в голосах пришельцев звучали такие властные нотки, которых они отродясь не слыхивали. Мало-помалу растерянность на их лицах сменилась страхом.

– А ну, катитесь отсюда! – приказал Мерри. – Еще раз тронете эту деревню – пожалеете!

Хоббиты поскакали вперед, и бандиты не выдержали. Они повернулись и побежали прочь, теряя дубинки.

– Да, в самый раз мы пришли, – протянул Мерри, глядя им вслед.

– Может, даже поздновато. Надо Лотто спасать. Жаль мне этого бедного дурачка, – задумчиво проговорил Фродо.

– Спасать Лотто? Ты в своем уме? – удивился Пиппин. – Повесить подлеца, ты хотел сказать?

– Ты еще не понял разве, Пиппин? – Фродо говорил задумчиво, глядя поверх их голов. – Лотто, конечно, глупец и трус, но ведь он в плену. А эти негодяи творят, что хотят, от его имени. Думаю, он пленник в Засумках. Надо попытаться освободить его.

– Вот это да! – покрутил головой Пиппин. – Ну никак не ожидал, что дома придется драться с полуорками, чтобы спасти Лотто Прыща.

– Драться? – рассеянно переспросил Фродо. – Может, и до этого дойдет. Запомните только, хоббиты не виноваты, даже если перекинулись на сторону злодеев по своей воле. Нельзя их за это преследовать. В Шире ни один хоббит не убил другого, и не надо подавать пример. И вообще, если можно будет, постарайтесь обойтись без убийств, хватит их уже. Держите себя в руках!

Мерри с изумлением слушал-слушал Фродо и не выдержал.

– Если бандитов много, схватки не избежать. Одними только печалями и состраданием ни Лотто, ни Ширу не поможешь. Так-то, друг мой!

– Вряд ли они в другой раз так просто испугаются, – поддержал его Пиппин. – Сегодня-то они от удивления растерялись. Слышите – рог? Собирают своих, это точно. А будет их гораздо больше, и храбрости прибавится. Надо искать надежный ночлег. Мы хоть и вооружены, но нас только четверо.

– У меня идея! – воскликнул Сэм. – Идем к старому Тому Недоселку. Он всегда был крепким хоббитом. И детей у него куча – все мои друзья. У него и укроемся.

– Нет, Сэм, «укрываться» не годится, – ответил Мерри. – Это-то как раз делают обычные люди, и предпочитают бандиты. Мы не должны давать загнать себя в угол. А в доме легче легкого в западню попасть. Подожгут, и изжаришься. Нет, надо срочно делать что-то.

– Так что же делать-то? – спросил Пиппин.

– А вот что. Поднимать Шир! Сейчас же! Народ будить. Видите же, никому не нравится то, что происходит. Разве что двум-трем дуракам, да и те не понимают, что творят. Хоббиты слишком долго жили в покое, вот и растерялись. Но кинь спичку – вспыхнет! И люди предводителя это знают, потому и постараются вывести нас из игры. Так что времени у нас совсем нет. Ты, Сэм, если хочешь, сходи, конечно, к Недоселку. Его здесь уважают, он может помочь. А я возьмусь-ка за рохanский рог, сыграю музыку, которой здесь еще не слыхали.

Они вернулись назад, к середине деревни. Сэм поскакал к дому Недоселка и не успел отъехать далеко, как услышал чистый звук рога, взлетающий к небу. Он эхом перекатывался в холмах и в полях, и в нем слышался такой призыв, что Сэм едва не повернул назад. Его пони встал на дыбы и заржал.

– Ну, ну, дружище, вперед, – Сэм похлопал его по шее. – Мы скоро вернемся!

Мерри тем временем трубил уже старинный сигнал Заскочья:

ПРОСНИСЬ! ПРОСНИСЬ! ОГОНЬ! ВРАГИ!

ВСТАВАЙ! НАПАСТЬ! ПОЖАР! ГОРИМ!

Позади Сэм различал шум голосов, хлопанье дверей, впереди тоже зажигались огни, залаяли псы, и навстречу выскочили с топорами в руках сам Недоселок и трое его сыновей – Молодой Том, Джолли и Ник.

– Стоп! Это не бандит, – сказал фермер. – По размеру судя – хоббит, хоть и одет не по-нашему. Эй! – крикнул он. – Кто такой? Что надо?

– Сэм я, Сэм Гэмджи. Я вернулся!

– Вот так да! – воскликнул Недоселок, всмотревшись. – И верно – Сэм. Голос тот же, да и похож. А мы боялись – ты умер.

– Еще чего! – счастливо рассмеялся Сэм. – Живы мы, и я, и господин Фродо. Они там с друзьями решили поднять Шир и повычистить всю эту мерзость, которую вы здесь развели. Вот, начинаем теперь.

– Отлично! – вскричал фермер. – Наконец-то началось! Я весь год только об этом и думаю, да ведь помочь-то некому. Сам понимаешь, жена и Рози. А эти злыдни так и шныряют вокруг. Ко мне, ребята, дело начинается!

– А как же Рози? – спросил Сэм, слишком живо вспомнивший пригожую дочку фермера.

– Там Нибс с ними. Хочешь, можешь подсобить ему, – с улыбкой предложил фермер и вместе с сыновьями помчался к деревне.

Сэм подскакал к дому и спрыгнул с седла прямо на крыльцо, чуть не столкнувшись с женой Недоселка, его дочерью и Нибсом с вилами в руках.

– Стой, Нибс! Не надо в меня вилами тыкать. На мне все равно кольчуга. Это я, Сэм Гэмджи, добрый вечер!

– Ох! Здравствуй, Сэм, – сказала Рози. – А говорили, что ты умер. Только я все равно ждала тебя к весне. Не очень-то ты спешил, а?

– Может и так, – признал Сэм, – зато теперь вот спешу. Мы тут затеяли восстание, так что я тороплюсь к Фродо. Хотел только взглянуть, как вы, госпожа Недоселок, и ты, Рози.

– Хорошо, хорошо, спасибо, Сэм, – ответила фермерша. – Было бы совсем хорошо, если бы не эти злыдни вокруг.

– Приди-ка в себя! – прикрикнула Рози. – Раз уж ты все это время глядел за господином Фродо, так чего же ты его сейчас оставил? Там ведь и в самом деле опасно!

Для Сэма это было уже слишком. Но не спорить же с дерзкой девицей! Он повернулся и тронул пони. Рози сбежала по ступенькам.

– Ты такой видный стал, Сэм, – совсем другим голосом сказала она. – Ладно, иди уж! Только береги себя и возвращайся поскорее, хорошо?

Когда Сэм прискакал на площадь, деревня уже поднялась. Не считая юнцов, там было больше сотни хоббитов, вооруженных топорами, молотками, кольями, у некоторых были даже охотничьи луки. Начали уже подходить с окрестных ферм.

На деревенской площади разожгли большой костер во-первых, чтобы поднять настроение, а во-вторых, потому что это было запрещено Предводителем. Мерри руководил строительством баррикад на обоих концах деревни.

Подошли ширрифы, посмотрели, как поворачивается дело, сняли свои перья и присоединились к восстанию. Кое-кто, правда, улизнул.

Сэм нашел Фродо и всю компанию у костра. Они беседовали со старым Томом, а толпа из Уводья с восхищением глазела на них.

– Куда потом двинемся? – спрашивал Недоселок.

– Не знаю, – честно ответил Фродо. – Сколько здесь бандитов всего?

– Трудно сказать, – фермер почесал в затылке. – Они туда-сюда шастают. Здесь человек пятьдесят наберется. Разбоем промышляют, «сбором» по-ихнему, да еще дюжины две в Засумках, в охране Предводителя. Правда, его самого уже дней десять как не видно, и к нему никого не допускают.

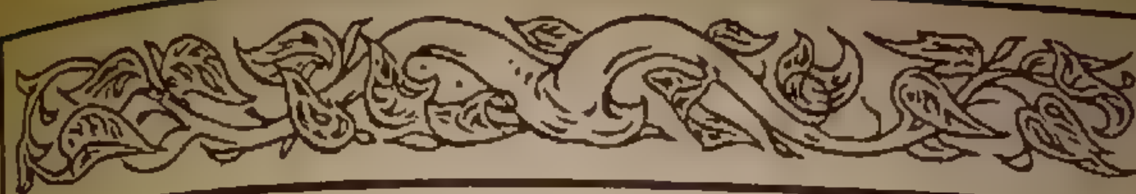
– А в других местах?

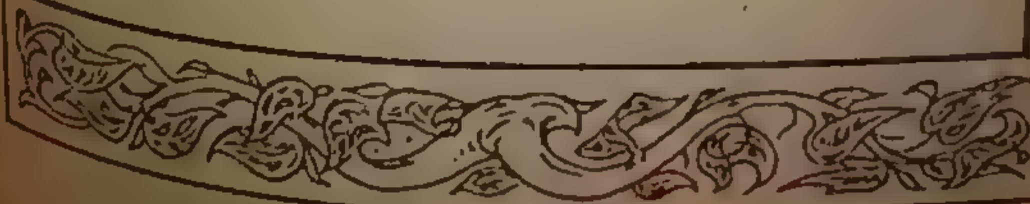
– На юге их, говорят, много. В Долгой Долине, у Сарнского Брода, в Залесье тоже. А у Росстани – целые толпы. Еще те эти Садки, как они их зовут: старые кладовки в Микорытах, которые они под тюрьму приспособили. Думаю, всего сотни три наберется. Если ударить дружно, должны справиться.

– Что у них за оружие?

– Ножи, кнуты да дубинки. Другого не видно. Хотя, если до драки дойдет, может, и еще кое-что найдется. У некоторых луки есть. Двоих наших они подстрелили.

– Видишь, Фродо, – сказал Мерри. – Я же говорил, без схватки не обойтись. Это они начали убивать.





– Не совсем так, – поправил его Недоселок, – по части стрельбы хотя бы. Стрелять-то первыми Туки начали. Это все ваш отец, мастер Перегрин. Когда Лотто объявил себя Предводителем, старый Тук заявил, что знать его не желает, что ежели сейчас и быть кому Предводителем, так Таану Ширскому, а не какому-то выскочке. Лотто послал своих Верзил, да толку-то! Тукам везет, у них норы глубокие в Зеленых Холмах, Смеалища и все такое. Так и не пустили разбойников к себе. Стреляли, если кто сунется, и трех застрелили-таки. И теперь дозор держат, никто больше в Туково хозяйство не суется.

– Отлично! – вскричал Пиппин. – Сейчас же еду к ним. Кто со мной? К утру приведу сюда войско Туков! – И в сопровождении полудюжины всадников Пиппин исчез.

– И все-таки, – обратился Фродо к оставшимся, – я не хотел бы убийств, даже если это громилы. Разве что ради спасения хоббита...

– Ладно, ладно, – поторопил его Мерри, – мы все поняли. Я вот думаю, что гостей надо ждать когда угодно, и придут они не для разговоров. Конечно, мы попытаемся обойтись без крови, но готовы должны быть к худшему. У меня есть план!

– Вот и хорошо, – устало произнес Фродо, – организуй все.

В этот момент несколько хоббитов, посланных на разведку, подбежали к костру.

– Идут! – закричали они. – Десятка два или больше, а двое ушли на запад.

– Это они к Росстани, своих собирать, – сказал Недоселок. – Дотуда в один конец миль пятнадцать, можно пока не беспокоиться.

Мерри быстро отдавал приказания. Улицу очистили. Вооруженных укрыли в домах.

Долго ждать не пришлось; вскоре послышались громкие голоса и топот. Большой отряд громил двигался по дороге. Увидев заграждение, они расхохотались. Им даже в голову не приходило, что здесь, в мирной, ленивой стране, они могут с чем-нибудь не справиться.

Хоббиты открыли проход в заграждении и молча встали по сторонам.

– Вот спасибо, услужили! – послышались издевательские выкрики. – А теперь живо, марш по домам, пока вас не выпороли! – и они громко затопали вдоль улицы, покрикивая беззлобно: «Погасить огни! Все по домам! А ну, живо, а то на год в тюрьму засадим!».

Бандиты даже не сразу поняли, что их приказы остаются без исполнения. Пропустив их, хоббиты тихо сомкнулись позади и пошли следом.

На площади, возле костра, одиноко стоял, грея руки, Том Недоселок.

– Кто таков? Чем занимаешься? – гаркнул на него главарь.

Фермер медленно поднял голову и внимательно посмотрел на него.

– Да вот, ждал тебя, чтобы спросить о том же. Это не ваша страна, и вас сюда не звали.

– Зато мы тебя сейчас позовем, – ухмыльнулся главарь. – Взять его, ребята!

Трое громил шагнули вперед, но тут же остановились. Вокруг послышались голоса, и люди вдруг поняли, что фермер не один. Они были на свету и окружены плотным кольцом хоббитов, с трудом различимых в темноте. Все хоббиты были вооружены, и не понять было – сколько их.

В освещенный круг вошел Мерри.

– Мы ведь уже встречались, – обратился он к главарю, – и я предупреждал тебя, чтобы ты не возвращался. Могу еще раз предупредить: ты сейчас на свету, и на тебя смотрит не одна и даже не две стрелы. Тронешь этого фермера хоть пальцем – пеняй на себя. Давай-ка, разоружайся.

Главарь огляделся. Он был в явном замешательстве, но ничуть не испуган. Хоббитов он знал совсем плохо, поэтому не понимал всей серьезности своего положения. Народец был такой хлипкий на вид... И он решил, что вырваться из кольца будет нетрудно.

– А ну, ребята, – заорал он, – зададим им перцу! – и бросился на прорыв. На дороге у него стоял Мерри, и громила замахнулся на него ножом, но тут же рухнул, пронзенный четырьмя стрелами.

На остальных это произвело сильное впечатление. Они без сопротивления дали себя обезоружить, связать и поместить под стражу. Тело главаря унесли.

– Все оказалось не так уж сложно, – сказал Том Недоселок, – надо было только позвать нас. В самое времечко вы пришли, мастер Мерри.

– Это только начало, – озабоченно ответил Мерри, – если их и правда так много, как вы говорите, то это лишь малая часть... Впрочем, сейчас темно. Думаю, следующего нападения надо к утру ждать. Тогда и потребуем Предводителя.

– А почему не сейчас? – нетерпеливо спросил Сэм. – Время-то к семи только. Я хочу своего старика повидать. Господин Недоселок, не знаете, что с ним?

– Не то, чтобы хорошо, но [illegible] не очень плохо, Сэм, – ответил фермер. – Тут [illegible] рили. Для него это уж [illegible] был. Он теперь в одном из [illegible] мов, которые верзилы понастроили, пока еще хоть [illegible] кроме грабежей занимались. От конца Уводья [illegible] миль. Он приходил ко мне раза два-три [illegible], и совсем бы у себя оставил, да не велено.

– Спасибо вам, сударь, я никогда этого не забуду, – волнуясь, проговорил Сэм. – Все-таки его повидать хочу. Предводитель этот и Аспид, они [illegible] и до утра чего-нибудь натворить могут.

– Сходи, конечно, – сказал Недоселок, – только прихвати с собой пару парней и отведи старика ко мне в дом. Через Водью не ходи! Джолли мой дорогу покажет.

Сэм убежал. Мерри выставил посты, а потом вместе с Фродо отправился к Недоселкам.

Они сидели в удобных креслах, а Недоселки задавали им вежливые вопросы о путешествии, но видно было, что ответы не слушали. Слишком их волновали здешние ширские дела.

– Все началось с Прыща, – начал рассказывать фермер. – И началось, как только вы уехали, мастер Фродо. Чудные у него были идеи, у этого Прыща. Уж очень он рвался командовать, да и жаден был без меры. Вот он и стал скупать все, что можно, хотя откуда деньги брал – непонятно. Скупал и мельницы, и гостиницы, и пивоварни. Еще до того, как в Засумках поселиться, он у Песошкинса мельницу купил. Конечно, богатство его началось еще с Южной Чети, от отца осталось, и похоже, лучший-то лист он уже года два на сторону продавал! А в конце прошлого года уже чем только не торговал! Появилось множество Верзил, в основном, по

доворезов, с телегами. Они увозили товары на юг, а часть Верзил осталась здесь. Мы и глазом моргнуть не успели, а они уже расселились по всему Ширу, начали лес валить, дома строить и скоро хозяйничали, где хотели, и как хотели.

Но это бы еще полбеды. Старый мэр отправился в Засумки с протестом, а его схватили и посадили под замок. Вскоре после этого Прыщ стал называть себя Предводителем ширрифов, или просто Предводителем, и уж тут на него удержу совсем не стало. Если кто начинал «воображать о себе», как они это называют, сразу отправлялся вслед за Вилли. Становилось все хуже. Курево только для людей, пиво тоже, трактиры позакрывались. Не хватало всего, кроме Правил, этих было вдосталь. Если кто припрятывал что-то, громилы все отбирали – для «справедливого распределения», как они говорили, а это значит – для них, да еще ширрифам перепадало. И так плохо было, а с приходом Аспида началась полная разруха.

– Кто он такой, этот Аспид? – спросил Мерри. – Мы слышали, как один из громил говорил о нем.

– Похоже, это у них самый главный. Впервые мы о нем прослышали еще в прошлую жатву. Никто из нас никогда его не видел, но засел он в Засумках. Думаю, он и есть настоящий Предводитель. Громилы слушаются только его и делают все, что он велит. А велит он обычно ломать, крушить, жечь. Теперь вот убийства начались. Или возьми, например, Песошкинсову мельницу. Прыщ разломал ее, почитай, сразу, как в Засумки переехал. Потом понагнал Верзил немытых новую строить, побольше, напихали они туда колес всяких чужеземных. Тэд, дурачок, радовался, и колеса для Верзил начищал там, где отец его сам себе хозяин был. Прыщ все норовил побольше и быстрее. Он и другие мельницы так обустраивать начал, да только «что потопаешь, то и полопаешь», и новым мельницам работы было не больше, чем старым. А с тех пор, как пришел Аспид, они вообще перестали зерно молоть. Стук да дым, и даже ночью в Хоббитоне покоя не стало. Всю нижнюю Водью запакостили, а она ведь в Брендидуин течет. Если б они нарочно хотели Шир в пустыню превратить, и то лучше б не придумали. Не верю я, что тут только Прыщова глупость. Попомните – это все Аспидовы дела.

– А то как же! – ввернул Том младший. – Они даже из[illegible] тушку Прыща забрали. Лобелию, значит. Она как-то раз спускались со своим старым зонтиком по тропинке, а навстречу ей Верзилы с повозкой. Она им: «Куда это вы?», а они ей: «В Засумки». Она: «Это еще зачем?», а ей: «Сарай строить для Аспида». «Да кто ж это вам позволил?» – Лобелия, значит, говорит, а они ей: «Аспид приказал. А ну, кыш с дороги, старая карга!» Лобелия [illegible]. «Я вот покажу вам Аспида, грязные воры!» [illegible] нет вожака зонтиком, а тот здоровенный такой. Ну, [illegible] ее, в Садок отволокли. В ее-то возрасте! И других [illegible]. Некоторых и совсем уж ни за что. Лобелию-то [illegible], а она, вишь, боевая оказалась.

Посреди разговора верну[illegible] отца. Старичина Хэм не то, чтобы сильно [illegible] на ухо туговат стал заметно.

– Добрый вечер, господин [illegible] обрадовался он Фродо и тут же нахмурился. [illegible] хорошо, что вернулись, но зуб у меня на [illegible] позволите. Я всегда говорил: не след вам Засумки [illegible]. С того все и пошло. Пока вы там в чужедальних кра[illegible] да Черных Верзил по горам гоняли, как мне тут С[illegible] говорит (я, правда, не понял, зачем это вам понадобилось), они сюда все сбежались. Тугосумы перерыли! Ни сада, ни огорода не осталось!

– Весьма сожалею, господин Гэмджи, – ответил Фродо. – Но теперь я вернулся, и я с ними разберусь.

– А, ну и хорошо. Лучшего и желать нельзя, – покивал старик. – Господин Фродо Сумникс – истинный благородный хоббит, я всегда это говорил, какими бы там прочие Сумниксы ни были. Надеюсь, Сэм мой прилично себя вел? Все делал как надо?

– Даже больше, господин Гэмджи, – заверил его Фродо. – Вы не поверите, но сына вашего теперь во всех землях знают. Про его подвиги песни поют отсюда и до Моря, и за Великой Рекой тоже.

Сэм, зардевшись, с признательностью поглядел на Фродо. Рози, стоявшая рядом, просияла глазами и улыбнулась ему.

– Конечно, с трудом верится, – покряхтел старик, – хотя я и сам вижу: среди странного народа он замешался. Ту откуда такую одежду взял? – ворчливо спросил он у сына.

Не след хоббиту со всякими железяками связываться, хоть, может, они ему и к лицу.

И домочадцы, и гости Недоселков уже с раннего утра были на ногах. Ночь прошла тихо, но день сулил неприятности.

– В Засумках, похоже, никого из Верзил не осталось, – сказал Недоселок, – а с Росстаней вот-вот подойдут.

Сразу после завтрака явился гонец от Туков.

– Вся страна поднимается, – сказал он. – Вести летят, как пожар, во все стороны. Верзилы, которые были у нас, удрали на юг. За ними сам Тан отправился. А мастер Перегрин сейчас подойдет с другим отрядом.

Следующая весть оказалась похуже. Около десяти часов прискакал Мерри, [illegible] в дозоре.

– Милях в четырех отсюда большая банда, – сообщил он. – Идут от Росстаней, и к [illegible] присоединяются все новые и новые.

– Да, эти разговари[illegible] – проворчал Недоселок. – Если Туки задержатся, и [illegible] стрелять. Без драки это дело не уладишь, мастер [illegible]

Однако, Туки все же [illegible] Сотню крепких хоббитов из Тукборо вел Пиппин Т[illegible] у Мерри оказалось достаточно сил для обороны.

Верзилы, решив подавить восстание, не очень-то задумывались, как это сделать. Да и в военном деле никто из них ничего не смыслил. Мерри умело воспользовался рельефом местности и начал осуществлять свой план.

Бандиты двигались без разведки и, когда свернули с Западной Дороги к Уводью, оказались в ложбине между двумя рядами холмов. Они не прошагали и фарлонга, как дорогу им преградила высокая баррикада из перевернутых фермерских повозок. Это их слегка озадачило, а когда они обнаружили, что дорога позади тоже перекрыта телегами, они просто растерялись. Кругом на склонах холмов мелькали перебегавшие хоббиты. В этот момент сверху раздался голос:

– Эй, вы! Слушайте меня. Вы в ловушке. Ваши приятели тоже угодили в засаду. Один убит, другие взяты в плен. Складывайте оружие, отходите на двадцать шагов и садитесь на землю. При малейшем сопротивлении прикажу стрелять.

Видимо, громилы полностью полагались на свое превосходство в силе. Поэтому они и не подумали сдаваться. Десятка

11 Заказ 2512

[illegible] и раскидали телеги. [illegible] из них [illegible] прорвались [illegible] в ответ [illegible] и вдали [illegible] Мерри [illegible] ответный рог.

– Далеко не уйдут, – сказал Пиппин. – Там полно наших охотников [illegible]

Остальные громилы [illegible] холмов [illegible] бросились [illegible] рыжих [illegible] и разыгралось [illegible] что хоббиты не думая об опасности [illegible] более что [illegible] заколебались и [illegible] которые были [illegible] Мерри и Пиппин [illegible] в бой [illegible] Мерри [illegible] бой [illegible] человека [illegible] полегло, дюжину [illegible] кончился. Около семидесяти [illegible] итов: девятнадцать взяли в плен. Были потери и [illegible] убитых и около тридцати ран[illegible]

Тела громил [illegible] называть Бранной [illegible] похоронили [illegible] вершине холма установили [illegible] огромный камень, а потом там разбили сад [illegible] Битва при Уводье 1419-го года, последняя битва в [illegible] ничего подобного не происходило со времен сражения на Зеленых Полях триста лет назад.

В Алой Книге событиям этим посвящена целая глава, а имена участников занесены в Памятный Свиток. Историки Шира знают их наизусть.

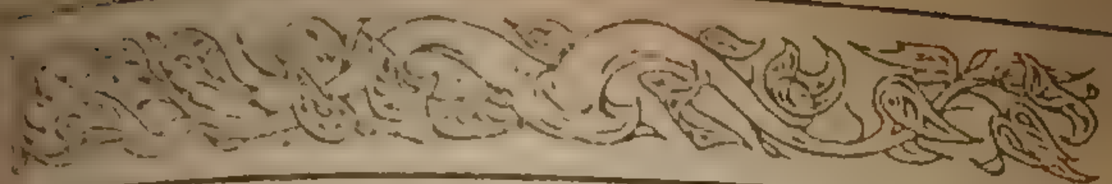
Слава Недоселков после этого еще более возросла, но открывается Свиток именами вождей Мериадока и Перегрина.

Фродо за весь бой так и не обнажил меча. Он только удержал хоббитов от расправы над пленными.

К вечеру друзья собрались вместе у Недоселков за поздним обедом. Фродо сказал:

– Что ж, теперь самое время, пожалуй, повидаться с предводителем.

– Да уж, с этим лучше не откладывать, – согласился Мерри. – И знаешь, не нежничай с ним особо. В конце концов, все беды начались с него. Он должен ответить за то зло, которое причинил.



Отправились сразу после обеда. Мерри собрал отряд из двух десятков хоббитов, особо отличившихся в бою. «Это ведь мы так думаем, что громил больше нет, – говорил он, – а как там на самом деле – неизвестно».

Друзья шагали во главе отряда. Наверное, когда они подходили к разоренным Засумкам, это был самый печальный момент в их жизни. Огромная труба поднималась над дорогой. Пройдя мимо каких-то бараков, они вышли к новой мельнице – большому и грязному кирпичному строению. По трубе, выходившей из нее, в реку текла какая-то дрянь. Деревья вдоль всей дороги были свалены.

Перейдя через мост, они взглянули на Горку и ахнули. Сэму не помогло даже то, что он видел в Зеркале Галадриэль в Лориене. Старое имение было в полном запустении, а вокруг понатыканы обмазанные дегтем сараи. Каштаны исчезли, изгороди повалены. Огромные телеги в беспорядке стояли тут и там. Тугосумы зияли песчаными и гравийными карьерами. Самих Засумок не было видно за скопищем бараков и хижин.

– Они срубили его! – вдруг завопил Сэм. – Они срубили Праздничное Дерево! – Он смотрел на то место, где раньше росло дерево, под которым Бильбо произносил свою Прощальную Речь. Сейчас оно лежало неподалеку мертвое, с обрубленными ветвями. Сэм расплакался.

Его прервал неприятный смех. Через низкую стену мельничного двора на них смотрел рослый, грубого вида хоббит. Лицо у него было недоброе, а руки совсем черные.

– Что, Сэмчик, не по вкусу? Я помню, ты всегда был такой чувствительный. Думали, ты сгинул уж давно на тех кораблях, которые все уплывают, уплывают... Ну, зачем вернулся? Работа, правда, для тебя найдется. Мы теперь большие дела делаем.

– Оно и видно, – едва сдерживаясь, ответил Сэм. – Весь в делах, руки отмыть некогда. Ну, слушай, Песошкинс. Мне здесь кое с кого должок получить надо. Гляди, чтобы и тебе счет не прислали, да такой, что не расплатишься!

Песошкинс сплюнул через стену.

– Та-та-та, – презрительно сказал он. – Я друг босса, меня нельзя трогать. А если еще что от тебя услышу, так и знай, он вас так тронет, что не обрадуешься.

– Хватит с дураком разговаривать, Сэм, – остановил друга Фродо. – Надеюсь, немного хоббитов найдется таких, как этот. Вот настоящее зло, а все остальное поправимо.

– Слушай, ты, грязный, наглый Песошкинс! – сказал Мерри. – Мы как раз и пришли повидать твоего босса, а заодно передать ему, что своих Верзил он больше не увидит.

У Тэда рот открылся от изумления, когда он заметил отряд вооруженных хоббитов, входящих на мост. Он бросился к мельнице, выскочил назад с рогом в руках и громко затрубил.

– Эй, не надорвись! – засмеялся Мерри. – У меня получше получается! – Он поднял рог, и чистый серебряный звук разлился над Горкой. Из окрестных нор и домишек стал выходить народ, многие, разобравшись, присоединились к отряду.

Наконец, они подошли к усадьбе. Дом выглядел снаружи совсем заброшенным. Входная дверь перекосилась, колокольчик не звонил. На стук никто не отозвался, тогда они толкнули дверь и вошли. Внутри был полный кавардак; видно, домом давно не пользовались.

– Куда же подевался этот несчастный Лотто? – удивлялся Мерри.

Они обшарили весь дом, но, кроме мышей и крыс, никого не встретили.

– Здесь хуже, чем в Мордоре, – сказал Сэм, со злобой дав пинка какой-то зазевавшейся крысе. – Хуже потому, что это наш дом, и мы помним, какой он был раньше.

– Да, это дело Мордора, – вздохнул Фродо. – И дело сделано руками Сарумана. Он хоть и думал, что он сам по себе, а на деле выполнял черную волю, как и те, кого он обманул, вроде Лотто, например.

Мерри озирался с гадливым выражением.

– Пошли на воздух, – решительно сказал он. – Знай я, что все оно так будет, затолкал бы свой кисет Саруману в глотку!

– Может и так, может и так... Да ведь вы не сделали этого, и теперь я могу приветствовать вас! – В дверях стоял Саруман. В глазах его явно читались злоба, насмешка и самодовольство.

На Фродо словно озарение снизошло.

– Аспид! – закричал он.

Саруман довольно рассмеялся.

– Вижу, слыхали обо мне, а? Так меня звали в Изенгарде. В знак признательности, полагаю. А вы, похоже, не ожидали меня здесь увидеть.

– Нет, – просто признался Фродо. – Хотя мог бы и догадаться. Гэндальф предупреждал, что ты способен на мелкие пакости.

– Способен, способен, – покивал Саруман. – Вы насмешили меня, недомерки, когда, такие [illegible] собой, такие беспечные, скакали мимо в компании [illegible]. Вы были уверены, что все плохое уже кончилось, и [illegible] славно отдохнуть в своей маленькой, уютной стра[illegible], дом Сарумана разрушен, а ваш, значит, никто [illegible] тронуть! Думали, Гэндальф об этом позаботится? [illegible] нет! Вы свое дело сделали и больше ему не нужны. [illegible], думал я. Надо бы проучить их. И уж я бы [illegible] будьте уверены, если бы мне побольше людей и времени. [illegible] и так сделал немало, всего вам в жизнь не поправить. Я [illegible] посчитался с вами!

– Если это доставляет тебе удо[illegible], – холодно ответил Фродо, – мне жаль тебя. Но [illegible] – твое дело. Хочешь радоваться – радуйся. А теперь иди и не возвращайся.

Фродо только сейчас заметил, что вокруг Засумок собралось множество хоббитов. При его последних словах отовсюду послышались крики:

– Нельзя отпускать его! Он убийца! Не отпускайте! Убить его!

Саруман медленно обвел взглядом толпу и усмехнулся.

– Убейте, убейте! – передразнил он. – Ну; попробуйте, убейте, если силенок хватит! – Он выпрямился во весь рост, и взгляд его стал тяжелым. – Я потерял только свое добро, но не силу. Тот, кто посмеет прикоснуться ко мне, будет навеки проклят! И если здесь прольется хоть капля моей крови, Шир ваш зачахнет и зарастет бурьяном.

Видно было, что на многих хоббитов его слова произвели впечатление.

– Не верьте ему, – спокойно сказал Фродо, – нет у него никакой силы. Только разговоры и остались. Но не надо мстить. Пусть уходит. – Хоббит повернулся к бывшему магу. – Уходи, Саруман, уходи поскорее, мы не хотим больше видеть тебя.

Некоторое время Саруман угрюмо озирался, потом крикнул:

– Эй, Червяк!

Из ближайшей хижины на четвереньках вылез Грима.

– Идем, Червяк, – бросил ему Саруман. – Эти славные полурослики снова гонят нас в путь. Идем! – Саруман повернулся и пошел прочь. Но, проходя мимо Фродо, он сделал молниеносный, как удар змеи, выпад, и длинный нож лязгнул о кольчугу из *мифрила*, которую Фродо все еще носил под курткой. Тут же не менее десятка рук схватили злодея, вырвали нож и бросили на землю. Сэм выхватил меч.

– Стой, Сэм, – остановил его Фродо. – Не убивай его даже теперь. Он ничего мне не сделал. Я не хочу, чтобы он погибал в таком ужасном состоянии духа, как сейчас. Когда-то он был по-настоящему велик. Тогда ничья рука не поднялась бы на него. Теперь он пал, и мы не в силах помочь ему. Но, может быть, он сам сможет найти путь к свету. Я прошу пощадить его.

Саруман медленно поднялся на ноги и посмотрел на Фродо. Странный это был взгляд. В нем смешались и ненависть, и изумление, и уважение.

– Ты вырос, полурослик, – тихо сказал он. – Ты стал мудрым и жестоким. Теперь ты лишил мою месть сладости, и я ухожу в долгу перед твоим милосердием. Но я ненавижу и его, и тебя! Хорошо, я уйду и не буду больше вредить тебе. Но не надейся услышать от меня на прощание пожеланий здоровья и долгих лет жизни. У тебя не будет ни того, ни другого, хотя и не по моей воле; я только предсказываю.

Он пошел прочь, и хоббиты расступились, давая ему дорогу. Грима чуть заметно помедлил и поплелся за хозяином.

– Грима! – окликнул его Фродо. – Ты можешь остаться. Ты ни в чем не виноват перед нами. Отдохни здесь, наберись сил, а потом можешь идти своей дорогой.

Грима остановился и растерянно посмотрел на Фродо. Видно было, что он готов принять предложение, хотя никак не ожидал его.

Остановился и Саруман.

– Не виноват, говоришь? – воскликнул он. – Нет, конечно, нет! Когда он выползал по ночам наружу, он просто любовался

на звездочки! Тут кто-то из вас интересовался, куда подевался бедный Лотто? Эй, Червяк, тебе ведь известно, что с ним приключилось, а? Скажи-ка им!

Эти слова словно подкосили Гриму. Он рухнул на землю, захлебываясь от визга: «Нет! Нет!»

– Не хочешь говорить? – продолжал Саруман. – Но им же интересно. Надо рассказать им. Я расскажу, пожалуй. Так вот, бедняжки, вашего Предводителя зарезал Червяк. Во сне, я полагаю. И закопал, надеюсь. Хотя в последнем я не уверен. Он ведь все время голоден. А, Червяк? Ну, это ты дурно поступил. Нельзя так.

Красные глаза Гримы сверкнули дикой ненавистью.

– Это ты! Ты меня заставил! – зашипел он.

Саруман засмеялся.

– А ты всегда слушаешься [illegible], разве не так? Ну, так вот, теперь он говорит: «За мн[illegible]» – Он снова пнул Гриму, повернулся и пошел прочь.

Дальнейшее произошло так быстро, что никто не успел пошевельнуться. Грима схватил валявшийся в пыли нож и с глухим рычанием прыгнул на спину Саруману. Мгновенным движением он откинул его голову назад и перерезал магу горло. Затем отшвырнул нож и с визгом бросился бежать. Прежде чем Фродо успел вмешаться, в воздухе свистнули три стрелы, и Гримы Червослова не стало.

К ужасу собравшихся хоббитов, вокруг тела Сарумана сгустился плотный серый туман. Медленно поднявшись над Горкой, он образовал зыбкую серую фигуру. Мгновение она колебалась, обратившись на запад, но оттуда налетел порыв холодного ветра и обратил ее в ничто. Над холмами прошелестел и замер чуть слышный вздох.

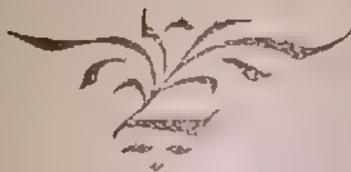
Фродо с жалостью смотрел на лежащее тело. Всем показалось вдруг, что с момента гибели Сарумана пролетели столетия – так страшно изменилось лицо мертвого: кожа истлела и повисла сухими лохмотьями на ужасно проступившем черепе. Фродо приподнял край грязного капюшона, накрыл им лицо мага и пошел прочь.

– Ну, вот все и кончилось, – содрогнувшись, проговорил Сэм. – Оно, конечно, противный был конец, что и говорить. Лучше бы его не видеть. Но главное – кончилось.

– Надеюсь, что кончилась и Война, – сказал Мерри.

– Хорошо бы так, – вздохнул, повернувшись, Фродо. – Самый последний удар! И, подумать только, он пришелся как раз сюда, в самые двери Засумок. Я даже во сне не мог такого представить!

– Кончилось, кончилось... – проворчал Сэм. – Какой же это конец? Вот вычистим здесь все, да приберемся, тогда и поговорим о конце. Так ведь это еще когда будет!



Глава IX

СЕРЕБРИСТАЯ ГАВАНЬ

Чистить действительно пришлось многое. Но времени на это ушло все-таки меньше, чем опасался Сэм.

На другой же день были освобождены все пленники. Среди них одним из первых отыскался Фредегар Пузикс, изрядно похудевший теперь. Он с кучкой охотников скрывался в холмах, и Верзилам пришлось повозиться, прежде чем они выкурили сопротивлявшихся хоббитов из нор.

– Право слово, лучше бы ты с нами пошел, бедолага! – сказал Пиппин, вынося его наружу – тот был слишком слаб, чтобы идти самому. Фредегар

только приоткрыл глаз и попытался улыбнуться.

– Что это за великан с громовым голосом? – прошептал он. – Уж не маленький ли Пиппин? И какой у тебя теперь размер шляпы?

За ним подошла очередь Лобелии. Несчастная выглядела совсем дряхлой. Ее вытащили из темной, узкой камеры, но когда она появилась на пороге, опираясь на руку Фродо и сжимая неизменный зонтик, ее встретили такими приветственными криками и гулом восторга, что она расплакалась. К ней в жизни не относились с таким радушием. Однако весть о гибели Лотто сокрушила старуху. В Засумки она уже не вернулась, а ушла жить к родне, оставив усадьбу Фродо. Впрочем, следующей весной Лобелия умерла, дожив до ста с лишним лет и завещав все свое состояние на помощь хоббитам, оставшимся без крова. Фродо был смущен и тронут таким окончанием давней семейной вражды.

Старый Вилли Белоног отсидел самый большой срок. Здоровье у него совсем расстроилось, и обязанности мэра на время пришлось взять на себя все тому же Фродо. Первым делом новый мэр сократил количество ширрифов до прежней величины, а остальных отправил заниматься делом. Покончить с Верзилами поручили Мерри и Пиппину. Еще до конца года они с этой задачей справились. Прослышав о битве в Уводье, Верзилы, почти не оказывая сопротивления, бежали из страны.

Хоббиты – была бы нужда да охота – могут работать, как пчелки. Тысячи рук от мала до велика, жаждущих привести страну в порядок, взялись за дело. Дома, выстроенные «аспидовым племенем», сровняли с землей. Нашлись при этом огромные запасы провизии, пива и всякой всячины; так что дела сразу оказались не так плохи, как представлялось поначалу. Но сперва занялись Сумкиной Горкой. Там хуже всего пришлось деревьям. Их просто повырубили. Это больше всего опечалило Сэма. Он думал, что теперь только внуки его, если они будут, увидят Шир зеленым.

Но в один прекрасный день у него выдалась свободная минутка (так-то он неделями был занят работой), он начал вспоминать о своих приключениях и тут же вспомнил о подарке Владычицы Благословенного Края. Он достал коробочку и показал друзьям.

– Я и то думал, – сказал Фродо, – когда ты о ней вспомнишь? Ну, открой!

Коробка доверху была наполнена серой, мягкой и нежной, вроде бы пыльцой, а посреди лежало зернышко серебристого цвета.

– А что же мне с этим делать? – растерянно спросил Сэм.

– Выбери ветренный день, брось в воздух, пусть само делается! – предложил неунывающий Пиппин.

– Лучше не так. Выбери участок земли на пробу, да хоть Засумки, и посмотри что будет, – посоветовал Мерри.

– Нет, – упрямо помотал головой Сэм. – Я уверен, Владычице не по нраву пришлось бы потрать я все на свой садик. Смотрите, сколько народу вокруг страдает!

Фродо же сказал ему так:

– Ты умелый садовник, Сэм. Делай все, что можешь сделать сам. А для того, что сам не сможешь, используй подарок Галадриэль. Там ведь немного, каждая пылинка на счету.

Сэм начал сажать саженцы. Сначала там, где раньше росли самые красивые деревья, а потом и там, где ничего не росло. И возле каждого посаженного кустика он клал в землю частичку благословенной почвы. С этой работой он ходил по всему Ширу, но особое внимание уделял все-таки Хоббитону и Тугосумам. Когда в коробочке осталась маленькая щепотка, он поднялся на вершину самого высокого холма почти в центре страны и, прошептав благословение, бросил остатки в воздух. Серебристое зернышко он посадил посреди Праздничной Поляны и долго размышлял, что же из него вырастет? Всю зиму он едва сдерживал себя, чтобы не бегать каждый новый день смотреть – не случилось ли чего?

Весной даже видавшие виды старые хоббиты не верили своим глазам. Деревья росли с такой быстротой, словно время для них сжалось, и год проходил за неделю. На Праздничной Поляне творилось и вовсе невиданное. Серебристое семечко дало чудесный побег, и теперь он рвался вверх к небу, не по дням, а по часам. У деревца был серебряный ствол и большие длинные листья золотистого оттенка. В апреле в кроне зажглись большие золотые цветы.

Уже через несколько лет молва о чудесном дереве распространилась далеко за пределы Шира. Многие приходили

издалека специально взглянуть на диковинное диво. Это был единственный в тех краях меллорн, и надо сказать, один из прекраснейших в мире.

Вообще тот год был замечательным для Шира. Не только из-за мягкого солнца и дождей, которые сменяли друг друга именно тогда, когда надо, и было их столько, сколько надо. Не это было главное. Куда важнее был осенивший всю страну дух благости, красоты и жизни. Дети, рожденные в этот год, были сильны и прекрасны. У многих из них были золотые волосы, что прежде среди хоббитов встречалось только изредка. Не было болезней и все были довольны, разве что кроме косарей. Траву приходилось косить так часто, и она была такой густой и высокой, что они выбивались из сил.

В Южной Чети клонилась к земле лоза, табак вымахал на редкость рослый и духовитый, зерна уродилось столько, что амбары ломились. В Северной Чети эль из ячменя урожая 1420 года вошел в поговорку. Еще и поколение спустя можно было услышать от какого-нибудь старика в трактире, со вздохом заглядывавшего в опустевшую кружку: «Эх, вот в 1420-м эль был так эль!»

Первое время и Фродо, и Сэм жили у Недоселков. Лесничьи дела часто уводили Сэма из дому, и случалось, надолго. Он был как раз в одной из своих поездок, когда в начале марта Фродо неожиданно заболел. Тринадцатого числа старик Недоселок нашел его лежащим поперек кровати в забытьи. В руке Фродо сжимал белый камень, который всегда носил на шее. Губы его шевелились. Старый Том нагнулся и едва расслышал чудные слова: «Оно ушло, ушло навсегда. Без Него так темно и пусто...» Но приступ скоро прошел, и когда двадцать пятого вернулся Сэм, Фродо был в полном порядке и ничего ему не сказал. Тут как раз закончились работы в Засумках, Мерри с Пиппином разыскали в Кривражках старую мебель, и скоро усадьба выглядела не хуже, чем раньше.

Фродо как-то раз спросил Сэма:

– Ну, Сэм, когда переезжать будем?

Сэм неожиданно смутился и ничего не ответил.

– Если не хочешь, подождем пока, – сказал Фродо. – Я, правда, думал, что в Засумках тебе будет лучше... И старик твой рядом, и вдова Встряскин за ним присматривала бы...

– Оно, конечно, так, сударь, – пробормотал Сэм и п[illegible] краснел.

– Так в чем же дело? – недоумевал Фродо.

– Да вот, сударь, Рози... Рози Недоселок... Похоже, [illegible] бедняжке, не очень-то по нраву был наш отъезд тогда. [illegible] я, как собрался, ничего говорить не стал, и она не сказа[illegible]. А потом я не говорил, потому что работы невпроворот на[illegible]лилось. А теперь [illegible] сказал, а она и говорит: «Мы и так це[illegible] год потеряли! Чего еще [illegible]» «Ничего себе, думаю, [illegible] теряли!», но вообще-то она права. Так что я уж и не зна[illegible] прямо хоть пополам [illegible] [illegible]ем смешался и замол[illegible].

– Ну, вот, теперь [illegible], – облегченно вздохнул Фродо. – Тебе и со мной р[illegible] не хочется, и жениться пора. Милый ты мой, [illegible] не так просто! Жен[illegible] поскорее, и переезжайте [illegible] семьей! Какая бы [illegible] у тебя ни была, в Засумках места не занимать!

Так оно и сталось. Сэм был счастлив, а Фродо и того счастливее. Ибо не было [illegible] не хоббита, за котор[illegible] ухаживали бы так внимательно, как за ним. Теперь вре[illegible] его текло размеренно и [illegible] много писал и перечитыва[illegible] свои записи. Летом, на [illegible] Ярмарке, он сложил с [illegible] полномочия мэра, и теперь [illegible] старому Вилли Бел[illegible] предстояло еще семь лет возглавлять все празднества.

Мерри и Пиппин поселились в Кривражках. Между Су[illegible]киной Горкой и Заскочьем много было хождений туда-[illegible]. Оба молодых хоббита стали теперь самыми известными гра[illegible]данами. Жили они широко, открыто. Песни, рассказ[illegible] походах, красивые невиданные наряды – все это влекло к [illegible] многих. Любо-дорого было посмотреть, как они несутся [illegible] весь опор по тракту, и красивые плащи развеваются за спи[illegible]. И характер у них остался такой, как был: ровный да мягк[illegible], совсем не заносчивый, разве что еще веселей стали.

Фродо с Сэмом, напротив, жили тихо. А уж давн[illegible] серые плащи с драгоценными застежками надевались у [illegible] только по большим праздникам. Но камень со звездн[illegible] блеском Фродо носил постоянно.

Одним словом, все шло хорошо, и обещало стать [illegible] лучше. Сэм был всем доволен.

Не нравилось ему только, что Фродо как-то все бол[illegible] выпадал из жизни Шира, и никаких особых почестей [illegible]

имел, да видно, и не стремился к ним. Немногие ведь знали об их походе, да и те не все; так что все восторги, все уважение достались, в основном, Мерри и Пиппину и, кстати, ему, Сэму, хоть он и вовсе этого не желал.

Но вот осенью их коснулась тень прежних забот.

Как-то вечером Сэм нашел Фродо в странном состоянии. Хозяин был бледен, как мел, а глаза невидяще смотрели куда-то вдаль.

– Что с вами, сударь? – обеспокоился Сэм.

– Я ранен, – неожиданно ответил Фродо, – ранен глубоко, и никогда не оправлюсь от этой раны.

Сэм не на шутку разволновался, но уже на следующий день Фродо выглядел по-прежнему и, судя по всему, был вполне здоров. Тогда Сэму пришло в голову взглянуть на календарь. Было шестое октября. Ровно два года назад на Заветери Король-Призрак ранил его хозяина.

Шло время. В марте Фродо заболел снова. Ему потребовалось собрать всю свою волю, чтобы не привлекать внимания. У Сэма были другие заботы. Двадцать пятого марта у них с Рози родилась дочка. Сэм зашел к Фродо. Он выглядел глубоко озабоченным.

– Ума не приложу, сударь, что делать. Мы-то ждали мальчика, и решили, что назовем его в вашу честь – Фродо, а тут дочка... Такая хорошенькая девочка, лучше и не бывает, в ней от Рози больше даже, чем от меня. Так что делать-то?

– А чем тебе плох старинный обычай? – спросил Фродо. – Выбери цветочное имя, ну, хоть бы – Роза. Так в Шире половину девочек зовут. Что может быть лучше?

– Оно, конечно, сударь, – протянул Сэм. – Да я в наших странствиях много красивых имен встречал, только они слишком велики на каждый день, для всяких домашних забот и хлопот, значит. Вот и старик мой говорит: «Назови покороче, чтоб потом сокращать не пришлось». А если цветочное, так надо же цветок подобрать. Она же красивая у меня, а будет еще краше.

Фродо чуть помедлил.

– Пусть зовется Эланор. Помнишь, в Лориене мы видели такой солнечный цветок?

– Ага. Вот это самое мне и нужно было, – просиял Сэм. – Так тому и быть, значит.

Наступала осень. Маленькой Эланор исполнилось уже [illegible] годика, когда однажды Фродо позвал Сэма в свою рабочую комнату.

— Слушай, Сэм, в четверг день рождения Бильбо, — сказал он. — Сто тридцать один год! Надо бы нам навестить его. Я хочу, чтобы мы съездили вместе. Рози, верно, расстроится, но ты пообещай, что скоро вернешься. Передай ей, что это моя большая просьба.

— Эх, сударь, я и сам бы с превеликой радостью съездил в Дольн, и старого Бильбо [illegible] тоже повидать охота, но вот... — Сэм замялся. — Не[illegible] сударь, мне хочется поехать с вами... но и остаться [illegible] хочется больше всего на свете!

— Бедняга Сэм, — улыбнулся Фродо. — Тебе еще предстоит помучиться с этим. Ну, не [illegible] Все пройдет со временем. Тебе еще суждено стать твердым — таким ты и станешь.

На следующий день Фродо отдал Сэму ключи и показал, где лежат рукописи. Теперь [illegible] была большая книга в добротном красном кожаном переплете, и она была дописана почти до конца. В начале множество страниц были исписаны тонким, неровным почерком Бильбо, но большая часть записей была сделана твердой рукой Фродо. Книга была поделена на главы, однако последняя из них была незаконченна, и там оставалось еще несколько чистых страниц. На титульном листе стояло много заглавий:

Мой дневник,
Мое неожиданное путешествие
Туда и Обратно, и что случилось потом
Приключения пяти хоббитов
Повесть о Великом Кольце,
составленная Бильбо Сумниксом
из собственных наблюдений и рассказов друзей
Что мы делали в Войне Кольца

Здесь кончалась рука Бильбо. Дальше писал Фродо:

Падение Властелина Колец
и
Возвращение Короля

с точки зрения малого народа,
воспоминания Бильбо и Фродо из Шира,
дополненные сообщениями их друзей и поучениями Мудрых,
вместе с выдержками из Книги Знаний,
переведенными Бильбо в Дольне

Прочитав это, Сэм воскликнул:

– Да вы почти завершили ее, Фродо!

– Я совсем завершил ее, Сэм. Последние страницы допишешь ты.

Двадцать первого сентября они отправились в путь. Фродо выбрал того же пони, на котором возвращался из Минас Тирита. Пони этот теперь звался Колобродом. А Сэм оседлал своего ненаглядного Билла. Стояло прекрасное золотое утро. Сэм не спрашивал, куда они едут, ему казалось, что угадать нетрудно.

Хоббиты без спешки выбрались на дорогу к Крепи и заночевали в Зеленых Холмах. Двадцать второго сентября к полудню добрались до леса.

– Уж не за тем ли деревом вы прятались, сударь, когда мы впервые Черного Всадника встретили? – спросил Сэм.

– Мне теперь кажется, что все это во сне было.

Вечерело. На востоке проглянули звезды. Хоббиты миновали дуплистый дуб, свернули и стали спускаться с холма через заросли орешника. Сэм молчал. На него нахлынули воспоминания. Вдруг он услышал, как Фродо тихонько напевает про себя, напевает старую прогулочную песню, вот только слова были немножко другие.

За поворот! Меня там ждет
Забытый лаз, секретный ход;
Я миновал его вчера –
Но знаю, что придет пора
Найти ту тропку в глубине,
Что мчится к Солнцу и Луне!

И словно в ответ, откуда-то издалека, с дороги, идущей по долине, донеслись голоса.

А! Элберет Гилтониэль!
силиврен пенна мириэль
о менел аглар элэнат!

Гилтониэль! О Элберет
Очей твоих бессмертных [illegible]т
Тебе поет лесной на[illegible]
В иной земле, за дал[illegible]

Фродо и Сэм остановились и молча ждали в мяг[illegible] сумерках пока [illegible] [illegible]ились странству[illegible] эльфы.

К ним подошел Гилдор, а [illegible] ним... Сэм с восторгом и изумлением увидел [illegible] [illegible]ронда и Галадриэл[illegible] Элронд ехал в сер[illegible] [illegible] [illegible] во лбу его сия[illegible] звезда, а на пальце – большое золотое кольцо с голубым камнем. Это был В[illegible] [illegible]ственное из трех эль-фийских колец. Следом на белом коне ехала Галадриэль. [illegible] ее одежде можно было [illegible] [illegible] что она походила [illegible] легкие облака, закрывшие [illegible] и горящие ее серебряны[illegible] светом. Мягкий свет стру[illegible] [illegible] вокруг Владычицы Благословенного Края. На [illegible] [illegible] было кольцо из мифрил[illegible] с белым камнем, сиявшим как холодная звезда. Фродо сра[illegible] узнал Нэнн. Позади мудрейших на маленьком ушастом пон[illegible] ехал, покачиваясь в дреме Бильбо.

Элронд приветливо поздоровался с хоббитами, а Галадриэль улыбнулась им.

– Ну, мастер Сэмиус, – сказала она, – я слышала, что ты сумел распорядиться моим подарком наилучшим образом. Теперь Шир станет навек цветущим и благословенным краем.

Сэм только низко поклонился. За эти годы прекрасный образ Владычицы потускнел в его памяти, и теперь он был снова потрясен ее величественной красотой.

Тут проснулся Бильбо.

– А, привет, Фродо! – сказал он слабым голосом. – Видишь, отправляюсь в новое путешествие. Ты тоже?

– Да, и я тоже, – просто ответил Фродо. – Хранители Кольца должны быть вместе.

Сэм только сейчас понял, что происходит. Он подскочил в седле и закричал:

– Куда же это мы едем, сударь?!

– В Серебристую Гавань, – спокойно ответил Фродо.

– Но я же не могу!

– Конечно, нет. Пока, во всяком случае. Ты только проводишь нас. Правда, твоя судьба тоже вплетена в историю Кольца, и твое время может еще настать. Да не печалься ты, Сэм, – видя его смятение, улыбнулся Фродо. – Не можешь же ты вечно разрываться надвое. У тебя впереди еще очень много дел и много радостей.

– Но... – Сэм чуть не плакал. – Я думал, после всего вам понравится Шир... и я так хотел...

– Я тоже так думал, Сэм. Раньше. Но теперь я знаю, что рана моя слишком глубока. Я хотел спасти Шир, и теперь он спасен, но не для меня. Так часто бывает, когда нужно что-то спасти: кто-то должен отказаться от него, потерять для себя, чтобы сохранить для других. Но не горюй, ты ведь мой наследник. Все, что я имел, теперь твое. А у тебя еще и Рози, и Эланор, и еще будут мальчишки: и Фродо, и Мерри, и Пиппин, и еще дочка Златка, или даже больше, чем я могу предвидеть. Твои славные руки и голова понадобятся везде. Ты станешь мэром, и будешь им столько, сколько захочешь. А лучшим садовником в истории Шира так и останешься до конца времен. И ты будешь читать Алую Книгу, и будешь следить, чтобы не умерла память об уходящей Эпохе, чтобы никто не забывал о Великой Опасности, и еще больше любил свою землю. И так будет, пока продолжается твоя глава в Алой Книге! А сейчас – вперед, за мной!

Уходила Третья Эпоха. Уходили Элронд и Галадриэль, минули дни Колец, и к концу подходит песнь о тех временах. Эльфы покидали Средиземье, и среди них, и вместе с ними, полные светлой печали ехали Бильбо, Фродо и Сэм.

За вечер и ночь они пересекли весь Шир, однако никто кроме лесных зверюшек не видел их. Разве что случайный ночной прохожий приметил удивительные лунные блики на траве.

Вскоре они оставили с юга Белые Увалы и достигли Башен на Дальних Холмах. Отсюда им впервые открылось Море. Здесь был конец их пути, ибо они достигли Серебристой Гавани; и здесь встретил их Кирдэн Корабел. Он был очень

высок ростом, сед и стар, но глаза его лучились и сияли, как звезды. Он низко поклонился прибывшим, и сказал только: «Все готово».

Они пошли за ним в Гавань, где у причала стоял большой белый корабль. Здесь их ждала радостная встреча. Неподалеку от воды, верхом на великолепном белом скакуне, сидел в длинной мантии Гэндальф Белый. Завидя их, он спешился и неторопливо пошел навстречу. Фродо увидел у него на пальце Третье Кольцо, Нарья [illegible] с алым, как пламя, камнем. Отплывающие были [illegible] что маг уходит с ними.

Последние эльфы уж[illegible]лись на корабль, готовый к отплытию, когда на [illegible] конях примчались Пиппин и Мерри.

– Ну вот, опять ты н[illegible] тайком, друг Фродо, и опять не удалось, – п[illegible] Пиппин, улыбаясь сквозь слезы. – На этот раз тебя Гэндальф выдал.

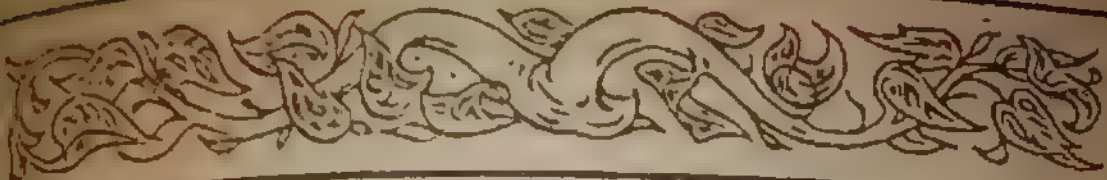
– Да, – сказал Гэ[illegible] что втроем возвращаться лучше, чем одному. [illegible] на этом берегу кончается история о самой [illegible] Средиземье дружбе. Идите с миром! Я не буду уговари[illegible] не плакать, потому что слезы – это не всегда плохо.

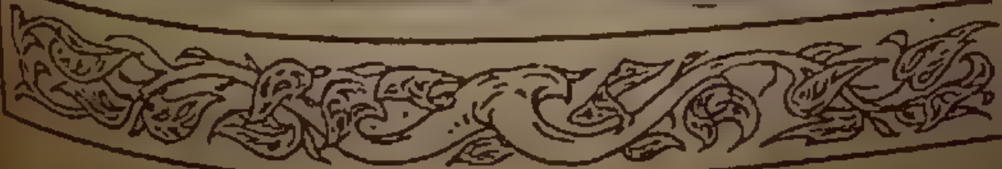
Фродо поцеловал Мерри и [illegible], а затем – Сэма. Как только он взошел на палубу, [illegible] парусами, поднялся ветер, и корабль плавно [illegible] к выходу из залива. И корабль вышел в Верхнее Море и шел, и шел на Запад, пока наконец в ночи, наполненной теплым дождем и ветром, Фродо не ощутил томительное благоухание, разлитое в воздухе, и не услышал звуки нежного пения, летящие над водой.

Потом, как во сне, который снился ему в доме Бомбадила, серая завеса дождя стала стеклянно-серебристой, медленно раздвинулась, и перед ним открылась далекая зеленая страна в мягком свете восходящего солнца.

А для Сэма на берегу вечер переходил в ночь. Он долго всматривался в морской простор, но едва заметное серое пятнышко давно пропало в сгущающихся сумерках на западе. Волны мерно шелестели о берег, и этот звук надолго запал в сердце Сэма. Пиппин и Мерри сидели рядом в полном молчании.

Наконец, трое друзей повернули домой, и теперь скакали уже не оглядываясь. До самого Шира не было сказано ни





[illegible] но каждый радовался, что на этом долгом, грустном пути рядом были друзья.

На Западной дороге они распрощались. Вскоре Пиппин и Мерри уже распевали песни по пути в Заскочье, а [illegible] свернул к Уводью.

У самой Горки Сэм спешился, отпустил пони, и дальше пошел пешком.

День подходил к концу. Перед ним был его дом. Там горел огонь [illegible] ужин и ждали его. [illegible] встретила [illegible] в дом, усадила в кресло и привела [illegible] Сэм устало улыбнулся и глубоко вздохнул.

– Ну, вот я и дом[illegible]

Приложение I

Хроники Королей и Правителей

Источники сведений, помещенных в Приложения, различны. Легенды и истории, связанные с событиями Великой Войны, чрезвычайно многочисленны. Здесь представлены только их фрагменты в пересказе, к тому же во многих местах сокращенные. Главная их задача – проиллюстрировать Войну Кольца и заполнить некоторые пробелы в основной Летописи. Древние легенды Первой Эпохи, которыми очень интересовался Бильбо, изложены кратко – только в той части, где повествуется о предках Элронда, Королях и Вождях Нуменора. Третий раздел данного Приложения исходит, возможно, от гнома Гимли, который поддерживал дружбу с Перегрином и Мериадоком и часто встречался с ними в Гондоре и в Рохане.

Все даты, не отмеченные В. Э. (Вторая Эпоха) и Ч. Э. (Четвертая Эпоха), относятся к Третьей Эпохе. Она закончилась в сентябре 3021 года с уходом Трех Колец, но для удобства исчисления первым днем Четвертой Эпохи считается в Гондоре 25 марта 3021 года.

В списках даты, следующие за именами Королей и Правителей – даты их смерти, если приведена только одна дата. Знак † означает преждевременную смерть в битве или при иных обстоятельствах, хотя рассказ об этом событии приводится не всегда.

НУМЕНОРЦЫ И ДУНАДАНЫ

НУМЕНОР

Среди Эльдаров наибо[illegible] умелым и знающим несомненно был Феанор, но гор[illegible] и своеволие отмечали его в не меньшей степени. Это [illegible] создал три чудесных камня — Сильмариллы, и наполни[illegible] сиянием Светоносных Дерев Телпериона и Лаур[illegible] [illegible]гших земли Валаров. Моргот решил присвоить к[illegible] [illegible] Деревья, похитил Сильмариллы, унес в Сред[illegible] [illegible] сокрыл их в подземельях могучей крепости Тан[illegible] [illegible] Феанор против воли Валаров покинул Благословенн[illegible] [illegible] свой народ в Средиземье, рассчитывая силой [illegible] Сильмариллы. Так началась война Эльдаров и Аданов пр[illegible]в Тангородрима. Аданы — собирательное название трех народов Людей, первыми пришедших на запад Средиземья к берегам Великого Моря и заключивших союз с Эльдарами против Врага.

Трижды заключались между Людьми и Эльдарами Союзы Крови: Берен и Лучиэнь, Идриль и Туор, Арвен и Арагорн. Последний союз воссоединил давно разделенные ветви Эльфинитов и восстановил их род.

Лучиэнь Тинувиэль была дочерью Владыки Тингола, Короля Среброманта из Дориата, ее матерью была Мелиан, Майя из Валинора. Берен был сыном Барахира из Первого Дома Аданов. Вместе с Лучиэнь они добыли Сильмарилл из Железной Короны Моргота. Лучиэнь избрала удел Смертных и покинула Эльфов. У нее был сын Диор, к дочери которого, Эльвинг, и перешел по наследству Сильмарилл.

Идриль Келебриндель была дочерью Тургона, Владыки тайного поселения Гондолин. Туор был сыном Хадора из Третьего Дома Аданов – наиболее прославившегося в войнах с Морготом. Сына Идриль и Туора звали Эарендил Мореход.

Эарендил взял в жены Эльвинг. Он сумел с помощью Сильмарилла проникнуть за завесу Тьмы и пришел на Заокраинный Запад. Там от имени Людей и Эльфов он просил помощи, получил ее, и Моргот был низвергнут. Эарендил не вернулся к Смертным.

Его корабль со сверкающим Сильмариллом ушел в небесные моря и там стал звездой и надеждой для Средиземья, по-

рабощенного прислужниками Врага. После гибели Дерев первозданный свет Валинора хранили только Сильмариллы, но два оставшихся камня пропали бесследно в конце Первой Эпохи. Подробнее об этом и о других событиях повествует «Сильмариллион».

У Эарендила были сыновья Эльфиниты – Элрос и Элронд. Они несли в себе дух доблестных вождей Аданов, а после гибели Гил-Гэлада род Королей Перворожденных Эльфов в Средиземье был представлен только их наследниками.

В конце Первой Эпохи Владыки Валинора поставили Эльфинитов перед выбором: к какому из двух народов они будут принадлежать. Тогда Элронд выбрал Эльфов и стал со временем мудрейшим среди них. Право Перворожденных давало ему возможность, устав от жизни в землях Смертных, уйти на Заокраинный Запад. Что бы ни происходило в мире, право это было неотъемлемым. Но уже дети Элронда должны были снова решать, какую участь выбрать: уйти из кругов мира на Запад или, став Смертными, умереть в Средиземье. Поэтому чем бы ни кончилась Война Кольца, конец ее для Элронда был все равно печален.

Элрос избрал участь Аданов, и жизнь ему была дарована очень долгая. За страдания, выпавшие на долю Аданов в борьбе с Морготом, Стражи Мира даровали Аданам земли, удаленные от опасностей Средиземья. Аданы вышли в море и, ведомые Звездой Эарендила, достигли великого острова Эленна, лежавшего далеко к западу от берегов Смертных. Там было основано Королевство Нуменор.

В центре острова возвышалась огромная гора Менельтарма, с вершины которой в ясную погоду зоркие глаза могли различить белые стены гавани Эрессэа. Оттуда приходили Эльдары, обогащая Людей дарами и знаниями. Сами нуменорцы, по воле Валаров, лишены были возможности достичь Неумирающих Земель. Они оставались смертными, хотя срок их жизни не меньше чем втрое превышал продолжительность жизни Людей Средиземья. Даже Владыки Валинора не могли нарушить волю Илуватара и лишить Людей Его дара – Смерти. Позже этот Дар Люди стали называть Проклятьем.

Элрос стал первым Королем Нуменора. Эльфийское его имя было Тар-Миниатар. Его наследники были долговечны, но тоже смертны. Они возвысились, стали могучи и тогда

[illegible] о [illegible] [illegible] доле, и захотели для себя уде[illegible] Эльдаров. И [illegible], по [illegible] Саурона, начался мяте[illegible], который [illegible] к [illegible] Нуменора и разрушению древнего мира.

[illegible] НУМЕНОРА

Элрос Тар-Миниатур, [illegible]; Тар-Амандил; Тар-Элендил; Тар-Менельдур; [illegible] Тар-Анкалимэ (Первая Королева-Правительни[illegible] [illegible]р-Анарион; Тар-Сурион; Тар-Телпериэнь (Вторая Коро[illegible]ва); Тар-Минастир; Тар-Кириатан; Тар-Атанамир Великий; Т[illegible] [illegible]калмон; Тар-Телемайтэ, Тар-Ванимельдэ (Третья Королева) [illegible] [illegible]лькарин; Тар-Кальмакил; после Тар-Кальмакила Короли [illegible] нуменорские имена: Ар-Адунакор, Ар-Симрагон, [illegible]; Ар-Гимилзор, Ар-Ин[illegible]силадан. Инзиладан [illegible] [illegible] имя на Тар-Палантир – «Провидец». Его дочь [illegible] [illegible] стать Четвертой Королевой Тар-Мириэль, но племянник Короля отнял у нее престол и нарек себя Ар-Фаразон Золотоликий. Он стал последним Королем Нуменора.

У Тар-Элендила были дочь Сильмариэнь и сын Валандил, ставший впоследствии первым князем Андуниэ – западного края, связанного тесной дружбой с Эльдарами. Наследником Валандила был Амандил, отец Элендила Высокого, последний правитель Андуниэ.

Единственная дочь шестого Короля стала первой в истори[illegible] Нуменора Королевой. Тогда же вступил в силу закон, по которому скипетр наследовал старший из детей Короля, будь то сын или дочь.

До конца Второй Эпохи мощь и красота Нуменора не[illegible]прерывно росли. Мудрый народ обитал в Нуменоре. Но во времена Тар-Минастира, одиннадцатого Короля, на благополучие острова упали первые признаки зловещей тени. Тар-Минастир снарядил огромное войско на помощь Гил-Гэладу, но к его преданности Эльдарам примешивалась зависть. От[illegible]менными мореплавателями были нуменорцы, они изучили все восточные моря и стремились на запад, в запретные воды, и чем радостнее становилась их жизнь, тем больше желали они бессмертия Эльдаров. К тому же после Минастира в нуменорских Королях все чаще возгоралось стремление к богатству и власти. Если незадолго до этого нуменорцы

приходили в Средиземье, как учителя и защитники обездоленных Сауроном, то теперь их гавани превратились в грозные крепости, державшие в подчинении обширные прибрежные земли. Атанамир и его наследники взимали тяжкую дань, и корабли нуменорцев возвращались, нагруженные добычей.

Именно Тар-Атанамир впервые открыто возроптал против Запрета Валаров и заявил о своем праве на бессмертие. Так спустилась тень, и мысль о смерти ожесточила сердца людей. Нуменорцы разделились на отрекшихся от Эльдаров и Валаров и немногих Верных.

Мало-помалу Короли и их последователи отказались от языка Эльдаров и, наконец, двадцатый Король при восшествии на престол принял нуменорское имя Ар Андунакор, Владыка Запада. Верные сочли это предвестием большой беды, ибо в прошлом так звали только главнейшего из Валаров или Истинного Короля. Ар-Андунакор стал преследовать Верных и карать говоривших по-эльфийски. С тех пор Эльдары перестали посещать Нуменор.

А сила Нуменора все росла. Но жизнь становилась короче, и рос страх смерти, а радость покидала сердца. Тар-Палантир пытался отвести зло, но было уже поздно, и в Нуменоре вспыхнуло восстание. Возглавил мятеж племянник Короля; он же захватил власть и стал Королем Ар-Паразоном. Это был самый гордый и властный из всех Королей. Он желал править всем миром.

Ар-Паразон не побоялся бросить вызов самому Саурону. Собрав огромный флот, он высадился в Умбаре. Величие и мощь нуменорского войска устрашили приспешников Саурона, слуги покинули его, он сдался и смиренно просил Короля о пощаде. Ар-Паразон был настолько горд и глуп, что привез пленника в Нуменор. Конечно, вскоре Саурон обольстил Короля и возглавил его Совет; а спустя недолгое время души всех нуменорцев, кроме немногих Верных, склонились ко злу.

Саурон лгал Королю, обещая ему вечную жизнь, если только он вступит на берега Неувядающей Земли. Он говорил, что единственной целью Запрета было помешать Королям Людей превзойти Валаров. «Но истинно великие сами берут то, на что имеют право», – говорил он.

Ар-Паразон, чувствуя близкий конец и совсем потеряв разум от страха смерти, внял его советам. Он собрал вели-

чайщую рать из всех, какие видел мир, протрубил в трубы и отплыл на запад. Он вознамерился силой отнять у Владык вечную жизнь. Но едва Ар Паразон вступил на Благословенный Берег, Стражи [illegible] к Изначальному, и мир изменился. Нуменор был [illegible] Неумирающие Земли навеки ушли из Кругов Мира. [illegible] слава Нуменора.

Элендил с [illegible] с ними немногие из Верных спаслись от [illegible] кораблей сумело выйти в море. На борту одного из [illegible] саженцы Нимлота и Семь Всевидящих [illegible] Дому Элендила Эльдарами. Буря подхватила [illegible] на берег Средиземья. Так были [illegible] нуменорцев-изгнанников: Арнор и Гондор.

Элендил стал Королем [illegible] на севере, в Аннуминасе, югом правили его сыно[illegible] и Анарион. Неподалеку от рубежей Мордора [illegible] выстроены Осгилиат, Минас Анор и Минас Итиль. [illegible] им было нечего, ведь Саурон сгинул.

Да, Саурон и в самом деле был захвачен распадом Нуменора, тело его погибло, но дух, дух ненависти, летящий на черном ветре, вернулся в Средиземье. Новое его обличье было черно и ужасно, отныне сила его заключалась только в страхе. Тайно проник он в Мордор и укрылся там до времени. Когда же он узнал, что ненавистный ему Элендил основал княжество у самых его границ, гневу его не было предела.

Изгнанники еще не успели укрепить свои новые владения, как Саурон уже пошел на них войной. Ородруин вновь изрыгал пламя, за что и получил название Амон Амарх, Роковая Гора. Однако Враг поторопился, ему явно недоставало сил, в то время как мощь Гил-Гэлада неуклонно росла. И вот, во Дни Последнего Союза, Саурон был низвергнут и лишен Кольца Всевластья. Так окончилась Вторая Эпоха.

ВЛАДЕНИЯ ИЗГНАННИКОВ

СЕВЕРНАЯ ВЕТВЬ. НАСЛЕДНИКИ ИСИЛДУРА

АРНОР

Элендил, †В.Э.3441; Исилдур, †2; Валандил,* 249; Эльдакар, 339; Арантар, 435; Тарсил, 515; Тарондор, 602; Валандар, †652; Элендар, 777; Эарендур, 861.

АРХЕДАН

Амлаих Форностский** (старший сын Эарендура), 946; Белег, 1029; Мэллор, 1110; Келефарн, 1191; Келебриндор, 1272; Мальвегил,*** 1349; Аргелеб I, †1356; Арвелег I, †1409; Арафор, 1589; Аргелеб II, 1670; Арвегил, 1743; Арвелег II, 1813; Аравал, 1891; Арафант, 1964; Арведуи Последний Князь, †1975. Конец Северного Княжества.

ВОЖДИ

Аранарх (старший сын Арведуи), 2106; Арахаэл, 2177; Арануир, 2247; Аравир, 2319; Арагорн I, †2327; Араглас, 2455; Арахад I, 2523; Арагост, 2588; Араворн, 2654; Арахад II, 2719; Арассуил, 2784; Арахорн I, †2848; Аргонуи, 2912; Арадор, †2930; Арахорн II, †2933; Арагорн II, Ч.Э.120.

ЮЖНАЯ ВЕТВЬ. НАСЛЕДНИКИ АНАРИОНА

КОРОЛИ ГОНДОРА

Элендил; Анарион, †В.Э.3440; Менельдил, сын Анариона, 158; Кемендур, 238; Эарендил, 324; Анардил, 411; Остогер, 492; Ромендакил I (Таростар), †541; Турамбар, 667; Атанатар I, 748; Сириондил, 830; за ним следуют четыре «Морских Короля»: Таранкон Фаластур, 913 (он был первым бездетным Королем, и ему наследовал сын его брата Таркириана, Эарнил I, †936); Кириандил, †1015; Хиармендакил I (Кириагер), 1149. Гондор достигает вершины своего могущества. Атанатар II

* Он был четвертым сыном Исилдура. Родился в Имладрисе. Его братья были убиты в Оболони.

** После Эарендура Короли не брали имен на Высоком Эльфийском наречии.

*** После Мальвегила Короли Форноста снова начали требовать власти над всем Арнором, и в знак этого брали имена с приставкой Ар(а).

[illegible] 1226; Нармакил I, 1294 (он [illegible] [illegible], и ему наследовал младший брат [illegible] Миналькар (регент, 1240–1304); коронован в [illegible] Валакар [illegible] II, умер в 1366; Валакар. При нем в [illegible] междуусобица.

Эльдакар, [illegible] Винитарна) был свергнут в [illegible] †1447. Эльдакар вернулся на престол, умер в 1490.

Алдамир [illegible] †1540; Хиармендакил II (Винитарион) [illegible] Телемнар, †1636. Телемнар и его дети умерли [illegible], ему наследовал племянник, сын Минастана [illegible] сына Минардила, Тарондор, 1798, Телумехтар [illegible] 1850, Нармакил II, †1856 Калимехтар, 1936; [illegible] Ондогер и двое его сыновей пали в битве. Через [illegible] корону получил не знавший поражений полководец [illegible] наследник Телумехтара Умбардакила. Эарнил II, [illegible] Эарнур †2050. На этом ветвь Королей прерывается до 3019 года, когда на престол вступил Элессар Телконтар.

Королевством правят наместники.

НАМЕСТНИКИ ГОНДОРА

Дом Хурина: Пелендур, 1998. Он правил год по смерти Короля Ондогера и посоветовал Гондору отвергнуть притязания Арведуи на корону. Ворондил Охотник, 2029; Мардил Воронвэ «Стойкий», первый из наместников-правителей. Его наследники перестали пользоваться именами Заморских Эльфов.

НАМЕСТНИКИ – ПРАВИТЕЛИ

Мардил, 2080; Эрадан, 2116; Герион, 2148; Белегорн, 2204; Хурин I, 2244; Турин I, 2278, Хадор, 2395; Барахир, 2412; Диор, 2435; Денетор I, 2477; Боромир, 2489; Кирион, 2567. В его дни рохирримы пришли в Каленардон. Халлас, 2605; Хурин II, 2628; Белектор I, 2655; Ородреф, 2685; Эктелион I, 2698; Эгалмот, 2743; Берен, 2763; Берегонд, 2811; Белектор II, 2852; Торондир, 2882; Турин II, 2914; Тургон, 2953; Эктелион II, 2984; Денетор II. Он был последним из правящих наместников, и ему наследовал его второй сын Фарамир, Князь Эмин Арнена, Наместник Короля Элессара, Ч.Э. 82.

ЭРИАДОР, АРНОР И НАСЛЕДНИКИ ИСИЛДУРА

Эриадором в древности звались все земли между Мглистыми и Синими Горами. На юге граница проходила по рекам Седонне и Гландуину, сливавшимся возле Тарбада.

Во дни своего расцвета Арнор включал в себя весь Эриадор, кроме Линдона и земель восточнее Седонны и Гремячей, где лежали Имладрис и Эрегион. В Линдоне была страна Эльфов, зеленая и спокойная. Люди не заходили туда, а Гномы жили и по сей день живут на восточной стороне Синих Гор, особенно на южном хребте, там у них копи. Поэтому для Гномов Западная Дорога – привычный путь. Они пользовались им задолго до того, как мы пришли в Шир.

В Серебристой Гавани жил Кирдэн Корабел. Говорят, он и сейчас там живет и будет жить до тех пор, пока последний серебристый корабль не уйдет на Запад. Во дни Королей Высокие Эльфы, что задержались в Средиземье, жили или в Серебристой Гавани, или в приморском краю Линдон. Если теперь кто из них и остался, так их можно пересчитать по пальцам.

СЕВЕРНОЕ КНЯЖЕСТВО И ДУНАДАНЫ

После Элендила и Исилдура в Арноре сменилось восемь Высоких Князей. Когда ушел Эарендур, между его сыновьями началась распря и княжество распалось на три: Архедан, Рудаур и Кардолан. Архедан был расположен на северо-западе и включал земли между Брендидуином и Синими Горами, а также земли к северу от Западной Дороги и до Заветери. Рудаур находился на северо-востоке между Троллиным Нагорьем, Заветерью и Мглистыми Горами; в него входили еще и земли между Седонной и Гремячей. Кардолан располагался на юге, границы его очерчивали Брендидуин, Седонна и Западная Дорога.

В Архедане род Исилдура не прерывался, а в Кардолане и Рудауре вскоре угас. Способствовали этому частые междуусобицы из-за Заветери и земель к востоку от Бриля. И Рудаур, и Кардолан стремились владеть Амон Сулом, расположенным на самой границе их земель. В башне Амон Сула хранился главный Палантир Севера, а два других находились в Архедане.

В начале княжения Мальвегила Археданского в Арнор пришла беда. На севере, за Троллиным Нагорьем, набирало силу королевство Ангмар. Там скопилось множество орков

и прочих тварей. Правил Ангмаром Король-Чародей, как потом выяснилось – Предводитель Кольценосцев, явившийся на север, чтобы уничтожить [illegible] Арнора, воспользовавшись их распрями, а заодно [illegible] время могущества Гондора.

Во дни Аргелеба, [illegible] Мальвегила, князья Археданa вновь заявили о правах на весь Арнор, ведь наследников Исилдура в других княжествах [illegible] было. Однако их право оспорил Рудаур. Дунаданов [illegible] почти не осталось, правил там Вождь Народа [illegible] в тайном сговоре с Ангмаром. Аргелеб [illegible] Заветерь, но вскоре погиб в битве с войсками Рудаура и Ангмара.

Сын Аргелеба, Арвелег, [illegible] помощью Линдона и Кардолана сумел оттеснить врага от Заветери, долгие годы границы удерживались по [illegible] и низовьям Седонны. Говорят, что именно в [illegible] был осажден Дольн.

В 1409 году из Ангмара [illegible] огромное войско. Перейдя реку, оно вторглось в Кардолан и осадило Заветерь. Дунаданы были разбиты, Арвелег пал. Башня Амон Сул была сожжена и разрушена до основания, но Палантир удалось спасти и тайно переправить в Форност. Рудаур и Кардолан были опустошены. Арафор, не достигший еще совершеннолетия сын Арвелега, обратился за помощью к Кирдэну, и вместе они отбросили врага от Форноста и Северных Увалов. Остатки Верных из дунаданов Кардолана некоторое время держались в Тирн Гортаде (позже названном Упокоищами) или в Пуще.

Говорят, что на какое-то время Ангмар был покорен эльфами Линдона и Дольна, после того как Элронд получил помощь из Лориена. Тогда-то Хваты бежали на юго-запад, подальше от войн и напастей Ангмара, а еще и потому, что климат Эриадора окончательно испортился. Некоторые вернулись в Дикие Земли и занимались рыбной ловлей в Оболони.

Во дни правления Аргелеба II в Эриадор с юго-востока пришла черная хворь и унесла большинство жителей Кардолана. Хоббиты и другие народы тоже сильно пострадали, но ближе к северу болезнь слабела, и северная часть Археданa почти не была задета. О дунаданах Кардолана больше никто не слыхал, и Нежить из Ангмара и Рудаура вползла в опустевшие курганы и укоренилась там.

Говорят, курганы Тирн Гортада были насыпаны еще в Первую Эпоху пращурами Аданов, до того как они перешли Синие

Горы и заселили Белерианд. Вернувшиеся дунаданы почитали курганы, там погребены многие их князья и властители. (Говорят, что курган, в который попал Хранитель Кольца, был могилой последнего принца Кардолана, павшего в войне 1409 года).

В 1974 году Ангмар поднялся вновь, и Король-Чародей напал на Арходан до окончания зимы. Он захватил Форност и оттеснил уцелевших дунаданов к Синим Горам. Князь Арведуи удерживал Северные Увалы до последней возможности, а потом с остатками свиты бежал на север; их спасли только быстрые кони. Потом Арведуи скрывался в старых копях гномов, но голод вынудил его обратиться за помощью к Снежным Людям Форохела.

Этот странный хмурый народ (остатки Людей Предначальной Эпохи) жил в стойбищах по берегам моря. Он привык к жестоким холодам владений Моргота, до сих пор сковывающим север, в то время как на сто лиг южнее, в Шире, о морозах и не подозревают. Народ этот зовет себя Лоссохи, дома строит из снега и, по слухам, может бегать по льду с удивительной скоростью, привязав к ногам кости, а повозки у них и вовсе без колес. Место их обитания, Великий Форохельский Мыс, замыкающий на северо-западе Льдистый Залив, практически недосягаемо для врагов, но иногда они откочевывают в глубь материка и доходят до подножия Гор.

Вот у этих людей Арведуи и просил пропитания для себя и своего малочисленного отряда. Лоссохи помогли князю, но очень неохотно. Во-первых, дунаданам нечего было предложить взамен. У них было несколько алмазов, но Лоссохи не видели в них никакого проку. Во-вторых, они боялись Короля-Чародея, как бы он не напустил на них мороз и буран. Однако, видя бедственное положение князя и его воинов, косясь на незнакомое грозное оружие, Лоссохи дали еду и помогли выстроить снежные жилища. Кони беглецов пали, и Арведуи надеялся теперь только на помощь с юга.

Сын Арведуи, Аранарх, успевший прорваться на юг, просил Кирдэна помочь князю. Кирдэн сразу же снарядил корабль и отправил его в Форохел на поиски. Встречные ветра мешали плаванию, но, в конце концов, моряки заметили маленький костер на берегу, поддерживаемый беглецами. В этот год зима долго не ослабляла хватку, и даже в марте лед покрывал широкую прибрежную полосу.

Вид корабля удивил и испугал Снежный Народ, такого они еще не видели. Устрашившись, они отвезли князя и тех, кто выжил из его отряда, к самой кромке льдов. Сюда могла подойти лодка с корабля. Но недаром говорят, что у Снежного Народа обостренное [illegible] на опасность. Вождь Лоссохов предупредил Арведуи: «Н[illegible] садись на это морское чудовище! Пусть Люди Моря при[illegible] еду и одежду, в которых ты нуждаешься, а ты сам [illegible] здесь, пока Король-Чародей не уйдет. Весной си[illegible] на убыль, а сейчас дыхание его смертельно, а руки длинны».

Арведуи не внял сове[illegible] поблагодарил вождя и подарил ему на прощание перст[illegible] ценность этой вещи, – сказал он, – в ее древности. [illegible] перстня не в чарах, а в том уважении, которое питают к [illegible] мои друзья и сородичи. Если когда-нибудь тебя постигнет нужда, мои родичи заплатят за него столько, сколько ты пожелаешь».

Так был спасен перстень Исилдура. Позже дунаданы выкупили его. Говорят, это был тот самый перстень, который Фелагунд из Нарготронда дал Барахиру, а Берен вернул с великим риском.

Лоссохи дали дельный совет. Как только корабль вышел в море, с севера налетел ураган со слепящим снегом. Буря загнала корабль назад, к самой кромке льдов, вокруг него вздыбились огромные торосы. Даже моряки Кирдэна оказались беспомощны. Ночью лед раздавил корпус, и корабль затонул. Так погиб Последний Князь Арведуи, и вместе с ним пучина погребла Палантиры. То были Камни Аннуминаса и Амон Сула. Теперь на Севере оставался только Камень Башни Эмин Берайды, смотрящей на Серебристую Гавань. Его сохраняли эльфы, и, хоть мы никогда не знали этого, он оставался там, покуда Кирдэн не перенес его на борт корабля Элронда, уходящего на Запад. Но нам поведали, что этот Камень не был похож на другие и с ними не сообщался, он смотрел только на море. Элендил так разместил его, что Камень обозревал Эрессэа на Заокраинном Западе. Но с тех пор, как Нуменор скрылся за Очарованными Морями, Камню уже нечего было обозревать.

О кораблекрушении у Форохела стало известно не скоро. Вести о нем принесли люди из Народа Снегов.

Хоббиты уцелели. Война прокатилась через страну. Многие попрятались. На помощь князю они послали нескольких

лучников – те так и не вернулись. Хоббиты посылали своих воинов и на битву, в которой был низвергнут Ангмар (об этом сказано кое-что в Южных Хрониках).

Настал мир. Хоббиты правили сами собой и процветали. Они выбрали Тана, он должен был представлять власть князя, удовлетворились этим и долго, без особых надежд, ожидали возвращения Короля. В конце концов, ждать перестали. Осталось только присловье «когда Король вернется» – так говорили о недостижимом благе или о ненаказуемом зле. Первым Таном Шира был некий Скокка из Марей. Говорили, что от него пошли Старoскоки. Назначение Таном он принял в 379 году по нашему счету (1979).

С Арведуи угасло Северное Княжество. Дунаданов осталось мало, а другие народы Эриадора ослабели. Однако среди вождей дунаданов, первым среди которых был Аранарх, сын Арведуи, род Королей продолжался. Сын Аранарха, Арахаэл, воспитывался в Дольне, как и все сыновья вождей после него. Там сохранялись реликвии их дома: Кольцо Барахира, ножны Нарсила, звезда Элендила и Скипетр Аннуминаса.

(Король поведал нам, что Скипетр был главным знаком правления в Нуменоре. Так же было в Арноре. Его князья носили не корону, а обруч, в центре которого сверкал бриллиант – Элендилмир, Звезда Элендила. Говоря о короне, Бильбо без сомнения имел в виду Гондор. Он, кажется, неплохо был осведомлен о делах рода Арагорна. Скипетр Нуменора, как говорят, погиб с Ар-Паразоном. Скипетр Аннуминаса – серебряный жезл Властителей Андуниэ – ныне, быть может, древнейшее творение человеческих рук в Средиземье. Когда Элронд передал его Арагорну, Скипетру насчитывалось более пяти тысяч лет. Корона Гондора была сделана по образцу боевых шлемов нуменорцев. Первоначально это и был боевой шлем, тот самый, в котором Исилдур бился на поле Дагорлада (ибо шлем Анариона был разбит камнями Барад Дура, сразившими Анариона). Но во дни Атанатара Алькарина простой шлем был заменен украшенным алмазами. Им и короновали Арагорна.)

Когда княжеству пришел конец, дунаданы укрылись в тени и стали народом скитальцев. Их дела и труды редко вспоминали и воспевали. Со временем о них почти совсем забыли. Но еще до окончания Бдительного Мира лиходейские

твари начали нападать на Эриадор, стремясь тайно проникнуть в него. Арагорна I, как говорят, загрызли волки. При Арахаде I орки, давно просочившиеся в твердыни Мглистых Гор и перекрывшие перевалы, ведущие в Эриадор, внезапно громко заявили о себе. В [illegible] году Келебриэнь, жена Элронда, по дороге в Лориен попала в засаду. Свита ее погибла, отбивая атаку орков, а сама она была похищена. Элладан и Элрохир разыскали и освободили [illegible], но пытки и рана от ядовитой стрелы не прошли [illegible]. Элронд исцелил ее тело, но радости вернуть [illegible]. Через год она ушла за Море.

Позже, во дни [illegible] Арасуила, орки вновь расплодились во Мглистых Горах, [illegible] разорять окрестные земли, и сыновья Элронда почти непрерывно сражались с ними. Одна из орочьих банд [illegible] даже в Шир, где и была разбита Бандобрасом Туком.

До рождения Арагорна II, Короля Гондора и Арнора, было пятнадцать вождей – он был шестнадцатым и последним.

«Наш Король», зовем мы его. Когда он приезжает на Север, в заново отстроенный Аннуминас, и какое-то время живет близ озера Дрема, все в Шире радуются. Однако, он ни разу не вошел в пределы страны, не желая нарушать собственный закон, запрещающий Большому Народу переступать границы Шира. Теперь он часто подъезжает к Великому Мосту и там встречается с друзьями и теми, кто хочет его видеть. К нему во дворец может приехать любой и жить там сколько пожелает. Тан Перегрин много раз бывал там, и мэр Сэмиус тоже. Дочка его, Эланор Прекрасная – одна из придворных дам Королевы Арвен.

Северная ветвь гордится тем, что несмотря на угасание, право на княжение через многие поколения нерушимо переходило от отца к сыну. Время жизни дунаданов в Средиземье становится все короче. В Гондоре увядание шло еще быстрее. И все же многие вожди Севера проживали двойной век Людей, и уж во всяком случае, жили много дольше, чем старейшие из нас. Арагорн прожил 190 лет, дольше, чем любой из его рода со времен Князя Арвегила, но в Арагорне Элессаре возродились достоинства древних королей.

ГОНДОР И НАСЛЕДНИКИ АНАРИОНА

После Анариона, сраженного у стен Барад Дура, в Гондоре правил тридцать один Король. Война не касалась границ южного княжества, богатство и мощь южан-дунаданов возрастали; и так было до правления Атанатара II, прозванного Алькарином, Великолепным. Тогда начали проявляться первые признаки упадка. Правители юга женились поздно, детей у них было мало... Первым бездетным королем был Фаластур, вторым – Нармакил I, сын Атанатара Алькарина.

Остогер, седьмой Король, восстановил Минас Анор, летнюю резиденцию Королей. К этому времени относятся первые нападения восточных дикарей. Сын Остогера, Таростар, разбил их войска и прогнал прочь, после чего принял имя Ромендакил, Восточный Победитель. Прошло несколько лет, и он погиб в битве с новыми полчищами вастаков.

Тараннон, двенадцатый Король, открывает род «Морских Королей». Они создали мощный флот и расширили владения Гондора на юг и на запад от устья Андуина. Дабы увековечить морские победы, Тараннон принял корону под именем Фаластура, Властителя Побережий.

Эарнил I, племянник Фаластура, наследовавший ему, восстановил древнюю гавань в Пеларгире и построил огромный флот. Одновременно с суши и с моря он осадил Умбар и взял его. С тех пор Умбар стал великой крепостью и опорой власти Гондора на юге.

Большой мыс, прикрывавший залив Умбара, был исконной землей нуменорцев. Однако издревле ей владели Черные Нуменорцы, совращенные Сауроном, люто ненавидевшие наследников Элендила. После падения Саурона народ их быстро истаял и смешался с другими народами Средиземья, однако ненависть к Гондору осталась. Поэтому взятие Умбара обошлось дорого. Эарнилу недолго пришлось радоваться победе, вскоре он затерялся в море с большим флотом. Сын его, Кириандил, продолжал строить корабли, но однажды харадримы, предводительствуемые изгнанными из Умбара бывшими Властителями, с огромной ратью подошли к стенам крепости, и Кириандил пал в битве.

Умбар перенес многолетнюю осаду. Кириагер, сын Кириандила, долго ждал благоприятного случая и, наконец, собрав

силы, подступил одновременно и с моря, и с суши и наголову разбил харадримов. Их предводители вынуждены были признать владычество Гондора, а Кириагер принял имя Хиармендакила, Победителя Юга. Случилось это в 1050 году.

Мощь Хиармендакила до самого конца его долгого правления надежно [illegible] Гондор от посягательств врагов. Он правил 134 года [illegible] второе по длительности царствование в роду Ан[illegible] правление Хиармендакила Гондор достиг вершины [illegible] оролевство простиралось тогда до Келебранта и Су[illegible] евере, до Седонны на западе, а на востоке – до Внут[illegible] нного Моря, на юге границей служила река Харнен [illegible] Умбара. Все население долины Андуина признавало [illegible] Гондору присягнули властители Харада, их сыновья [illegible] заложниками при дворе Короля. Мордор был разорен, к тому же за ним бдительно следили огромные крепости на перевалах.

Род «Морских Королей» закончился с Хиармендакилом. Атанатар Алькарин, сын Хиармендакила, жил в великой роскоши, и люди говорили: «В Гондоре драгоценных камней – что гальки на морском берегу, ими играют дети». Но Атанатар был ленив и ничего не прибавил к славе королевства. Два его сына были похожи на него. Гондор начал клониться к закату еще при его жизни. Враги не могли не заметить этого. Стражи Мордора потеряли бдительность. Но беда пришла только во время правления Валакара: началась междуусобица. Многое было потеряно и разрушено навсегда.

Миналькар, сын Кальмакила, был человеком энергичным, и в 1240 году, избавляясь от забот, Нармакил сделал его регентом княжества. Он правил Гондором от имени Короля, и самыми большими его заботами были отношения с северянами.

Из младших народов северяне были наиболее близки дунаданам, и Короли Гондора отдали им земли за Андуином к югу от Великого Ясного Бора. Северяне прикрывали границы Гондора от нападения дикарей с востока, ибо в древности нападения вастаков следовало ожидать прежде всего с равнины между Внутренним Морем и Пепельными Горами.

Во дни Нармакила I нападения возобновились. Сначала это были небольшие отряды... Регенту стало ведомо, что северяне не всегда верны Гондору, некоторые готовы были объединиться с вастаками, а потому в 1248 году Миналькар во главе

крупного войска разбил основные силы вастаков и разрушил все их лагеря и поселения к востоку от Внутреннего Моря. После этого он принял имя Ромендакил.

По возвращении с битвы он начал укреплять западный берег Андуина до впадения Светлимы, чтобы воспрепятствовать чужеземцам спускаться по Реке ниже Эмин Майл. Столпы Аргоната возведены им. Стремясь к упрочению союза с северянами, Ромендакил принял многих из них на службу, а некоторым даже пожаловал высокие чины в войсках.

Особым расположением Ромендакила пользовался Видугавия, считавший себя королем Диких Земель, один из самых могущественных князей Севера. Его владения располагались между Ясным Бором и рекой Келдуин (Быстрица). В 1250 году Ромендакил послал своего сына Валакара послом к Видугавии. Ромендакил хотел, чтобы юноша пожил с северянами, познакомился с их языком, обычаями и замыслами. Но получилось иначе. Валакар искренне полюбил северный край и его народ, а спустя некоторое время женился на Видумави – дочери Видугавии. Впоследствии этот брак стал причиной распри.

Гондорцы считали себя намного выше северян по рождению. Брак с низшей, хоть и союзной, расой считался оскорблением. Когда Король Валакар состарился, в южных провинциях вспыхнуло восстание. Прекрасная и благородная Королева была из краткоживущих, и дунаданы опасались, что и век наследников будет столь же недолог. Они не захотели признать наследником сына ее, Эльдакара, родившегося в другой стране и в юности носившего имя народа своей матери – Винитария.

Вот поэтому, когда Эльдакар принял правление, в Гондоре вспыхнула война. Однако Эльдакар не собирался отдавать власть. Гондорское происхождение удачно сочеталось в нем с бесстрашием его родного народа. Он был красив и доблестен и старел ничуть не быстрее своего отца. Он долго противостоял заговорщикам, пока они не осадили его в Осгилиате. Осада была долгой, голод одолевал оборонявшихся, в конце концов, город был разрушен. Башня рухнула, и Палантир навеки канул в Реку.

Эльдакару удалось ускользнуть от врагов, он ушел на север, в Ровенион, к своим родичам. Он пользовался немалым уважением, и вскоре к нему присоединились не только

северяне, но и многие дунаданы из северных областей княжества, ненавидевшие предводителя заговорщиков – Кастамира, внука Калимехтара, младшего брата Ромендакила II. Он не был близким родичем Короля, но на его стороне было большинство восставших. За ним был флот и гарнизоны Пеларгира и Умбара.

Кастамир [illegible] и сразу проявил себя человеком малоблагородным [illegible] он доказал разгромом Осгилиата и подтер[illegible] Орнендила, сына Эльдакара. Грабежи и разрушения [illegible] в городе с его ведома, не были продиктованы [illegible]стью. В Минас Аноре и в Итилиене это по[illegible]нности к Кастамиру, а когда стало ясно, что он стре[illegible]ко к обогащению и собирается перенести трон в Пе[illegible] отвернулись от него.

Его правление продолжалось десять лет и кончилось, когда Эльдакар с крупным войском вернулся в страну. В Лебеннине, у Бродов Эруи, произошло сражение, стоившее жизни многим лучшим сынам Гондора. Эльдакар вызвал Кастамира на поединок и сразил, отомстив за Орнендила. Сыновьям Кастамира удалось спастись, и они вместе с родичами и моряками долго еще удерживали Пеларгир. Эльдакар осадил Пеларгир, но у него не было флота, и он не смог помешать сыновьям Кастамира с крупным отрядом перебраться в Умбар. С тех пор Умбар отпал от южного княжества и стал опорой для всех врагов короны. Долгие годы он угрожал побережью и морским путям и покорился только с приходом Элессара.

Утрата Умбара уменьшила территорию княжества на юге и привела к потере влияния на Харад. Померкла прошлая слава Умбара. Ведь именно здесь высадился когда-то Ар-Паразон Золотоликий, последний Король Нуменора, повергший во прах могущество Саурона. Многие с гордостью вспоминали огромное войско Ар-Паразона, пришедшее из глубин моря. Тогда на самом высоком холме неподалеку от гавани был установлен громадный белый обелиск. На вершине его блистал хрустальный шар, вбиравший солнечный и лунный свет. Из Гондорских владений и с моря виден был его ослепительный блеск. Однако после второго возвышения Саурона обелиск был уничтожен.

После возвращения Эльдакара настоящих дунаданов становилось все меньше. Много их пало в сражениях, к тому же

Эльдакар благоволил северянам, помогавшим ему вернуть корону, и Гондор наполнился пришельцами из Ровениона. Закат дунаданов не был быстрым, но остановить его было невозможно. Дары Нуменора после падения Звездной Земли уходили из мира.

Эльдакар прожил 235 лет, правил 58 и десять из них провел в изгнании.

Вторая и несравненно большая беда пришла в Гондор в правление Телемнара, двадцать шестого Короля. Он был сыном Минардила и внуком Эльдакара. Минардил пал в битве с пиратами Умбара, предводительствуемыми правнуками Кастамира. Вскоре после этого с востока темные ветры принесли смертельный недуг. Умерла вся королевская семья, умерло множество жителей княжества и прежде всего – Осгилиата. Малолюдно стало в Гондоре. Видимо, поэтому охрана границ Мордора ослабела и крепости, следившие за перевалами, обезлюдели. Уже позже кто-то заметил, что именно в это время Завеса Тьмы сгустилась в Ясном Бору, там снова стали появляться лиходейские твари – верные признаки Саурона. Черный недуг косил и друзей, и врагов княжества, иначе Гондор не смог бы отстоять своих рубежей. Саурон ждал. Сейчас ему не нужен был Гондор, все его помыслы были направлены на восстановление Мордора.

Вместе с Телемнаром умерло и Белое Древо Минас Анора. Но Тарондор, племянник Короля, вновь посадил семя в Цитадели. Он навсегда перенес трон в Минас Анор. Осгилиат был брошен и постепенно разрушался. Мало кто из его жителей остался в живых. Они ушли в Итилиен и не стремились обратно в город.

Тарондор рано взошел на престол, и, хотя его правление было самым долгим в Гондоре, он добился немногого. Это было время накопления утраченных сил. И вот уже его сын, Телумехтар, помня о смерти Минардила и возмущенный наглостью пиратов, совершавших набеги на его побережья до самого Анфаласа, собрал войско и в 1810 году взял Умбар штурмом. В этой битве пали последние потомки Кастамира, и Умбар на некоторое время вернулся под сень Короны. Телумехтар прибавил к своему имени титул Умбардакила. Но Гондор уже одолевали новые беды, и Умбар был снова потерян. Теперь им владели харадримы.

Третьим лихом в истории княжества стало вторжение кочевников. Силы Гондора, и без того иссякшие в бесконечных войнах, были окончательно подорваны.

Союз кочевых племен угрожал княжеству с востока. Кочевники были прекрасно вооружены, передвигались в огромных повозках, а их вожди сражались на колесницах. По наущению Саурона они внезапно напали на Гондор, и Король Нармакил II пал в битве на берегах Андуина в 1856 году. Население восточного и южного Рованиона попало в рабство, границы Гондора сжались до Андуина и Эмин Майл. (Думается, именно в это время в Мордор вернулись Призрачные Кольценосцы).

Калимехтар, сын Нармакила, отомстил за отца великой победой над вастаками на Дагорладе в 1899 году. На некоторое время опасность отступила.

В правление Арафанта на Севере и Ондогера, сына Калимехтара, на Юге собрался впервые за долгие-долгие годы совет Северного и Южного Княжеств. Наконец-то многим стало ясно, чья рука направляет нескончаемые атаки на потомков Нуменора. В то время Арведуи, наследник Арафанта, женился на Фириэль, дочери Ондогера. Случилось это в 1940 году. Но до настоящего объединения было еще далеко. Ангмар по-прежнему угрожал Архедану, а в пределы Гондора с новыми силами вторглись вастаки.

Кочевники обошли Мордор с юга, заключили союз с народами Кханда и Ближнего Харада и атаковали Гондор одновременно с юга и с севера. В 1944 году Король Ондогер и оба его сына, Артамир и Фарамир, пали в битве к северу от Мораннона, и враг прорвался в Итилиен. Но Эарнил, командовавший Южным гарнизоном, разбил армию Харада, стремительным маршем продвинулся на север и напал на главный лагерь кочевников, когда они пировали в твердой уверенности, что Гондор пал и остается только собрать добычу. Эарнил захватил лагерь, сжег повозки, обратил врагов в бегство, причем множество их сгинуло в Гиблых Болотах.

Когда не стало Ондогера и его наследников, Князь Северного Княжества Арведуи предъявил права на корону Гондора. Он имел на это основания, как прямой наследник Исилдура и муж Фириэль, единственной оставшейся в живых дочери Ондогера. Однако притязания его были отвергнуты по настоянию Пелендура, Наместника Короля Ондогера.

Совет Гондора ответил: «Корона и правление Гондором принадлежат единственно наследникам Менельдила, сына Анариона, которому Исилдур препоручил это княжество. В Гондоре наследование происходит от отца к сыну, думаем, что и в Арноре действует тот же закон».

Арведуи возразил: «Два сына было у Элендила. Наследником должен был стать старший – Исилдур. Нам ведомо, что в основе родословного древа Королей Гондора стоит имя Элендила, Короля всех владений дунаданов. При жизни Элендила сыновья вместе с ним правили югом, когда же Элендил пал, Исилдур занял место отца, а потом передал правление сыну своего брата. Он не отказался от короны Гондора и не хотел делить королевство.

В Нуменоре скипетр наследовал старший из детей Короля, будь он мужчиной или женщиной. Да, закон этот был нарушен в изгнании, потому что земли изгнанников часто тревожат войны, однако это закон нашего народа, и ныне мы обращаемся к нему, потому что сыновья Ондогера не оставили наследников».

(Король поведал нам, что этот древний закон возник в Нуменоре, ибо Тар-Альдарион, шестой Король, имел единственного ребенка – дочь. Она и стала первой правящей Королевой, Тар-Анкалимэ. Но до нее закон был иным. Тар-Элендилу, Четвертому Королю, наследовал его сын, Тар-Менельдур, хотя дочь Короля, Сильмариэнь, была старшей. Элендил произошел от нее).

Гондор не ответил ничего. Корону потребовал Эарнил, выигравший последнее сражение, и она была отдана ему с общего согласия, потому что был он королевского рода и выказал доблесть в сражении. Эарнил был сыном Сириондила, внуком Калиммакила и правнуком Аркириаса, брата Нармакила II.

Север не настаивал. У Арведуи не было ни сил, ни желания затевать междуусобную войну, но его притязания не забылись, даже когда настал конец Северного Княжества.

Арведуи, как следует из его имени, был Последним Князем. Говорят, что имя свое он получил при рождении от Мальбета Прорицателя, сказавшего отцу: «Арведуи назови его. Он будет последним в Архедаине. Дунаданам предстоит выбирать. Избрав безнадежное, сыну твоему предстоит изменить имя и стать Королем великого королевства. Если этого не случится, будет

великая скорбь и много поколений уйдет, прежде чем дунаданы воспрянут и воссоединятся вновь».

После Эарнила в Гондоре тоже был только один Король. Возможно, с объединением Короны и Скипетра правление Королей продлилось бы надолго, и удалось избежать многих бед...

Эарнил был мудрым правителем и не страдал высокомерием, но и ему, как и большинству гондорцев, Архедан казался слишком малым, несмотря на высокий род его князей. Он послал гонцов к Арведуи, сообщая, что принял Корону Гондора по законам и нуждам Южного Княжества. «Но я не забыл о высоком достоинстве Арнора, не отрицаю нашего родства и не хочу отчуждения владений Элендила. Я приду на помощь, если в том будет нужда».

Не было мира в Средиземье. Арведуи, как и Арафант до него, продолжал из последних сил сдерживать атаки Ангмара, и вот, осенью 1973 года в Гондор пришло известие, что Архедан стоит на краю гибели и Король-Чародей готовится нанести ему последний удар. Эарнил быстро снарядил флот и послал его на север под командой своего сына, Эарнура. Помощь опоздала. Эарнур еще не достиг гаваней Линдона, когда Король-Чародей покорил Архедан и Арведуи погиб.

Корабли Эарнура вошли в Серебристую Гавань. Эльфы и люди на берегу встретили его с изумлением и радостью. Огромные суда предстали их глазам, и их было так много, что всем не хватило места в гавани. С кораблей сошло на берег могучее войско, готовое вести войну, достойную великих королей древности. Так, во всяком случае, казалось северянам, хотя это был всего-навсего наспех собранный отряд, малая частица мощи Гондора. Более всего поразила собравшихся конница под командой прекрасных, гордых князей Ровениона.

Кирдэн Корабел собрал всех, способных носить оружие, из Линдона и Арнора, войско перешло Луин и устремилось на север, бросая вызов Королю-Чародею. Говорят, он сидел тогда в Форносте, населив его сплошными злодеями и узурпировав княжескую власть. Он был настолько горд недавней победой, что вышел навстречу наступавшим, рассчитывая быстро отогнать их за Синие Горы.

Войска Запада, пройдя через Сумеречный Кряж, развернулись в боевые порядки у озера Дрема и приняли на себя

основной удар вражьих полчищ. Через короткое время воины Ангмара уже отступали к Форносту, и тут всадники Ровениона, зайдя с севера, нанесли могучий удар и превратили отступление в паническое бегство. Король-Чародей с трудом собрал остатки своих войск и попытался укрыться в Ангмаре. Но на его пути вдруг встали дунаданы под командованием самого Эарнура, а тут еще из Дольна подошло войско, предводительствуемое Глорфиндейлом, могучим эльфом из Перворожденных. В этой битве поражение Ангмара было сокрушительным и окончательным. В войске Короля-Чародея не осталось ни человека, ни орка.

Когда исход битвы был уже ясен, на поле боя появился сам Король-Чародей. Он ехал в черной мантии на черном коне, и лицо его было скрыто под черной маской. При виде его людей поражал страх, руки опускались, а ноги переставали служить воинам. В смертельной ненависти к победителям Король-Чародей избрал своим противником Капитана Гондора и, испустив леденящий сердца вопль, поскакал к нему. Эарнур был доблестным воином и выстоял бы, но его подвел конь: он встал на дыбы и унес всадника прежде, чем тот совладал с ним.

Король-Чародей рассмеялся так страшно, что у всех на поле кровь застыла в жилах. Но тут белый конь вынес вперед Глорфиндейла. Грозный витязь приближался, не спуская пристального взгляда с Короля-Чародея. И тот оборвал смех, повернул коня и, обратившись в бегство, скрылся во тьме. На поле битвы быстро пала ночь, и никто не знал, куда умчался хозяин Ангмара.

Эарнур, усмирив коня, вернулся, но Глорфиндейл, глядя в сгущавшийся мрак, сказал: «Не преследуй его! В эти земли он больше не вернется. Его рок не близок, и не руке воина дано сразить его». Слова эти запомнились, но едва удержали Эарнура, рвавшегося отомстить за свой позор.

Так кончилось время королевства Ангмар, и так Эарнур, Капитан Гондора, навлек на себя смертную ненависть Короля-Чародея; но это стало ясно спустя многие годы.

Король-Чародей после поражения у озера Дрема бесславно вернулся в Мордор и собрал там других Кольценосцев под свое начало. Но только в 2000 году они скопили достаточно сил, чтобы, покинув Мордор, перейти перевал Кирит Унгол

и [illegible] Минас Итил. Через два года они взяли крепость и [illegible] Палантиром. На протяжении всей Третьей Эпохи Минас Итил оставался средоточием ужаса и был переименован в Минас Моргул. Его окрестности полностью обезлюдели.

Эарнур был несомненно славным воином, но большой мудростью по[illegible] не мог. Он так любил сражения и воинские [illegible] семьей. На ристалище ему не было ра[illegible] долго сохранял мощь рук и выносливость [illegible]

В [illegible] и тогда же получил вызов от владыки [illegible] напоминавшем новому Королю о бес[illegible] лет назад далеко на севере. Советник Мард[illegible] отговорить Короля от поединка. К этому времени Минас Анор стал столицей княжества и резиденцией Королей [illegible] принял новое название: Минас Тирит, Крепость Рубежа.

Прошло семь лет [illegible] Минас Моргула повторил свой вызов, говоря, что к [illegible] сердцу юности Король прибавил немощь старости. Тут уж никто не в силах был удержать Короля. С небольшим отрядом он поскакал к воротам Минас Моргула и сгинул навеки. В Гондоре говорили, что враги заманили Короля в ловушку, и он умер под пыткой в зловещей крепости, но достоверных вестей о его смерти не было, и Гондором долго правил Наместник Мардил от имени Короля.

Наследников королевских кровей оставалось мало. Кое-кто, забыв о своем происхождении, брал в жены женщин других народов, некоторые ушли в Умбар и присоединились к непокорным. Вот так получилось, что потребовать корону в этот раз было некому. Никто не хотел новых распрей. Проходили годы. Наместники продолжали править страной, а корона Элендила покоилась на коленях Короля Эарнила в святилище, где оставил ее Эарнур.

НАМЕСТНИКИ

Род Наместников вел начало от Наместника Короля Минардила (1621–1634). Хурина из Эмин Арнена, в жилах которого текла чистая кровь нуменорских воинов. После Пелендура потомки Хурина наследовали наместничество так же, как и

сами Короли. Каждый новый Наместник, вступая в должность, давал клятву «хранить жезл и править именем Короля, покуда он не вернется». Власть Наместника была столь же полной, как и королевская, но многие в Гондоре продолжали верить, что придет время, когда Король вернется. А кое-кто нет-нет да и вспоминал древнюю Северную ветвь, которая, по слухам, еще сохраняла жизнь где-то там, в тени и забвении. Но Наместники-правители не поощряли таких мыслей. И все же старинные традиции не нарушались: древний трон был пуст, корона и скипетр покоились на своих местах, а над городом реяло белое знамя без гербов и знаков. Знамя же Королей от века было черным, и на нем, осененное семью звездами, цвело Белое Древо.

Между правлением Мардила и Денетора II сменилось двадцать пять Наместников. Поначалу, во времена Бдительного Мира, правление их было спокойным – Саурон отступил перед силами Совета Светлых, а призрачные Кольценосцы затаились в Моргульской долине. Но уже после Денетора I мира по-настоящему не было, и, если Гондор не воевал открыто, то границам его непрерывно кто-то угрожал.

В последние годы правления Денетора I в Мордоре впервые появились уруки – могучие черные орки-великаны. В 2475 году они пересекли Итилиен и захватили Осгилиат. Боромир, сын Денетора (в его честь был позже назван Боромир из Отряда Хранителей) разбил их, отвоевал Итилиен, но Осгилиат был окончательно разрушен. Людей там не осталось. Боромир стал великим полководцем, даже Король-Чародей опасался его. Благородный, прекрасный лицом, он был наделен огромной силой и стальной волей, но в той войне он был ранен моргульским клинком. Рана укоротила его жизнь, он умер, лишь на двенадцать лет пережив отца.

Началось долгое правление Кириона. Он был бдителен и осторожен, но сил хватало только на защиту границ, и влияние Гондора постепенно падало. Враги, направляемые тайной грозной силой уже готовили удары, которым Кирион не в состоянии был помешать. Пираты осаждали берега, но главная опасность грозила с севера. На обширных землях Ровениона, между Сумеречьем и Быстрицей, жил теперь яростный народ, вобравший в себя злобу близкого Дол Гулдура. Они часто совершали набеги в долину Андуина

южнее Оболони, пока совершенно не разорили эти земли. Звались они – балкоты и пришли некогда с востока, вытеснив народ Каленардона. Кириону с большим трудом удавалось держать границы по Андуину.

Томимый дурными предчувствиями, Кирион послал за помощью на север, но было поздно. В 2510 году враги, собрав множество плотов и лодок, переправились через Андуин и сильно потеснили [illegible]ников Гондора. Шедшее на подмогу с юга войско было [illegible]лено за Светлимой и подверглось нападению орды гор[illegible]. Положение было отчаянным. И тут с севера при[illegible] [illegible]щь, на которую уже перестали надеяться. Гондор [illegible] [illegible]слышал рога рохирримов. Это подоспел Йорл Юн[illegible] [illegible] обратили врага в бегство и гнали балкотов чере[illegible] Каленардон, пока не истребили всех. Кирион пожало[illegible] отвоеванные земли Йорлу, а тот ответил Клятвой Йорла – клятвой дружбы и помощи в нужде по зову Правителей Гондора.

Во дни Берена, девятнадцатого Наместника, Гондор испытал настоящую осаду. Три огромных флота из Умбара и Харада высадили в нескольких местах сразу большие отряды. Одновременно с запада и с востока были атакованы земли рохирримов, им пришлось уходить в долины Белых Гор. В тот год (2758) стояла Долгая Зима. Пять месяцев длились холода с обильными снегопадами. В сражениях пал Хельм Роханский вместе с сыновьями; мор царил в Эриадоре и Рохане. Но к югу от гор дела шли не так плохо. Еще до прихода весны Берегонд, сын Берена, сумел потеснить захватчиков. Он сразу послал отряды на помощь Рохану. Берегонд был одним из лучших Капитанов Гондора, и когда он принял власть от отца, а случилось это в 2763 году, Гондор начал восстанавливать былое величие. А вот Рохан долго не мог оправиться от причиненных бед. Потому-то Берен и приветил Сарумана, а позже отдал ему ключи от Ортханка. С 2759 года Саруман постоянно жил в Изенгарде.

В правление Берегонда в Мглистых Горах вспыхнула война между гномами и орками. С переменным успехом она продолжалась пять лет. Наконец, гномы взяли верх, и орки, прокатившись по окраинам Рохана, попытались закрепиться в Белых Горах. Места эти потом долго слыли опасными.

После кончины Белектора II, двадцать первого Наместника Гондора, неожиданно умерло Белое Древо Минас Тирита. Семя найти не смогли, но срубить Дерево не осмелились, и оно осталось стоять «пока не вернется Король».

При Турине II враги Гондора снова зашевелились, ибо росла мощь Саурона и близился день, когда он должен был заявить о себе во всеуслышание. Почти все население Итилиена переселилось на запад, спасаясь от наводнивших край моргульских орков. Именно Турин приказал устроить тайные укрытия в Итилиене. Одно из них, Хеннет Аннун, сохранилось и поныне. Для защиты Анориена был укреплен остров Кеир Андрос (название это означает «многопенный корабль», ибо остров походит на огромный корабль с высоким носом, обращенный на север. О его острые скалы разбивается белая пена Андуина). Но главная опасность грозила с юга. Харадримы заняли весь Южный Гондор и с огромными силами вторглись в Итилиен. Тогда король Фолквайн Роханский исполнил Клятву Йорла и отправил на подмогу княжеству своих воинов. С их помощью Турин одержал победу, но за нее заплатили жизнью оба сына Фолквайна. Всадники погребли их по обычаю своего народа, и теперь, близнецы в жизни, они лежат в одном кургане. Давно стоит он на высоком берегу реки, и враги Гондора страшатся пролагать свои пути у его подножия.

После Турина правил Тургон. За два года до его смерти Саурон вновь заявил о себе. Он прибыл в Мордор, где его давно ждали. Вновь поднялись к небу твердыни Барад Дура, вновь Ородруин окутало багровое пламя, и немногочисленные жители Итилиена вновь спешно покидали его пределы. После смерти Тургона Саруман занял Изенгард и начал укреплять его.

Сын Тургона, Эктелион II, был мудрым Правителем. Он много сил отдал укреплению своих владений, предвидя новые атаки Мордора. Он приглашал к себе на службу многих умелых и достойных людей из других земель и тем, кто был верен, щедро раздавал награды и титулы. Его первейшим советником во всех делах был замечательный полководец Торонгил, Звездный Орел. Такое прозвание он получил за быстроту и зоркость. Плащ его украшала серебряная звезда. Настоящего его имени никто не знал. Ведомо было лишь, что пришел он в Гондор из Рохана, где служил королю Тенгелю, но рохирримом он не был. Он оказался великим

полководцем на суше и на море, но он ушел в сумрак прежде, чем закончились дни Эктелиона.

Торонгил часто обращал внимание повелителя на силы Умбара. Он считал их основной угрозой Гондору и, прежде всего, его южным владениям. Он предупреждал, что если Саурон решится на открытую войну, Умбар может нанести удар в спину. Эктелион внял его доводам, и вскоре Торонгил с небольшим флотом скрытно подошел к Умбару под покровом ночи и сжег большую часть флота пиратов. В короткой яростной схватке на причалах он убил Капитана Гавани и привел свой флот назад с малыми потерями. Однако, вернувшись в Пеларгир, отважный воин не вошел в Минас Тирит, а послал Эктелиону слова прощания: «Иные дела зовут меня, Правитель. Я вернусь в Гондор, если позволит судьба, но вернусь очень не скоро». Никто не ведал, какие дела призвали его, какой знак он получил, зато известно, куда лежал его путь. Он переправился на лодке через Андуин, простился с товарищами и, не оборачиваясь, ушел к Хмурым Горам.

Уход Торонгила был огромной потерей для Гондора, и только Денетор, сын Эктелиона, отнесся к этому, казалось, равнодушно. Спустя четыре года, после смерти отца, он принял правление.

Горд, высок и доблестен был Денетор II, давно ни один Правитель не являл такого истинно королевского достоинства. К тому же он был мудр, дальновиден, знал и любил книги. Он удивительно походил на Торонгила обликом; видимо, его удручало, что в сердцах людей, да и в сердце отца он занимал второе место, уступая пришельцу без роду, без племени. Тогда многие думали, что Торонгил ушел, не дождавшись, пока соперник станет господином, хотя сам Торонгил никогда не соперничал с сыном Наместника, а был лишь слугой Эктелиона. Но советовали они разное: Торонгил часто предупреждал Эктелиона, чтобы он не слишком доверял Саруману Белому, хозяину Изенгарда, и что советы Гэндальфа Серого не в пример мудрее и дальновиднее. Денетор же не любил Гэндальфа, и после смерти Эктелиона Серого Странника не жаловали в Минас Тирите. Спустя много лет те, кто помнил давние дела, говорили, что Денетор уже тогда знал, кем на самом деле был Торонгил, и подозревал их с Гэндальфом в заговоре против власти Наместника.

Денетор принял правление в 2984 году и сразу показал себя властным Правителем, крепко держащим страну в руках. Говорил он мало, советы выслушивал, но делал все по-своему. Он женился поздно, в 2976 году, на Финдуилас из Дол Амрота. Это была на диво красивая женщина удивительно мягкого характера, но спустя двенадцать лет она умерла. Денетор любил ее, по-своему, конечно, но больше, чем всех остальных, кроме, разве, старшего сына. Ей трудно было жить в вечно настороженном, сплошь каменном Городе после вольных приморских долин своего родного края. Завеса Тьмы ужасала ее и все последние годы снедала тоска по морю.

С ее смертью Денетор стал еще более суровым и молчаливым. Он теперь часто проводил время в башне, глубоко уйдя в думы, провидя скорое нападение Мордора. Позже выяснилось, что в гордыне и отчаянии, уповая на свои силу и волю, дерзнул он однажды взглянуть в Палантир Белой Крепости. Ни один из Наместников, ни даже Короли Эарнил и Эарнур не решались на это с тех пор, как после падения Минас Итиля Палантир Исидура попал в руки Врага, ведь в Минас Тирите хранился Палантир Анариона, связанный с Камнем, которым владел теперь Саурон.

Народ дивился мудрости Наместника, всегда знавшего о делах и в своих владениях, и далеко за их пределами. Но Денетор дорого платил за свое всеведение. В борьбе с волей Саурона он состарился до срока, но вместе с отчаянием в нем росла и гордыня: со временем ему стало казаться, что в мире существует только борьба Властелина Белой Крепости с Черным Властелином. Он больше не доверял другим врагам Всеобщего Врага, если только они не служили ему самому.

Близилась Война Кольца. Сыновья Денетора мужали. Старший, Боромир, был любимцем отца. Он походил на родителя лицом, был подобен ему в гордости, однако во всем остальном он напоминал скорее Короля Эарнура, воина, отдавшего весь пыл своей души сражениям и оружию. Младший, Фарамир, был совсем другим. Как и его отец, он легко читал в сердцах людей, но не презрение испытывал к ним, а жалость. Он был мягок в обращении, любил музыку и книги, и хоть в мужестве не уступал брату, было оно не таким явным. Славы в бесцельном риске он никогда не искал. Всякий раз, когда в Город приходил Гэндальф, Фарамир бывал очень рад ему.

Он многое почерпнул из его мудрости, чем не мог не вызвать недовольство отца.

В детстве Боромир был младшему брату помощником и защитником, между ними не было и тени соперничества. Возмужав, они продолжали любить друг друга. Фарамиру казалось немыслимым, чтобы кто-нибудь в Гондоре мог сравниться с Боромиром, наследником Денетора, Капитаном Белой Крепости; [illegible] думал так же. Правда, на поверку все вышло иначе, [illegible] об этом рассказ в другом месте. А после Войны [illegible] окончились дни Правителей и Наместников, ибо вернулся Наследник Исилдура и Анариона. Теперь стяг с Белым [illegible], реял над Башней Эктелиона.

ПОВЕСТЬ ОБ АРАГОРНЕ И АРВЕН

Арадор был дедом Короля. Его сын, Арахорн, посватался к Гилраэнь Прекрасной, дочери Дирхаэла, потомка Аранарха. Дирхаэл был против этой женитьбы, ибо слишком молода была Гилраэнь и не достигла еще возраста, когда дунаданские женщины выходили замуж.

— А кроме того, — говорил Дирхаэл, — Арахорн — муж суровый и зрелый. Он станет вождем скорее, чем думают люди, но только чувствую я, что недолог срок его жизни.

На это Иворвейн, жена его, владевшая даром провидения, возразила:

— Тем более, надо спешить. В мире темнеет перед бурей, грядут великие события. Если они поженятся сейчас — для нашего народа еще есть надежда, а если промедлят — все кончено.

Не прошло еще и года совместной жизни Арахорна и Гилраэнь, как Арадор был схвачен горными троллями и убит. И тогда Арахорн стал вождем дунаданов. Еще через год родился сын; ему дали имя Арагорн. Счастливое детство его длилось недолго. Через два года Арахорн пошел с сыновьями Элронда в поход против орков и был сражен орочьей стрелой. К этому времени ему исполнилось только шестьдесят лет.

Арагорн, ставший теперь Наследником Исилдура, был принят в доме Элронда, заменившего ему отца. Но в Дольне Арагорн получил новое имя: *Эстель* — Надежда, а его истинное имя и происхождение по настоянию Элронда сохранялось в

тайне. Мудрым ведомо было стремление Врага отыскать Наследника Исилдура, если только он есть на свете.

Двадцать лет от роду было Арагорну, когда он, вернувшись после славных дел в отряде Элладана и Элрохира, предстал перед Элрондом. Владыка Дольна был рад. Он видел перед собой прекрасного и благородного, рано возмужавшего воина, достойного высокого прошлого своего народа. В этот день Элронд назвал его настоящим именем, поведал о его происхождении и вручил реликвии его дома.

– Вот Кольцо Барахира, – сказал он, – знак королевской власти, а вот обломки Нарсила. Тебя ждут великие дела и долгая жизнь, если ты устоишь перед испытаниями. В Дольне останется Скипетр Аннуминаса, тебе еще предстоит заслужить его.

На другой день, на закате, Арагорн бродил по лесу и пел. Душу его переполняли надежды, и мир был прекрасен. Внезапно он увидел деву, идущую меж белых березовых стволов, и застыл, пораженный: он решил, что на него снизошел дар древних эльфийских певцов, дававших возможность слушателям увидеть то, о чем они поют.

Ведь Арагорн пел о встрече Берена и Лучиэнь в лесах Нэлдорета. И вот сама Лучиэнь проходит мимо него здесь, в Дольне. В серебристо-голубой мантии она была словно сумерки Благословенного Края, темные волосы летели по ветру, в них как звезды мерцали алмазы.

Боясь, что это дивное видение сейчас исчезнет, Арагорн осмелился окликнуть ее.

– Тинувиэль! – позвал он точно так же, как некогда Берен.

Дева обернулась к нему с улыбкой и спросила:

– Кто ты? И почему называешь меня этим именем?

– Потому что ты и есть Тинувиэль, о которой я пел. Но если ты – не она, значит – она воплотилась в тебе.

– Так многие говорят... Но это не мое имя, хотя, быть может, моя судьба окажется схожей с ее. Но кто ты?

– До недавнего времени меня звали Эстель. Но я – Арагорн, сын Арахорна, Наследник Исилдура и Предводитель Дунаданов, – говоря это, он чувствовал, что высокое происхождение, которому еще недавно радовалось его сердце, теперь потеряло всякую ценность и померкло рядом с достоинством и красотой девушки.

А она в ответ весело рассмеялась:

– Тогда мы с тобой дальние родичи. Я – Арвен, дочь Элронда. Меня зовут еще Ундомиэль.

– Когда приходит опасность, – задумчиво произнес Арагорн, – люди часто прячут самое ценное для себя. Мне странно: я жил в доме у Элронда с детства, его сыновья были моими братьями, но я ничего не слышал о тебе. Почему же мы не встретились раньше? Тебя прятали?

Прежде чем ответить, девушка долгим взглядом окинула Горы, вздымавшиеся на востоке.

– Меня никто не прятал. Я жила у родных матери, в далеком Лотлориэне, и совсем недавно вернулась навестить отца. Я очень долго не видела Имладриса.

Арагорн удивился. Она казалась не старше его годами, а он ведь прожил в Средиземье не больше двадцати лет. Арвен посмотрела ему прямо в глаза и тихо промолвила:

– Ты напрасно удивляешься. У детей Элронда жизнь эльфов.

Мудростью долгих лет и нездешним светом сияли глаза Арвен. Смутился Арагорн и отвел взгляд, но с этого часа навсегда полюбил дочь Элронда.

Он сделался молчалив и задумчив, и скоро обеспокоенная мать сумела выспросить сына о встрече в лесу.

– Высока твоя цель, – вздохнула Гилраэнь, – хоть предки твои и были великими Королями. Твоя избранница – самая благородная и прекрасная дева Средиземья. Ты – смертный, она – эльф, неравным был бы ваш брак.

– Но если правдива повесть о наших предках, так уже бывало в мире, – горячо воскликнул Арагорн.

– Повесть правдива, но говорится в ней о далеком прошлом, о той Эпохе, когда род наш был истинно велик и никто не помышлял об упадке. А теперь он вот-вот угаснет совсем. Только доброе расположение Владыки Элронда поддерживало до сих пор наследников Исилдура, а в том, что ты задумал, Элронд тебе не помощник.

– Значит, мне предстоят горькие дни и одинокие скитания в глуши, – опустив голову, глухо ответил Арагорн.

– Да, это твоя судьба, – подтвердила Гилраэнь. Она владела даром провидения, но ничего не сказала сыну, так же как никому не поведала об их разговоре.

Но в пределах Дольна ничто не могло укрыться от Элронда. Однажды, на исходе года, он призвал к себе Арагорна и сказал:

– Послушай, Арагорн, сын Арахорна, последний вождь дунаданов! Перед тобой лежит дорога твоей судьбы, и суждено ли тебе превзойти величием самого Элендила или сгинуть во тьме с немногими оставшимися рыцарями – знак величия равно отличает твой путь. Через долгие годы суровых испытаний идти тебе, поэтому прими мой совет: не связывай себя клятвой с женщиной до тех пор, пока не пробьет твой час.

– Значит, мать рассказала вам?.. – взволнованно воскликнул Арагорн.

– Твоя мать здесь ни при чем. Тебя выдают глаза. Но сейчас я говорю не о моей дочери, а о смертных женщинах. Что же до Арвен, Вечерней Звезды Имладриса – ее род славнее и выше твоего, а век – куда более долог. Ты рядом с ней как росток у подножия взрослого дерева. Если же я ошибаюсь, и ее сердце обращено к тебе, – что ж, тем большей будет моя скорбь. Пока я здесь, время не властно над Арвен, а когда уйду, она уйдет со мной, если захочет.

– Теперь я вижу, – задумчиво проговорил Арагорн, – что выбрал драгоценность не меньшую, чем некогда Берен. Значит, такова моя судьба.

И здесь вещий дар предков раздвинул перед молодым рыцарем завесу времен, и он вдохновенно произнес:

– Но вот что скажу я, Владыка Элронд! Близок срок, когда придется тебе оставить Средиземье, а твоим детям решать: оставаться здесь или уходить за Море.

– Это так, – спокойно кивнул Элронд. – Срок близок, по нашему счету, а для смертных пройдет еще немало лет. Арвен не нужно будет выбирать, если только ты не встанешь меж нами, и тогда одному из нас – либо мне, либо тебе – предстоит разлука, которая горше смерти. Ты не понимаешь пока, как много требуешь от меня... Но пусть будет то, что должно быть. Нескоро мы вернемся к этому разговору, потому что в мире темнеет, и на пороге тяжелые испытания.

На другой день Арагорн простился с Дольном и один ушел в Пустоземье. Тридцать лет он провел в трудах и подвигах, в борьбе с Сауроном. Он стал другом Гэндальфа

Серого, и дружба эта принесла ему много мудрости. Вместе совершили они немало опасных походов, но с годами путь его все чаще бывал одинок. Долгими и опасными дорогами шел он, и постепенно лицо воина приняло суровое, замкнутое выражение, лишь изредка улыбка оживляла его. Людям, с которыми ему доводилось встречаться, часто приходило в голову, что перед ними неизвестный король, лишившийся трона. Но так [illegible] только с теми, перед кем он не скрывал своего истинного [illegible]. В разных местах и под разными именами [illegible] славу. Приходилось ему скакать под знаменами [illegible] приходилось обнажать меч за Наместника Гондора на суше и на море, но неизменно, когда наступал час победы, [illegible] от заслуженной славы, и дороги уводили его на [illegible] или на Юг, к новым сражениям с Врагом.

В стойкости и умении он не знал себе равных, он был мудр, как эльф, и в глазах его мерцал нездешний свет. Мало кто способен был вынести его взгляд. Печальным и суровым стало его лицо, но в глубине души жила надежда, она скрашивала его одиночество и приносила утешение.

Однажды, в год своего сорокадевятилетия, Арагорн возвращался из опасного похода к рубежам Мордора. Он устал и намеревался пожить немного в Дольне, собраться с силами перед долгим походом на Юг. Путь его лежал возле границ Лориена, и неожиданно он получил приглашение его Владычицы посетить тайные земли.

Он не мог знать, что Арвен снова гостит здесь. Прошедшие годы почти не коснулись ее, только тень печали легла на лицо, и смех стал звучать реже.

Галадриэль посоветовала Арагорну сменить поношенную дорожную одежду на белое с серебром одеяние, накинула на плечи эльфийский плащ. А когда он надел на лоб легкий обруч с ясным алмазом в центре, облик его обрел разительное сходство с Перворожденными Эльфами, пришедшими на заре мира с Заокраинного Запада. Таким он и предстал перед Арвен после долгих лет разлуки. И когда он приблизился к ней под зеленым сводом Карас Галадона, расцвеченным золотыми цветами, исполнился час их судьбы.

Долго бродили они вдвоем в лугах Лориена. И, верно, бродили бы вечно, но Арагорну пришло время уходить

Однажды на закате, в Середине Лета, они поднялись на Керин Амрот. Вокруг, в вечнозеленой траве мерцали мягким золотом цветы *эланора*. С вершины холма они взглянули на восток, во Тьму, потом на запад, где еще горела заря, и дали друг другу клятву.

Так звучали слова Арвен:

– Над Миром поднимается Завеса Тьмы, а мое сердце ликует, потому что тебе, моему избраннику, суждено развеять ее.

И Арагорн отвечал:

– Будущее сокрыто от меня, но если веришь ты – верю и я. Тьма ненавистна мне, но и Запад не влечет, ибо *я* смертен. Если ты избрала меня, тебе тоже придется отказаться от удела, сужденного твоему народу.

Подобно Белому Древу стояла Арвен, глядя на запад, и после долгого молчания сказала:

– Я буду верна тебе, Дунадан. Я отказываюсь от Запада, но там моя родина и вечный дом всех моих близких...

Элронд молча принял выбор любимой дочери. Дождавшись возвращения Арагорна, он призвал его и сказал:

– Итак, между нами легла тень. Сын мой, наступили годы, когда для надежды почти уже не осталось места. Темны времена, и я ничего не вижу за ними. Быть может, с моей дочерью возродится в Средиземье царствование Людей, но, как бы я не любил тебя, скажу: для малого Арвен Ундомиэль не станет менять хода своей судьбы. Только Король Арнора и Гондора сможет стать ее мужем. Для меня даже в твоей победе будет привкус горечи, но вам она принесет радость... на время. Боюсь, что в конце концов Бремя Смертных покажется Арвен слишком тяжким.

Больше они не возвращались к этому разговору. Арагорн снова ушел. В мире стремительно темнело, страх окутывал Средиземье, росла мощь Саурона, и бастионы Барад Дура вздымались все выше и выше. Арвен оставалась в Дольне. Она издалека следила за Арагорном и вышивала знамя для того, кто предъявит права на трон Гондора и наследие Элендила.

Прошло несколько лет. Гилраэнь простилась с Владыкой Элрондом и вернулась к своему народу. Она редко виделась теперь с сыном, но вот, в одно из его возвращений, она сказала ему:

– Это наше последнее свидание, Эстель, сын мой. Заботы состарили меня до времени, и теперь, когда Тьма снова нависла над Средиземьем, у меня уже нет сил бороться с ней. Скоро я покину этот мир.

Арагорн, пытаясь утешить ее, сказал:

– Но ведь за тьмой придет рассвет. Дождись его, он принесет радость.

Она ответила только:

– *Онэн и-Эстэль Эдайн, у-хэбин эстель аним.**

Арагорн покинул ее с тяжелым сердцем. В конце зимы Гилраэнь умерла.

А между тем время подошло к Войне Кольца. О ней довольно сказано в другом месте: о том, как сбылись самые отчаянные надежды, как в самый тяжелый час Арагорн пришел с моря и поднял в битве на полях Пеленнора знамя, вышитое руками Арвен, и как его впервые провозгласили Королем. Он принял Корону Гондора и Скипетр Арнора, а немного позже получил и руку Арвен.

Так великой победой завершилась Третья Эпоха, но самым печальным в ее окончании было прощание Элронда с дочерью, ибо их разделили Море и Судьба. Даже за гранью мира не встретиться им больше.

Когда Кольцо Всевластья было уничтожено, Три Кольца тоже лишились силы, и Элронд, уставший от груза веков в сердце, ушел на Запад, чтобы никогда больше не вернуться. Арвен приняла удел смертных, но смерть не властна была над ней, покуда не ушло все, что получила она от жизни.

Королевой Людей и Эльфов в блаженстве и славе прожила она с Арагорном сто двадцать лет.

Долгой была жизнь Арагорна, но и она подошла к концу. Тогда обратился он к Арвен с такими словами:

– Прекраснейшая в этом мире, любимая, тает мой мир. Мы славно жили, но приходит время платить по счетам.

Нетрудно было понять, о чем он говорит, Арвен ждала этих слов, и все же печаль охватила ее.

– Неужели ты хочешь покинуть свой народ до срока? – спросила она.

* Я отдала свою Надежду дунаданам, не оставив надежды себе – (эльфийский).

— Если сейчас я не уйду сам, скоро мне придется уйти. Наш сын, Эльдарион, уже может принять правление.

Арагорн спустился в Усыпальницу и возлег на давно ожидавшее его ложе. Здесь простился он с сыном, передав ему Корону Гондора и Скипетр Арнора, а потом рядом с ним оставалась только Арвен. Ни мудрость, ни королевское достоинство не смогли сдержать ее просьб повременить немного, обращенных к Арагорну. Жизнь еще не утомила ее, и удел смертных, принятый на себя добровольно, казался горькой участью.

— Любимая моя, — молвил Король, — суров час, но пробил он давно. И под березами Дольна, и на Керин Амрот нам ведомы были наши судьбы. Спроси себя, неужели ты хочешь дождаться, пока я выроню Скипетр от слабости? Нет, Арвен, я — последний нуменорский Король, и мне дарована не только долгая жизнь, но и право вернуть Дар. Я ухожу. Я не утешаю тебя, потому что неизбывно горе в этом круге мира. Но у тебя по-прежнему есть выбор: ты можешь уйти в Серебристую Гавань и унести на Запад память о днях нашей жизни, сделав ее вечноживой, но это будет только память, а можешь принять долю Людей.

— Выбор сделан, — ответила Арвен, — мой корабль давно уплыл, и я приму удел смертных, хочу того или нет. Но вот что должна я сказать тебе, мой Король. До сего дня я не понимала повести о твоем народе и его падении, не понимала, и поэтому свысока смотрела на нуменорцев, теперь мне жаль их. Если смерть, действительно, как говорили в Эльдамаре, Дар Единого Людям, горько принимать его.

— Это только кажется, — улыбнулся Арагорн. — Мы, отвергшие Тьму, отказавшиеся от Кольца, устоим и перед последним испытанием: уйдем в печали, но не в отчаянии. Слушай! Не навек привязаны мы к кругам мира, и за ними — больше, чем память. Прощай!

— Эстель, Эстель! — воскликнула она, но он в ответ только молча поцеловал ее руку и погрузился в сон.

Неведомая доселе красота облекла вскоре его черты; дивились видевшие его, ибо в лице Короля сошлись свежесть юности, доблесть зрелости и мудрость прожитых лет. И долго лежать ему там в славе и почете — подлинному Королю Людей.

Когда Арвен вышла из Усыпальницы, она показалась людям холодной и печальной, как зимние беззвездные сумерки. Вскоре она простилась с сыном и дочерьми и навсегда покинула Минас Тирит. Она вернулась в Лориен и жила там одна среди увядающих меллорнов, пока не пришла зима. Давно уже не было Галадриэль, и Келеберн ушел за Море; молчали земли некогда Благословенного Края.

Когда с меллорнов облетела последняя листва, Арвен прилегла отдохнуть на Керин Амрот и там покоится с тех пор. Мир [illegible] ее жизни забыты новыми людьми, и золотой [illegible] не цветет больше к востоку от Моря.

На этом кончается последнее из преданий древности собранных в этой книге

ДОМ ЙОРЛА

Йорл Юный правил Людьми Йотеода. Его страна располагалась у истоков Андуина, между самыми дальними отрогами Мглистых Гор и северными окраинами Сумеречья. Йотеоды заселили эти области во дни Короля Эарнила II, придя из долины Андуина между Кэрроком и Оболонью. По происхождению были они сродни Бьорнингам и Людям из западных лесов. Род Йорла восходил к королю Ровениона, правившему еще до нашествия кочевников землями за Сумеречьем. Таким образом, Йотеоды не без основания считали себя состоящими в родстве с Королями Гондора – потомками Эльдакара. Они любили вольные степи, ценили коней, но в среднем течении Андуина стало слишком тесно, да и тень Дол Гулдура постепенно наползала на эти земли. Поэтому, прослышав о свержении Короля-Чародея, Всадники в поисках свободных земель отправились на север и быстро изгнали оттуда оставшихся ангмарцев. Во дни Леода, отца Йорла, это был многочисленный народ, но многие из них тосковали по родине.

В 2510 году Третьей Эпохи орды дикарей с северо-востока прокатились через Ровенион и Бурые Земли, а потом переправились на плотах через Андуин. Почти одновременно (едва ли случайно) в Гондор вторглись горные орки (до войны с гномами они представляли реальную военную угрозу)

Когда был захвачен Каленардон. Правитель Гондора послал на север за помощью. Но к этому времени людей в долине Реки оставалось немного, их небольшие поселения мало общались друг с другом, и помощь от них не пришла. Как только до Йорла дошли вести о бедах Гондора, он немедля выступил во главе большого отряда Всадников.

Йорл успел к битве на Полях Келебранта – зеленой страны между Серебренью и Светлимой. Там северная армия Гондора, только что выдержавшая тяжелое сражение в степях, оторвавшаяся от южных войск, попала под удар превосходящих сил орков. Казалось, гондорцам уже не сдержать натиск. Но именно в этот момент Всадники обрушили на тылы противника неожиданный и сокрушительный удар, орки бежали за Светлиму и никак не могли остановиться, преследуемые воинами Йорла по всему Каленардону, к этому времени совсем обезлюдевшему сначала от моровой напасти, а потом – от набегов вастаков. Кирион в благодарность за помощь отдал Каленардон Йорлу. Всадники доставили с севера жен с детьми и начали обживаться на новых землях. Гондорцы назвали страну – Рохан, а ее жителей – рохирримы, Повелители Коней. Так Йорл стал первым королем Рохана, свободной страны, живущей по собственным законам, но в вечном союзе с Гондором.

Имена многих отважных воинов, многих прекрасных женщин звучат в песнях Рохана. В памяти Йорлингов навсегда остался Фрумгар, который привел народ в Йотеод, сын его Фрам, убивший великого дракона Ската с Эред Митрин. Драконьи сокровища, добытые Фрамом, стали причиной длительной распри с гномами, когда-то ограбленными Скатом и теперь требовавшими своей доли. Фрам не дал им ни полушки, отослав вместо этого ожерелье из драконьих зубов со словами: «Нет в ваших сокровищницах таких камней и не будет, ибо нелегко они достаются». Поговаривали, что злопамятные гномы убили Фрама. Во всяком случае, особой дружбы между Йотеодом и гномами ни в какие времена не было.

Как уже говорилось, отца Йорла звали Леод. Он укрощал диких коней и однажды поймал белого жеребенка, быстро выросшего в прекрасного гордого коня. Конь не смирился с неволей и никого не подпускал к себе. Когда Леод все-таки оседлал строптивца, конь унес его прочь, долго скакал по

степи и в конце концов сбросил так, что Леод разбил голову о камни и умер. В ту пору ему исполнилось сорок два года, а сыну не было еще и шестнадцати.

Йорл решил отомстить за отца. Долго охотился он за конем и наконец выследил. Те, кто был с Йорлом, ждали, что, подкравшись на расстояние выстрела, он убьет коня, но вместо этого Йорл встал во весь рост и громко окликнул животное: [illegible] сюда, Проклятье Людей! Подойди, я дам тебе [illegible] К общему удивлению, конь, увидев Йорла, [illegible] склонился перед ним.

– Я нарекаю [illegible] Фелароф, – сказал ему Йорл. – Ты любил свободу, [illegible] за это, но требую виру за отца. Отныне твоя [illegible] принадлежит мне, и так будет, пока ты не испустишь последний вздох.

Йорл сел на коня, и Фелароф смирился. Йорл так и приехал на нем домой без узды и поводьев, и с тех пор уже никогда не пользовался ими. Конь понимал человеческую речь, но подчинялся только Йорлу. Именно Фелароф нес Йорла к Полю Келебранта. Долог был век этого удивительного коня, он почти сравнялся с человечьим. Его потомки звались *меарас* и служили только королям Рохана и их сыновьям. Люди говорили, что Бема (так звали рохирримы Оромэ Охотника) привел предков *меарас* с Запада, из-за Моря.

Среди преданий о королях Рохана чаще всего звучит имя Хельма Молоторукого. Это был суровый правитель, наделенный необычайной силой. В то время в Рохане жил человек по имени Фрека. Род свой вел он, якобы, от короля Фреавина, хотя обличьем и особенно темным цветом волос был он вылитый дунгарец. Богат был Фрека и владел обширными землями по обе стороны Адорна.* У его истоков он выстроил свой замок и жил, мало считаясь с королем. Хельм не доверял ему, но звал на свои советы, и тот приходил... или не приходил.

Вот как-то раз Фрека явился на один из таких советов с большим отрядом и стал просить руки дочери Хельма для своего сына Вулфа. Но Хельм только сказал в ответ: «Ты сильно вырос с тех пор, как мы виделись в последний раз,

* Адорн впадает в Изен западнее Белых Гор.

о все больше в толщину». Все расхохотались. Фрека и в самом деле был широк в поясе.

Ах, как взвился дунгарский потомок Фревайна! Он просто захохотал от ярости и в запале бросил королю: «Старые короли, отказываясь от предложенного посоха, могут однажды оказаться на коленях!», на что Хельм спокойно ответил: «Садись и жди! Женитьба твоего сына – пустяшное дело, мы разберемся с этим позже. А сейчас у короля и его совета есть дела поважнее».

Как только совет закончился, Хельм встал, положил свои огромные ручищи Фреке на плечи, повернул его и, слегка подталкивая, сказал: «Король не дозволяет свар в своем доме. Пойдем-ка на волю, там попросторнее». Так, непрерывно подталкивая, он вывел Фреку из Эдораса в луга. Людям Фреки, последовавшим было за ними, король бросил через плечо: «Идите отсюда! Мы собираемся поговорить наедине о личных вещах. А вы поговорите пока, если есть охота, с моими воинами!»

Они огляделись. Вокруг стояли воины короля, и было их много. Людям Фреки пришлось подчиниться.

– Ну, дунгарец, – произнес король, когда они отошли подальше, – перед тобой только Хельм, один и безоружный. Ты уже много наговорил, теперь мой черед. Глупость твоя, Фрека, росла вместе с твоим брюхом. Ты что-то там говорил о посохе. Если Хельму подсовывают кривой посох, он его просто ломает. Вот так! – И он двинул Фреку кулаком с такой силой, что невежда замертво грянулся оземь.

Хельм объявил сына Фреки и его ближайших родичей врагами короля и изгнал из страны.

Четырьмя годами позже (2758) на Рохан обрушились беды. А помощи от Гондора ждать не приходилось – целый пиратский флот поднялся по Реке, и все побережья охватил огонь войны. Именно в это время дунгары перешли Изен. Скоро стало известно, что ведет их Вулф, собравший в свое войско всех врагов Гондора из низовий Лефнуи и Изена. Рохирримы потерпели поражение в битве. Рохан был завоеван. Оставшиеся в живых бежали в горы. С большими потерями Хельм ушел от Бродов Изена и укрылся в ущелье, оберегаемом мощными стенами Хорне (позднее оно стало известно как Хельмова Падь). Вулф взял Эдорас, уселся на троне в Золотых Палатах

и объявил себя королем. В бою перед воротами дворца пал Халет, сын Хельма.

Вскоре началась Долгая Зима. Около пяти месяцев Рохан лежал, занесенный снегами (с ноября 2758 года по март 2759 года). И рохиррим, и их враги одинаково жестоко страдали от холода и голода.

В Хельмовой Пади, когда положение осажденных стало особенно отчаянным, младший сын Хельма, Хама, вопреки приказу короля [illegible] в набег и затерялся в снежной пустыне. Хельма [illegible] потеря, голод и безнадежность привели в [illegible] исступления. Один вид короля приводил [illegible] и врагов. Одетый в белое, в одиночку [illegible] крепости, пробирался, как снежный тролль, в лагерь [illegible] и убивал людей голыми руками. Тут же возникло [illegible] что пока король безоружен, никакое оружие не способно [illegible] ему вред. Дунгары говорили, что он ест людей, если не находит другой пищи, и это предание [illegible] долго. Перед каждой своей вылазкой Хельм трубил в огромный рог, да так, что начинало гудеть все ущелье, и скоро, заслышав грозные звуки, завоеватели, тоже доведенные до отчаяния холодом и голодом, в ужасе разбегались кто куда, даже не помышляя об отпоре страшному королю.

Однажды ночью рог протрубил снова, но наутро Хельм не вернулся. Зато впервые за много дней вернулось солнце, и тогда глазам всех предстала прямая белая фигура на валу, защищавшем подходы к Хорне. Дунгары не осмелились приблизиться к ней. Это был Хельм, мертвый, окаменевший, но не сдавшийся. Люди же говорили, что и много лет спустя Рог Хельма порой звучал в Пади, а ярость короля бродила среди врагов (недостатка в них Рохан не ощущал и впоследствии), убивая их незримым ужасом.

Вскоре после этого кончилась зима. Тогда Фреалаф, сын Хильды, сестры Хельма, нагрянул с отрядом отчаянных храбрецов из Дунхарга, убил Вулфа и занял Эдорас. Начали таять снега. Половодье превратило долину Энтовой Купели в непроходимую топь. Вастаки, ослабевшие от голода и совсем павшие духом, были перебиты подошедшими, наконец, гондорцами. Еще до конца 2759-го года Рохан освободился. Дунгар вышибли даже из Изенгарда, а Фреалаф стал королем.

Останки Хельма перенесли из Хорне и погребли под Девятым курганом. Белые цветы *симбелина* разрослись на нем так густо, что издали курган выглядит словно покрытый снегами.

Со смертью Фреалафа начинается новый ряд курганов.

Не скоро оправились рохирримы от последствий войны. К счастью, впереди их ждала мирная полоса, но только ко времени правления короля Фолквайна Рохан обрел прежнюю мощь.

На коронации Фреалафа впервые появился Саруман с дарами и славословиями. Его приняли как дорогого гостя. Вскоре после этого с позволения Берена, Правителя Гондора, Саруман занял Изенгард. Берен же дал магу ключи от Ортханка. Со временем Саруман сам стал там правителем, а до этого правил от имени Берена и носил звание Стража Башни. И Фреалаф, и Берен считали Изенгард надежным оплотом в хороших дружеских руках. Может, поначалу так оно и было, но Саруману на самом деле нужен был Камень Ортханка и надежное пристанище. Во всяком случае, уже после Белого Совета, созванного в 2953 году, его отношение к Рохану сильно изменилось. Тогда-то и объявил он Изенгард своей собственностью, и начал постепенно превращать крепость в подобие Барад Дура. Друзей и слуг он избирал только среди ненавистников Гондора, будь то люди или более злые твари.

КОРОЛИ РОХАНА

ПЕРВАЯ ВЕТВЬ

1. 2485–2545 * – Йорл Юный – свое прозвание получил из-за того, что занял престол в ранней молодости и до конца дней оставался румяным и золотоволосым. Йорл пал в битве с вастаками, и тогда был воздвигнут Первый курган. Вместе с ним похоронен его конь Фелароф.

2. 2512–2570 – Брего – изгнал врагов из степей, и долгие годы Рохан жил в мире. В 2569 году Брего завершил строительство Золотых Палат. На пиру его сын Балдор объявил,

* Даты рождения и смерти указаны по гондорскому летоисчислению Третьей Эпохи.

что собирается пройти Тропами Мертвых, ушел и не вернулся. На следующий год Брего умер от тоски.

3. 2544–2645 – Алдор Старый, второй сын Брего. Правление его продолжалось 75 лет, отсюда и прозвание. При Алдоре рохирримы умножились и покорили остатки дунгаров восточнее Изена. Тогда же были заселены Харрог и другие горные ущелья.

О следующих трех королях говорится мало. В их дни в Рохане царили мир и благоденствие.

4. 2570–2659 – Фрей, старший сын Алдора. Королем стал уже под старость.

5. 2594–2680 – Фревайн.

6. 2619–2699 – Голдвайн.

7. 2644–2718 – Деор. Во дни его правления возобновляются набеги дунгар. В 2710 году они захватили Изенгард и долго удерживали его.

8. 2668–2741 – Грам.

9. 2691–2759 – Хельм Молоторукий. В конце его правления вторжение дунгар и Долгая Зима нанесли Рохану тяжелейший урон. Хельм и его сыновья, Халет и Хама, погибли. Правление принял Фреалаф, сын сестры короля.

ВТОРАЯ ВЕТВЬ

10. 2726–2798 – Фреалаф. При нем Саруман занимает Изенгард. Рохан, ослабленный поражением в войне и Долгой Зимой, дружески относится к новому соседу.

11. 2752–2842 – Бритта – заслужил от народа любовь и прозвание Леоф за радушие и готовность помочь всякому нуждающемуся. Сражался с орками. Очистил от них север Рохана. Казалось, что с этой напастью покончено навсегда, но время показало, что это не так.

12. 2780–2851 – Валда – правил всего девять лет. Попал с отрядом в орочью засаду и погиб на дороге из Дунхарга.

13. 2804–2864 – Фолка, прекрасный охотник, давший клятву не трогать диких зверей, пока в Рохане остается хоть один орк. Когда последняя орочья банда была уничтожена, король отправился на охоту за огромным кабаном из Хольтского в Фириенские Леса. Кабана он убил, но и сам погиб от ран, нанесенных клыками зверя.

14. 2830–2903 – Фолквайн. При нем восстановлена мощь Рохана. Фолквайн освободил западные области (между Адорном и Изеном), захваченные дунгарами. Получив известие о нападении харадримов на Гондор, Фолквайн отправил на помощь Правителю большое войско. Вняв совету прорицателя, он доверил командование своим сыновьям-близнецам, Фолкреду и Фастреду (родились в 2858 году). Оба пали в Итилиенской битве (2885). Турин II Гондорский щедро вознаградил Фолквайна за помощь.

15. 2870–2953 – Фенгель, третий сын Фолквайна. Память о нем скудна. Он был жаден до еды и золота, неуживчив с военачальниками и собственными детьми. Сын его Тенгель, возмужав, покинул Рохан и долго жил в Гондоре, стяжав немалую славу на службе у Тургона.

16. 2905–2980 – Тенгель – в 2943 году взял в жены Морвен из Лоссарнаха в Гондоре. В то время ей еще не исполнилось 17 лет. Она родила Тенгелю двух дочерей и сына Теодена. После смерти Фенгеля рохирримы призвали Тенгеля, и он с неохотой вернулся. Уже в Рохане у него родились еще две дочери. Последняя и самая красивая, Теодвин, родилась поздно, в 2963 году. Теоден нежно любил ее. Вскоре после возвращения Тенгеля Саруман объявил себя Правителем Изенгарда и начал посягать на границы Рохана, поддерживая его врагов.

17. 2948–3019 – Теоден – подпал под чары Сарумана, и тот едва не извел короля, но, благодаря вмешательству Гэндальфа, в последний год своей жизни Теоден воспрял, выиграл битву у Хорне и привел войска на Пеленнорские Поля. В величайшей битве Эпохи король пал у ворот Мундбурга (так рохирримы называли Минас Тирит). Некоторое время он покоился в стране, где родился, среди усопших Королей Гондора, но позже был перенесен на родину и похоронен в Восьмом кургане его ветви в Эдорасе.

ТРЕТЬЯ ВЕТВЬ

В 2989 году дочь короля Тенгеля, Теодвин, вышла замуж за Йомунда, правителя Остфолда. Ее сын Йомер родился в 2991 году, а дочь Йовин – в 2995-м. Над миром снова нависла тень Саурона, ее крылья простерлись до степей Рохана. Орки опять совершали набеги на восточные области, крали коней.

Теперь среди орков попадались огромные уруки. Появлялись они всегда со стороны Мглистых Гор, и долгое время никто не догадывался, что служат они не Темному Властелину, а Саруману. Постоянной и главной заботой Йомунда стали восточные рубежи. Йомунд очень любил коней и люто ненавидел орков. Едва приходили вести о новой вылазке, он тут же бросался в погоню, пылая гневом, хотя и не всегда он располагал достаточными силами. Однажды, в 3002 году, правитель увлекся погоней и гнал орков до границ Эмин Майл. Но его заманили в ловушку. В горах среди скал поджидала большая орда. Правитель погиб.

Вскоре после его смерти Теодвин занемогла и скончалась к великому горю брата. Он взял ее детей к себе в дом, назвав сыном и дочерью. У самого короля был лишь один сын, Теодред, в ту пору ему было 24 года. Королева Эльфхильда умерла от родов, и Теоден не женился больше. Йомер и Йовин росли в Эдорасе и видели, как темные тени сгущаются над Золотым Дворцом. Йомер очень походил на отца, а его сестра выросла гибкой, грациозной и горделивой, похожей на Морвен из Лоссарнаха, которую рохирримы прозвали Морвен Стальной Блеск.

Йомер (2991–3084 или 63 Ч.Э.) еще в молодости принял правление восточными окраинами. В Войне Кольца Теодред пал, отражая сарумановы полчища у Бродов Изена. Поэтому Теоден объявил Йомера наследником и будущим королем. На Пеленнорских Полях стяжала великую славу и Йовин, сражавшаяся в рядах Всадников в мужской одежде. Люди запомнили ее под именем Девы-Щитоносца.* Йомер стал великим королем; он был молод, когда принял правление от Теодена, и правил шестьдесят пять лет – дольше, чем все предшественники, кроме Алдора Старого. В Войне Кольца он сдружился с Королем Элессаром и с Имрахилем из Дол

* Левая рука Йовин была сломана ударом булавы Короля-Призрака, но и сам он был обращен в ничто; так исполнилось давнее провидение Глорфиндейла. Когда-то он сказал Королю Эарнуру, что Чародею суждено пасть не от руки воина. Песни Рохана хранят память и об оруженосце Теодена, Полурослике из далекой страны, который помог Йовин одолеть страшного врага. Йомер, воздав Полурослику великие почести, нарек его Холдвайном (это был наш Мериадок Великолепный, хозяин Заскочья).

Амрота, а после войны часто навещал Гондор. В последний год Третьей Эпохи он женился на Лотириэль, дочери Имрахиля. Его сын, Эльфвин Светлый, унаследовал трон Рохана.

Во дни Йомера люди, желавшие мира, наконец, обрели его. Население Рохана становилось все многочисленнее, огромные табуны коней паслись на равнинах. Гондором (и Арнором) правил Король Элессар. Под его рукой объединились все исконные гондорские владения, и только Рохан оставался независимым королевством. Король Элессар подтвердил дар Кириона, а Йомер снова принес клятву Йорла и впоследствии оставался верен ей. Ибо хотя Саурон и пал, злоба и ненависть, посеянные им, дали ростки, и Королю Запада еще не раз пришлось побеждать врагов, прежде чем Белое Древо смогло расти в мире. И куда бы ни призывали Короля Элессара ратные дела, повсюду был с ним король Йомер. И за Рунным Морем, и на далеких просторах юга Белый Конь на зеленом поле реял под разными ветрами рядом с Белым Древом, осиянным звездами.

НАРОД ДАРИНА

О том, откуда пошли гномы, и сами они, и эльфы рассказывают много странного, но дело это очень давнее и многого здесь не скажешь. Старейшего из Семи Праотцев гномы зовут Дарин. От него ведут род цари Долгобороды. Дарин долго спал один, а когда в глубине времен пробудился его народ, он пришел в Азанулбизар и поселился в пещерах на восточных склонах Мглистых Гор. Так было положено начало знаменитым Морийским Копям.

Долго жил Дарин и во многих землях был известен как Дарин Бессмертный. Но вот в конце Предначальной Эпохи он умер и был похоронен в Казад Думе, однако род его никогда не пресекался. Пять раз рождались в этом роду наследники столь похожие на Дарина, что им давали его имя. Гномы считали Дарина Бессмертным, Который Возвращается. У этого народа есть много странных преданий о себе и своем месте в мире.

В конце Первой Эпохи велики стали мощь и богатство Казад Дума, созданные трудами искусного и мудрого народа, возвратившегося из Ногрода и Белегоста. Хотя эти прекрасные

города в Синих Горах были разрушены при падении Тангородрима, не иссякло могущество Мории. Она процветала даже в черные дни владычества Саурона. Эрегион был разорен, но за закрытыми наглухо воротами Мории жил многочисленный и доблестный народ, против которого даже Саурон не решался выступать открыто. Богатство Подгорного Царства долго оставалось нетронутым, а вот население начало убывать.

В середине Третьей Эпохи трон снова занял Дарин – Шестой государь, носивший это имя. В мире опять росла сила Врага. Завеса Тьмы накрыла Лес, подступавший к порогу Мории, [illegible] разные лиходейские твари, но о самом Сауроне речи [illegible] было. Гномы, тем временем, в поисках легендарного [illegible] зарывались все глубже под Баразинбар, пока не разбудили Глубинный Ужас, скрывавшийся здесь со дня прихода [illegible]. Это был один из уцелевших под Тангородримом Барлогов Моргота. Он убил государя Дарина, а через год – его сына Наина I. Так пришел конец Морийского Царства. Те, кто населял его, либо погибли, либо бежали в дальние края.

Многие гномы, покинувшие Морию, отправились на север. Трайн I, сын Наина, привел их к Одинокой Горе у восточных окраин Сумеречья. Он стал первым Царем–под–Горой. Здесь Трайн нашел огромный алмаз, Аркенстон, Сердце Горы. Его сын, Торин I, ушел еще дальше на север, в Серые Горы. Постепенно там собралась большая часть народа Дарина, ибо Горы скрывали в себе множество богатств, и до этого времени их никто не разрабатывал. Правда, на равнинах за Горами водились драконы. Поначалу гномы не придали этому значения – и напрасно. Прошло много лет, драконы размножились, осмелели и объявили гномам настоящую войну. Они похищали созданные гномами прекрасные вещи, охотились за сокровищами и кончилось тем, что Даин I со своим вторым сыном Фрором погибли у самых ворот собственного дворца, убитые огромным стылым червем.

Жить в Серых Горах стало невозможно, и тогда Грор, третий сын Даина, увел многих к Рудному Кряжу, а Трор, старший, вернулся с остальными к Эребору. Он возвратил Аркенстон в Подгорный Дворец Трайна. Народ его жил в довольстве, богатство гномов росло. Здесь возникла и окрепла дружба гномов с людьми. Народ Дарина славился не только

изготовлением прекрасных драгоценностей, но и бесценного оружия и доспехов. Руду доставляли из Рудных Гор. В то время северяне, жившие между Келдуином (Быстрицей) и Карненом (река Рудь), освободили свои земли от врагов, и под их защитой гномы Эребора жили в покое и достатке, в подземных чертогах не прекращались пиры, и не смолкали песни.

Слухи о богатствах Эребора разошлись широко и не миновали ушей драконов. Величайшим из них в то время по праву считали Смога Златолюба. Он-то и начал войну, напав с воздуха без предупреждения на владения царя Трора. Гора запылала. Вскоре и весь край пришел в запустение. Смог проник в Главный Чертог и теперь неотлучно лежал там на груде золота.

Однако многим подданным Трора удалось спастись от пожаров и разорения. Спасся и сам Трор с сыном Трайном II. Вместе с детьми Трайна II, Торином, впоследствии прозванным Дубощитом, Фрерином и Дис, они ушли на юг и вынуждены были скитаться долгие годы.

Время шло, и вот однажды старый, нищий и отчаявшийся Трор отдал Трайну единственное сокровище, которое ему удалось сохранить – последнее из Семи Колец, находившихся во владении гномов, и ушел неведомо куда со старцем по имени Нар. На прощание он сказал Трайну:

– Хоть в это и трудно поверить, но Оно может стать для вас началом новой судьбы. Оно способно вернуть богатство и славу нашему роду, но для этого Ему нужно золото, а где же его взять?..

– Разве ты не думаешь вернуться когда-нибудь в Эребор? – спросил Трайн.

– Мне уже поздно думать о мести, – вздохнул Трор. – Это я завещаю тебе и твоим сыновьям. Бедность и презрение к моей нищете доконали меня. Пойду навстречу судьбе – и будь что будет.

Может, от горя и бедствий старый Трор слегка тронулся умом, а может, Кольцо, ощутив, как его властелин наливается новой силой, толкнуло Трора на глупость, но только они с Наром долго шагали на север, пока, миновав перевал Красного Рога, не спустились к открытым дверям Мории. Как ни умолял Нар Трора проявить благоразумие, бывший царь не послушал его и с гордо поднятой головой, как подлинный хозяин, вошел внутрь. Назад он не вышел. Нар долго ждал

в укрытии неподалеку от ворот. И вот, на четвертый или на пятый день он услышал ужасный шум, вопли и звуки рогов, а потом по ступеням скатилось тело. Страшась самого худшего, Нар начал подкрадываться к нему, и тут из тени ворот его окликнул грубый громкий голос:

– Эй, ты, борода! А ну, поди сюда! Мы тебя видим, можешь не прятаться. Да не бойся, ты мне нужен для дела.

Не таясь больше, Нар подошел и склонился над телом. Да, это был Трор. Ничком, лицом вниз, лежала его отрубленная голова. Ноги у старика подкосились, и он опустился на колени. Раздался грубый хохот, и тот же голос произнес:

– Нищим положено ждать у дверей. А если они залезают в дом непрошенными и начинают красть, с ними приходится поступать строго. Запомни: если еще кто-нибудь из твоего народа сунет сюда свою мерзкую бороду, его ждет то же самое! Отправляйся и передай это всем. А если его наследники будут спрашивать, кто теперь правит в Мории, так имя правителя ты найдешь на лбу этого проныры!

Нар с трепетом повернул голову убитого и увидел выжженное на лбу клеймо. Надпись была сделана рунами гномов, так что он без труда прочел имя – АЗОГ. Весь народ гномов запомнил это имя навсегда. Нар хотел поднять голову царя, но Азог не позволил.

– А ну, брось ее! Вот тебе подаяние, а теперь – убирайся! – Маленький кошель упал у ног гнома, в нем было несколько мелких монет.

Плача, старик пошел вниз по течению Серебрени. Один раз он оглянулся и увидел, как вышедшие из ворот орки рубят тело несчастного царя и бросают куски воронам.

Трайн выслушал рассказ Нара, молча глотая слезы и терзая свою бороду. Семь дней сидел он, не говоря ни слова, а на восьмой встал и произнес: «Этого нельзя снести!»

Так началась война между орками и гномами. Она была долгой и кровопролитной, множество жестоких сражений происходило в глубинах земли.

Трайн разослал вестников на север, на восток и на запад. Но прошло три года, прежде чем гномы собрали достаточно сил. К войску народа Дарина присоединилось огромное воинство, посланное домами других Праотцев, ибо бесчестье, нанесенное наследнику древнейшего рода, наполнило гневом все сердца.

Выступив в поход, гномы осадили и разрушили все укрепления орков, какие встретились между Гундабадом и Оболпью. Сражения были безжалостны, но гномы побеждали: они были сильнее и лучше вооружены, а пламя гнева неугасимо пылало в их сердцах, заставляя обшаривать каждую нору и каждую пещеру в поисках Азога.

Орки не выдерживали натиска, они бежали, и вскоре их последним оплотом осталась Мория. В погоне за ними воинство гномов спустилось в долину Азанулбизар. Два горных отрога стискивали ее, а посредине лежало легендарное озеро Келед Зарам – сердце древнего Подгорного Царства. Когда гномы узрели ворота своей древней твердыни, крик их громом потряс долину. Но перед ними стояло огромное орочье войско, последнее, оставшееся в распоряжении Азога.

Поначалу казалось, что удача отвернулась от гномов. День битвы выдался унылым и серым, это было на руку оркам. К тому же числом они превосходили гномов, и позиция их была более удобной, потому что они занимали склоны над долиной. Но гномы не думали о выгодах и преимуществах. Битва началась. До сей поры при воспоминании о ней орки содрогаются, а гномы плачут.

Передовой отряд вел Трайн. Его атака не удалась. С большими потерями Трайну пришлось отойти к лесу за Келед Зарамом. На краю этого леса пал сын Трайна Фрерин и его родич Фундин, а сам Трайн и Торин получили легкие раны.

Говорят, что когда в бою щит Торина был разбит, он отбросил его в сторону и отражал удары большим дубовым суком. Отсюда пошло его прозвище.

В сражении долго не было перевеса ни у одной стороны. Но вот, позже всех, подоспели гномы с Рудного Кряжа, они и решили исход битвы. Закованные в броню воины Наина, сына Грора, прошли сквозь полчища орков к самому порогу Мории. Они свирепо рычали: «Азог! Азог!» и крушили секирами всех, кто вставал на их пути.

Наин встал в воротах и громко воззвал:

– Азог! Если ты здесь – выходи!

И тогда из темноты вышел Азог: огромный орк, быстрый, сильный, с ног до головы закованный в железо. За ним толпилась многочисленная охрана.

– Как? Еще один нищий? – зарычал Азог. – Хочешь и себе клеймо на лоб?

Он поднял секиру и бросился на гнома. Наин был сильным и умелым воином, но битва длилась уже несколько часов, усталость и гнев застили ему глаза, а Азог был свеж, жесток и коварен. Долго бились они. Собравшись с силами, Наин обрушил на орка страшный удар, но Азог увернулся и успел задеть гнома по ноге. Наин потерял равновесие, качнулся вперед, и тогда секира Азога обрушилась ему на шею. Железный воротник доспеха выдержал удар, но кости гнома хрустнули, и он упал замертво.

Торжествующий рев готов был вырваться из глотки победителя, но застрял в горле. Азог огляделся и увидел, что вся долина завалена трупами орков, а гномы в исступлении рубят направо и налево, не давая пощады. Орки бежали и выли на ходу, но их догоняли и убивали. В пылу битвы Азог забыл о своей охране, и вот она лежит вокруг, и никто даже не шевельнется. Азог молча повернулся и бросился к Воротам. Он, верно, и не видел, как вслед ему кинулся гном с алым топором в руках. Это был Даин Железностоп, сын Наина. У самых Ворот он настиг Азога и одним ударом снес ему голову. Так был совершен великий подвиг. Даин в то время был совсем молод, впереди его ожидало множество битв и походов. Он прожил долгую жизнь воина и пал в Войне Кольца. Да, воин он был отменный, но, говорят, от Ворот он спустился с посеревшим от страха лицом.

Сражение было выиграно. Оставшиеся в живых гномы собрались в долине. Голова Азога с глубоко засунутым в пасть памятным кошельком с мелкими монетами торчала на колу. Но в ту ночь тишину Азанулбизара не нарушали звуки победного пира и радостных песен. Едва ли половина гномов могла стоять на ногах, и далеко не всем из них суждено было исцелиться от ран. Утром к победителям обратился Трайн. Он потерял один глаз, сильно хромал из-за раны в ногу и смог сказать только: «Славно! Мы победили. Казад Дум наш!»

В ответ он услышал скорбные слова:

– Наследник Дарина! Хоть у тебя остался только один глаз, все же взгляни вокруг. Мы бились здесь, чтобы отомстить, и мы отомстили. Но победа оказалась настолько тяжелой, что нам не удержать ее.

Гномы из других родов сказали:

– Казад Дум никогда не был домом наших предков. Зачем он нам? Неоткуда ждать наград, и не с кого спрашивать виру за убитых. Мы хотим вернуться домой, и чем скорее, тем лучше.

Трайн горестно спросил Даина:

– А мой народ? Он тоже покинет меня?

– Нет, – ответил Даин. – Ты – отец нашего народа, мы сражались за тебя и, если придется, будем сражаться вновь. Но мы не войдем в Казад Дум. Я только заглянул в тень Ворот, но этого довольно. Если хочешь – иди, но там, в тени, тебя ждет Погибель Дарина. Нам не одолеть такого врага. Надо ждать, когда изменится мир и в нем появится сила, способная совладать с ним. До тех пор народ Дарина не войдет в Морию.

После битвы гномы вновь рассеялись по свету. Покидая Азанулбизар, с мертвых сняли оружие и доспехи, дабы они не достались оркам, если те вернутся в долину. Каждый гном, уходивший с поля битвы, был тяжко нагружен. Весь лес пошел на сооружение погребальных костров (с тех пор он не растет там больше), а дым от сожжений был виден даже в Лориене.

Сжигать своих умерших – не в обычае гномов, но строительство каменных гробниц, как это у них принято, отняло бы многие годы. Оставлять же тела погибших на растерзание зверям или оркам было немыслимо. Вот и пришлось обратиться к огню. Но у павших в Азанулбизаре славная память. Если сегодня кто-нибудь из гномов с гордостью скажет о своем предке: «Он был – Сожженный Гном», этого будет довольно.

Погребальные костры отгорели, союзники разошлись в разные стороны, и Даин Железностоп увел свой народ к Рудному Кряжу. Перед уходом Трайн сказал Торину Дубощиту:

– Кому-то цена за голову на колу покажется слишком высокой! Мы отдали за нее, по меньшей мере, свое царство. Какой путь ты изберешь? Вернешься ли со мной к наковальне или пойдешь по свету?

– По мне – лучше наковальня, – пожал плечами Торин. – Молот не даст ослабеть рукам, пока им снова не придется взяться за более острый инструмент.

Так Трайн с Торином и с горсткой гномов, среди которых были и Балин с Глоином, вернулись в Дунгарский Край, но вскоре покинули его и долго бродили по Эриадору, пока не осели в отрогах Эред Луина. Мало их было, и нескоро они вновь стали заметным народом. И во все-то времена женщин среди гномов было немного, а в таком ослабевшем роде и подавно. Дочь Трайна, Дис, принесла ему двух внуков – Фили и Кили, а у Торина, например, жены не было вовсе. Все изделия, [illegible] в то время из-под молота гномов, были железными. [illegible] Трора о том, что Кольцу нужно золото, [illegible] ни золота, ни других драгоценных металлов или камней у них не было.

Пришла пора [illegible] несколько слов об этом Кольце. Народ Дарина [illegible], что владеет первым из Семи откованных Колец. Говорят, что оно подарено Государю Казад Дума, Дарину III самими эльфами кузнецами и что Саурон не коснулся его. Вряд ли это именно так, ибо злая сила Врага несомненно была в Кольце, ведь он помогал ковать все Семь. Владельцы Кольца никогда не говорили о нем, а расставались с Кольцом только перед смертью. Поэтому никто не знал наверняка, где оно находится в тот или иной момент. Некоторые считали, что оно осталось в Казад Думе, а родичи и наследники Дарина ошибочно полагали, что Трор взял его с собой в свой злосчастный поход в Морию. Кольцо искали на трупе Азога, но не нашли.

Теперь многие думают, что Врагу удалось с помощью чар или еще как-то узнать, кто владеет последним свободным Кольцом Народа Гномов, и все дальнейшие злоключения наследников Дарина объясняют колдовством Врага. Но гномы оказались стойким народом. Кольцу удалось только заронить в их сердца страсть к золоту и драгоценностям, без них жизнь была бы гномам не в радость, а грабителей они ненавидели и мстили жестоко. Нужда и скитания закалили дух гномов и научили стойко сопротивляться. Чужая воля оказалась не способна склонить их ко злу, и поэтому ненависть Саурона обратилась к одной цели – лишить гномов того, чем они владели.

Видимо, именно Кольцо по прошествии нескольких лет отравило жизнь Трайну. Ничто более не радовало его, а жажда золота жгла сердце. Наконец, не в силах больше

терпеть, он решил возвращаться в Эребор. Спутниками его стали Балин, Двалин и еще несколько гномов. Торину он ничего не сказал. Об их путешествии известно мало. Можно предположить, что едва путники вышли в дорогу, шпионы Саурона выследили их. Волки и орки подстерегали маленький отряд, зловещие птицы застили солнце, и чем дальше гномы продвигались на север, тем больше препятствий им приходилось преодолевать. Однажды, темной ночью гномы брели долиной Андуина, когда черный дождь заставил их искать укрытие под кронами Сумеречья. А наутро Трайн исчез. Спутники долго искали его, не нашли и вернулись обратно. Только много лет спустя выяснилось, что Трайна схватили по вражьему приказу и бросили в подземелья Дол Гулдура. Кольцо забрали, долго пытали, и там он, в конце концов, и умер.

Наследником Дарина стал Торин Дубощит, да только что теперь было наследовать? Когда Трайн пропал, Торину исполнилось 95 лет. Он пользовался немалым уважением среди гномов, носил гордый герб и был доволен жизнью в Эриадоре. Торин был состоятельный гном, богатство свое нажил честным трудом, а став правителем, правил рачительно и мудро. Прослышав о дворце Государя, скитальцы из Народа Дарина возвращались и оседали неподалеку. Так постепенно появились прекрасные подгорные залы, кладовые заполнились припасами, и жить стало легче, хоть в песнях часто с грустью поминали Одинокую Гору.

Шли годы. Торин размышлял над напастями, одолевавшими его род, раздумывал, как отомстить дракону, мечтал о новых союзах и войсках, но войска давно рассеялись, союзы были забыты, оружия не было, и большой молот Торина гневно бил и бил в кузнице по раскаленному железу.

Так продолжалось до тех пор, пока Торин не повстречался с Гэндальфом. Их встрече суждено было изменить судьбу Дома Дарина и повлечь за собой дела великие и славные.

Однажды 15 марта 2941 года Торин, возвращаясь из какого-то похода, решил заночевать в Бриле. В то же время в «Резвом Пони» отдыхал Гэндальф. Он направлялся в Шир, где не бывал лет двадцать. Мага тревожили дела на севере. Надвигалась война. Саурон копил силы, собираясь первый удар нанести по Дольну. Ясно было, что помешать его планам можно

лишь перекрыв горные перевалы на севере, а кроме гномов из Рудного Кряжа сделать это было некому. Но их останавливала Драконова Пустошь, а в недрах Одинокой Горы затаился Смог. Саурон мог попытаться использовать дракона, и тогда последствия были бы страшными. Вот Гэндальф и размышлял, как погубить Смога? От этих мыслей оторвал его голос Торина:

– Я много слыхал о тебе, мастер Гэндальф, и рад поговорить с тобой. В последнее время я часто о тебе думал, как будто кто велел мне искать тебя. Да я бы и искал, если б знал – где.

– Ну что ж, Торин Дубощит, – с легким удивлением ответил маг, – я тоже думал о тебе. Хоть сейчас я и направляюсь в Шир, но помню, что эта дорога ведет и к твоему Дворцу.

– Коли тебе хочется, можешь называть хижину изгнанника дворцом, – вздохнул Торин. – Но как бы там ни было, если приедешь, тебе будут рады. Всем ведома твоя мудрость, а при моих заботах твой совет просто необходим.

– Я приду, – кивнул Гэндальф. – По крайней мере, одна забота у нас с тобой общая. Надеюсь, внук Трора не забыл о Драконе Эребора, я ведь о нем говорю.

О последствиях этой встречи достаточно сказано в другом месте: и о необычном плане Гэндальфа, и о походе к Одинокой Горе, закончившемся столь неожиданно. Здесь говорится только о Народе Дарина.

Бард Лучник сразил Смога. Возле Эребора произошло великое сражение. Орки, прознавшие о возвращении гномов, пошли войной на Эребор. Вел их Болг, сын Азога. В этой битве Торин Дубощит был смертельно ранен и вскоре умер. Похоронили его в Гробнице-под-Горой с Аркенстоном на груди. Фили и Кили тоже пали в этом бою. Даин Железностоп, пришедший с Рудного Кряжа, по праву стал Царем Даином II, и Подгорное Царство возродилось, как и желал того Гэндальф. Даин стал великим и мудрым государем, и для гномов снова настали дни процветания.

В том же 2941 году в конце лета Гэндальф склонил Белый Совет осадить Дол Гулдур. Саурон бежал и укрылся в Мордоре. Замыслы его были расстроены, и когда война все-таки разразилась, главный удар был направлен на юг. Ведь на севере Врагу противостояли Даин II и Король Бранд.

Как-то раз, уже после завершения основных событий Войны Кольца, Гэндальф в Минас Тирите сказал Фродо и Гимли:

– Много скорби принесла гибель Торина, а вот теперь в сражении на севере пал Даин. Удивления и восхищения достойна его гибель. В таком преклонном возрасте он пал, как могучий воин, в схватке над телом короля Бранда у ворот Эребора. Это большая потеря для гномов, да и для всего Средиземья тоже. Но все могло быть куда хуже. Великие дела свершились на полях Пеленнора, но нельзя забыть и о битвах на севере. Если бы не доблесть Народа Дарина, в Гондоре сейчас могло бы не быть Королевы, а Дольн лежал бы в развалинах. И с победы нам пришлось бы возвращаться на пепелище. Но этого не случилось, и не случилось потому, что однажды весенним днем мы повстречались в Брыле с Торином Дубощитом. Это была встреча судьбы, как говорят в Средиземье.

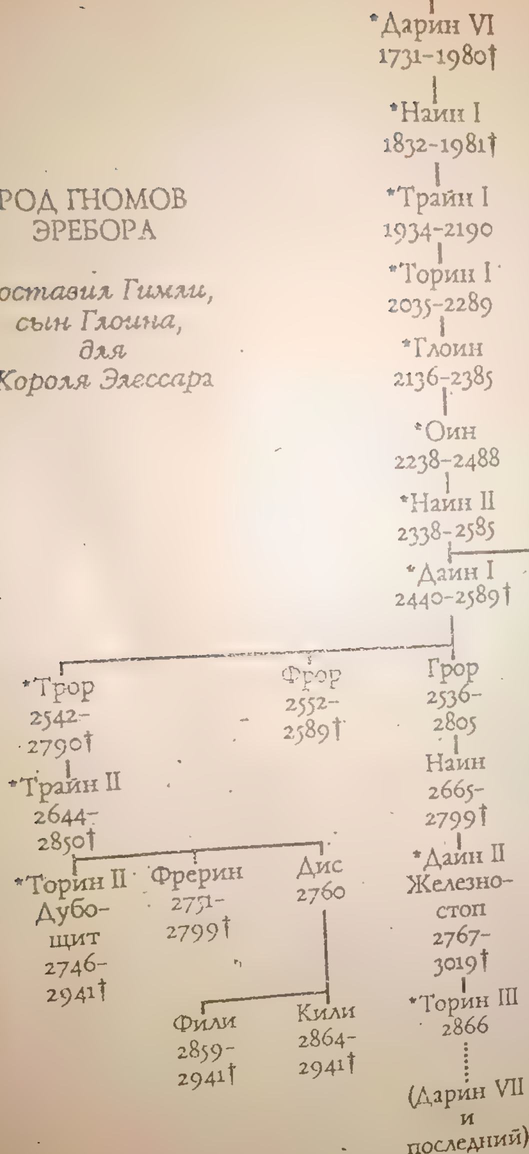
В этих хрониках упомянута единственная женщина из народа гномов. Это – Дис, дочь Трайна II. Со слов Гимли мы знаем, что женщин среди гномов вообще мало, не больше трети. Они редко покидают подземные обиталища, а по обличию и одежде так похожи на молодых гномов, что посторонний глаз не способен уловить разницу. От этого и пошли глупые толки, будто у гномов женщин нет совсем, и гномы, дескать, «выходят из камня».

Нет, женщин у гномов просто мало, поэтому их народ и растет столь медленно. Гномы женятся или выходят замуж только один раз и при этом очень ревнивы. К тому же не все женщины гномов выбирают себе мужей: некоторые не хотят никого, некоторые мечтают о тех, за кого не могут выйти, а если так, то ни на кого больше и смотреть не станут. Да и мужчины у гномов часто предпочитают работу семейным радостям.

Гимли, сын Глоина, стал одним из самых известных гномов. Он входил в Отряд Девяти, провел всю войну рядом с Королем Элессаром, удостоился звания Друга Эльфов за преклонение перед Владычицей Благословенного Края и дружбу с Леголасом, сыном Владыки Трандуила. После падения Саурона Гимли привел на юг многих гномов Эребора и стал

РОД ГНОМОВ ЭРЕБОРА

Составил Гимли, сын Глоина, для Короля Элессара



* Так отмечены цари Народа Дарина, в том числе и в изгнании.

Из других спутников Торина Дубощита к Народу Дарина относились Ори, Нори и Дори. Бифур, Бофур и Бомбур – потомки тех из морийских гномов, которые не принадлежали к Народу Дарина.

Основание Эребора 1999
Даин I убит драконом 2589
Возвращение в Эребор 2590
Разграбление Эребора 2770
Убийство Трора 2790
Сбор войск Гномов 2790–2793
Война Гномов с Орками 2793–2799

Битва при Нандухирионе 2799
Трайн уходит странствовать 2841
Гибель Трайна и потеря Кольца 2850
Битва Пяти Воинств и гибель Торина II 2941
Балин уходит в Морию 2989

Государем Мерцающих Пещер. Гномы трудились теперь и в Гондоре, и в Рохане. Для Минас Тирита они, взамен прежних, разбитых Королем-Призраком, выковали новые Ворота из *мифрила*. Леголас также привел на юг Сумеречных Эльфов, они обосновались в Итилиене, и вскоре этот край стал прекраснейшим из владений Запада.

Когда Король Элессар расстался с жизнью, Леголас ушел за Море. До нас дошел слух, что вместе с ним отправился и его вернейший друг и соратник Гимли. Может быть, это правда, хотя и странная: чтобы гном по своей воле покинул Средиземье, чтобы Эльдары приняли его, а Владыки Запада допустили это – такого еще не было. Правда, говорят, что Гимли ушел, будучи не в силах смириться с мыслью никогда больше не увидсть Владычицу Галадриэль, и в этом случае она, одна из самых могущественных Эльдаров, могла добиться для него особой милости. Более об этом деле сказать нам нечего.

Приложение II

ПОВЕСТЬ ЛЕТ
(Хронология Западных Земель)

Первая Эпоха окончилась Великой Войной, в которой рать Валинора разрушила Тангородрим и низвергла Моргота. Тогда же большая часть народа Нолдоров возвратилась на Заокраинный Запад и жила в Эрессэа, неподалеку от Валинора, и многие Синдары тоже ушли за Море.

Вторая Эпоха окончилась первым низвержением Саурона, прислужника Моргота, и утерей Кольца Всевластия.

Третья Эпоха окончилась в Войне Кольца, но Четвертая Эпоха не начиналась, покуда не ушел Владыка Элронд и не пришло время Людей и упадка других народов Средиземья, говорящих на древних языках.

В Четвертую Эпоху все предыдущие называли Начальными; на самом же деле Начальными (или Предначальными) временами зовется только время до изгнания Моргота. О тех временах здесь речи нет.

ВТОРАЯ ЭПОХА

Это были годы славы Нуменора и темное время для Людей Средиземья. О тех событиях известно немногое и даты могут быть неточны.

В начале Второй Эпохи Высоких Эльфов было еще много. Большинство их жило в Линдоне, западнее Эред Луина, но перед постройкой Барад Дура многие Синдары ушли на

восток и поселились в дальних лесах, позже их стали звать Лесными Эльфами. Одним из них был Трандуил, Владыка части Ясного Бора. В северном Линдоне жил Гил-Гэлад, последний потомок Владык Нолдоров. Он был известен еще под именем Высокого Владыки Эльфов Запада. В Линдоне некоторое время жил Келеберн, родич Тингола, его женой была величайшая из эльфийских женщин – Галадриэль. Она была сестрой Финрода Фелагунда, Друга Людей, Владыки Нарготронда, отдавшего жизнь ради спасения Берена, сына Барахира.

Позже часть народа Нолдоров переселилась в Эрегион, расположенный западнее Мглистых Гор, поблизости от Мории. Причиной переселения был найденный в Мории *мифрил*. Нолдоры слыли великими мастерами и к гномам относились куда терпимее, чем, например, Синдары; однако дружба, возникшая между Народом Дарина и эльфами-кузнецами Эрегиона, была теснейшей из всех. Владыкой Эрегиона был Келебримбер, искуснейший из его мастеров, ведущий свой род от Феанора.

ХРОНОЛОГИЯ ВТОРОЙ ЭПОХИ

Годы

1 Основаны Серебристая Гавань и Линдон.

32 Народ Аданов достигает Нуменора.

после 40-го Гномы оставляют старые поселения в Эред Луине и уходят в Морию.

442 Смерть Элроса Тар-Миниатара.

около 500 Вновь начинается деятельность Саурона.

548 В Нуменоре рождается Сильмариэнь.

600 Первые корабли нуменорцев уходят в Море.

750 Нолдоры заселяют Эрегион.

около 1000 Саурон, встревоженный растущей мощью нуменорцев, избирает своим оплотом Мордор. Начинается строительство Барад Дура.

1075 Тар-Анкалимэ становится первой правящей Королевой Нуменора.

1200 Саурон пытается совратить народ Эльдаров. Гил-Гэлад отказывается от его помощи, но кузнецы Эрегиона

соглашаются. Нуменорцы основывают гавани на побережье.

около 1500 Эльфы кузнецы под руководством Саурона достигают совершенства. Они начинают ковать Кольца Власти.

около 1590 В Эрегионе откованы Три Кольца.

около 1600 Саурон на Ородруине кует Кольцо Всевластья. Келебримбер проникает в его замыслы. Саурон заканчивает постройку Барад Дура.

1693 Начало войны между Сауроном и Эльфами. Три Кольца спрятаны.

1695 Полчища Саурона вторгаются в Эриадор. Гил-Гэлад посылает Элронда в Эрегион.

1697 Эрегион опустошен. Гибнет Келебримбер. Врата Мории закрываются. Элронд с отрядом Нолдоров вынужден отступить и укрепиться в Имладрисе.

1699 Саурон [illegible] Эриадор

1700 Тар-Минастир направляет из Нуменора в Линдон огромный флот. Саурон сдается.

1701 Саурон изгнан из Эриадора. В Западные Земли надолго приходит мир.

около 1800 Нуменорцы начинают овладевать побережьем. Саурон распространяет власть на восток. Нуменор затенен.

2251 Тар-Атанамир получает скипетр. Восстание в Нуменоре. Появляются назгулы – призрачные Кольценосцы, рабы Колец.

2280 Умбар становится твердыней Нуменора в Средиземье.

2350 Строится Пеларгир. Он становится главной гаванью Верных.

2899 Скипетр переходит к Ар-Адунакору.

3175 Тар-Палантир раскаивается. Междуусобная война в Нуменоре.

3255 Ар-Паразон Золотоликий захватывает трон.

3261 Ар-Паразон отправляется в плавание и высаживается в Умбаре.

3262 Саурона в качестве пленника увозят в Нуменор.

3262-3310 Саурон обольщает Короля и развращает нуменорцев.

3310 Ар-Паразон начинает Великое Вооружение.

3319 Ар-Паразон нападает на Валинор. Падение Нуменора. Элендилу с сыновьями удается спастись.

3320 Основание Арнора и Гондора. Палантиры поделены между княжествами. Саурон возвращается в Мордор.
3429 Саурон нападает на Гондор, захватывает Минас Итиль и сжигает Белое Дерево. Исилдур спасается по Андуину и отправляется на север к Элендилу. Анарион защищает Минас Анор и Осгилиат.
3430 Заключен Союз Людей и Эльфов.
3431 Гил-Гэлад и Элендил идут в Имладрис.
3434 Войска союзников переходят Мглистые Горы. Битва в Дагорладе заканчивается поражением Саурона. Начинается осада Барад Дура.
3440 Пал Анарион.
3441 Саурон повержен Элендилом и Гил-Гэладом. Они погибают. Исилдур присваивает Кольцо Всевластья. Саурон исчезает, Девять Призраков уходят в тень. Кончается Вторая Эпоха.

ТРЕТЬЯ ЭПОХА

Приходит время заката Эльдаров. Они долго жили в мире, владея Тремя Кольцами пока Саурон спал, а Кольцо Всевластья было потеряно, но они не стремились к новому, живя памятью о прошлом. Гномы затаились в подземных глубинах, храня свои клады. Но вот лихо вновь зашевелилось, появились драконы и древние сокровищницы гномов начали оскудевать, а сами гномы постепенно превратились в бродячий народ. Население Мории тает, и она погружается во мрак. Жизнь нуменорцев становится короче, мудрость убывает, они смешиваются с младшими народами.

Так проходит больше тысячи лет. Великий Ясный Бор погружается в тень. В Средиземье появляются *Истари* или маги. Говорили, что они пришли с Заокраинного Запада, чтобы свергнуть власть Саурона и объединить силы Света, но им было запрещено бороться с Врагом силой или насильно подчинять себе Людей и Эльфов. Поэтому они приходят в облике Людей. Молодыми они не были никогда. Сила их духа и рук была огромна. Их истинные имена знали немногие. Говорят, в Ордене их было пятеро. Двоих эльфы прозвали Каранир и Митрандир – Человек Чар и Серый Странник, а люди Севера – Саруманом и Гэндальфом. Каранир часто ходил

на восток, но в конце концов поселился в Изенгарде. Митрандир дружил с Эльфами и много бродил по западным землям, нигде не задерживаясь подолгу.

На протяжении всей Третьей Эпохи местонахождение Трех Колец было известно лишь тем, кто владел ими. Потом выяснилось, что поначалу они хранились у величайших Владык народа Эльдаров: Гил-Гэлада, Галадриэль и Кирдэна. Кольцо Гил-Гэлада было отдано им Элронду, а Кирдэн передал свое Митрандиру, ибо только Кирдэн ведал, кем был Серый Странник, откуда он пришел и куда должен вернуться, ведь он встречал его в Серебристой Гавани...

«Прими это Кольцо, Странник, – сказал он тогда, – ибо труды твои будут тяжкими, но оно поможет в твоих заботах. Это – Кольцо Огня, с ним ты сможешь зажигать сердца в этом стынущем мире. Что до меня, – моя душа с Морем, и я буду жить на сумеречных берегах до тех пор, пока не отплывет последний корабль. Я дождусь тебя».

ХРОНОЛОГИЯ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ

Годы

2 Исилдур сажает в Минас Аноре семя Белого Древа. Он поручает правление Южным Княжеством Менельдилу. Исилдур и трое его старших сыновей погибают в Оболони.
3 Охтар приносит обломки Нарсила в Имладрис.
10 Валандил становится Королем Арнора.
109 Элронд берет в жены Келебриэнь, дочь Келеберна.
130 Рождение сыновей Элронда – Элладана и Элрохира.
241 Рождение Арвен.
420 Король Остогер отстраивает Минас Анор.
490 Первое вторжение вастаков.
500 Ромендакил I наносит поражение вастакам.
541 Ромендакил сражен в битве.
830 Фаластур начинает род «Морских Королей» Гондора.
861 Смерть Эарендура и раздел Арнора.
933 Эарнил I берет Умбар и превращает его в крепость Гондора.
936 Эарнил пропадает в Море.
1015 Кириандил сражен при осаде Умбара.

1050 Хиармендакил покоряет Харад. Гондор достигает вершины могущества. Тень покрывает Ясный Бор, и он получает название Сумеречья. В летописных сводах впервые упоминаются Перианы, в Эриадор приходят Мохноноги.

1100 Мудрые узнают, что злая сила укрепляет Дол Гулдур. Думают, что это один из назгулов.

1149 Начало правления Атанатара Алькарина.

около 1150 В Эриадоре появляются Лесовики. Хваты проходят Перевал Красного Рога и расселяются у Седонны и в Дунгарских землях.

около 1300 Вновь появляются лиходейские твари. В Мглистых Горах множатся орки и нападают на гномов. Снова появляются назгулы, их предводитель приходит в Ангмар. Перианы идут дальше на Запад, многие оседают в Брыле.

1356 Аргелеб I гибнет в битве с Рудауром. Примерно в это же время Хваты покидают Седонну, и некоторые возвращаются в Ровенион.

1409 Король-Чародей вторгается в Арнор. Гибель Арвелега I. Форност и Тирн Гортад защищаются. Крепость на Амон Сул разрушена.

1432 В Гондоре умирает Король Валакар, и начинается междуусобица.

1437 Сожжен Осгилиат, Палантир утрачен. Эльдакар бежит в Ровенион, его сын, Орнендил, убит.

1447 Эльдакар возвращается и изгоняет узурпатора Кастамира. Битва у Бродов Эруи. Осада Пеларгира.

1448 Мятежники бегут и захватывают Умбар.

1540 Король Альдамир гибнет в войне с Харадом и умбарскими пиратами.

1551 Хиармендакил II побеждает харадримов.

1601 Многие перианы уходят из Брыля, и Князь Аргелеб II дарует им земли за Берендуином.

около 1630 Из Дунгара к ним переселяются Хваты.

1634 Пираты разоряют Пеларгир и убивают Короля Минардила.

1636 Великий Недуг опустошает Гондор. Смерть Короля Телемнара и его детей. В Минас Аноре умирает Белое Древо. Недуг захватывает северные и западные области.

население их вымирает. Перианы за Берендуином выживают, но терпят большие потери.

1640 Король Тарондор переносит королевский дворец в Минас Анор и сажает семя Белого Древа. Осгилиат превращается в руины. Мордор не охраняется.

1810 Король Телумехтар Умбардакил отвоевывает Умбар и изгоняет пиратов.

1851 Первые нападения кочевников на Гондор.

1856 Восточные владения Гондора захвачены врагами. В сражении погибает Король Нармакил II.

1899 Король Калимехтар наносит кочевникам поражение в битве при Дагорладе.

1900 Калимехтар возводит в Минас Аноре Белую Башню.

1940 Заключен союз Арнора и Гондора. Арведуи женится на Фириэль, дочери Ондогера Гондорского.

1944 Ондогер погибает в битве. Эарнил выбивает врагов из Южного Итилиэна, потом выигрывает Битву в Лагере и сбрасывает кочевников в Гиблые Болота. Арведуи притязает на корону Гондора.

1945 На престол вступает Эарнил II.

1974 Конец Северного Княжества. Король-Чародей опустошает Архедан и захватывает Форност.

1975 Арведуи тонет в Форохельском Заливе. Палантиры Аннуминаса и Амон Сула утрачены. Эарнур приводит флот в Линдон. Король-Чародей разбит в битве при Форносте. На севере его больше нет.

1976 Аранарх становится вождем дунаданов. Знаки власти князей передаются на хранение Элронду.

1977 Фрумгар уводит Йотеод на север.

1979 Скокка из Марей становится первым Таном Шира.

1980 Король-Чародей приходит в Мордор и собирает там назгулов. В Мории появляется Барлог и убивает Дарина VI.

1981 Барлог убивает Наина I. Гномы покидают Морию. Лесные эльфы Лориена уходят на юг. Амрот и Нимродель теряются.

1999 Трайн I приходит в Эребор и основывает Царство-под-Горой.

2000 Назгулы выходят из Мордора и осаждают Минас Итиль.

2002 Захват Минас Итиля и превращение его в Минас Моргул. Палантир захвачен.

2043 Королем Гондора становится Эарнур. Король-Чародей вызывает его на поединок.

2050 Повторный вызов. Эарнур скачет к Минас Моргулу и исчезает. Мардил становится первым Наместником-Правителем.

2060 Мощь Дол Гулдура растет. Мудрые начинают подозревать в хозяине Дол Гулдура возродившегося Саурона.

2063 В Дол Гулдур приходит Гэндальф. Саурон отступает и скрывается на востоке. Начинается Бдительный Мир. Назгулы остаются в Минас Моргуле, но ведут себя тихо.

2210 Торин I уходит из Эребора в Серые Горы. Там собирается большая часть Народа Дарина.

2340 Изумбрас I становится Тринадцатым Таном и первым Таном из рода Туков. Староскоки занимают Заскочье.

2460 Бдительный Мир кончается. Саурон возвращается в Дол Гулдур.

2463 Собирается первый Белый Совет. Примерно в это же время Деагорл из рода Хватов находит Кольцо Всевластья, Смеагорл убивает его.

2470 Смеагорл-Горлум укрывается в Мглистых Горах.

2475 Нападения на Гондор возобновляются. Осгилиат окончательно разрушен, его каменный мост сломан.

около
2480 Орки строят тайные укрепления в Мглистых Горах и укрепляют перевалы, ведущие в Эриадор. Саурон населяет Морию своими созданиями.

2509 Келебриэнь на пути в Лориен попадает в засаду у Перевала Красного Рога на Карадрасе. Она ранена отравленной стрелой.

2510 Келебриэнь уходит за Море. Орки и вастаки разоряют Каленардон. Йорл Юный одерживает победу на полях Келебранта. Рохирримы заселяют Каленардон.

2545 Гибель Йорла.

2569 Брего, сын Йорла, достраивает Золотой Дворец.

2570 Балдор, сын Брего, входит в Запретную Дверь и исчезает. Примерно в это же время на дальнем севере вновь появляются драконы и начинают беспокоить гномов.

2589 Даин I сражен драконом.

2590 Трор возвращается в Эребор. [illegible]т, Грор, уходит в Рудный Кряж.

около 2670 Тобольд сажает в Южной Чети «трубочное зелье».

2683 Изенгрим II становится Таном и начинает рыть Смеалища.

2698 Эктелион I восстанавливает в Минас Тирите Белую Башню.

2740 Орки снова вторгаются в Эриадор.

2747 Бандобрас Тук разбивает в Северной Чети орду орков.

2758 Рохан подвергается нападению и разорению. Флот пиратов атакует Гондор. Хельм Роханский укрывается в Хельмовой Пади. Вулф захватывает Эдорас. Следует Долгая Зима. В Эриадоре и Рохане много жертв. Гэндальф приходит на помощь хоббитам.

2759 Смерть Хельма. Фреалаф изгоняет Вулфа, с него начинается вторая ветвь королей Рохана. Саруман поселяется в Изенгарде.

2770 Смог нападает на Эребор. Эсгарот разрушен. Трор с Трайном II и Торином II спасаются.

2790 Трор гибнет в Мории. Гномы собирают войска для мести. В Шире родился Геронтиус, позже прозванный Старым Туком.

2793 Война орков и гномов.

2799 Битва в Нандухирионе перед Воротами Мории. Даин Железностоп возвращается в Рудный Кряж. Трайн II с Торином уходят на запад и поселяются на юге Эред Луина, за Широм (2802).

2800-2864 Бесконечные нападения орков на Рохан. Гибель короля Валды.

2841 Трайн II уходит в Эребор. Его выслеживают шпионы Саурона.

2845 Трайн заточен в Дол Гулдуре; у него отбирают последнее из Семи Колец.

2850 Гэндальф второй раз приходит в Дол Гулдур и узнает в его хозяине Саурона. Гэндальф понимает, что Саурон собирает Кольца и ищет Кольцо Всевластья, в связи с чем разыскивает наследников Исилдура. Маг находит Трайна и получает Ключ Эребора. Трайн умирает в Дол Гулдуре.

2851 Собирается Белый Совет. Гэндальф настаивает на немедленной войне, но Саруман уговаривает Совет по-

временить, а тем временем сам начинает поиски в Оболони.

2852 Белектор II Гондорский умирает. Засыхает Белое Древо. Нового семени нет. Мертвое дерево оставляют стоять.

2885 По наущению Саурона харадримы переходят Порос и вторгаются в Гондор. Сыновья Фолквайна Роханского погибают в боях за Гондор.

2890 В Шире рождается Бильбо.

2901 Жители покидают Итилиен, спасаясь от набегов мордорских уруков. Строится убежище возле Хеннет Аннуна.

2907 Родилась Гилраэнь, мать Арагорна II.

2911 Лютая Зима. С севера в Эриадор приходят Белые Волки. Берендуин и прочие реки замерзли.

2912 Великий Разлив опустошает низовья Седонны и Берендуина. Опустошен Тарбад.

2920 Смерть Старого Тука.

2929 Арахорн, сын Арадора, берет в жены Гилраэнь.

2930 Арадор убит троллями. В Минас Тирите рождается Денетор II, сын Эктелиона II.

2931 1 марта рождается Арагорн, сын Арахорна II.

2933 Арахорн II гибнет. Гилраэнь приносит Арагорна в Имладрис. Элронд принимает его как сына и дает имя Эстель (Надежда), он же советует не раскрывать происхождение Арагорна.

2939 Саруману становится известно, что слуги Врага рыщут возле Оболони. Он понимает, что Саурону известно о гибели Исилдура, но скрывает свои мысли от Совета.

2941 Торин Дубощит встречается с Гэндальфом. Они при-
ходят к Бильбо. Поход. Бильбо встречается с Горлумом
и становится владельцем Кольца. Собирается Белый
Совет. Саруман соглашается с планом нападения на
Дол Гулдур, стремясь помешать Саурону в поисках.
Саурон отступает. В Битве Пяти Воинств гибнет То-
рин II. Бард из Эсгарота убивает Смога. Даин с Рудного
Кряжа становится Царем-под-Горой.

2942 Бильбо возвращается из похода с Кольцом. Саурон
тайно возвращается в Мордор.

2944 Бард отстраивает Эсгарот и становится королем. Гор-
лум вылезает на поверхность и начинает поиски «вора».

2948 У Тенгеля рождается сын, Теоден.

2949 Гэндальф и Балин навещают Бильбо в Шире.

2950 Родилась Финдуилас, дочь Адрахила из Дол Амрота.

2951 Саурон открыто заявляет о себе и начинает собирать силы в Мордоре. Он восстанавливает Барад Дур. Трое назгулов занимают Дол Гулдур. Горлум поворачивает к Мордору. Элронд открывает Арагорну его настоящее имя и происхождение и вручает обломки Нарсила. Арвен возвращается из Лориена и встречается с Арагорном. Арагорн уходит в Пустоземье.

2953 В последний раз собирается Белый Совет. На нем спорят о Кольце. Саруман лжет, уверяя, что Кольцо сгинуло в Море. Саруман укрепляет Изенгард, устанавливает слежку за Гэндальфом и отмечает его интерес к Ширу. Вскоре в Брыле и в Южной Чети появляются шпионы Сарумана.

2954 Ородруин снова извергается. Последние жители Итилиена бегут за Андуин.

2956 Арагорн встречается с Гэндальфом, и они становятся друзьями.

2957 Продолжительные походы Арагорна. Он инкогнито
2980 служит правителям Рохана и Гондора.

2968 Родился Фродо.

2976 Денетор берет в жены Финдуилас из Дол Амрота.

2977 Байн, сын Барда, становится королем.

2978 Родился Боромир.

2980 Арагорн приходит в Лориен и снова встречается с Арвен. Он отдает ей Кольцо Барахира, и они обмениваются клятвами верности. Горлум достигает рубежей Мордора и знакомится с Шелоб. Теоден становится королем Рохана.

2983 Родился Фарамир. Родился Сэмиус.

2984 Смерть Эктелиона II. Денетор II становится Наместником Гондора.

2988 Смерть Финдуилас.

2989 Балин уходит в Морию.

2991 Родился Йомер, сын Йомунда.

2994 Балин погибает. Попытка вернуть Морию провалилась.

2995 Родилась Йовин, сестра Йомера.

около 3000 Мощь Мордора растет. Саруман решает воспользоваться Палантиром Ортханка и выведать планы Врага, но попадает в ловушку Саурона, владеющего Камнем Ити-

ля. Саруман становится предателем. Ему доносят, что рубежи Шира охраняются Следопытами.

3001 Прощальный Праздник Бильбо. Гэндальф догадывается, каким Кольцом владеет Бильбо. Охрана Шира усиливается. Гэндальф пытается найти Горлума и просит Арагорна помочь ему.

3002 Бильбо приходит в Дольн.

3004 Гэндальф навещает Фродо в Шире.

3007 Бранд, сын Байна, становится королем. Умирает Гилраэнь.

3008 Осенью Гэндальф в последний раз навещает Фродо.

3009 Горлум попадает в руки Саурона. Арвен возвращается в Имладрис.

3017 Горлум уходит из Мордора и попадает в руки Арагорна. Он отправляет его к Трандуилу в Сумеречье. Гэндальф приходит в Минас Тирит и читает свиток Исилдура.

С этого времени события становятся очень важными и далее приводится более подробная хронология великих лет.

Год 3018

Апрель

12 Гэндальф приходит в Хоббитон.

Июнь

20 Саурон нападает на Осгилиат. Побег Горлума.

29 Встреча Гэндальфа с Радагастом Бурым.

Июль

4 Боромир выходит из Минас Тирита.

10 Гэндальф пленен Саруманом в Изенгарде.

Август

Все следы Горлума потеряны. Видимо, он скрывается в Мории, находит дорогу к Западным Воротам, но не может их открыть.

Сентябрь

18 Гэндальф покидает Изенгард. Черные Всадники пересекают Броды Изена.

19 Гэндальф приходит в Эдорас. Теоден велит ему уйти, позволив выбрать любого коня.

21 Маг выбирает Сполоха.

22 К вечеру Черные Всадники достигают Сарнского Брода и прорываются через заставу Следопытов. Гэндальф приручает Сполоха.

23 Перед рассветом четверо Всадников проникают в Шир. Остальные оттесняют Следопытов и возвращаются следить за Зеленопутьем. В сумерках Черный Всадник появляется в Хоббитоне. Фродо уходит из Засумок.

24 Гэндальф пересекает Изен.

26 Фродо попадает к Тому Бомбадилу.

27 Гэндальф пересекает Седонну. Фродо проводит у Бомбадила вторую ночь.

28 Хоббиты в Упокоище. Гэндальф у Сарнского Брода.

29 Фродо приезжает в Брыль. Гэндальф навещает Хэма Гэмджи.

30 Рано утром совершаются нападения на Кривражки и на трактир в Брыле. Фродо покидает Брыль. К вечеру в Брыль приезжает Гэндальф.

Октябрь

1 Гэндальф покидает Брыль.

3 Ночью на Завстери он отбивает нападение Черных Всадников.

6 Ночной налет на лагерь у Заветери. Фродо ранен.

9 Глорфиндейл выезжает из Дольна.

11 Глорфиндейл встречается с Всадниками у моста через Седонну. Всадники отступают.

13 Фродо переходит мост.

18 Глорфиндейл встречает Фродо. Гэндальф приезжает в Дольн.

20 Встреча с Черными Всадниками у Брода через Бруинен.

24 Фродо просыпается в Дольне. Ночью приезжает Боромир.

25 Совет у Элронда.

Декабрь

25 Отряд Хранителей покидает Дольн.

Год 3019

Январь

8 Отряд достигает Благодатных Кущ.

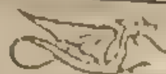
11 Снежная буря
12 на Карадрасе.
13 Перед рассветом нападение волколаков. Вечером отряд подходит к Западным Воротам Мории. Горлум начинает следить за Хранителем.
14 Ночевка в Двадцать Первом Чертоге.
15 Гэндальф падает в Морийский Ров. Отряд прорывается и выходит к Нимродели.
17 Отряд входит в Лориен.
23 Гэндальф преследует Барлога до вершины Зирак Зигиль.
25 Гэндальф побеждает Барлога и уходит. Его тело лежит на вершине.

Февраль

14 Зеркало Галадриэль. Гэндальф возвращается к жизни.
16 Хранители покидают Лориен. Горлум с западного берега видит отплытие.
17 Гваихир приносит Гэндальфа в Лориен.
23 Ночное нападение на лодки возле Сарн Гебира.
25 Отряд останавливается в Порт Галене. Сражение у Изенских Бродов, в котором погибает Теодред, сын Теодена.
26 Отряд распадается. Смерть Боромира. Мериадок и Перегрин попадают в плен. Арагорн начинает погоню. Йомеру докладывают об орде орков, спустившейся с Эмин Майл. Фродо и Сэм на восточных отрогах Эмин Майл.
27 Йомер, вопреки приказу Теодена, пускается в погоню за орками.
28 Йомер настигает орков возле Леса Фангорна.
29 Мерри и Пиппин спасаются и встречают Фангорна. Рохирримы уничтожают орков. Фродо встречается с Горлумом. Фарамиру видится погребальный челн Боромира.
30 Начинается совет энтов. Йомер встречается с Арагорном.

Март

1 Фродо идет через Гиблые Болота. Арагорн встречается с Гэндальфом Белым. Они отправляются в Эдорас. Фарамир выходит из Минас Тирита на разведку в Итилиен.
2 Фродо пересекает Болота. Гэндальф приходит в Эдорас и исцеляет Теодена. Рохирримы выступают против Сарумана. Вторая битва у Изенских Бродов. Поражение Эркенбранда. Оканчивается совет энтов. Энты выступают на Изенгард.



3 Теоден приходит в Хельмову Падь. Начинается сражение при Хорне. Энты разрушают Изенгард.

4 Гэндальф и Теоден отправляются в Изенгард. Фродо достигает пустошей Мораннона.

5 Разговор с Саруманом в Ортханке. Над лагерем появляется крылатый назгул. Гэндальф с Перегрином уезжают в Минас Тирит. Фродо возле Мораннона.

6 Арагорн встречает отряд дунаданов. Теоден выходит в Харрог.

7 Фарамир встречается с Фродо. Арагорн приезжает в Харрог.

8 Арагорн вступает на Путь Мертвых и в полночь достигает Камня Эреха. Фродо покидает Хеннет Аннун.

9 Гэндальф приезжает в Минас Тирит. В сумерки Фродо подходит к Моргульской Дороге. Теоден в Дунхарге. Из Мордора поднимается тьма.

10 Нет рассвета. Рохирримы выступают в поход. Гэндальф спасает Фарамира у ворот Минас Тирита. Арагорн пересекает Рингло. Войско из Мораннона входит в Анориен. Фродо минует Перекресток и наблюдает выход войск Моргула.

11 Горлум встречается с Шелоб, потом видит Фродо спящим и едва не раскаивается. Денетор посылает Фарамира в Осгилиат. Арагорн вступает в Лебеннин. Орки атакуют Лориен и восточный Рохан.

12 Горлум приводит Фродо в логово Шелоб. Арагорн идет к Пеларгиру. Энты уничтожают орков, вторгшихся в Рохан.

13 Фродо схвачен орками на Кирит Унгол. Пеленнор разрушен. Фарамир ранен. Арагорн врывается в Пеларгир и захватывает флот. Теоден в лесу Друадан.

14 Сэм находит Фродо. Минас Тирит в осаде. Лесной Народ показывает рохирримам дорогу к Минас Тириту.

15 На рассвете Король-Чародей разбивает Ворота Минас Тирита. Денетор сжигает себя на костре. Звучат рога рохирримов. Битва в Пеленноре. Пал Теоден. Развоплощен Король-Призрак. Арагорн поднимает стяг Арвен. Фродо и Сэм уходят из крепости. Сражение в Сумеречье. Трандуил отбрасывает силы Дол Гулдура. Вторая атака на Лориен.

16 Совет военачальников. Фродо смотрит на Роковую Гору

17 Сражение на севере. Король Бранд и Царь Даин Железностоп погибают. Гномы и люди укрываются в Эреборе. Гора осаждена. Шаграт приносит плащ, кольчугу и меч Фродо в Барад Дур.

18 Войска Запада выходят из Минас Тирита. Фродо и Сэм идут в колонне орков к Удуну.

19 Войска Запада подходят к Моргульской Долине. Фродо и Сэм идут по дороге к Барад Дуру.

22 Фродо и Сэм поворачивают к Роковой Горе. Третья атака на Лориен.

23 Войска минуют Итилиен. Арагорн разрешает слабодушным вернуться. Фродо и Сэм оставляют лишние вещи, доспехи и оружие.

24 Фродо и Сэм у подножия Ородруина. Войска Запада подходят к Мораннону.

25 Фродо и Сэм в Огненной Пещере. Горлум с Кольцом падает в недра вулкана. Конец Барад Дура. Конец Саурона.

После падения Саурона Тьма рассеялась, и войска Врага обуяли страх и отчаяние. Орки Дол Гулдура трижды штурмовали Лориен, но сила Благословенных Земель была столь велика, что без Саурона взять Лориен не удалось. Леса на границах сильно пострадали, но атаки были отбиты, а когда развеялась Завеса Тьмы, Келеберн во главе большого отряда переправился через Андуин и взял Дол Гулдур. Галадриэль обрушила стены крепости.

На севере также шла война. Враги вторглись во владения Трандуила, были большие пожары и разрушения, но в конце концов, Трандуил одержал победу. В день эльфийского Нового Года Келеберн и Трандуил встретились в сердце леса и переименовали Сумеречье в Эрин Ласгален, Ясный Лес. Северная его часть вплоть до лесного нагорья отошла к владениям Трандуила, а южная стала зваться Восточным Лориеном. Срединные леса отошли к Бьорнингам и лесовикам. Однако, когда Галадриэль ушла за Море, Келеберну наскучили его владения, и он удалился в Дольн, где еще жили сыновья Элронда. Лесные эльфы долго жили в Ясном Лесу, а вот Лориен скоро опустел.

Примерно в то время, когда был осажден Минас Тирит, враги вторглись во владения Бранда. К нему на помощь

14 Заказ 2512

пришли гномы из Эребора, и у подножия Горы была [illegible] битва. Она продолжалась три дня, и в ней пали Король [illegible] и Царь Даин Железностоп. Вастаки победили, [illegible] люди и гномы укрылись в Эреборе. Вести о [illegible] на юге придали осажденным [illegible] и [illegible] врагов. Из [illegible] Они [illegible] и больше не [illegible] Королем [illegible] Царем под Горой [illegible] III [illegible] [illegible] Короля [illegible]

Даты [illegible] Бара[illegible] [illegible] чания Третьей Эпохи:

Год 3019
(1419 по летоисчислению Шира)

Март

[illegible] III Твердовилом оттеснют [illegible] Эсгарота.

[illegible] Андуин. Штурм Дол Гулдура

Апрель

6 Встреча Келеборна и Трандуила.

8 Хранителей славят на лугах Кормаллена

Май

1 Коронация Арагорна. Элронд и Арвен выезжают [illegible] на.

8 Йомер и Йогин отъезжают в Рохан с сыно[illegible]

20 Элронд и Арвен при[illegible] в Лориэн

27 Свита Арвен покидает Лориэн

Июнь

14 Сыновья Элронда [illegible] и [illegible] Эдорас.

16 Элронд с сыновьями и Арвен [illegible]

25 Король Элессар находит [illegible]

30 Арвен приезжает в Минас Тирит

[illegible]

Свадьба Арагорна и Арвен

Июль

18 Йомер возвращается в Минас Тирит.
19 Погребальный поезд Теодена отправляется в Эдорас.

Август

7 Погребальный поезд прибывает в Эдорас.
10 Погребение короля Теодена.
14 Гости прощаются с королем Йомером.
22 Они прибывают в Изенгард и здесь расстаются с Королем Запада.
28 Они едут дальше и встречают Сарумана. Саруман поворачивает в Шир.

Сентябрь

6 Мудрые и хоббиты возле Гор Мории.
13 Келеберн и Галадриэль расстаются с ними и направляются в Лориен, остальные держат путь в Дольн.
21 Возвращение в Дольн.
22 Сто двадцать девятый день рождения Бильбо. Саруман приходит в Шир.

Октябрь

5 Гэндальф и хоббиты покидают Дольн.
6 Они переправляются через Бруинен. Фродо нездоровится.
28 Вечером они прибывают в Брыль.
30 Отъезд из Брыля. К ночи путешественники достигают Брендидуинского моста.

Ноябрь

1 Хоббитов арестовывают в Дрягве.
2 Хоббиты приходят в Уводье и поднимают Шир.
3 Сражение в Уводье и уход Сарумана.
КОНЕЦ ВОЙНЫ КОЛЬЦА

Год 3020
(1420 по л. Ш.)
Год Великого Благоденствия

Март

13 Фродо заболевает (годовщина ранения в логове Шелоб)

Апрель

6 На Праздничной Поляне расцветает меллорн.

Май

1 Свадьба Сэма и Рози.

Венец Лета

Фродо отказывается от должности мэра.

Сентябрь

22 Сто тридцатый день рождения Бильбо.

Октябрь

6 Фродо снова болен.

Год 3021
(1421 год по л. Ш.)
Последний год Третьей Эпохи

Март

13 Фродо снова болен.
25 У Сэма родилась дочь, Эланор Прекрасная. В этот день по гондорскому летоисчислению начинается Четвертая Эпоха.

Сентябрь

21 Фродо и Сэм выезжают из Хоббитона.
22 В Залесье они встречаются с Хранителями Колец.
29 Они прибывают в Серебристую Гавань. Фродо и Бильбо уходят за Море вместе с Тремя Хранителями. Конец Третьей Эпохи.

Октябрь

6 Сэм возвращается в Засумки.

Последующие события из жизни членов Братства Кольца (даты даны по летоисчислению Шира).

Годы
1422 С началом этого года начинается Четвертая Эпоха, однако, летоисчисление в Летописном Своде Шира остается прежним.
1427 Сэм избран Мэром. Перегрин женится на Бриллиане из Глубокого Распадка. Король Элессар издает эдикт, воспрещающий Людям появляться в Шире, и объявляет его Свободной Землей под покровительством Скипетра Севера.

у Перегрина рождается сын, Фарамир.

1430 У Сэма рождается дочь, Златка.

1431 Мериадок Великолепный становится Хозяином Заскочья.

1432 Король Йомер и Йовин Итилиенская присылают ему богатые дары.

1434 Перегрин становится Таном. Король Элессар назначает Тана, Хозяина Засумок и Мэра Советниками Северного Княжества. Сэм во второй раз избирается Мэром.

1436 Король Элессар едет на север и некоторое время живет у озера Дрема. Возле Брендидуинского моста он встречается с друзьями, дарит Сэму Звезду Дунаданов, а Эланор становится фрейлиной Королевы Арвен.

1441 Сэм становится Мэром в третий раз.

1442 Сэм, Рози и Эланор приезжают в Гондор и некоторое время живут там.

1448 Сэм становится Мэром в четвертый раз.

1451 Эланор Прекрасная выходит замуж за Фастреда из Травхольма в Западном Кроме.

1452 Повелением Короля Западный Кром отходит к Ширу. Многие хоббиты переселяются туда.

1454 У Фастреда и Эланор рождается сын, Эльфстан Дивный.

1455 Сэм становится Мэром в пятый раз. По его просьбе Тан делает Фастреда Стражем Западного Крома. Фастред и Эланор поселяются в Недовышках на Башенных Холмах, где их наследники живут много поколений.

1462 Сэм становится Мэром в шестой раз.

1463 Фарамир Тук женится на Златке, дочери Сэма.

1469 Сэм становится Мэром в седьмой и последний раз. В 1476 году, к моменту окончания службы, ему 96 лет.

1482 Умирает Рози. 22 сентября Сэм выезжает из Засумок. Он навещает Эланор и передает ей Алую Книгу. Видимо, от Эланор пошла легенда о том, что после их последней встречи Сэм ушел в Серебристую Гавань, откуда, последним из Хранителей, отправился за Море.

1484 Король Йомер приглашает Мериадока к себе. Мерри исполнилось 102 года, но он по-прежнему крепок. Они с Таном Перегрином передают дела сыновьям и покидают Шир, чтобы больше не возвращаться. Той же осенью Король Йомер умирает. Перегрин и Мериадок уезжают в Гондор, где мирно оканчивают свои дни. Похоронены они среди Властителей Гондора.

1541 Первого марта ушел Король Элессар.
После его смерти Леголас в Итилиене строит корабль и уходит вниз по Андуину и дальше – за Море.
Говорят, вместе с ним ушел гном Гимли.
С их уходом в Средиземье кончается история Братства Кольца.

Приложение III

ГЕНЕАЛОГИИ

В Генеалогии Сумниксов упомянуты, в основном, гости Бильбо, присутствовавшие на Празднике, и их прямые предки, а также несколько других участников описываемых событий.

Приводятся сведения о родословной Сэмиуса. Впоследствии его род стал весьма уважаемым в Шире.

Цифры после имени означают годы рождения (и смерти, если о таковой сохранилась запись).

Все даты даны по летоисчислению Шира, берущему начало от переправы братьев Марчо и Бланко через Брендидуин в Первом Году (1601 год Третьей Эпохи).

СУМНИКСЫ ИЗ ХОББИТОНА

- Бальбо Сумникс 1167 =Берилла Умникс
  - Мунго 1207—1300 =Лаура Рытл
    - Бунго 1246—1326 =Беладонна Тук
      - БИЛЬБО Из Засумок 1290
    - Белба 1256–1356 =Рудигар Пузикс
    - Лонго 1260—1350 =Камелия Дерикуль
      - Отто Дерикуль-Сумникс 1310—1412 =Лобелия Помочь-Лямкинс
        - Лотто 1364—1419
    - Линда 1262—1363 =Бодо Большеног
      - Одо Большеног 1304—1405
        - Оло 1346—1435
          - Санчо 1390
    - Бинго 1264–1360 =Чина Хрюкл
      - Фалко Хрюкл-Сумникс 1303—1399
        - Макки 1344 =Филиберт Пузикс
  - Пэнси 1212 =Фастольф Пузикс
  - Понто 1216—1311 =Мимоза Бунс
    - Роза 1256 =Хилдигрим Тук
      - ПЕРЕГРИН
      - МЕРИАДОК
    - Поло
      - Поско 1302 =Резеда Каштан
        - Понто 1346
          - Ангелика 1381
        - Порто 1348
        - Пеона 1350 =Мил Кротт
          - Моско 1387
          - Мотто 1391
          - Мирта 1393
          - Минто 1396
      - Приска 1306 =Вилибалд Пузикс
  - Ларго 1220—1312 =Танта Дудкинс
    - Фоско 1264—1360 =Рубиния Пузикс
      - Дора 1302–1406
      - Дрого 1308—1380 =Примула Брендискок
        - ФРОДО 1368
      - Дудо 1311—1409
        - Астра 1350 =Гриффо Умникс
  - Лилия 1222—1312 =Того Сдобс
    - Многочисленные Сдобсы

(Десятый Тан из рода Туков)
*Изумбрас III 1066-1159
*Ферумбрас II 1101-1201
*Фортинбрас I 1145-1248
Адаманта
Бандобрас 1104-1206
многочисленные потомки, Северная ветвь Туков
Беладонна
Донна-
Мирабель

1390

Ангелика 1381

Моско 1387 · Мотто 1391 · Мирта 1393 · Минто 1396

ПЕРЕГРИН · МЕРИАДОК

Изенгрим II 1020–1122
(Десятый Тан из рода Туков)

•Изумбрас III 1066–1159

ТУКИ ИЗ СМЕАЛИЩ

• *Таны*

•Ферумбрас II 1101–1201

•Фортинбрас I 1145–1248

•Геронтиус, Старый Тук 1190–1320 = Адаманта Хрюкл

Бандобрас 1104–1206
многочисленные потомки,
Северная ветвь Туков

•Изенгрим III 1232–1330 (бездетный)

Хилдигара (умер молодым)

•Изумбрас IV 1238–1339
•Фортинбрас II 1278–1380
•Ферумбрас III 1316–1415 (холостяк)

Хилдигрим 1240–1341 =Роза Сумникс
Адалгрим 1280–1382
3 дочери
•Паладин II 1333–1434 =Эглантина Скруч
Пери 1375
Повилика 1379
Первинка 1385
•ПЕРЕГРИН I 1390 =Бриллиана 1395
•Фарамир I 1430 =Златка, дочь Сэмиуса
Эсмеральда 1336 =Сарадок Брендискок
[МЕРИАДОК]

Иземболд 1242–1346
многочисленные потомки

Хилдифонс 1244 (ушел странствовать и не вернулся)

Изембард 1247–1346
Фламбард 1287–1389
Аделард 1328–1423
Реджинард 1369
3 дочери
Эверард 1380

Хилдибранд 1249–1334
Сигизмонд 1290–1391
Розамунда 1338 =Одовакар Пузикс
[Фредегар] 1380
Фердинанд 1340
Фердибранд 1383

Беладонна 1252–1334 =Бунго Сумникс
[БИЛЬБО]

Доннамира 1256–1348 =Хуго Умникс

Мирабель 1260–1360 =Горбадок Брендискок
[шестеро детей]
[Примула]
[ФРОДО]

Изенгар 1262–1360 (говорили, что в молодости он «уходил к морю»)

БРЕНДИСКОКИ ИЗ ЗАСКОЧЬЯ

Горендад Староскок из Марей начал строить Брендинорье и изменил фамилию на Брендискок

- Гормадок «Глубокоп» 1134–1236 =Мальва Неперечь
  - Мадок «Гордец» 1175–1277 =Ханна Золотко
    - Мармадок «Хозяин» 1217–1310 =Адельрида Пузикс
      - Горбадок «Кушак» 1260–1363 =Мирабель Тук
        - Роримак «Золотой Рори» 1302–1408
          - Сарадок «Мот» 1340–1432 =Эсмеральда Тук
            - МЕРИАДОК «Великолепный» 1382
          - Меримак 1342–1430
            - Берилак 1380
        - Амарант 1304–1398
        - Сарадас 1308–1407
          - Середик 1348 =Хильда Помочь-Лямкинс
            - Додерик 1389
            - Илберик 1391
            - Келандин 1394
        - Додинас
        - Асфодель 1313–1412 =Руфус Кротт
          - Мил Кротт 1347 =Пеона Сумникс
        - Динодас
        - Примула 1320–1380 =Дрого Сумникс
          - ФРОДО Сумникс
      - две дочери
      - Оргулас 1268
        - Горбулас 1308
          - Мармадас 1343
            - Меримас 1381
            - Мята 1383
            - Мелисса 1385
  - Садок 1179
    - два сына
      - многочисленные потомки
    - Бальзамина 1226 =Гундабальд Пузикс
  - Мэррок
    - многочисленные потомки

=Хильда Помочь-Лямкинс

Берилак 1380

Долерик 1389 · Илберик 1391 · Келандин 1394

1347 =Пеона Сумникс

Сумникс

ФРОДО Сумникс

Меримас 1381 · Мята 1383 · Мелисса 1385

ФАМИЛЬНОЕ ДРЕВО СЭМИУСА

Хобсон Гэмджи (Веревочник) 1285–1384

Эндиус Веревочник 1323 · ХЭМФРАСТ Гэмджи, садовник в Хоббитоне (Старичина Хэм) 1326–1428 =Звонна · Мэй 1328 · Халфред из Перегорок 1322

Холман Недоселок (Длинный Хом) из Уводья 1302

Том Недоселок 1341–1440 =Лилия · Уилл 1346

Энсон 1361

Хэмсон (веревочник) 1365 · Халфред (Хэл) из Северной Чети 1369 · Астра 1372 · Мэй 1376 · СЭМИУС (Садовник Сэм) 1380 =Рози 1384 · Лютик 1383 = Том 1380

Хэлфаст 1372

Джолли 1384 · Ник 1386 · Нибс 1389

ЭЛАНОР Прекрасная 1421 =Фастред из Травхольма · ФРОДО Садовник 1423 · Рози 1425 · Мерри 1427 · Пиппин 1429 · ЗЛАТКА 1431 =Фарамир сын Тана Перегрина · Хэмфаст 1432 · Астра 1433 · Примула 1435 · Бильбо 1436 · Рубиния 1438 · Робин 1440 · Том 1442

Холфаст Садовник 1462

Хардинг с Сумкиной Горки 1501

Они переселились в Западный Кром, земли, подаренные Королем Элессаром, между Дальними и Башенными Холмами. С них начался род Очарованов, Дозорных Западного Крома, хранивших Алую Книгу и снявших с нее несколько копий с позднейшими замечаниями и добавлениями.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

НАРОДЫ И ЯЗЫКИ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ

Язык, на котором написаны Летописи – *Вестрон,* или Всеобщий язык Западных Земель Среднеземья в Третью Эпоху. На протяжении этой эпохи он стал «родным» языком всех народов (кроме эльфов), живших в пределах древних королевств Арнор и Гондор: вдоль всего побережья от Умбара до покрытого льдом Форохельского Залива, а на суше – до Мглистых и Хмурых Гор. Он был распространен также на севере, вверх по течению Андуина, на нем говорили западнее Реки и восточнее Гор до самой Оболони.

Во времена Войны Кольца он по-прежнему существовал в качестве основного.

Небольшая часть Дикого Народа все еще жила в лесу Друадан в Анориене, а в холмах Дунгара селились остатки коренного населения Гондора. Там говорили на своих языках, как и в Рохане, куда всего пятьсот лет назад пришли с севера рохирримы. Но и для тех, кто сохранял исконный язык, Вестрон был обязательным вторым языком. Так было и у эльфов, так было и по всем долинам Андуина, и на востоке до дальних опушек Сумеречья. Даже среди Дикого Народа и дунгар, избегавших контактов с другими племенами, обязательно были владевшие Вестроном, хотя, может быть, говорили они на нем не очень чисто.

ОБ ЭЛЬФАХ

Давным-давно, в Преданачальную Эпоху, Эльфы разделились на две основные ветви: Западных (Эльдаров) и Восточных Эльфов. К последним относится большая часть народов Сумеречья и Лориена. Их язык не звучит в этой повести, все имена и слова здесь – эльдарские. В Лориене того времени говорили на «сумеречном наречии», хотя и с акцентом, поскольку большинство тамошних эльфов были лесными (этот акцент и вообще малое знакомство с «сумеречным наречием» ввели Фродо в заблуждение, как указывает гондорский автор комментариев к Тановой Книге). Большинство эльфийских слов, цитируемых в Летописи I – синдарские, как и большинство имен и географических названий. Но «Лориен» и «Нимродель», возможно, имеют в основе своей слова лесных эльфов, приближенные к синдарскому наречию.

Из эльдарских языков в этой книге представлены два: Древнее Наречие, или *Квэниа*, и Сумеречное, или *Синдарин*. Древнее Наречие – это древний язык Эльдамара, первый из языков, имевших письменность. Это – мертвый язык, своего рода «эльфийская латынь». Высокие Эльфы, вернувшиеся в Среднеземье в конце Первой Эпохи, пользовались им для разного рода церемоний, Книг Знаний и песен.

Сумеречное Наречие изначально родственно Квэниа, ибо это язык Эльдаров, которые не покидали Среднеземья, а во времена Великого Похода остановились в Белерианде. Правил ими Тингол Сребромант из Дориата, и под долгими сумерками язык их медленно менялся, как менялись очертания земель смертных, пока, наконец, Синдарин совершенно перестал походить на язык Заморских Эльдаров.

Те, кто вернулся в Среднеземье, жили среди более многочисленного народа Сумеречных Эльфов и постепенно приняли Синдарин для повседневного общения, так он стал языком всех эльфов и их Владык, упомянутых в этих Летописях. Ибо все Владыки – Эльдары. Самой благородной из них была Галадриэль из Дома Финарфина, сестра Финрода Фелагунда, короля Нарготронда.

В сердце Изгнанников, когда-то покинувших Среднеземье ради Неувядающих Земель, а затем вернувшихся, зов Моря

звучал непрестанно; в сердцах Сумеречных Эльфов он дремал, но если однажды просыпался – утолить его было невозможно.

О ЛЮДЯХ

Вестрон был человеческим языком, дополнéнным и смягченным влиянием эльфов. В основе его был язык Аданов, пришедших на Запад, в Белерианд, в Первую Эпоху и помогавших Эльдарам в Бойне Сильмариллов против Черной Силы Севера.

Черную Силу удалось победить, но Белерианд был разрушен и частично затонул. Тогда Друзьям Эльфов, как и Эльдарам, дана была возможность уйти за Море. Но Неувядающие Земли были для них закрыты, и поэтому западнее всех обитаемых земель из пучины Моря был поднят остров Нуменор. Большинство Друзей Эльфов поселилось там. Со временем они стали великими и могучими, прославленными моряками, владевшими огромным флотом. Высокие ростом и прекрасные ликом, они жили втрое дольше, чем люди Средиземья. Таковы были Нуменорцы, Короли Людей, которых эльфы звали дунаданами. Из всех народов Средиземья они одни знали язык эльфов и говорили на нем. Еще их праотцы изучили Сумеречное Наречие и передали эти знания своим детям, к тому же этот язык почти не менялся. Мудрые знали еще и Древнее Наречие, Квэниа, и предпочитали его всем остальным, но пользовались им только по особым случаям. Так, например, название «Нуменор» заимствовано из Квэниа, как и имена «Элендил», «Исилдур» и «Анарион», а также все имена гондорских Королей. «Элессар» на Квэниа означает Эльфийский Камень. Имена «Арагорн», «Денетор», «Гилраэнь» звучат на Сумеречном Наречии. Многие взяты из сказаний и песен Первой Эпохи («Берен», «Хурин»). Есть и смешанные – например, «Боромир».

Родным языком нуменорцев оставался язык людей *Адунаик*. Спустя много лет к нему вернулись Короли и властители Нуменора, отказавшись от языка эльфов. Только немногие Верные продолжали говорить на эльфийском. В годы могущества Нуменора было сооружено множество крепостей и укрепленных гаваней на побережье Средиземья. Крупнейшей из них был Пеларгир возле устья Андуина. Там говорили на

Адунаике; потом, смешавшись с языками младших народов, он и стал Всеобщим языком.

После падения Нуменора Элендил привел немногих уцелевших Друзей Эльфов на северо-запад Средиземья. Там уже жили люди, в чьих жилах текла нуменорская кровь, но мало кто из них помнил эльфийское наречие. С самого начала дунаданов было намного меньше, чем младших людей, среди которых они жили и которыми правили, владея долгой жизнью, огромной властью и великой мудростью. Поэтому они и пользовались Всеобщим языком, усовершенствовав его и пополнив словами и понятиями из эльфийского.

Во дни Князей Нуменорцев этот облагороженный Вестрон был распространен даже среди их врагов, сами дунаданы пользовались им все чаще, и к Войне Кольца эльфийский помнили только немногие из народа Гондора. В основном, это были жители Минас Тирита и Дол Амрота. Но почти все имена и названия в Гондорском Княжестве были эльфийскими. Происхождение некоторых забылось, видно, они восходят еще ко времени выхода нуменорцев в Море. Это: Умбар и Эрех, Эленах и Ринглo; имя Форлонг того же происхождения.

Население северо-запада ведет начало от Аданов Первой Эпохи, поэтому язык его близок Адунаику и Всеобщему языку. Это народы, населявшие верховья Андуина: Бьорнинги и Лесной народ западного Сумеречья, а дальше к северу и востоку – люди Долгого Озера и Эсгарота.

Рохирримы имели свой язык, называли себя «Йорлинги» или «Всадники», но свободно владели Всеобщим языком и говорили на нем чисто, как жители Гондора.

Совершенно иным был язык Дикого Народа из леса Друадан. Таков же был и язык дунгар. Все это – остатки народов, живших в незапамятные времена в долинах Белых Гор. Мертвые из Дунхарга тоже из их рода. Но в Темные Годы в южные долины Мглистого Хребта пришли другие народы, а жившие там прежде откочевали на север, к самым Упокоищам. От них пошли брыльчане. Но уже давно они стали подданными Северного Княжества Арнор и переняли Всеобщий язык. Только в Дунгарском Краю народ держался прежних обычаев и языка. Скрытный это был люд, дунаданов они не жаловали,

а рохирримов просто ненавидели. Их язык в этой Книге не встречается.

Дунгарами звали их рохирримы. Роханское «дун» не связано с синдарским «дун» – «запад».

О ХОББИТАХ

Хоббиты в Шире, да и в Бриле тоже, ко времени событий, описанных здесь, пользовались Всеобщим языком уже больше тысячи лет. Говорили они на нем по-своему, вольно и беззаботно, но самые ученые из них могли при случае блеснуть и правильными оборотами.

Об их собственном языке ничего не известно. Всегда, даже в самые давние времена они пользовались языком Людей, рядом с которыми жили. Поэтому, после прихода в Эриадор, они быстро переняли Всеобщий язык, а родное наречие стало забываться. Наверное, на нем когда-то говорили в верховьях Андуина, отдаленно тот язык напоминал роханский. Только южные Хваты перед приходом в Шир говорили на языке, похожем на язык дунгар.

Во времена Фродо об этом еще сохранялась кое-какая память, в основном, в именах и названиях: многие из них напоминают названия Эсгарота или Рохана. Очень похожи названия дней, недель и месяцев. Некоторые слова – «смеал», «маттом» – еще сохранились в разговорной речи, а большая часть осталась в Ширских и Брыльских названиях. Большинство личных имен у хоббитов были свои, собственные, и некоторые – весьма древнего происхождения.

Хоббитами обычно называли они себя сами. Люди звали их полуросликами, а эльфы – перианами. Происхождение слова «хоббит» было почти забыто. Есть предположение, что вначале так называли Мохноногов Лесовики и Хваты, и было это сокращением роханского «холбитла» – «строитель нор».

ЭНТЫ

В Третью Эпоху самым древним народом были, без сомнения, Онодримы. На роханском это звучит как энты. Эльдары познакомились с ними в древнейшие времена. Энты утверждают, что именно Эльдары пробудили в них желание

говорить. Язык их сильно отличается от всех прочих: медленный, звучный, с многочисленными повторами, он основан на сложных и разнообразных оттенках произношения гласных и таких различиях тона, которые даже мудрецы Эльдаров не пытались изложить письменно. Своим языком энты пользовались только между собой, но скрывать его не было никакой необходимости, все равно выучить бы его никто не смог. Однако сами энты учили другие языки быстро и никогда не забывали. Предпочтение они отдавали языкам Эльдаров, а больше всего любили Древнее Наречие. Странные слова и имена, которыми, как отмечают хоббиты, пользовался Фангорн и другие энты, имеют эльфийские корни. В некоторых можно уловить отголоски Квэниа. Например, «Таурелиломеа, тумбалеморна, тумбалетауреа Ломеанор» можно перевести как «Лесназатененнаяглубокаячернаядолина Глубокодолиннолесистая Мрачнаяземля», при этом Фангорн имел в виду примерно следующее: «В глубоких долинах леса лежит черная тень». Некоторые их имена – слова Синдарина, например, Фангорн – «Борода Дерева».

ОРКИ И НАРЕЧИЕ ТЬМЫ

Орками называют эти мерзкие создания другие народы. На Синдарине это звучит как «орх» (мн. «ирч»). Родственным, без сомнения, является слово «урук» из Наречия Тьмы, так назывались огромные орки-солдаты, что выходили в те дни из Мордора и Изенгарда. Тех, кто поменьше, урук-хайи звали «снага» – раб.

Орки были созданы Черной Силой Севера в Предначальную Эпоху. Говорят, своего языка у них не было, они брали, что могли, из других языков и переиначивали по-своему, но получались грубые жаргоны, пригодные только для проклятий и ссор. Эти твари, злобные и ненавидевшие даже друг друга, быстро породили множество диалектов, и вскоре разные орды едва понимали язык соседей.

Видимо, поэтому в Третью Эпоху орки тоже пользовались Вестроном, а в Мглистых Горах он вообще стал родным языком, хотя звучал ужасно. Их слово «тарк» – «человек из Гондора» – это искаженное «таркил», слово, заимствованное из Квэниа, обозначающее на Вестроне потомков нуменорцев.

Говорят, что Наречие Тьмы было создано Сауроном в Черные Годы. Он хотел, чтобы на нем говорили все его прислужники, но потерпел здесь неудачу. Многие слова из Темного наречия прижились среди орков. Например, «гхаш» – огонь. После первого падения Саурона язык этот быстро забыли все, кроме назгулов. После того, как сила Саурона вновь окрепла, на Темном наречии стали говорить в Барад Дуре и Мордоре. Надпись на Кольце была сделана на Темном наречии.

ТРОЛЛИ

Слово «тролль» использовалось, чтобы перевести эльфийское «торог». В сумерках Предначальной Эпохи это были мрачные, неуклюжие и тупые создания, язык которых не отличался от языка животных. Но Саурон использовал и их, обучив той малости, которую они способны были понять, и с помощью чар развив их способность мыслить. Поэтому тролли перенял язык от орков, а в западных землях Каменные Тролли говорили на сильно упрощенном Всеобщем языке.

Но в конце Третьей Эпохи в южном Сумеречье и на границах Мордора появились тролли, не виданные ранее. На Темном наречии они назывались олог-хайи. Никто не сомневался, что это создание Саурона, но что послужило материалом – неизвестно. Кое-кто считал их просто гигантскими орками, но по внешности и разуму олог-хайи отличались даже от самых крупных орков. Они были троллями, словно целиком состоявшими из злобной воли их господина: жуткое племя, сильное, проворное, лютое, – и тверже камня. В отличие от древнего племени, они могли спокойно выносить солнце, покуда жива была воля, их направлявшая. Говорили они мало и только на Темном наречии, употреблявшемся в Барад Дуре.

ГНОМЫ

Это – народ особенный. Об их странном рождении, сходстве и несходстве с Людьми и Эльфами повествует «Сильмариллион», эльфы Средиземья ничего не знали об этом, а предания Людей перемешаны с воспоминаниями других народов.

Гномы – крепкий, выносливый, большей частью скрытный народ, очень трудолюбивый, долго хранящий память об обидах (но и о дружбе тоже). Они больше любили материал, который можно обрабатывать, чем живое. Зла в их природе не было, и что бы там ни говорили, а прислужников Врага среди них можно пересчитать по пальцам. Да и то: говорят-то об этом Люди, которые всегда зарились на сокровища гномов, так что особой дружбы между этими народами никогда не было. Исключение составляет небольшой период Третьей Эпохи, когда гномы много передвигались по Средиземью, торговали и учились тому, что видели. Тогда они переняли и язык народа, с которым общались. Но втайне пользовались своим, довольно странным языком, очень мало изменившимся с годами. Он не очень годился для общения, и употреблялся как язык Знания. Гномы свято хранили его, как сокровище, оставшееся от прошлого. Из других народов им владели считанные единицы. В этой летописи он появляется только в тех географических названиях, которые Гимли открыл своим друзьям, да еще в боевом кличе при осаде Хорне. Уж этот-то клич не был тайным, потому что звучал на полях многих сражений со времен юности мира: «Барук Казад! Казад аи-мену!» – «Топоры Гномов! Гномы (идут) на вас!»

Собственное имя Гимли и имена его сородичей взяты из языка людей. Своих тайных, «внутренних» имен гномы не открывают никому. Даже на могильных камнях вы их не найдете.

ПИСЬМЕНА

В Третью Эпоху в Средиземье для письма пользовались знаками только эльфийского происхождения. Уже в то время их следовало относить к глубокой древности. Знаки Эльдаров давно достигли стадии полных алфавитов, но еще встречались архаичные варианты, в которых полностью прописывались только согласные.

Известны два вида алфавитов: *Тенгвар* (собственно «письмена») и *Кертар* («руны»). Тенгвар применялся для писания кистью или стилом, а Кертар наиболее подходил для высеченных надписей. Знаки Тенгвара более древние, их ввели обращение Нолдоры задолго до изгнания. Принятая тогда

форма письмен Румила в Средиземье неизвестна. Знаки, введенные Феанором, имеют румильскую основу. Они принесены в Средиземье изгнанниками-Нолдорами и позаимствованы Аданами и Нуменорцами. В Третью Эпоху ими пользовались уже все, говорящие на Всеобщем языке. Кертар – изобретение Синдаров Белерианда, очень удобное для кратких текстов на камне или дереве. Угловатая форма придает знакам Кертара чисто внешнее сходство с современными рунами, но организация алфавита совершенно иная. На востоке простейшая и старейшая форма Кертара имела широкое распространение еще во Вторую Эпоху. Тогда же им начали пользоваться Люди, Гномы и даже орки. Каждый народ приспосабливал знаки Кертара к своим нуждам и привычкам, соответственно меняя их форму. Одна из таких форм долго сохранялась в письменности народа Эсгарота.

В Белерианде, соприкоснувшись с Тенгваром в конце Первой Эпохи, Кертар получил новое развитие. Самая богатая возможностями и стройно организованная разновидность Кертара получила название *Алфавита Даэрона* по имени создателя. Даэроном звался менестрель Короля Тингола из Дориата. Эльдары Белерианда редко прибегали к этому Алфавиту, а вот в Эрегионе только «Даэроном» и пользовались, а уж оттуда он перешел к морийским гномам, быстро вытеснив все остальные формы. Спустя многие годы гномы называли «Даэрон» – *Ангертас Мориа* («Длинные рунные строки Мории»). Для записи обыденной речи гномы продолжали пользоваться Тенгваром, многие искусно писали на «Феаноре», но родной язык (тщательно оберегаемый от посторонних) перевели только на Кертар, развив рукописные начертания для этого алфавита.

ПИСЬМЕНА ФЕАНОРА

Приводимая таблица 1 содержит все символы, принятые в Западных Землях в Третьей Эпохе. Это их «формализованно-книжный» вид. Но это не алфавит в строгом смысле, то есть не бессистемные ряды знаков, каждый из которых имеет собственное независимое значение, расположенные в общепринятом порядке, не связанном ни с начертанием, ни со звуками, соответствующими знакам. Перед нами система со-

Таблица 1. Тенгвар

	I	II	III	IV
1	1	2	3	4
2	5	6	7	8
3	9	10	11	12
4	13	14	15	16
5	17	18	19	20
6	21	22	23	24
	25	26	27	28
	29	30	31	32
	33	34	35	36

гласных, приспособленная для передачи согласных звуков эльдарских языков; при этом знаки изначально не имели фиксированного значения и лишь постепенно между ними устанавливалась взаимосвязь.

24 исходных знака сведены в четыре серии («темара»), состоящих каждая из шести уровней («тиэллер»), и дополнены вспомогательными знаками (25-36). Из вспомогательных 27-й и 29-й знаки были независимыми, а остальные – модификациями. Кроме того, существовали специальные знаки (в таблицу они не вошли) для передачи гласных или часто встречающихся сочетаний согласных. Исходные знаки содержат обязательные элементы: «телко» (палочка или штрих) и «луви» (дуга). Палочка могла быть поднята, как например, в 9-16, или укорочена (17-24), а дуга открыта (серии I и III), или закрыта (II, IV). Дуги могли удваиваться (5-8). Серия I предназначалась для зубных согласных, а серия II – для губных. Сериями III и IV достигалась вариативность представления различных языков.

В языках, подобных Вестрону, часто встречающиеся согласные «х», «ж», «ш» передавались в III серии, а IV использовалась в качестве обыкновенной «к»-серии. Уровень I предназначался для безголосных взрывных согласных: «т», «п», «к» и т.п. Добавление дуги означало «добавление голоса». Так, если 1-4 = «т», «п», «ш», «к», то 5-8 = «д», «б», «ж», «г». Поднятая палочка означала придыхание, и тогда, например, в 3-м уровне 9-12 следовало произносить как «т» с придыханием, «ф», «щ», «х», а 4-й уровень, 13-16 = «д» с придыханием, «в», «ч» и «г» с придыханием. Палочка могла быть развита и вверх, и вниз, что обогащало 3-й и 4-й уровни вариантами произношений.

5-й уровень использовался для носовых звуков. 17 и 18 соответствовали «н» и «м», тогда 6-й уровень представлял безголосые носовые, но так как в языках они редки, то этот уровень (21-24) применялся для передачи «полуголосовых» согласных, обозначавшихся упрощенными первичными знаками (21 соответствовало слабому безголосому «р», 22 – «в» (в англ. языке – «дубль в»), 23 – «й»). Со временем 6-й уровень утратил значение для эльдарских языков, и 21-24 стали обозначать гласные.

в Квэниа значения букв были иными из-за иной частотности устойчивых звуковых сочетаний («нд», «мб», «нг» и т.п.), обозначавшихся одним символом.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМЕНА

Традиционное значение 27 – «л», 25 (модификация 21) – полное звучащее «р», 26 и 28 – безголосые «р» и «л». 29 – «с», а 31 – «з» в тех языках, где этот звук встречается. 30 и 32 – варианты 29 и 31. 35 мог использоваться для передачи «й», а 36 – безголосого «в».

Гласные записывались над согласными. В Квэниа, где множество окончаний – гласные, знак располагался над предыдущей согласной, в синдарском языке – над последующей, а иногда – над ближайшим коротким штрихом. Надо отметить, что отличия написаний для разных языков были весьма значительны. Например, для передачи «а» могли применяться три точки, но в Квэниа, где этот звук – один из самых частых, он вообще опускался. Так слово «калма» (лампа) могло быть записано как «клм». Одна точка и апостроф использовались соответственно для «и» и «е» (бывало и наоборот), для «о» и «у» применялись завитки, открытые вправо или влево, причем последнее имело немалое значение. Так в надписи на Кольце завиток, открытый вправо, обозначает «у», а в титульных надписях – «о». Разница определялась частотностью знака в языке. Для часто встречавшихся применяли правооткрытый завиток. Две точки заменяли следующий звук «й».

Надпись на Западных Воротах Мории сделана «полным написанием», где гласные представлены своими знаками. Все они имеются в таблице. Так в синдарском 30 = «и». Дифтонги либо писались полностью, либо над соответствующей гласной ставился знак («техта») последующей гласной.

Знаки имели имена. В Квэниа использовались полные имена, то есть слова, содержащие обозначаемый звук по возможности первым в слоге (или сразу после гласной).

Самые распространенные названия букв в Квэниа, это «н» (17), «х» (33), «р» (25), «ф» (10): «нумен», «хьармен», «ромен» и «формен» – запад, юг, восток и север (для сравнения, в синдарском: «дун» или «аннун», «харад», «рун» или «амрун», «фород»). Этими буквами обозначали направления З, Ю, В,

С даже в языках, использующих для названий сторон света другие слова. В западных землях принят был порядок отсчета, при котором лицо говорящего обращено на запад. Тогда «хьармен» и «формен» просто означает «лево» и «право» (в отличие от большинства человеческих языков).

КЕРТАР

Кертар Даэрон был задуман для передачи звуков синдарской речи. Знаки древнейшего Кертара представлены в следующей таблице 2 под номерами 1, 2, 5, 6, 8, 9, 12, 18, 19, 22, 29, 31, 35, 36, 39, 42, 46, 50. 13-15 – нефиксированные знаки. Система расположения отсутствует. 39, 42, 46, 50 – гласные, оставшиеся при [illegible] развитии неизменными. 13 и 15 – это «х» или «с», так же [illegible] 16. Эта неопределенность просуществовала долго. В знаках, содержащих в качестве элементов «палку» и «ветку», [illegible] обычно присоединялась к «палке» справа. Другое [illegible] встречалось редко и не имело фонетического смысла.

[illegible] и упорядочил древний Кертар. Серии [illegible] видимо, принадлежат Нолдорам Эрегиона, поскольку [illegible] звуки, отсутствующие в синдарском.

В [illegible] «Даэроне» можно выделить следующие признаки ([illegible], подсказанные системой Феанора):

– [illegible] «ветка» означает усиление звука;

– перевернутый знак требует придыхания;

– «ветка» справа и слева усиливает звук и делает его носовым. *

Морийские гномы произвели в «Даэроне» существенные изменения. Надпись на могиле Балина сделана уже на Ангертас Мориа. Изменились значения: 12 – «р», 17 – «з», 22 – «н», 29 – «ч», 33 – «нд», 40 – «и», 53 – «н», 58 – «ц».

У гномов Эребора была своя транслитерация. Она встречается, например, в Книге Мазарбул, но здесь не приводится.

* Примерное звучание букв «Даэрона» на русском языке: 1 — «п», 2 — «б», 3 — «ф», 4 — «в», 6 — «м», 8 — «т», 9 — «д», 12 — «н», 13 — «щ», 14 — «ч», 15 — «ш», 1 39 — «и» или «й», 38 — сочетание «нд»; гласные: 42 — «у», 45 — «ю», 46 — «е», 47 — «э», 48 — «а», 50 — «о», 52 — «ё». 43, 49 и 51 — долгие «у», «а» и «о». — *Прим. перев.*

сторон света
рядок отсчета,
запад. Тогда
и «право» (в

в синдарской
в следующей
9, 22, 29, 31,
ки. Система
оставшиеся
5 – это «х»
уществовала
ов «палку»
ке» справа.
ело фоне-

ар. Серии
гиона, по-
ндарском.
ледующие
ра):
ука;

лает его

ственные
Ангертас
2 – «н»,

а встре-
одится.

1 – «п»,
– «щ»,
гласные:
– «ё».

Таблица 2. Ангертас

1	16	31	46
2	17	32	47
3	18	33	48
4	19	34	49
5	20	35	50
6	21	36	51
7	22	37	52
8	23	38	53
9	24	39	54
10	25	40	55
11	26	41	56
12	27	42	57
13	28	43	58
14	29	44	
15	30	45	&c

О ПЕРЕВОДЕ

Для того, чтобы познакомить читателя с Алой Книгой, пришлось, естественно, переводить ее на современный язык. Но большинство имен действующих лиц и географических названий, имевших более древнее происхождение, чем Всеобщий язык, остались неизменными.

Основной язык повествования – Всеобщий язык Среднеземья – переведен на современный английский. При этом не удалось сохранить своеобразие текстов на Вестроне. Попытка компенсировать эти потери разностильным английским едва ли удачна, так как в изначальном тексте расхождения в произношении, а также идиоматические выражения, свойственные Ширу, эльфийским землям или гондорским владениям весьма значительно отличаются. Так, например, хоббиты пользуются, в основном, упрощенным диалектом, в то время как в Гондоре или в Рохане отношение к древнему языку более строгое, а сам язык – суше.

Одно из отличий языка оригинала от английского перевода следует отметить особо. Во Всеобщем языке существует разница между фамильярной формой общения и уважительной в местоимениях второго (а зачастую, и третьего) лица. Но в Ширском диалекте уважительная форма обращения – всего лишь трансформированная повседневная речь. Это особенно заметно в разговорах фермеров Западной Чети, когда они хотят выразить приязнь и дружеское расположение. Для гондорцев это звучит по меньшей мере странно. Например, в первые дни пребывания в Минас Тирите Перегрин Тук пользовался принятой в Шире «фамильярной» манерой обращения ко всем без исключения, в том числе – и к Правителю Денетору. Правителя это, пожалуй, забавляло, а вот слуг удивляло, и весьма. Видимо, именно естественная фамильярность хоббитов заставила гондорцев относиться к Перегрину, как к знатному вельможе.

Надо сказать, что речь и хоббитов, и таких персонажей, как Арагорн или Гэндальф меняется по ходу повествования. Это не случайно. Наиболее смышленые и грамотные из хоббитов владели «книжным» языком, как называли его в Шире, и легко усваивали манеру речи, принятую в той или иной стране. И, конечно, это было естественно для опытных

путешественников, таких, например, как Арагорн, которому почти постоянно приходилось скрывать свои цели и помыслы. С другой стороны, во дни Войны Кольца все без исключения враги одного Врага весьма уважительно относились к великому прошлому Средиземья; это не могло не влиять на язык общения.

Эльдары, весьма искусные в риторике, владели всевозможными стилевыми формами, но предпочитали диалект Вестрона еще более древний, нежели распространенный в Гондоре. Гномы, тоже мастера поговорить, легко усваивали манеру собеседника, но велеречивости их несколько вредила гортанность произношения. Орки и тролли изъяснялись как придется, к словесным формам никакого интереса не испытывали, поэтому язык этих злыдней на самом деле грубее, чем представленный в английском варианте. Едва ли у кого-нибудь появится желание познакомиться с ним поближе. Впрочем, иногда он звучит и в английской речи, оставаясь универсальным языком для людей с орочьими понятиями: бесцветный и нудный, изобилующий злобными интонациями, пересыпанный ругательствами и оскорблениями, он слишком далеко ушел от идей Добра, чтобы сохранить хотя бы словесную значимость.

Итак, отмечены несоответствия. Обычно этим и ограничиваются, но я пошел дальше, переведя на английский многие имена и названия в соответствии с их смысловыми значениями. Да и сами названия на Вестроне имеют, как правило, более древние аналоги. Таковы Дольн, Седонна, Серебрень, Черная Крепость. Некоторые слова при переводе несколько изменили свое значение: например, Гора Рока вместо «Ородруин» (Огненная Гора), или Сумеречье вместо «Таур-э-Ндаэделос», что в буквальном переводе означает «Лес великого страха». Некоторые названия представляют собой искаженные эльфийские. Таков Брендидуин, образованный от Берендуина.

Возможно, такой подход не бесспорен, но, по моему мнению, и с точки зрения хоббитов (а именно ее я и старался придерживаться), сохранение оригинальных именований затемнило бы временные признаки, создало бы слишком резкий контраст между повсеместно распространенным языком (таким же привычным и естественным, каким является для нас английский) и более древними, хотя и всячески уважаемыми

языковыми формами. В этом случае все просто транскрибированные названия мало что смогли бы сказать современному читателю. В самом деле, нельзя же ставить рядом эльфийское название «Имладрис» и его перевод на Вестрон – «Карнингул». А называть Дольн Имладрисом – все равно, что называть современный Винчестер Камелотом (хотя в Дольне в Третью Эпоху все еще жил Владыка, куда более славный и древний, чем Артур, живи он до сих пор в Винчестере).

Эти соображения и привели к «англизации» Шира. Сделать это было нетрудно, потому что в большинстве хоббитские названия представляют сложносоставные слова, разлагаемые на простые элементы, которым легко подыскать аналоги в английском: там то и дело попадаются то «горка», то «поле», в крайнем случае, приходилось использовать сравнительно свежие архаизмы, например, «Росстань» вместо простого «Перекрестка». Если название относится к древним хоббитским словам, полностью вышедшим из обращения, то и в английском* приходилось отыскивать такие же. Так появляется «Кром» вместо «Окраины», или «Дрягва», обозначающая всего лишь топкое место.

Хоббитские фамилии происходят, скорее всего, от родовых прозвищ, часто с насмешливым оттенком, или от названий мест обитания, а в Брыле в них слышатся названия трав и деревьев. В этих случаях перевод нетруден, но несколько фамилий (Тук, Мэггот) остались непереведенными, ибо их значение утрачено.

Так же поступал я и с хоббитскими именами. Девочек в Шире, как правило, называли цветочными именами, иногда использовали названия драгоценных камней. Имена мальчиков такой смысловой привязки не имеют, поэтому «Бильбо», «Бунго», «Поло», «Лотто» – ничего не означают. Многие имена звучат для нас вполне привычно: Отто, Одо, Дрого, Дора, Кора и т.п. Их я оставлял как есть, лишь изредка меняя окончание (у хоббитов окончание на «а» обычно в мужских

* Здесь переводчики испытывают затруднение. Так как мы не приводим английских слов на английском языке, нужно было бы писать: «то и в русском приходилось...», что выглядело бы по меньшей мере глупо в устах автора, славянскими языками интересовавшегося, но книгу написавшего все же по-английски. – *Прим. перев.*

именах, на «о» и «е» – в женских, но это слишком непривычно для нас).

Некоторые старые роды, ведущие происхождение от Лесовиков (Туки, Пузиксы), тяготели к именам звучным; в них слышны давние легенды, как человеческие, так и хоббитские, а смысла не осталось. Но зато они похожи на имена Людей из долины Андуина, Эсгарота или Рохана. Их я заменял тоже старыми, но франкскими или готскими именами, которые мы знаем по старинным преданиям. Это дало возможность сохранить реально существовавший комический контраст между именем и фамилией, который сами хоббиты прекрасно понимали. «Классических имен» почти никогда не употребляли. Для хоббитов ближайшим эквивалентом нашей латыни или греческого был, конечно, эльфийский, «язык королей», как они его уважительно называли (но пользовались им редко).

Особняком стоят имена жителей Заскочья. Народ в Марях вообще особенный. Свои диковинные имена они сохранили как остатки в целом забытого диалекта южных Хватов. Их я не менял. Есть в них что-то кельтское... Во всяком случае, мне следы древнего наречия Хватов и брыльчан напоминают кельтские элементы в английском, что я и попытался отразить в переводе нескольких названий (Брыль, Чагрый Бор *). Но собственное имя, образованное таким способом, в Алой Книге одно. Это Мериадок. Его уменьшительное имя – Кали, на Вестроне оно означает «веселый, жизнерадостный», а полное его написание – Калимак.

В своем переложении я совершенно не пользовался древнееврейскими корнями. В отличие от наших, хоббитские имена не имеют с ними ничего общего. Сэм, Том, Мэт – сокращения от Томба, Толма, Матта и т.п., а Сэма и его отца Хэма звали на самом деле Бан и Ран – сокращенные формы от Баназир и Ранудаг – насмешливые древние прозвища, означающие «простачок» и «домосед». Слова эти ушли из разговорного языка, сохранившись только в качестве имен. Этот эффект я и пытался передать образованиями «Сэмиус» и «Хэмфаст».

* Брыль (пск. диал.) – холм, пригорок. Чагарник – лес на вершине горы. – *Прим. перев.*

Старания сделать понятными хоббитские имена и язык потянули за собой языковые проблемы Людей, говоривших на диалектах Вестрона. Чтобы отличить их друг от друга, я придал роханскому сходство со староанглийским. Основания для этого имелись. Роханский связан со Всеобщим (а еще более с древним языком северных хоббитов) и схож с архаичным Вестроном. Хоббиты различают в речи Всадников знакомые слова и чувствуют в роханском родственные корни. Поэтому было бы просто нелепо делать язык рохирримов ни на что не похожим.

Правда, здесь я, как и хоббиты, вынужден был допустить непоследовательность. Ведь хоббиты переводили только то, что понимали и знали – Снежница, Хельмова Падь, а например, незнакомый им «королевский сад» так и остался Эдорасом. По этому же принципу появились имена – Сполох, Червослов. Это вовсе не означает, что рохирримы и в остальном имеют культурные или военные связи с древней Англией, хотя кое-что общее заметить все-таки можно. Как и наши предки, рохирримы представляли простой, в чем-то даже примитивный народ в стадии контакта с более высокой культурой, да к тому же еще и занимали земли, некогда принадлежавшие старшему в культурном отношении народу.

Северные хоббитские диалекты я представлял, пытаясь угадать, как звучали бы в наши дни вышедшие из употребления древнеанглийские слова. «Смеал» (нора) образовано от «смигел», аналогичного хоббитскому «тран» и роханскому «трахан». Таким образом, «Смеагорл» и «Деагорл» – эквиваленты для «Трахальд» (роющий, закапывающийся) и «Нахальд» (секретный, тайный) из северного диалекта.

Еще более северные языки представлены в книге только в именах Гномов. В качестве «внешних», гномов вполне устраивали людские имена самого северного в Средиземье диалекта.

Сейчас-то гномы вызывают у нас улыбку, а в Третьей Эпохе былая сила и могущество еще не совсем оставили потомков Наугримов Древнейших Дней. В их сердцах еще пылало древнее пламя Аулэ-Кузнеца, * и тлели угли давней

* Квэнта Сильмариллион, глава 2. Здесь описана история «неправильного» создания Гномов Валаром Аулэ. Илуватар вдохнул в них живую душу. – *Прим. перев.*

вражды к эльфам, а руки творили из камня и поныне непревзойденные чудеса.

Сами гномы называют себя «Казад» – так назвал свои творения Аулэ на заре времен. Слово «Мория» – эльфийского происхождения и своим значением – Черная Бездна – характерно для эльфов, любящих зелень лета и свет небес, но не для гномов. На их собственном языке Мория звалась Казад Дум – Дворцы (народа) Казад.

Слово «эльфы» использовано мной для перевода совокупного обозначения двух народов – Квэнди («говорящие» – древнее название всего народа) и Эльдаров, отправившихся в Начале Дней в Неувядающие Земли. «Квэнди» или «Эльфы» – только так и можно назвать народ, воспоминания о котором сохранились среди людей. Этих воспоминаний немного, зато достаточно других, вздорных, изображающих не то бабочек, не то быстрых стрижей, что, разумеется, никакого отношения к Квэнди не имеет. Крыльев у Квэнди никогда не было, им это так же несвойственно, как и Людям. Это был прекрасный высокий народ, древние Дети Мира, народ Великого Похода, народ Звезд, от которого ныне не осталось и следа. Они были сероглазы и темноволосы, только род Финрода отличался цветом волос чистого золота. Голоса эльфов были мелодичней, чем у любого смертного. Велика была их доблесть, но участь вернувшихся в Средиземье печальна. Судьба их давно переплелась с судьбами Отцов, но судьбой Людей не стала. Время их миновало, они живут ныне далеко за Кругами Мира и не вернутся больше никогда.

Литературно-художественное издание

Джон Рональд Руэл Толкин

ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ
Том III
Возвращение Короля

Перевод с английского
Наталии Григорьевой и Владимира Грушецкого

Руководитель проекта *Максим Крютченко*
Художник *Денис Гордеев*
Макет *Евгения Иткина и Михаила Любимова*
Редактор *Наталья Прохорова*

Директор издательства *Николай Буций*
Зав. редакцией переводов *Александр Кононов*
Художественный редактор *Вадим Пожидаев*
Техническое обеспечение *Сергей Недоводин*
Главный редактор *Вадим Назаров*

Сдано в набор 1.11.91. Подписано в печать 20.12.91. Формат 84x108/32.
Бумага газетная. Офсетная печать. Гарнитура Гарамонд. Усл. печ л 25,20.
Тираж 200.000 экз. Заказ 2512. Изд. №18. Цена 7 рублей.

Информационно-издательский комплекс «Северо-Запад»
Издательство «Северо-Запад»,
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 18.

Отпечатано с оригинал-макетов
в полиграфической фирме «Красный Пролетарий»
РГИИЦ «Республика»
103473, Москва И-473, ул. Краснопролетарская, 16

Дж. Р. Р. Толкин

Властелин Колец

Часть первая Братство Кольца
Часть вторая Две Крепости
Часть третья Возвращение Короля

СЕВЕРО–ЗАПАД

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190